

Анджей Сапковский Сезон Гроз

Ведьмак – 9

Аннотация

Друзья, представляем вашему вниманию фанатский перевод долгожданного нового произведения Анджея Сапковского «Сезон гроз». После перерыва, казавшегося вечностью, нас снова ждут приключения Геральта!

А. Сапковский Сезон Гроз

*От упырей, от призраков, от тварей долголапых,
И от существ, рыщущих в ночи
Избави нас, Боже!*

**Охранная молитва, известная как «Корнуоллская Литания»,
датированная XIV–XV вв.**

Говорят, что прогресс рассеивает мрак. Но всегда, всегда будет существовать тьма.

*И всегда во тьме будет Зло, всегда во тьме будут клыки и когти,
убийство и кровь.*

Всегда будут рыщущие в ночи.

И мы, ведьмаки, существуем, чтобы им противостоять.

Весемир из Каэр Морхена

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.

Фридрих Ницше, По ту сторону добра и зла

Заглядывание в бездну считаю идиотизмом. На свете есть множество вещей гораздо более достойных, чтобы их рассматривать.

Лютик, Полвека поэзии

Глава Первая

Он жил только для того, чтобы убивать.

Он лежал на нагретом солнцем песке.

Он ощущал колебания, передаваемые через усики и щетинки, прижатые к земле. Хотя источник колебаний был еще далеко, Идр чувствовал их ясно и точно, по ним он мог определить не только направление и скорость движения жертвы, но и ее вес.

Для большинства хищников, охотящихся подобным образом, вес добычи имел первостепенное значение — подкрадывание, нападение и погоня означали потерю энергии, которая должна быть восполнена энергетической ценностью пищи. Большинство подобных Идру хищников не нападали, если жертва была слишком мелкая. Но не Идр. Идр существовал не для того, чтобы есть и продолжать свой род. Не для этого он был создан.

Он жил для того, чтобы убивать.

Осторожно перемещая ноги, он вылез из ямы от выкорчеванного дерева, прополз по гнилому стволу, в три шага преодолел бурелом, как призрак, перепорхнув поляну, упал в поросший папоротником подлесок и растворился в зарослях. Он двигался быстро и тихо, то бегом, то прыжками, как огромный кузнечик.

Потом, в чаще, припал к земле сегментированным брюшком.

Колебания почвы становились все более отчетливыми. Импульсы от усиков и щетинок Идра сформировались в образ. В план. Идр уже знал, как добраться до жертвы, где пересечь ей дорогу, как заставить обратиться в бегство и потом длинным прыжком напасть на нее сзади, на какой высоте ударить острыми, как бритва, жвалами. Колебания и импульсы сулили ему радость, которую он почувствует, когда жертва закачается под его весом, эйфорию от вкуса горячей крови. Наслаждение, которое ощутит, когда воздух огласится криком боли. Он слегка дрожал, открывая и закрывая клешни и ногощупальца.

Колебания почвы, уже хорошо выраженные, стали разнообразнее. Идр уже понял, что жертв было больше. Возможно, три, может, четыре. Две сотрясали землю обычным образом, вибрации от третьей указывали на небольшую массу и вес. Четвертая — если, конечно, была эта самая четвертая — вызывает беспорядочные колебания, слабые и неопределенные. Идр замер, выпрямился и поднял антенны над травой, изучая движение воздуха.

Колебания почвы, наконец, дали понять то, чего Идр и ожидал. Жертвы разделились. Одна из них, самая мелкая, осталась сзади. А четвертая, неясная, исчезла. Это был ложный сигнал, эхо. Идр проигнорировал его.

Мелкая добыча еще больше отошла от других. Земля задрожала сильнее. И ближе. Идр выпрямил задние ноги, оттолкнулся и прыгнул.

*

Девочка пронзительно закричала. Вместо того чтобы бежать, она застыла на месте. И все время визжала.

*

Ведьмак бросился к ней, в прыжке выхватывая меч. И сразу понял, что что-то не так. Что его провели.

Мужчина, тянувший тележку с хворостом, вскрикнул и на глазах у Геральта подлетел на сажень вверх, а кровь хлынула из него широко, разбрызгиваясь в разные стороны. Он упал, чтобы тут же взлететь снова, на этот раз разорванным на две окровавленные части. Уже без крика. Теперь пронзительно закричала женщина: как и ее дочь, она застыла, парализованная страхом.

Сам не веря, что это ему удастся, ведьмак смог спасти ее. Подбежал и с силой толкнул забрызганную кровью женщину с тропинки в лес, в папоротники. И тут же понял, что это снова был подвох. Фортель. Серая, плоская, многоногая и невероятно быстрая фигура уже отдалялась от тележки и первой жертвы. Она перемещалась к следующей. К непрерывно пищущей девочке. Геральт бросился вслед.

Если бы она осталась на месте, он не успел бы вовремя. Девочка, однако, проявила ясность рассудка и отчаянно бросилась бежать. Серая тварь догнала бы ее легко и быстро, догнала бы, убила, и вернулась, чтобы прикончить вместе с ней и женщину.

Так бы все и было, если бы не ведьмак.

Он догнал тварь, прыгнул, наступая каблуком на одну из задних ног. Если бы тут же не отскочил, то потерял бы свою ногу — серая тварь вывернулась с невероятной ловкостью, и ее серповидные щипцы клацнули, на волос не дотянувшись. Пока ведьмак восстанавливал равновесие, монстр оттолкнулся от земли и напал. Геральт рефлекторно защитился широким и довольно хаотичным взмахом меча, отогнав монстра. Урона не нанес, но вернул себе инициативу.

Подскочил, догнал, размашистым ударом рассекая панцирь на плоской голове. Пока существо не пришло в себя, вторым ударом отсек левое жвало. Монстр бросился на него, размахивая лапами, пытаясь боднуть его оставшимся жвалом словно тур. Ведьмак отрубил ему и другое. В быстром повороте укоротил ему одно из ногощупалец. И снова рубанул в голову.

*

До Идра, наконец, дошло, что он в опасности. И необходимо бежать. Ему нужно бежать, бежать прочь, спрятаться где-нибудь, залечь в укрытие. Он жил для того, чтобы убивать. Чтобы убивать, он должен регенерировать. Надо бежать... Бежать...

*

Ведьмак не дал ему сбежать. Догнал, наступил на задний сегмент туловища, рубанул сверху, с размахом. На этот раз панцирь головы уступил, из трещины брызнула густая зеленоватая жижа. Монстр дергался, его ноги дико колотили землю.

Геральт ударил мечом, на этот раз полностью отделив плоскую голову от остальной части.

Он тяжело дышал.

Вдали ударил гром. Налетевший вихрь и быстро темнеющее небо предвещали надвигающуюся грозу.

* * *

Альберт Смутька, недавно назначенный староста местной общины, при первой встрече показался Геральту сделанным из клубней брюквы — что-то округлое, недомытое, толстокожее, в целом довольно скучное. Другими словами, он не очень отличался от других чиновников местного уровня, с которыми ему доводилось встречаться.

— Оказывается, правда, — сказал староста, — что коли есть проблема — найми

ведьмака.

— Йонас, мой предшественник, — продолжил он, не дождавшись от Геральта никакой реакции, — так уж тебя хвалил, а я его держал за лжеца. То есть я ему не очень верил. Я знаю, как подобные вещи могут байками обрастать. Особливо у темных людей, у них все или диво или чудо, или же какой-нибудь ведьмак с нечеловеческой силой. А тут на тебе — святая правда. Там, в бору, за речушкой, людей погибло не счесть. И все потому, что той дорогой к городишку путь короче, там и ходили, дураки... На свою погибель. Невзирая на предупреждения. Время нынче такое, что лучше не шляться по пустырям, не лазить по лесам. Везде монстры, везде людоеды. В Темерии, на Тукайском Погорье, страшное дело случилось, пятнадцать человек убил в деревне углежогов какой-то лесной призрак. Роговизна называется эта деревня. Слышал, наверно. Нет? Правду говорю, чтоб я сдох. Даже мастера чернокнижники вели расследование в этой Роговизне. Ну, чего уж тут болтать. Теперь у нас тут в Ансегисе безопасно. Благодаря тебе.

Он вытащил из ящичка шкатулку. Положил на стол лист бумаги, обмакнул перо в чернильницу.

— Обещал убить чудовище, — сказал он, не поднимая головы. — Выходит, не сбрежал. Слово держишь, хоть с виду и проходимец... Да и тем людям жизни спас... Бабе и девчонке. Они тебя поблагодарили хоть? Пали в ноги?

Не пали, стиснув зубы, подумал ведьмак. Потому что еще не пришли в себя. И я уйду отсюда до того, как они очухаются. Раньше, чем поймут, что я использовал их в качестве приманки в самодовольной уверенности, что смогу защитить всех троих. Уеду раньше, чем девочка поймет, что это по моей вине она стала наполовину сиротой.

Он плохо себя чувствовал. Наверняка, это было результатом принятых перед боем эликсиров. Наверняка.

— Тот монстр, — староста посыпал бумагу песком, а затем стряхнул его на пол, — настоящая пакость. Я видел труп, когда его принесли... Что это такое?

У Геральта не было полной уверенности, но он не собирался в этом признаваться:

— Арахноморф.

Альберт Смутька пошевелил губами, тщетно пытаясь повторить.

— Тьфу, как зовется, так и зовется, пес с ним. Этим мечом его зарубил? Этим клинком? Можно посмотреть?

— Нельзя.

— Ну да, заколдованное лезвие, наверно. И, поди, дорогое... Лакомый кусочек... Ну, мы тут ля-ля, а время бежит. Договор составлен, пора платить. Сначала формальности. Распишись на счете. Ну, то есть поставь крест или другой знак.

Ведьмак взял поданный ему счет, повернулся к свету.

— Гляньте-ка на него, — староста покачал головой, скривившись. — Читать, что ли, умеет?

Геральт положил бумагу на стол, подвинул в сторону чиновника.

— Небольшая ошибка, — тихо сказал он, — вкралась в документ. Мы договорились на пятьдесят крон. А счет выписан на восемьдесят.

Альберт Смутька сложил руки и оперся на них подбородком.

— Это не ошибка, — он понизил голос. — Это, скорее, знак признательности. Ты убил страшное чудовище, уверен, это была нелегкая работа... Сумма никого не удивит...

— Не понял.

— Брось. Не строй из себя невинность. Ты хочешь сказать, что Йонас, когда сидел здесь, не выставлял таких счетов? Голову готов дать на отсечение, что...

— Что? — перебил его Геральт. — Что он завышал плату? За счет королевской казны? А разницу мы с ним делили пополам?

— Пополам? — староста скривился. — Не перегибай, ведьмак, не перегибай! — Можно подумать, ты такая важная птица. С разницы получишь треть. Десять крон. Для тебя и так большой навар. Мне полагается больше, хотя бы по должности. Государственные служащие

должны быть богатыми. Чем богаче служащие, тем выше престиж государства. Что ты можешь в этом понимать. Устал я от этого разговора. Ты подпишешь счет или нет?

Дождь бил по крыше, лило как из ведра. Но больше не гремело, гроза уходила.

* * *

Интерлюдия

Два дня спустя.

— Милости просим, уважаемая, — властно кивнул Белогун, король Керака. — Милости просим. Слуги! Кресло!

Свод комнаты украшал орнамент с фреской, изображающей парусник посреди морских волн, тритонов, гиппокампов и существ, напоминающих омаров. Фреска же на одной из стен представляла собой карту мира. Карту, как давно уже заметила Коралл, имевшую мало общего с реальным расположением суши и морей. Но красивую и изящную.

Двое пажей принесли и поставили тяжелое резное кресло. Чародейка села, положив руки на подлокотники так, чтобы ее усыпанные рубинами браслеты были хорошо видны и привлекали внимание. На уложенных волосах также была рубиновая диадемка, а в глубоком декольте рубиновое кольцо. Все это специально для королевской аудиенции. Она хотела произвести впечатление. И производила. Король Белогун не знал, на что таращить глаза: то ли на рубины, то ли на декольте.

Белогун, сын Осмыка, был, можно сказать, королем в первом поколении. Его отец сколотил целое состояние на морской торговле, а также, вероятно кое-что и на морском разбое. Покончив с конкуренцией и монополизировав каботажную навигацию в регионе, Осмык провозгласил себя королем.

Самозванная коронация в целом лишь подтвердила *status quo*, потому не вызвала кривотолков и протестов.

Еще раньше, в ходе междоусобных войн и мелких столкновений, Осмык уладил пограничные и правовые конфликты с соседскими Верденом и Цидарисом.

Стало ясно, где начинаются и где заканчиваются границы Керака и кто ими владеет. А коль скоро владеет, то является королем и этого титула достоин.

Естественным путем титул и власть передавались от отца к сыну, поэтому никого не удивило, что после смерти Осмыка на трон взшел его сын Белогун. Правда, сыновей у Осмыка было больше — еще четверо, — но все они отреклись от прав на корону, один из них, видимо, даже добровольно.

Таким образом, Белогун правил в Кераке уже на протяжении более двадцати лет, в соответствии с семейной традицией получая прибыль от судостроения, морских перевозок, рыболовства и пиратства.

Нынче же, сидя на троне, на возвышении, в собольей шапке, со скипетром в руке, король Белогун давал аудиенцию. Величественный, как навозный жук на куче коровьего дерьма.

— Уважаемая, милая нашему сердцу госпожа Литта Нейд, — приветствовал король. — Наша любимая чародейка Литта Нейд. Вновь соизволила посетить Керак. И, вероятно, вновь надолго?

— Мне полезен морской воздух, — Коралл вызывающе закинула ногу на ногу, демонстрируя башмачок на модной пробковой подошве. — С благосклонного позволения вашего королевского величества.

Король повел взором по сидящим рядом сыновьям. Оба рослые, как жерди, ничем не напоминали отца, костлявого, жилистого, но не вышедшего ростом. Сами они также не походили на братьев. Старший, Эгмунд, черноволосый, как ворон, и Ксандер, немного моложе, блондин, почти альбинос.

Оба смотрели на Литту без симпатии. Их явно раздражала данная привилегия чародеев, по которой те расслаивались в креслах на королевских аудиенциях, как равные им. Однако данная привилегия была распространена повсеместно, и ее не могли игнорировать те, кто хотел походить на цивилизованных людей.

Сыновья Белогуна хотели походить на таковых.

— Благосклонно позволяем, — спокойно произнес Белогун. — Но с определенным условием.

Коралл подняла руку и демонстративно посмотрела на ногти. Давая понять, что Белогун, видимо, оговорился. Король не понял жеста. А если и понял, то умело скрыл сей факт.

— До наших ушей дошло, — сердито засопел он, — что бабам, которые не хотят иметь детей, почтенная госпожа Нейд предоставляет магические снадобья. А тем, кто уже беременны, помогает избавиться от плода. Мы же здесь, в Кераке, считаем подобную практику аморальной.

— То, на что каждая женщина имеет естественное право, — сухо ответила Коралл, — не может быть аморально *ipso facto*.

— Женщина, — король выпрямился на троне своей тощей фигурой, — имеет право ожидать от мужчины только двух подарков: к лету ребенка, а на зиму лапти из лыка. Как один, так и другой подарок предназначены для того, чтобы удержать женщину в доме. Ибо дом есть место самое подходящее для женщины, предписанное ей самой природой. Беременная женщина, да еще с привязанным к юбке потомством, не сможет отойти от дома, и не придут ей в голову всякие глупости, а это гарантирует душевный покой мужчины. Спокойный же душой мужчина может тяжело трудиться ради приумножения благосостояния и процветания своего правителя. Работающему неустанно в поте лица и спокойному за свою чету мужчине тоже не придут на ум глупые помыслы. А когда женщине кто-нибудь втолкует, что она может рожать, когда захочет, а когда не хочет, то и не должна, да еще вдобавок подскажет ей способ и подсунет для этого средство, тогда, уважаемая, общественный порядок начинает расшатываться.

— Так и есть, — вставил принц Ксандер, давно ждущий возможности вмешаться. — Именно так!

— Женщина, не желающая быть матерью, — тянул Белогун, — женщина, не привязанная к домашнему хозяйству, колыбели и детям, очень скоро поддастся похоти, факт очевидный и неизбежный. И тогда мужчина утратит внутренний покой и душевное равновесие, в его прежней гармонии что-то мгновенно заскрипит и завоняет, и вдруг окажется, что нет у него уже никакой гармонии, ни порядка. Особенно того порядка, который обеспечивает каждодневную упорную работу. А также и плоды этой работы, пожираемые мной. А от таких мыслей всего шаг до беспорядков. До бунтов и восстания. Понимаешь, Нейд? Тот, кто дает бабам средства для предотвращения беременности или ее прерывания, тот подрывает общественный порядок, провоцирует бунты и мятежи.

— Так и есть, — вновь воскликнул Ксандер. — Истинно так!

Литта ничего не имела против демонстрации авторитета и властности Белогуна, она прекрасно знала, что как чародейка она неприкосновенна, а единственное, на что способен король, это пустая болтовня. Однако она воздержалась от отдельного упоминания того факта, что в его королевстве уже давно все скрипит и смердит, что порядка в нем кот наплакал, а единственная гармония, известная его жителям, это музыкальный инструмент, разновидность аккордеона. И что приплетание к этому женщин, материнства и уклонения от него доказывает не только его женоненавистничество, но и кретинизм.

— В твоём длинном рассуждении, — вместо этого сказала она, — упорно повторяется тема умножения богатства и благосостояния. Я тебя прекрасно понимаю, поскольку мое собственное благосостояние мне также крайне дорого.

И ни за что на свете я не откажусь от того, что мне это благосостояние обеспечивает.

Я считаю, что женщина имеет право рожать, когда захочет и право не рожать, когда не

хочет этого, но я не собираюсь устраивать диспут на эту тему. В конце концов, каждый имеет право на собственные взгляды. Обращаю лишь внимание на то, что за оказываемую женщинам медицинскую помощь я получаю оплату. И это весьма существенный источник моих доходов. У нас в ходу свободная рыночная экономика, король. Так что не вмешивайся, пожалуйста, в источники моих доходов. Потому что мои доходы, как тебе хорошо известно, это также доходы Капитула и всего Братства.

А Братство очень скверно реагирует на попытки ущемления его доходов.

— Ты что, пытаешься мне угрожать, Нейд?

— Вовсе нет. Более того, я предлагаю далеко идущую помощь и сотрудничество. Знай, Белогун, что если насаждаемая тобой эксплуатация и грабеж людей вызовет в Керাকে волнения, если зажжется здесь, изящно выражаясь, пламя восстания, если к тебе придет взбунтовавшаяся чернь, чтобы вышвырнуть отсюда за шкуру, свергнуть с престола и сразу после этого повесить на первом суку... Тогда ты сможешь рассчитывать на мое Братство. На чародеев. Мы придем на помощь. Не допустим восстания и анархии, потому что и нам они не на руку. Так что пользуйся и преумножай свое богатство. Преумножай спокойно. И не мешай преумножать другим. Очень прошу и советую.

— Советуешь? — взбеленился Ксандер, вскакивая с кресла. — Ты советуешь? Отцу? Он король! Короли не слушают советов, короли приказывают!

— Сядь, сын, — поморщился Белогун, — и помолчи. А ты, чародейка, наостри уши. У меня есть что сказать.

— Ну?

— Я беру себе новую женушку... Семнадцать лет... Вишенка, скажу я тебе. Вишенка на торте.

— Поздравляю.

— Я делаю это по династическим соображениям. В заботе о наследниках и порядке в государстве.

Молчавший до сих пор, как скала, Эгмунд дернул головой.

— Наследниках? — рявкнул он, а злобный блеск в его глазах не ускользнул от внимания Литты. — Каких наследниках? У тебя шесть сыновей и восемь дочерей, включая бастардов! Тебе мало?

— Сама видишь, — махнул костлявой рукой Белогун. — Сама видишь, Нейд. Я вынужден заботиться о наследниках. Как я могу оставить королевство и корону кому-то, кто подобным образом обращается к родителю? К счастью, я еще жив и правлю. И собираюсь править долго. Как я уже сказал, я женюсь...

— Ну и?

— Если... — король почесал за ухом, посмотрел на Литту из-под прищуренных век. — Если она... Моя новая женушка, значит... Если она обратится к тебе за этими снадобьями... Я запрещаю ей их давать. Потому что я против таких средств! Потому что они аморальны!

— Договорились, — очаровательно улыбнулась Коралл. — Если твоя вишенка ко мне обратится, она их не получит. Обещаю.

— Вот это я понимаю, — повеселел Белогун. — Я рад, что мы так славно поладили. Основа всему — взаимопонимание и взаимное уважение.

— Именно, — вмешался Ксандер. Эгмунд фыркнул, выругавшись под нос.

— В рамках взаимного уважения и понимания, — Коралл накрутила рыжий локон на палец, посмотрела вверх, на орнамент, — а также в интересах гармонии и порядка в твоей стране. У меня есть надежная информация. Конфиденциальная информация. Я терпеть не могу доносительства, но мошенничества и воровства еще больше. Речь идет, мой король, о наглом финансовом хищении. Есть те, кто пытается тебя обокрасть.

Белогун оперся на трон, а лицо его скривила гримаса ярости.

— Кто? Имена!

Глава Вторая

Керак , город в Северном Королевстве Цидарис, в устье реки Адалатте. Некогда столица отдельного Королевства **К.** , которая в результате неумелой политики и вырождения правящей династии пришла в упадок, утратила значимость, была разделена соседями и включена в состав их земель. Имеет порт, несколько фабрик, маяк и около 2000 жителей.

Эфенберг и Талбот, Энциклопедия *Maxima Mundi*, том VIII

Залив щетинился мачтами и был полон белых и разноцветных парусов.

Большие суда стояли на рейде, заслоненном мысом и волноломом.

В самом порту к деревянным молам причаливали корабли поменьше и совсем крохотные.

На пляжах почти все свободное место занимали лодки. Или остатки лодок.

На окраине мыса, захлестываемый белыми волнами прибоя, возвышался маяк из белого и красного кирпича, обновленный реликт эльфьих времен.

Ведьмак ткнул шпорой кобылу в бок. Плотва подняла голову, раздула ноздри, словно и она радовалась запаху моря, доносимому ветром. Подгоняемая всадником, тронулась через дюны. К уже недалекому городу.

Город Керак, столица одноименного королевства, расположенный по обоим берегам в устье реки Адалатте, был разделен на три отдельных, совершенно разных района.

На левом берегу Адалатте располагались здания порта, доки и промышленно-торговый центр, включающий верфи и мастерские, а также перерабатывающие фабрики, склады и магазины, ярмарки и базары.

Противоположный берег реки, район, называемый Пальмирой, заплотнялись халупы и хаты бедноты и рабочих, дома и палатки мелких торговцев, скотобойни, мясные лавки, а также многочисленные, оживающие вскоре после сумерек, забегаловки и ночлежки. Пальмира к тому же являлась местом развлечений и запретных наслаждений. Здесь, как было известно Геральту, можно было запросто лишиться кошелька или получить ножом под ребро.

Подальше от моря, на левом берегу, за высоким частоколом из толстых бревен располагался собственно сам Керак, квартал узких улочек промеж домами богатых купцов и финансистов, факториями, банками, ломбардами, сапожными и портняжными мастерскими, магазинами и магазинчиками.

Были здесь также таверны и увеселительные заведения высшей категории, в том числе и гостиницы, предлагающие, по правде говоря, ровно те же услуги, что и в портовой Пальмире, но по значительно более высоким ценам.

Центр квартала состоял из четырехугольной рыночной площади, городской ратуши, театра, суда, таможни и домов городской знати.

Посреди ратуши стоял на пьедестале, страшно засранный чайками, памятник основателю города, королю Осмыку.

Что было явным враньем, ибо приморский город существовал здесь задолго до того, как Осмыка принесло сюда черт знает откуда.

Повыше, на холме, стоял замок и королевский дворец, по форме и внешнему виду довольно нетипичный, потому как это был древний храм, перестроенный и расширенный после того, как его покинули священники, разочарованные полным отсутствием заинтересованности в нем со стороны населения. В храме осталась даже кампанила, то есть колокольня с большим колоколом, в который ныне господствующий в Кераке король Белогун приказал бить ежедневно в полдень и — очевидно назло подданным — в полночь.

Звон раздался, как раз когда ведьмак проезжал между первыми лачугами Пальмиры.

Пальмира воняла рыбой, стиркой и харчевней, давка на улочках была чудовищная, преодолеть ее ведьмаку стоило много времени и терпения.

Вздыхнул полегче, лишь когда наконец добрался до моста и проехал на левый берег Адалатте.

Вода воняла и несла шапки плотной пены — результат работы расположенной вверх по реке дубильни.

Отсюда было уже недалеко до дороги, ведущей к окруженному частоколом городу.

Лошадь он оставил в конюшне перед городом, заплатив за два дня вперед и накинув конюху еще сверху, чтобы обеспечить Плотве должный присмотр.

Сам же направился к сторожевой башне.

В Керак можно было войти только через сторожевую башню, пройдя досмотр и сопровождающие его малоприятные процедуры.

Ведьмака немного раздражала эта необходимость, но он понимал ее цель: жителей города за частоколом не очень-то радовала мысль о визитах гостей из портовой Пальмиры, особенно в качестве сходящих там на сушу матросов из чужих стран.

Он вошел в сторожевую башню, деревянное здание срубной конструкции, в которой, как ему было известно, располагалась кордегардия.

Геральт думал, что знает, что его там ожидает.

Но он ошибался.

Хотя и посетил в жизни множество кордегардий. Маленьких, средних и больших, в ближних и самых дальних закоулках мира, в местах цивилизованных более или менее или не цивилизованных вовсе.

Все кордегардии мира воняли затхлостью, потом, кожей и мочой, а также железом и смазочными маслами для него. В кордегардии Керака было точно так же.

Вернее, было бы, если бы классические кордегардные запахи не подавляла тяжелая, удушливая, достигающая потолка вонь от пердежа.

В меню здешнего гарнизона кордегардии, вне всяких сомнений, преобладали крупносеменные зернобобовые растения, такие как горох, бобы и цветная фасоль.

Гарнизон же был полностью дамским. Состоял из шести женщин. Сидящих за столом и поглощенных обеденной трапезой. Все дамы жадно хлебали из глиняных мисок что-то, плавающее в жидком паприковом соусе.

Самая высокая из стражниц, видно, комендантша, оттолкнула от себя миску и встала. Геральт, который всегда считал, что некрасивых женщин не бывает, мгновенно почувствовал, что вынужден пересмотреть данное убеждение.

— Оружие на лавку!

Как и все присутствующие, стражница была острижена наголо. Волосы успели уже немного отрасти, создавая на лысой голове беспорядочную щетину. Из-под расстегнутого камзола и расхристанной рубахи проглядывали мышцы живота, наводящие на мысль о большом зашнурованном колбасном рулете. Бицепсы стражницы — продолжая мясные ассоциации — имели размеры свиных окороков.

— Оружие на лавку клади! — повторила она. — Глухой?

Одна из ее подчиненных, по-прежнему склоненная над миской, приподнялась немного и перданула, громко и протяжно. Ее подруги захохотали. Геральт обмахнулся перчаткой. Стражница смотрела на его мечи.

— Эй, девчонки! Идите сюда, ну же!

«Девчонки» встали, довольно неохотно, потягиваясь. Все они, как заметил Геральт, одеты были в легком и свободном стиле, позволявшем, прежде всего, похвастаться мускулатурой. Одна была в коротких кожаных брюках, со штанинами, распоротыми по швам, чтобы помещались бедра. А одеждой от талии и выше ей служили, главным образом, скрещенные ремни.

— Ведьмак, — констатировала она. — Два меча. Стальной и серебряный.

Вторая, как и остальные, высокая и широкая в плечах, приблизилась, бесцеремонным

движением распахнула рубашку Геральта, схватилась за серебряную цепочку и вытащила медальон.

— И знак есть, — подтвердила она. — Волк на знаке, с оскаленными зубами. Выходит, и вправду, ведьмак. Пропустим?

— Устав не запрещает. Мечи сдал...

— Верно, — Геральт спокойным голосом включился в разговор. — Сдал. И оба будут, как я понимаю, под надежной охраной? До возврата по расписке? Которую я сейчас получу?

Стражницы, скалясь, окружили его. Одна подтолкнула, как будто нечаянно. Вторая громко перднула.

— Вот тебе расписка, — фыркнула она.

— Ведьмак! Наемный укротитель чудовищ! А мечи отдал! Тут же! Покорный, как сопляк!

— Хер свой тоже бы, наверно, сдал, если б велели.

— Так давайте велим ему! А, девки? Пусть вынет из ширинки!

— Поглядим, какой хер у ведьмаков!

— Хватит вам, — рявкнула комендантша. — Разыгрались, шалавы. Гоншорек здесь! Гоншорек!

Из помещения рядом возник лысоватый немолодой человек в бурой епанче и шерстяном берете. Выйдя, сразу раскашлялся, снял берет и начал им обмахиваться.

Без единого слова взял обмотанные ремнями мечи и дал Геральту знак, чтобы следовал за ним. Ведьмак не медлил. В заполняющей кордегардию мешанине газов кишечные газы уже начинали решительно преобладать.

Помещение, в которое они вошли, разделяла солидная железная решетка. Мужчина в епанче заскрипел большим ключом в замке. Повесил мечи на вешалке рядом с другими мечами, саблями, кордами и охотничьими ножами. Открыл потрепанный журнал учета и начал что-то писать в нем медленно и долго, безостановочно кашляя, с трудом глотая воздух.

Наконец вручил Геральту выписанную квитанцию.

— Я так понимаю, что мои мечи здесь в безопасности? Под замком и охраной?

Бурый мужчина, тяжело дыша и сопя, закрыл решетку и показал ему ключ. Геральта это не убедило. Любую решетку можно было преодолеть, а звуковые эффекты метеоризма дам из охраны способны были заглушить все попытки взлома. Однако выхода не было. Ему необходимо было сделать то, зачем он прибыл в Керак. И поскорей покинуть город.

* * *

Таверна, или, как гласила вывеска, аустерия «Natura Rerum» помещалась в не очень большом, но элегантном здании из кедрового дерева, с отделанной покатою крышей и высоко торчащим дымоходом. Фасад здания украшало крыльцо, к которому вела лестница, обставленная раскидистыми алоэ в деревянных кадках.

Из помещения долетали кухонные запахи — главным образом, поджариваемого на решетках мяса. Запахи были так заманчивы, что ведьмаку «Natura Rerum» сразу же показалась Эдемом, садом наслаждений, островом счастья, молоком и медом, текущим в краю благословенных.

Но быстро выяснилось, что Эдем этот, как и каждый Эдем, был охраняем.

Здесь был свой цербер, стражник с огненным мечом. Геральту представилась возможность увидеть его в действии. Цербер, невысокий, но могуче сложенный детина, на его глазах отогнал от сада наслаждений худого парнишку. Юноша протестовал — покрикивал и жестикулировал, что еще больше раздражало цербера.

— Тебе вход запрещен, Муус. И ты хорошо об этом знаешь. Посему отойди. Я не буду повторять.

Юноша быстро отступил с лестницы, чтобы избежать толчка.

Он был, как заметил Геральт, преждевременно полысевшим, а редкие и длинные

белокурые волосы росли лишь в области темени, что в общих чертах производило впечатление весьма дрянное.

— Драл я вас и ваши запреты! — заорал парнишка с безопасного расстояния. — Вы клиентов не уважаете! И вы здесь не единственные, пойду к вашим конкурентам! Носы позадирали! Выскочки! Золоченая вывеска, а внутри все одно дерьмо на палочке! Вот и для меня вы значите не больше, чем то дерьмо! А дерьмо всегда будет дерьмом!

Геральт немного забеспокоился. Полысевший юноша, хоть и паскудно выглядел, одет был совсем как вельможа. Может не очень богато, но, в любом случае, солиднее, чем он сам. Стало быть, если солидная одежда была определяющим критерием...

— А ты куда, интересно? — холодный голос цербера прервал ход его мысли. И подтвердил опасения.

— Это элитное заведение, — цербер встал, загораживая собой лестницу. — Понимаешь смысл слова? Так сказать, закрытое. Для некоторых.

— Для меня тоже?

— Не одежда украшает человека, — стоявший на две ступеньки выше цербер мог смотреть на ведьмака свысока. — И ты, чужеземец, ходячая иллюстрация этой народной мудрости. Твоя одежда тебя ничуть не украшает. Возможно, какие-то другие скрытые качества тебя украшают, вникать не буду. Я повторяю, это элитное заведение. Мы не принимаем здесь людей, одетых как бандиты. Да еще вооруженных.

— Я не вооружен.

— Но выглядишь так, словно был вооружен. Будь так любезен, отправляйся куда-нибудь в другое место.

— Полегче, Тарп.

В дверях заведения появился смуглый мужчина в бархатном кафтани. Брови у него были кустистыми, взгляд пронизательным, а нос орлиным. И довольно большим.

— И будь повежливее, — поучал цербера орлиный нос, — ты не знаешь, с кем имеешь дело. Даже не представляешь, кто к нам пожаловал.

Затянувшееся молчание цербера свидетельствовало о том, что он на самом деле не знает.

— Геральт из Ривии. Ведьмак. Известный тем, что защищает людей и спасает им жизни. Как, например, неделю назад, здесь, неподалеку, в Ансегисе, где он спас мать с ребенком. А несколькими месяцами ранее, в Чизмаре, о том молва шла, убил людоеда-левокрота, сам притом получив раны. Как же я могу запрещать войти в мое заведение тому, кто занимается столь благородным делом? Напротив, я рад такому гостю. И почту за честь его желание нас посетить. Господин Геральт, аустерия «Natura Regum» приветствует вас. Я Фебус Равенга, владелец сей скромной ресторации.

Стол, за который усадил его официант, был накрыт скатертью. Все столы в «Natura Regum» — в основном занятые — были накрыты скатертями. Геральт не помнил, когда последний раз видел скатерти в трактире.

Хотя он и интересовался окружением, но не озирался, дабы не выглядеть как провинциал и невежа. Осторожное наблюдение, однако, выявило скромное, но вместе с тем изящное и изысканное убранство. Изысканной, хотя и не всегда изящной, была также и клиентура: в большинстве своем, как оценил Геральт, купцы и ремесленники. Были и капитаны судов, загорелые и бородатые. Не было недостатка и в пестро разодетых дворянах. Пахло тоже приятно и изысканно: печеным мясом, чесноком, тмином и большими деньгами.

Ведьмак почувствовал на себе чей-то взгляд. Когда за ним наблюдали, его ведьмачье чутье сигнализировало об этом немедленно. Взглянул осторожно, краем глаза.

Наблюдающей — также очень осторожно и незаметно для простого смертного — была молодая женщина с лисье-рыжими волосами. Она делала вид, что полностью поглощена едой, чем-то вкусно выглядящим и даже издали соблазнительно пахнущим.

Манеры и язык тела не оставляли сомнений. Для ведьмака. Он готов был поспорить, что она была чародейкой.

Официант кашлянул и вырвал его из размышлений и внезапной ностальгии.

— Сегодня, — объявил он торжественно и не без гордости, — мы предлагаем телячью голяшку, тушенную в овощах с грибами и фасолью. Корейку ягненка жаренную с баклажанами. Свиную грудинку в пиве, поданную с глазированной сливами. Запеченую лопатку кабана, поданную в яблочном повидле. Утиные грудки на сковороде, поданные с красной капустой и клюквой. Кальмары начиненные цикорием, с белым соусом и виноградом. Морской черт жареный на решетке под сметанным соусом, поданный с тушеными грушами. И как обычно наши фирменные блюда: гусиная ножка в белом вине, с выбором фруктов печеных на противне, и тюрбо в карамелизированных чернилах каракатицы, поданная с шейками раков.

— Если вам по вкусу рыба, — возле стола невесть когда и как появился Фебус Равенга, — то я всячески рекомендую тюрбо. Утреннего улова, разумеется. Гордость и слава нашего шеф-повара.

— Тогда тюрбо в чернилах, — ведьмак преодолевал в себе иррациональное желание заказать сразу несколько блюд, понимая, что это было бы дурным вкусом. — Благодарю за совет. Я уже начинал чувствовать муки выбора.

— Какого вина, — спросил официант, — желает отведать добрый господин?

— Выберите, пожалуйста, что-нибудь подходящее. Признаться, я не очень разбираюсь в винах.

— Мало кто разбирается, — улыбнулся Фебус Равенга. — И еще меньше тех, кто в этом признается. Не беспокойтесь, мы подберем нужный сорт и возраст, господин ведьмак. Не смею более вам надоедать, желаю приятного аппетита.

Пожеланию не суждено было сбыться. Геральту не представилось okazji узнать, какое вино ему выберут. И вкус тюрбо в чернилах каракатицы также должен был в тот день остаться для него загадкой.

Рыжеволосая женщина вдруг перестала заботиться о скрытности и отыскала его взглядом. Улыбнулась. Он не мог отделаться от волнения, и это его раздражало. Почувствовал дрожь.

— Ведьмак, именуемый Геральтом из Ривии?

Вопрос задал один из трех одетых в черное типов, которые тихо подошли к столу.

— Это я.

— Именем закона ты арестован.

* * *

Глава Третья

Какой мне страшен суд, когда я прав?

Уильям Шекспир, Венецианский купец (перевод О. Мандельштама).

Предоставленная Геральту защитница из управления избегала смотреть ему в глаза. С упорством, достойным лучшего применения, она перелистывала папку с документами. Документов там было немного. А именно два. Госпожа адвокат, похоже, вознамерилась выучить их содержание наизусть. Геральт надеялся — для того, чтобы блеснуть защитной речью. Но надежда, как он подозревал, была тщетная.

— Находясь под арестом, — госпожа адвокат в конце концов подняла глаза, — ты совершил избиение двоих сокамерников. Могу я узнать хотя бы причину?

— *Primo*, я отверг их сексуальные домогательства: никак не желали понимать, что нет — значит нет. *Secundo*, я люблю бить людей. *Tertio*, это вранье. Они сами покалечились. Чтобы меня очернить.

Говорил медленно и безразлично. За проведенную в тюрьме неделю безразличие

овладело им полностью.

Адвокатесса закрыла папку. Чтобы тут же снова ее открыть. После этого — поправила замысловатую прическу.

— Избитые, — вздохнула она, — как мне кажется, не собираются подавать никаких жалоб. Поэтому сосредоточимся на инстигаторском обвинении. Ассессор трибунала собирается обвинить тебя в серьезном преступлении, за которое грозит суровое наказание.

А как же иначе, подумал Геральт, любуясь красотой госпожи адвоката. Размышлял, сколько ей было лет, когда она попала в школу чародеек. И в каком возрасте оставила эту школу.

Обе действующие магические школы — мужская в Бан Арде и женская в Аретузе на острове Танедд — помимо выпускников и выпускниц, производили брак. Несмотря на густое сито вступительных экзаменов, позволявшее с самого начала отсеять и отбросить безнадежные случаи, лишь только на уровне первых семестров происходила настоящая селекция, которая обнаруживала тех, кто умел маскироваться. Тех, для кого мышление оказывалось неприятным и угрожающим опытом. Скрытых глупцов, лентяев и умственных сонливцев обоих полов, которым нечего было искать в школе магии. Затруднение состояло в том, что, как правило, это были дети зажиточных или по каким-то другим причинам считавшихся важными особ. После исключения из школы с этой трудной молодежью нужно было что-то делать. С молодыми людьми, исключенными из школы в Бан Арде, проблем не было — они шли в дипломаты, их ждали армия, флот и полиция, самым глупым оставалась политика. Магические отходы из числа представительниц прекрасного пола сложнее было пристроить только на первый взгляд. Хоть и признанные негодными, девушки все же преступили порог школы чародеек и достигли хоть какого-нибудь прогресса в магии. А влияние чародеек на представителей власти и все сферы экономической и политической жизни было слишком сильным, чтобы оставлять барышень на произвол судьбы. Им предоставляли тихую гавань. Девушки попадали в сферу правосудия и становились юристами.

Адвокатесса захлопнула папку. После чего снова ее открыла.

— Советую признать вину, — проговорила она. — В этом случае можем рассчитывать на смягчение...

— Признать что? — перебил ее ведьмак.

— Когда суд спросит, ответишь утвердительно. Признание вины посчитают смягчающим обстоятельством.

— Как ты, в таком случае, собираешься меня защищать?

Госпожа адвокат захлопнула папку. Как крышку гроба.

— Пойдем. Суд ждет.

Суд ждал. Как раз потому, что из зала суда в этот же самый момент выводили другого преступника. Не слишком, как отметил Геральт, радостного.

На стене висел засиженный мухами щит, на котором можно было разобрать герб Керака — голубого дельфина *nageant*. Под гербом стоял судейский стол. За ним сидели трое. Худощавый писарь. Блеклый подсудок. И госпожа судья, степенная видом и лицом дама.

Скамью справа от судей занимал ассессор трибунала, исполняющий обязанности прокурора. Выглядел он серьезно. Настолько серьезно, что впору было остерегаться встречи с ним в темном переулке. С противоположной стороны, по левую руку от судейской комиссии, стояла скамья подсудимых. Место, предназначенное ему.

Дальше все пошло быстро.

— Геральт, называемый Геральтом из Ривии, обвиняется в злоупотреблениях, овладении и присвоении собственности, принадлежащей Короне. Действуя в сговоре с другими лицами, которых склонил к коррупции, обвиняемый завышал суммы предоставленных за свои услуги счетов с целью присвоения лишних средств. В результате названных действий казна государства понесла убытки. Доказательством является донос,

notitia criminis , который был присоединен к делу. Данный донос...

Скучающее выражение лица и отсутствующий взгляд судьи явно демонстрировали, что мысли степенной матроны витают где-то в другом месте. И что беспокоят ее совершенно другие вопросы и проблемы: стирка, дети, цвет занавесок, тесто для маковых пирогов и растяжки на заднице, предвещающие супружеский кризис. Ведьмак покорно принял тот факт, что он сам гораздо менее важен. Что не может конкурировать со всем этим.

— Совершенное обвиняемым преступление, — безэмоционально продолжал обвинитель, — не только разрушает государство, но также и порядок общественный подрывает и расшатывает. Установленный порядок требует...

— Включенное в дело донесение, — перебила судья, — суд вынужден рассмотреть как *probatio de relato* , доказательство, являющееся донесением третьего лица. Может ли обвинение предоставить другие доказательства?

— Других доказательств нет... Пока... Обвиняемый, как уже было сказано, — ведьмак. Это мутант, пребывающий за пределами человеческого общества, пренебрегающий человеческими законами и ставящий себя выше их. В своей криминогенной и социопатической работе он контактирует с преступным элементом, а также с нелюдями, в том числе расами, традиционно враждующими с человеком. Нарушение законов является частью нигилистической природы ведьмака. В случае ведьмака, Высокий Суд, отсутствие доказательств — лучшее доказательство. Это доказывает измену, а также...

— Признает ли обвиняемый, — судью совершенно очевидно не интересовало, что еще доказывает отсутствие доказательств. — Признает ли обвиняемый свою вину?

— Не признаю, — Геральт проигнорировал отчаянные сигналы госпожи адвоката. — Я невиновен и не совершал никакого преступления.

Ведьмак имел некоторые навыки, поскольку сталкиваться с правосудием ему приходилось. Кроме того, он кратко ознакомился с литературой по теме.

— Все обвинения против меня являются следствием предвзятого отношения...

— Протестую! — вскрикнул ассессор. — Обвиняемый произносит речь!

— Протест отклонен.

— ... следствием предвзятого отношения к моей особе и профессии, сиречь следствием *praejudicium, praejudicium* же в свою очередь влечет за собой заведомую ложь. Тем более, что обвиняют меня на основании анонимного доноса, и то одного-единственного. *Testimonium unius non valet. Testis unis, testis nullus. Ergo* , это не обвинение, а всего лишь домысел, сиречь *praesumptio*. А домысел оставляет пространство для сомнений.

— *In dubio pro reo* ! — очнулась адвокатесса. — *In dubio pro reo* , Высокий Суд!

— Суд, — судья грохнула молотком, разбудив блеклого подсудка, — постановляет: определить денежный залог в размере пятисот новиградских крон.

Геральт вздохнул. Его интересовало, пришли ли уже оба его товарища по камере в себя и извлекли ли какой-то опыт из того, что произошло. Или же ему придется избить и отпинать их еще раз.

* * *

Глава Четвертая

А что такое город? Наш народ.

Уильям Шекспир, Кориолан, (перевод Ю. Корнеевой)

На самом краю людного базара стояла грубо сколоченная из досок будка, в которой распоряжалась бабулька-старушка в соломенной шляпке, кругленькая и румяная, словно добрая волшебница из сказки. Над бабулькой виднелась надпись: «Счастье и радость только у меня. Огурец бесплатно». Геральт остановился, выудил из кармана медяки.

— Налей, бабушка, — попросил мрачно, — полкварти счастья.

Ведьмак набрал в грудь воздуха, выпил в один глоток, выдохнул. Вытер слезы, которые сивуха вышибла у него из глаз.

Он был свободен. И зол.

О том, что свободен, ведьмак узнал, что интересно, от человека, которого знал. С виду. Это был тот самый рано облысевший парень, которого на его глазах прогнали со ступенек аустерии «Natura Regum». И который, как оказалось, был судейской канцелярской крысой.

— Ты свободен, — сообщил ему облысевший парнишка, смыкая и размыкая заляпанные чернилами пальцы. — За тебя внесли залог.

— Кто внес?

Информация оказалась конфиденциальной, облысевший клерк отказался ее сообщать. Отказался, в столь же резкой форме, и возвращать конфискованную торбу Геральта, в которой, помимо всего прочего, хранились наличные и банковские чеки. Движимое имущество ведьмака, сообщил не без ехидства клерк, власть посчитала *cautio pro expensis*, авансом для оплаты судебных издержек и предусмотренных штрафов.

Спорить было бесполезно. Геральт должен был радоваться, что при выходе ему вернули хотя бы те вещи, которые во время задержания находились у него в карманах. Личные мелочи и мелкие деньги. Настолько мелкие, что никому не захотелось их воровать.

— И еще полквартиры радости, пожалуйста. Спасибо за огурец.

После бабушкиной сивухи мир заметно похорошел. Геральт знал, что это быстро пройдет, а потому прибавил шагу. Нужно было уладить кое-какие дела.

Плотва, его кобыла, счастливо избежала внимания суда и не вошла в сумму *cautio pro expensis*. Она была там, где он ее оставил, в загоне конюшни, ухоженная и накормленная. Подобного ведьмак не мог оставить без вознаграждения, независимо от собственного материального положения. Из горсти серебряных монет, которые уцелели во вшитом в седло тайнике, несколько сразу получил конюх. Которому такая щедрость аж дыхание перехватила.

Горизонт за морем темнел. Геральту казалось, что он замечает там искорки молний.

Прежде чем войти в кордегардию, ведьмак дальновидно набрал в легкие свежего воздуха. Не помогло. Уважаемые стражницы сегодня явно съели больше фасоли, чем обычно. Намного, намного больше фасоли. Кто знает, может, было воскресенье.

Одни, как всегда, ели. Другие были заняты игрой в кости. При виде ведьмака все встали из-за столов и окружили его.

— Гляньте-ка, ведьмак, — сказала комендантша, вставая к нему впритык. — Взял и приперся.

— Я уезжаю из города. Пришел забрать свою собственность.

— Если позволим, — другая стражница толкнула его локтем, будто бы нечаянно, — то что нам за это будет? Проставиться надо, браток, проставиться! А, девки? Что велим ему сделать?

— Пускай каждую в голую жопу поцелует!

— И языком! Языком пусть вылизет!

— Да ну! Еще заразу какую занесет!

— Но должен же он нам, — следующая поперла на него крепким, как скала, бюстом, — чего приятного сделать, не?

— Песенку пускай споет, — еще одна громко перднула. — А мелодию под мой тон подберет!

— Или мой! — другая перднула еще громче. — Потому как мой звонче!

Остальные дамы за бока хватались от смеха.

Геральт проложил себе дорогу, стараясь не злоупотреблять силой. В это же мгновение двери хранилища открылись и появился мужчина в бурой епанче и берете.

Он же кладовщик Гоншорек. При виде ведьмака он широко раскрыл рот.

— Вы? — заблеял он. — Как же это? Ваши мечи...

— Вот именно. Мои мечи. Попрошу их обратно.

— Но... Ведь... — Гоншорек подавился, схватился за грудь, с трудом хватая воздух. —
Ведь у меня тех мечей нету!

— То есть?

— Нету... — лицо Гоншорека покраснело и скривилось, будто в приступе боли. —
Забрали же...

— Это как? — Геральт почувствовал, как его охватывает холодное бешенство.

— Забра... ли...

— Как это забрали? — ведьмак схватил кладовщика за грудки. — Кто забрал, черт тебя
дери? Что это, мать твою, значит?

— Расписка...

— Вот именно! — Геральт ощутил на плече железную хватку. Комендантша стражи
оттолкнула его от захлебывающегося Гоншорека.

— Именно! Расписку покажь!

У ведьмака не было расписки. Расписка из камеры хранения оружия осталась в его
торбе. Торбе, которую конфисковал суд в качестве аванса для оплаты судебных издержек и
предусмотренных штрафов.

— Расписку!

— У меня ее нет, но...

— Нет расписки — нет депозита, — комендантша не дала ему закончить. — Мечи
забрали, не слышал? Сам и забрал, поди. А нынче цирк тут устраиваешь? Выцыганить что-
нить хочешь? Хрен тебе. Вали отсюда.

— Я не выйду, пока...

Комендантша, не ослабляя хватки, оттащила Геральта и развернула его лицом к двери.

— Гребни отсюда.

Геральт вздрагивал при мысли о том, чтобы ударить женщину. Однако не имел никаких
моральных барьеров по отношению к кому-то, с плечами, как у борца, пузом, как мясной
рулет, и икрами, как у метателя диска, а ко всему этому еще и пердящему, как мул. Ведьмак
оттолкнул комендантшу и изо всех сил врезал ей в челюсть своим любимым правым хуком.

Остальные замерли, но лишь на секунду. Не успела комендантша свалиться на стол,
разбрызгивая вокруг фасоль и паприковую подливку, как они уже были у него на шее. Одной
ведьмак без размышлений расквасил нос, второй вломил так, что хрустнули зубы. Двоих
угостил Знаком Аард — стражницы полетели, как тряпичные куклы, врезались в стойку с
алебардами и повалили их все с неописуемым грохотом и треском. Получил в ухо от
истекающей подливкой комендантши. Вторая стражница, та самая, с мощным бюстом,
схватила его сзади в медвежьих объятиях. Ведьмак врезал ей локтем так, что стражница
взвыла.

Геральт толкнул комендантшу на стол, припечатал размашистым хуком. Стражнице с
расквашенным носом врезал в солнечное сплетение и повалил на пол, слыша, как ее вырвало.
Другая, которую он ударил в висок, врезалась остриженным затылком о столб, обмякла,
глаза ее моментально затуманились. Но на ногах держались еще четверо, и преимуществу
ведьмака пришел конец. Сперва он получил сзади по голове, сразу же после этого — в ухо,
потом в крестец. Одна из стражниц подсекла ему ноги, и когда он упал, две свалились на
него, прижали к земле, молотя кулаками. Остальные не жалели пинков. Геральт вырубил
одну из тех, которые на него навалились, ударив ее лбом в лицо, но в ту же секунду его
прибила к земле другая. Комендантша — понял Геральт по капающей с нее подливке.
Ударом сверху она припечатала его в зубы. Ведьмак сплюнул кровью ей прямо в глаза.

— Нож! — заорала комендантша, мотая остриженной головой. — Нож мне дайте! Яйца
ему отрежу!

— На кой нож? — закричала другая. — Я ему их отгрызу!

— Стоять! Отставить! Что это значит? Прекратить, я сказал!

Громкий и располагающий к послушанию голос прорвался сквозь галдеж драки и
отрезвил стражниц. Те выпустили Геральта из захвата. Ведьмак встал с трудом, немного

кривясь от боли. Вид поля битвы немного поднял ему настроение. Не без удовольствия он оглядел свои достижения. Стражница, лежащая под стеной, уже открыла глаза, но все еще не могла даже сесть. Вторая, согнувшись, выплевывала кровь и ощупывала пальцем зубы. Третья, та, у которой был расквашен нос, с трудом встала, но то и дело падала, поскальзывалась в луже собственной рвоты, в которой виднелись кусочки фасоли. Из всех шестерых только половина держалась на ногах. В общем, вполне удовлетворительный результат. Даже в свете того факта, что если бы не стороннее вмешательство, он сам получил бы серьезные ранения и неизвестно, смог бы подняться самостоятельно или нет.

Вмешался же, собственно, богато одетый и излучающий авторитет мужчина с благородными чертами лица. Геральт не знал, кто это. Зато слишком хорошо знал его спутника — франта в фантазийной шапочке с пером цапли, спадающими на плечи светлыми волосами, уложенными на щипцах. Франта, который носил дублет цвета красного вина и рубашку с кружевным жабо. С неременной лютней и нагловатой ухмылкой на губах.

— Привет, ведьмак! Ну и видок у тебя! С этой разбитой мордой! Я сейчас лопну со смеху!

— Здравствуй, Лютик. Я тоже рад тебя видеть.

— Что здесь происходит? — мужчина с благородными чертами лица упер руки в бока. — Ну? Что с вами? Доложить по форме! Немедленно!

— Этот! — комендантша вытряхнула из ушей остатки подливки и обвиняюще указала на Геральта.

— Он виноват, милостивый господин инстигатор! Скандалил тут и орал, а потом драться полез. А все из-за мечей каких-то со склада, на которые не имел расписки. Гоншорек подтвердит... Эй, Гоншорек, что ты там в углу корчишься? Усрался, что ли? Пошевеливай задницей, встань, скажи уважаемому господину инстигатору... Эй! Гоншорек! Чегой-то ты?

Достаточно было присмотреться внимательнее, чтобы понять, что случилось с Гоншорекком. Не нужно было щупать пульс, достаточно было взглянуть на белое как мел лицо. Гоншорек был мертв. Обыкновенно и просто умер.

* * *

— Мы организуем расследование, господин из Ривии, — сказал Феррант де Леттенхоф, инстигатор королевского трибунала, — поскольку вы подаете официальную жалобу и иск, мы вынуждены его организовать, таков закон. Мы допросим всех, кто во время вашего ареста и в суде имели доступ к вашим вещам. И арестуем подозреваемых...

— Тех же, что обычно?

— Простите?

— Ничего, ничего.

— Ну так вот. Дело наверняка будет раскрыто, а виновный в краже мечей будет привлечен к ответственности. Если кража действительно имела место. Я ручаюсь, что мы разрешим этот вопрос и узнаем всю правду. Раньше или позже.

— Хотелось бы раньше, — ведьмаку не слишком нравился тон инстигатора, — для меня мои мечи — это способ существования, я не могу без них выполнять свою работу. Я знаю, что моя профессия многими воспринимается скверно, а лично я часто страдаю от предвзятого отношения. Основанного на предубеждениях, предрассудках и ксенофобии. Я надеюсь, что этот факт никоим образом не повлияет на расследование.

— Не повлияет, — сухо ответил Феррант де Леттенхоф. — Ибо у нас здесь господствует правосудие.

Когда помощники вынесли тело покойного Гоншорека, по приказу инстигатора произвели ревизию хранилища оружия и всей конторки. Как не трудно было догадаться, ведьмачьих мечей там не осталось и следа. А все косящаяся на Геральта комендантша стражи показала им подставку с острым стержнем, на который покойник насаживал копии выданных депозитарных расписок. Среди этих квитанций моментально отыскалась выданная

ведьмаку. Комендантша пролиставала журнал учета и минуту спустя подсунула им его под носы.

— Прошу, — торжествующе сказала она, — как видите, расписка в получении. Подпись: Герланд из Рыбли. Говорила же я, что ведьмак был здесь и сам свои мечи забрал. А теперь брешет, верно, чтобы компенсацию отхватить! Это из-за него Гоншорек копыта отбросил! От перенапрягу желчью захлебнулся и удар его хватил.

Но ни она, ни кто-либо из других стражниц не решились, однако, подтвердить, что кто-то из них действительно видел Геральта во время получения оружия.

Прозвучало объяснение, что, мол, вечно здесь кто-нибудь крутится, а они были заняты, потому как ели.

Над крышей здания суда кружили чайки, пронзительно вереща. Ветер отогнал на юг грозовую тучу над морем. Вышло солнце.

— Хотел бы заранее предостеречь, — сказал Геральт, — что на мои мечи наложены сильные чары. Только ведьмаки могут к ним прикасаться, у других они отбирают жизненные силы. Проявляется это, главным образом, в потере мужских сил. То есть половом бессилии. Полном и постоянном.

— Будем иметь это в виду, — кивнул головой инстигатор. — Однако я попросил бы вас пока что не покидать города. Я готов закрыть глаза на инцидент в кордегардии. В конце концов, инциденты случаются там регулярно, сударыни стражницы довольно легко поддаются эмоциям. А поскольку Юлиан... То есть господин Лютик ручается за вас, я уверен, что ваше дело в суде разрешится благополучно.

— Мое дело, — прищурил глаза ведьмак, — есть не что иное, как притеснение. Преследование, на почве предубеждений и нежелания...

— Будут рассмотрены все улики, — отрезал инстигатор, — и на их основании будет начато следствие. Как того требует правосудие. То самое, благодаря которому вы на свободе. Под залог, а значит условно. И вам, господин из Ривии, надлежит соблюдать эти условия.

— Кто внес этот залог?

Феррант де Леттенхоф прохладно отказался раскрыть инкогнито ведьмачьего доброжелателя, попрощался и в сопровождении помощников удалился в сторону входа в здание суда. Лютик только этого и ждал. Едва они миновали рынок и вошли в переулок, выложил все, что знал.

— Настоящая полоса неудачного стечения обстоятельств, дружище Геральт. И злополучных инцидентов. А что касемо залога, то заплатила его за тебя некая Литта Нейд, среди своих известная как Коралл, по цвету помады для губ, каковой она пользуется. Это чародейка, которая выслуживается перед Белогуном, здешним корольком. Никак не возьму в толк, для чего она это сделала. Потому что ведь не кто иной, как именно она отправила тебя за решетку.

— Что?

— Говорю же. Это Коралл на тебя донесла. Это-то как раз никого не удивило, широко известно, что у чародеев имеется на тебя зуб. А тут внезапно сенсация: чародейка ни с того ни с сего платит залог и вызволяет тебя из темницы, в которую сама же тебя и упекла. Весь город...

— Широко известно? Весь город? О чем ты еще болтаешь, Лютик?

— Я использую метафору и перифраз. Не делай вид, что не понял, ты ведь меня знаешь. Ясное дело, что не «весь город», а лица исключительно немногочисленные и хорошо осведомленные, будучи близкими к влиятельным кругам.

— И ты, стало быть, тоже один из них?

— Угадал. Феррант мой кузен, сын брата моего отца. Я прибыл сюда к нему с визитом как к родственнику. И узнал о твоей афере. Я немедленно за тебя вступился, можешь в этом не сомневаться. Поручился за твою порядочность. Рассказал о Йеннифер...

— Благодарю сердечно.

— Оставь свой сарказм. Я был вынужден о ней рассказать, дабы разъяснить кузену, что

тутошняя магичка порочит тебя и чернит от ревности и зависти. Что это обвинение — фальшивка, что ты никогда бы не опустился до финансовых махинаций. И вследствие моего заступничества Феррант де Леттенхоф, королевский инстингатор, судебный исполнитель наивысшего чина, уже убежден в твоей невинности...

— У меня такого впечатления не сложилось, — сказал Геральт. — Скорее, наоборот. Я чувствую, что он мне не доверяет. Ни в деле о мнимых хищениях, ни в деле исчезновения мечей. Слышал, что он говорил о доказательствах? Доказательства для него фетиш. Поэтому доказательством махинации служит донос, а доказательством мистификации с кражей мечей — подпись Герланда из Рыбли в журнале. Да еще мина, с которой он предостерегал меня не покидать город...

— Ты судишь о нем предвзято, — заявил Лютик. — Я знаю его лучше, чем ты. То, что я за тебя ручаюсь, для него стоит больше, чем дюжина дутых доказательств. А предостерегал правильно. Почему, как ты думаешь, мы оба, он и я, отправились в кордегардию? Чтобы предостеречь тебя от совершения глупостей! Кто-то, говоришь, впутывает тебя в это дело, фабрикует липовые доказательства? Тогда не давай им в руки неопровержимых доказательств. Именно таким был бы побег.

— Может, ты и прав, — согласился Геральт. — Но инстинкт подсказывает мне нечто другое. Возможно, лучше дать драпака, прежде чем меня здесь полностью обложат. Сперва арест, потом залог, теперь вот мечи... Что будет следующим? Черт возьми, без меча чувствую себя как... Как улитка без панциря.

— Чересчур переживаешь, на мой взгляд. Мало здесь, что ли, магазинов? Махни рукой на те мечи и купи себе другие.

— А если б у тебя украли твою лютню? Добытую, как я помню, при весьма драматических обстоятельствах? Ты не жалел бы о ней? Махнул бы рукой? И пошел бы купить себе другую в магазине за углом?

Лютик рефлексивно сжал ладони на лютне и оглянулся вокруг встревоженным взглядом. Никто из числа прохожих на потенциального похитителя музыкальных инструментов, однако, не походил и нездоровой заинтересованности к его уникальной лютне не проявлял.

— Ну да, — вздохнул он. — Понимаю. Как и моя лютня, твои мечи тоже единственные в своем роде и незаменимые. К тому же... как ты говорил? Зачарованные? Вызывающие магическую импотенцию... Проклятье, Геральт! И ты только теперь мне это говоришь? Я ведь часто пребывал в твоей компании, эти мечи были от меня на вытянутую руку! А порой и ближе! Теперь все ясно, теперь я понимаю... Я в последнее время имел, мать их, некоторые трудности...

— Успокойся. Это ерунда про импотенцию. Я выдумал это только что, в надежде, что сплетня разойдется. И вор испугается...

— Так испугается, что утопит твои мечи в навозной куче, — трезво констатировал бард, слегка побледнев. — И никогда ты их не вернешь. Положись лучше на моего кузена Ферранта. Он служит здесь инстингатором много лет, у него целая армия шерифов, агентов и шпииков. Найдут вора вмиг, вот увидишь.

— Если он все еще здесь, — заскрежетал зубами ведьмак. — Он мог смыться, пока я сидел в тюрьме. Как, ты говоришь, зовут эту чародейку, благодаря которой я туда попал?

— Литта Нейд, по прозвищу Коралл. Я догадываюсь, что ты намереваешься делать, приятель. Но не знаю, лучший ли это замысел. Она чародейка. Колдунья и женщина в одном лице, словом, особь иного вида, того, который не поддается рациональному познанию, функционирующая согласно непонятным для обычных мужчин механизмам и принципам. Впрочем, что я тебе рассказываю, сам прекрасно об этом знаешь. Ты ведь имеешь в этом деле пребогатейшую экспериенцию... Что это за шум?

Бесцельно шатаясь по улицам, они очутились в окрестностях площадки, где беспрестанно раздавался стук молотков. Здесь, как оказалось, работала большая бондарная мастерская. На этой же улице, под навесом, громоздились ровными штабелями высушенные

бондарные клепки. Отсюда, доставляемые босыми подростками, клепки попадали на столы, где их крепили на специальных козлах и обрабатывали скобелями.

Обработанные клепки отправлялись к другим ремесленникам, а те отделяли их на длинных строгальных скамьях, стоя над ними верхом по щиколотки в стружке. Готовые клепки попадали в руки бондарей, которые складывали их в кучу. Геральт с минуту наблюдал, как под натиском замысловатых тисков и закручиваемых винтами зажимов возникает остов бочки, тотчас же скрепляемый при помощи набиваемых на изделие железных обручей.

Также на улице валил пар из больших котлов, в которых бочки шпарили. А изнутри мастерской, со двора, долетал запах обожженной огнем древесины — там бочки закаляли перед дальнейшей обработкой.

— Всякий раз, как вижу бочку, — объявил Лютик, — хочется пива. Идем за угол. Знаю я там один славный кабак.

— Иди сам. Я навещу чародейку. Кажется, я знаю, кто она, я уже ее видел. Где мне ее найти? Не кривляйся, Лютик. Сдается мне, именно она источник и первопричина моих проблем. Я не буду ожидать развития событий, а пойду и спрошу прямо. Я не могу вечно торчать в этом городишке. Хотя бы потому, что с деньгами у меня совсем худо.

— От этого, — гордо вымолвил трубадур, — мы найдем ремедиум. Я поддержу тебя финансово... Геральт? Что происходит?

— Вернись к бондарне и принеси мне клепку.

— Что?

— Принеси мне клепку. Быстро.

Улочку загородили трое могучих амбалов с отвратными, заросшими и немытыми рожами. Один, плечистый, почти квадратный, держал в руке окованную палку, толстую, как рукоять от якорной лебедки. Другой, в кожухе с поднятым воротником, нес тесак, а за поясом держал абордажный топорик. Третий, смуглый, как матрос, был вооружен длинным и паскудно выглядящим ножом.

— Эй, ты, там, ривский смердяк! — начал квадратный. — Как ты себя чувствуешь без мечей за спиной? Будто на ветру с голой жопой, а?

Геральт не поддержал дискуссии. Он ждал. Слышал, как Лютик ссорится с бондарями из-за клепки.

— Нету у тебя уж боле клыков, паршивец, ядовитая ведьминская гадина, — тянул квадратный, из всей тройки явно наиболее умелый в ораторском искусстве. — Гада без клыков никто не заботится! Потому как он что тот червяк или еще какая минога глистоватая. Мы такую мерзость берем и сапогами в труху давим.

Чтобы не посмела боле в наши города приходиться, меж добрых людей шастать.

Не будешь ты, падаль, наших улиц слизью своей поганить! Бей его, парни!

— Геральт! Лови!

Он поймал на лету брошенную ему клепку, отскочил от удара палки, врезал квадратному сбоку по голове, закружился, треснул бандита в кожухе в локоть, тот крикнул и уронил тесак. Ведьмак ударил его в сгиб колена и повалил, тут же развернулся в сторону и ударил клепкой в висок. Не дожидаясь, пока бандит упадет, и не прерывая движения, снова увернулся от палки квадратного, влупил ему по сжатым на рукояти пальцам.

Квадратный заревел от боли и уронил палку, а Геральт ударил его поочередно в ухо, по ребрам и в другое ухо. А потом пнул в промежность, с размаху. Квадратный упал и сделался круглым, свернувшись, корчась и тыкаясь в землю лицом.

Смуглый, самый высокий и быстрый из тройки, заплясал вокруг ведьмака. Ловко перебрасывая нож из руки в руку, атаковал на согнутых ногах, размахивая им крест-накрест. Геральт без труда избегал взмахов, отступал, ожидал, пока он удлинит шаг. А когда это произошло, размашистым ударом клепки отразил нож, пируэтом обогнул нападавшего и ударил его в затылок.

Головорез упал на колени, а ведьмак треснул его в правую почку. Треснутый завыл и

вытянулся, и тогда ведьмак ударил его клепкой пониже уха, в нерв. Известный медикам как околоушное сплетение.

— Ой-ей, — сказал он, стоя над извивающимся, задыхающимся и давящимся от крика, — это должно быть больно.

Бандит в коже вытянул из-за пояса топорик, но не вставал с коленей, неуверенный, что ему делать. Геральт развеял его сомнения, врезав клепкой по шее.

К улочке, расталкивая толпящихся зевак, сбегались кнехты из городской стражи. Лютик успокаивал их, ссылаясь на связи, лихорадочно объяснял, кто был нападавшим, а кто действовал в целях самообороны. Ведьмак жестами подозвал барда.

— Проследи, — пояснил он, — чтобы этих сволочей связали. Повлияй на кузена инстингатора, чтобы как следует их прижал. Либо они сами причастны к краже мечей, либо кто-то их нанял. Они знали, что я безоружен, потому и отважились напасть. Клепку отдай бондарям.

— Я был вынужден купить эту клепку, — признался Лютик. — И, как видно, не зря. Неплохо, как я вижу, ты владеешь этой дощечкой. Тебе следует носить ее с собой.

— Я иду к чародейке. С визитом. Я должен к ней идти с клепкой?

— На чародейку, — поморщился бард, — понадобилось бы что-нибудь потяжелее, факт. Например, оглобля. Один мой знакомый философ говаривал: идя к женщине, не забудь взять с собой...

— Лютик.

— Ладно, ладно, я объясню тебе, как попасть к магичке. Но сперва, если я могу посоветовать...

— Ну?

— Посети баню. И цирюльника.

* * *

Глава Пятая

Берегитесь разочарований, ибо впечатления бывают ошибочны. Вещи редко бывают такими, какими кажутся. А женщины — никогда.

Лютик, «Полвека поэзии»

Вода в чаше фонтана завертелась и забурлила, разбрызгивая золотистые капельки. Литта Нейд, по прозвищу Коралл, чародейка, вытянула руку и произнесла стабилизирующее заклинание. Поверхность воды разгладилась, будто политая маслом, запульсировала вспышками. Образ, изначально нечеткий и туманный, приобрел резкость и перестал дрожать, стал ясным и отчетливым, несмотря на то, что был немного размыт движением воды. Коралл наклонилась. В воде она видела Рынок Специй — главную улицу города.

И шагающего по улице беловолосого мужчину. Чародейка вгляделась. Она наблюдала. Искала подсказки. Какие-то подробности. Детали, которые позволили бы ей точно оценить происходящее. И предвидеть, что произойдет.

О том, что такое настоящий мужчина, Литта имела выработанное мнение, сформированное годами опыта. Она умела распознать истинного мужчину во множестве более или менее удачных имитаций. По крайней мере, ей не нужно было прибегать с этой целью к физическому контакту, каковой способ тестирования мужественности она, как и остальные чародейки, считала не только банальным, но и вводящим в заблуждение и ведущим по ложному пути. Непосредственная дегустация, как выяснила чародейка после серии опытов, может и является в какой-то мере пробой вкуса, но слишком часто оставляет неприятное послевкусие. Вызывает несварение. Изжогу. А иногда и рвоту.

Литта могла разглядеть настоящего мужчину издали, на основании точных и, казалось бы, незначительных предпосылок. Настоящий мужчина, как выяснила на практике чародейка, обожает рыбалку, но исключительно на искусственную наживку. Собирает фигурки солдатиков, эротические рисунки и собственноручно сделанные модели парусников, в том числе и помещенные в бутылки, а в пустых бутылках из-под дорогих напитков в его хозяйстве никогда нет недостатка. Он умеет отлично готовить, у него получаются истинные шедевры кулинарного искусства. Ну и, в целом говоря, сам его вид вызывает желание.

Ведьмак Геральт, о котором чародейка много слышала, о котором получила кучу информации, и которого, собственно, видела в воде бассейна, соответствовал, как ей казалось, только одному из вышеупомянутых условий.

— Мозаик!

— Я здесь, госпожа магистр.

— У нас будет гость. Чтобы мне все было готово, и на уровне. Но сначала принеси мне платье.

— Цвета чайной розы? Или морской воды?

— Белое. Он носит черное, устроим ему инь и ян. И туфельки, выбери что-нибудь под цвет платья, но не менее, чем с четырехдюймовой шпилькой. Не могу позволить, чтобы он смотрел на меня слишком свысока.

— Госпожа магистр... То белое платье...

— Ну?

— Оно такое...

— Скромное? Без украшений и рюшечек? Эх, Мозаик, Мозаик. Неужели ты никогда не научишься?

* * *

При входе его молча встретил грузный пузатый верзила со сломанным носом и маленькими поросычьими глазками. Он оглядел Геральта с головы до ног и еще раз в обратном направлении. После чего отошел в сторону, давая знак, что можно войти.

В прихожей ждала девушка с гладко зачесанными, даже прилизанными волосами. Без слов, одним жестом она пригласила его внутрь.

Геральт вошел в поросший цветами внутренний дворик с плещущимся фонтаном внутри. В центре фонтана стояла мраморная статуэтка, изображающая обнаженную танцующую девушку, даже скорее девочку, учитывая малоразвитые вторичные половые признаки. Кроме того, что она вышла из-под резца мастера, статуэтка обращала на себя внимание еще одной деталью: с цоколем ее соединяла только одна точка — большой палец ноги. Никким образом, оценил ведьмак, эту конструкцию не удалось бы сделать устойчивой без помощи магии.

— Геральт из Ривии. Здравствуй. Прошу.

Для того чтобы считаться классически красивой, чародейка Литта Нейд имела слишком резкие черты лица. Румяна персикового цвета, которыми были слегка покрыты ее скулы, сглаживали эту остроту, но не скрывали ее. Подчеркнутые коралловой помадой губы имели идеальную форму. Даже слишком идеальную. Но дело было не в этом.

Литта Нейд была рыжая. Классически и натурально рыжая.

Богатая оттенками, светло-ржавая рыжина ее волос вызывала ассоциации с летним мехом лисы. Геральт был абсолютно убежден, что если поймать рыжую лису и посадить рядом с Литтой, обе оказались бы одной масти и их невозможно было бы различить. А когда чародейка двигала головой, в рыжине вспыхивали более светлые, желтоватые акценты, точно как в лисьей шерсти. Рыжина этого типа, как правило, сопровождалась веснушками, и, как правило, веснушек этих было в избытке. Однако у Литты их не было вообще.

Геральт ощутил беспокойство, забытое и уснувшее было, но внезапно пробуждающееся

где-то в глубине души. Странная и труднообъяснимая склонность к рыжеволосым женщинам была в его природе и пару раз этот цвет волос уже подталкивал его к совершению глупостей. Посему следовало остерегаться, и ведьмак твердо решил так и делать. Впрочем, задача была для него несложной. Прошел год с того времени, как совершение глупостей подобного рода перестало его искушать.

Возбуждающий рыжий цвет волос был не единственной привлекательной чертой чародейки. Снежно-белое платье было скромным и абсолютно без украшений, и это имело свою цель, цель точную, и, безо всяких сомнений, намеренную. Простота не рассеивала внимания смотрящего, сосредотачивая его на привлекательной фигуре.

И на глубоком декольте. Кратко говоря, в иллюстрированном издании «Хорошей Книги» пророка Лебеды Литта Нейд успешно могла бы позировать для гравюры, открывающей главу «О похоти нечистой».

Говоря еще более кратко, Литта Нейд была женщиной, с которой только полный идиот мог связаться дольше, чем на двое суток. Интересным было то, что именно за такими женщинами, как правило, бегали толпы мужчин, склонных ко вступлению в долгосрочные отношения.

Она пахла фрезией и абрикосом.

Геральт поклонился, после чего притворился, что статуэтка в фонтане интересует его больше, чем фигура и декольте чародейки.

— Прошу, — повторила Литта, указывая на стол с малахитовой столешницей и два плетеных кресла.

Она подождала, пока он сядет, и села сама, являя миру изящную лодыжку и туфельку из кожи ящерицы.

Ведьмак притворился, что все его внимание привлекают графины и блюдо с фруктами.

— Вина? Это Нурагус из Туссента, на мой взгляд, интереснее, чем знаменитое Эст-Эст. Есть еще Кот-де-Блессюр, если предпочитаешь красное. Налей нам, Мозаик.

— Спасибо, — ведьмак принял из рук прилизанной девушки чашу, улыбнулся ей. — Мозаик. Красивое имя.

В ее глазах ведьмак заметил ужас.

Литта Нейд поставила чашу на стол. Со стуком, который должен был привлечь его внимание.

— Что же, — мотнула она головой и рыжими локонами, — привело знаменитого Геральта из Ривии в мою скромную обитель? Умираю от любопытства.

— Ты заплатила за меня залог, — сказал ведьмак с намеренной сухостью в голосе. — Поручилась, значит. Благодаря твоей щедрости я вышел из тюрьмы. В которую попал тоже благодаря тебе. Правда? Это из-за тебя я провел в камере неделю?

— Четыре дня.

— Четверо суток. Хотелось бы, если возможно, узнать причины, которыми ты руководствовалась. Обе.

— Обе? — чародейка подняла брови и чашу. — Есть только одна. Одна и та же.

— Ага, — ведьмак делал вид, что посвящает все внимание Мозаик, слоняющейся по противоположной стороне дворика. — По той самой причине, по которой донесла на меня и упекла в каталажку, ты меня потом из этой самой каталажки вытащила?

— Браво.

— Тогда спрошу — зачем?

— Чтобы доказать тебе, что я могу это сделать.

Ведьмак глотнул вина, которое на самом деле было превосходным.

— Ты доказала, — кивнул Геральт, — что можешь. В принципе, ты могла бы мне это просто сообщить, встретив, например, на улице. Я бы поверил. Однако ты хотела сделать по-другому и более убедительно. Поэтому спрошу — что дальше?

— Сама над этим размышляю, — чародейка хищно взглянула на него из-под ресниц. — Но пусть все идет так, как должно. Пока скажем так: я действую от имени и на пользу

некоторых своих собратьев. Чародеев, которые имеют на тебя определенные планы. Означенные чародеи, которым известны мои дипломатические способности, посчитали меня лицом, подходящим для того, чтобы об их планах тебя уведомить. На данный момент это все, что я могу тебе сообщить.

— Это очень мало.

— Ты прав. Однако, на данный момент, и мне стыдно в этом признаваться, я сама знаю не больше твоего. Я не ожидала, что ты так быстро появишься, что так рано узнаешь, кто внес за тебя залог. Это должно было, как меня уверяли, остаться в тайне. Когда буду знать больше — сообщу больше. Будь терпелив.

— А дело о моих мечях? Это элемент той же игры? Этих тайных чародейских планов? Или очередное доказательство того, на что ты способна?

— Мне ничего не известно о твоих мечях, что бы это ни значило и чего бы ни касалось.

Ведьмак не поверил до конца, однако не стал продолжать тему.

— Твои собратья-чародеи, — сказал он, — в последнее время наперегонки демонстрируют мне свою антипатию и враждебность. Из шкуры лезут, чтобы докучать мне и испортить жизнь. В каждой неприятности, которая случается со мной, я вправе искать отпечатки их пальцев. Полоса несчастных случаев... Меня бросают в тюрьму, потом выпускают, потом сообщают, что имеют на мой счет планы. Что твои собратья выдумают на этот раз? Боюсь даже строить догадки. А ты, весьма дипломатично, признаю, советуешь мне быть терпеливым. Но ведь у меня нет выхода. Я и так вынужден ожидать, пока возбужденное из-за твоего доноса дело попадет на рассмотрение.

— Но в то же время, — улыбнулась чародейка, — ты можешь в полной мере пользоваться свободой и наслаждаться ее благами. Перед судом ты будешь отвечать как свободный человек. Если дело вообще попадет на рассмотрение, что еще совсем не факт. А даже если и попадет, то, поверь мне, тебе не о чем волноваться. Доверься мне.

— С доверием, — ведьмак улыбнулся в ответ, — могут возникнуть трудности. Начинания твоих собратьев в последнее время сильно подорвали мое доверие. Но я постараюсь. А сейчас пойду уже. Дабы доверять и терпеливо ждать. Разреши откланяться.

— Погоди кланяться. Еще минуту. Мозаик, вино.

Чародейка сменила позу, сидя в кресле. Ведьмак и дальше упрямо делал вид, что не замечает видимого в разрезе платья колена и бедра.

— Что ж, — спустя мгновение произнесла чародейка, — нечего ходить вокруг да около. Ведьмаки никогда не пользовались расположением в нашем сообществе, но нам было достаточно вас игнорировать. Так было до определенного момента.

— До момента, — ведьмак был по горло сыт, — когда я связался с Йеннифэр.

— Как раз нет, ошибаешься, — чародейка вперила в него глаза цвета нефрита. — Даже дважды. *Primo*, это не ты связался с Йеннифэр, а она с тобой. *Secundo*, ваша связь мало кого раздражала, среди нас случались и более экстравагантные поступки. Поворотной точкой было ваше расставание. Когда же это случилось? Год назад? Ах, как же быстро летит время...

Коралл сделала эффектную паузу, ожидая его реакции.

— Ровно год назад, — продолжила она, когда стало понятно, что реакции не будет, — часть сообщества... не слишком большая, но влиятельная... соизволила обратить на тебя внимание. Не всем было ясно, что же, собственно, между вами произошло. Одни из нас считали, что это Йеннифэр, очнувшись, порвала с тобой и прогнала прочь.

Другие брали на себя смелость предполагать, что это ты, прозрев, дал ей от ворот поворот и сбежал к черту на рога. В итоге, помнится мне, ты стал предметом интереса. И, как ты сам правильно заметил, антипатии. Даже больше, были такие, кто хотел тебя как-то наказать. К счастью для тебя, большинство решило, что игра не стоит свеч.

— А ты? К которой части принадлежала ты?

— К той, — Литта скривила коралловые губы, — которую твоя любовная интрижка, представь себе, не более чем развлекала. Иногда смешила. Иногда обеспечивала настоящие

азартные развлечения. Лично я тебе, ведьмак, обязана значительным притоком наличных. Мы спорили, сколько ты выдержишь с Йеннифэр, ставки были высоки. Моя оказалась ближе всех к истине. И я сорвала куш.

— В таком случае будет лучше, если я уйду. Я не должен навещать тебя, нас вообще не должны видеть вместе. Иначе подумают, что мы сфальсифицировали пари.

— Тебя волнует, что подумают?

— Мало. А твой выигрыш меня радует. Я намеревался вернуть тебе пятьсот крон, которые ты заплатила в качестве залога. Но раз ты сорвала куш, ставя на меня, то я больше не чувствую себя обязанным. Одно другого стоит.

— Упоминание о возвращении залога, — в зеленых глазах Литты появился злой блеск, — не означает, надеюсь, намерения выбраться из города и сбежать? Не дожидаясь решения суда? Нет, нет, ты не имеешь и не можешь иметь такого намерения. Отлично ведь знаешь, что подобное намерение обеспечило бы тебе возвращение за решетку. Знаешь же, правда?

— Ты не должна доказывать мне, на что способна.

— Хотела бы я, чтобы это было не нужно, говорю, положая руку на сердце.

Чародейка положила руку на декольте, явно желая привлечь туда его взгляд. Ведьмак сделал вид, что не заметил, снова взглянул в сторону Мозаик. Литта фыркнула.

— Что же касается разделения выигрыша, — сказала чародейка, — то ты прав. Я должна тебе. Не осмелюсь предлагать деньги, но... что скажешь на неограниченный кредит в «Natura Regum»? На время твоего пребывания здесь? Из-за меня твой предыдущий визит в аустерию закончился, не успев начаться, так что...

— Нет, спасибо. Ценю желание и намерение, благодарю, но нет.

— Уверен? Что же, вижу, что уверен. Я не должна была вспоминать о... том, что отправила тебя в тюрьму. Ты меня спровоцировал. И задурил голову. Твои глаза, эти странные глаза мутанта, на первый взгляд такие искренние, все время блуждают. И обманывают. Ты неискренен, о, нет. Знаю, знаю, из уст чародейки это звучит как комплимент. Ты же это хотел сказать, правда?

— Браво.

— А хватило бы тебя на искренность, если бы я ее потребовала?

— Если бы ты ее попросила.

— Ах. Ну, пусть так. Тогда прошу. Почему именно Йеннифэр? Она, никто другой? Можешь это объяснить? Назвать?

— Если это предмет очередного пари...

— Это не предмет пари. Почему именно Йеннифэр из Венгерберга?

Мозаик появилась, как тень. С новым графином и печеньем. Геральт посмотрел ей в глаза. Девушка немедленно отвернулась.

— Почему Йеннифэр? — повторил ведьмак, глядя во все глаза на Мозаик. — Почему именно она? Искренне скажу: не знаю. Есть такие женщины. Хватает единственного взгляда...

Мозаик разомкнула губы, легко качнула головой. С отрицанием и удивлением. Она понимала. И умоляла, чтобы он остановился. Но он зашел уже слишком далеко в своей игре.

— Есть женщины, — взгляд Геральта и дальше блуждал по фигуре девушки, — которые притягивают. Как магнит. От которых глаз не оторвать...

— Оставь нас, Мозаик, — в голосе Литты слышался скрежет льдины, трущейся о железо. — А тебя, Геральт из Ривии, благодарю. За визит. За терпение. И за искренность.

* * *

Глава Шестая

Меч ведьмачий (фиг. 40) тем характерен, что является как бы

совокупностью других мечей, квинтэссенцией всего наилучшего в другом оружии. Первоклассная сталь и методковки краснолюдских металлургов и кузнецов, придают клинку не только легкость, но и чрезвычайную гибкость. Заточен ведьмачий меч также краснолюдским методом, методом, к тому же, тайным, и который тайным на века останется, потому что горные карлики о своих секретах пекутся весьма. Мечом же заточенным краснолюдьми, подброшенный в воздух шелковый платок надвое рассечь можно. Подобные трюки, как известно со слов очевидцев, своими мечами ведьмаки вытворять умели.

Пандольфо Фортеггерра, Трактат о холодном оружии

Короткая утренняя гроза и дождь освежили воздух ненадолго, вскоре принесенная бризом из Пальмиры вонь отходов, горелого жира и тухлой рыбы стала надоедать вновь.

Геральт переночевал на постоялом дворе у Лютика. Занимаемая бардом комнатка была уютной. В буквальном смысле: чтобы добраться до койки, надо было крепко прижаться к стене. К счастью, на койке помещались двое и на ней удалось поспать, хотя она адски трещала, а матрац, набитый сеном, был сильно утрамбован приезжими купцами, известными любителями интенсивного внебрачного секса.

Геральту, невесть к чему, ночью приснилась Литта Нейд.

Завтракать отправились на ближайший рынок, в закусную, где, как успел выяснить бард, подавали невероятные сардины. Лютик угощал. Геральт не спорил. В конце концов, часто бывало наоборот, когда Лютик, будучи без гроша, пользовался его щедростью.

Уселись за грубо обстроганным столом и принялись за прожаренные до хруста сардины, которые принесли им на деревянном блюде, большом, как колесо от тачки. Лютик, как заметил ведьмак, время от времени боязливо озирался. И замирал, когда ему казалось, что какой-то прохожий слишком навязчиво к ним присматривается.

— Думаю, следовало бы, — пробурчал он, наконец, — однако, обзавестись тебе каким-нибудь оружием. И носить его на виду. Стоило бы вынести урок из вчерашнего происшествия, не считаешь? О, глянь, видишь, там выставлены щиты и кольчуги? Это оружейная мастерская. Мечи там тоже имеются, не иначе.

— В этом городе, — Геральт обгрыз хребет сардины и выплюнул плавник, — оружие под запретом, у приезжих оружие отбирают. Похоже, только бандиты могут здесь расхаживать вооруженными.

— Могут и расхаживают, — бард движением головы указал на проходящего рядом здоровяка с большим бердышом на плече. — Но в Керике запреты издает, следит за их исполнением и наказывает за их нарушение Феррант де Леттенхоф, являющийся, как ты знаешь, моим двоюродным братом. А поскольку кумовство является священным законом природы, то здешними запретами мы оба можем пренебрегать. Настоящим утверждаю наше право на владение и ношение оружия. Закончим завтракать и пойдем покупать тебе меч. Милсдарыня хозяйка! Замечательная у вас рыбка! Пожалуйста, зажарьте еще десяток!

— Ем эти сардины, — Геральт выбросил обгрызанный хребет, — и убеждаюсь, что потеря мечей есть не что иное, как наказание за алчность и снобизм. За то, что захотелось мне роскоши. Подвернулась работа поблизости, задумал таким образом попасть в Керик и попить в «Natura Regum», трактире, о котором твердят по всему свету. А стоило бы где-нибудь в другом месте съесть супа с потрохами, капусты с горохом или рыбной похлебки...

— Между прочим, — Лютик облил пальцы, — эта «Natura Regum», хоть и заслуженно славится своей кухней, лишь одно из многих достойных мест. Есть заведения, где потчуют не хуже, а бывает, что и лучше. Хотя бы «Шафран и Перец» в Горс Велене или «Нен Сербин» в Новиграде, с собственной пивоварней. Или «Сонатина» в Цидарисе, недалеко отсюда, где самые лучшие морепродукты на всем побережье. «Риволи» в Мариборе и тамошний глухарь по-брокилонски, нашпигованный салом, вкусотища. «Жернова» в Альдерсберге и их знаменитая корейка из зайца со сморчками а-ля король Видмон.

«Хофмайер» в Хирунде, эх, попасть бы туда осенью, в Саовину, на печеного гуся в грушевом соусе... Или «Два Вьюна», в нескольких милях за Ард Каррайгом, обычная корчма на перепутье, а подают лучшие свиные рульки, какие я ел в жизни... Ха! Глянь, кто к нам пожаловал. Легко на помине! Привет, Феррант... То есть, хмм... господин инстигатор...

Феррант де Леттенхоф подошел к ним, жестом приказывая свите, чтобы остались на улице.

— Юлиан. Господин из Ривии. Я прибыл с известиями.

— Не скрою, — ответил Геральт, — я уже беспокоился. Какие показания дали преступники? Те, которые вчера напали на меня, пользуясь тем, что я был безоружен? Они говорили об этом громко и совершенно открыто. Это доказывает, что они замешаны в краже моих мечей.

— Доказательств этому, к сожалению, не достаточно, — пожал плечами инстигатор, — эти трое задержанных — обычные отбросы, к тому же не слишком смысленные. Напасть осмелились, это правда, из-за того, что ты был безоружен. Слух о краже разошелся невероятно быстро, заслуга в этом, полагаю, милсдарынь из кордегардии. И тут же нашлись желающие... Что, впрочем, не удивительно. Ты не принадлежишь к лицам особенно почитаемым... И не заботишься о репутации и популярности. Находясь под арестом, избил сокамерников...

— Ясно, — кивнул головой ведьмак, — это все моя вина. Те вчерашние тоже пострадали. Не жаловались они? Не обратились за возмещением ущерба?

Лютик засмеялся, но тут же умолк.

— Свидетели вчерашнего происшествия, — жестко сказал Феррант де Леттенхоф, — дали показания, что этих троих избили бондарной клепкой. И что избили необыкновенно жестоко. Так жестоко, что один из них... испачкался.

— Это наверняка от волнения.

— Били их, — инстигатор не изменил выражения лица, — даже тогда, когда они уже были повержены и не представляли угрозы. А это означает превышение пределов необходимой самообороны.

— А я не боюсь. У меня хороший адвокат.

— Может, сардинки? — прервал тягостное молчание Лютик.

— Должен сообщить, — сказал, наконец, инстигатор, — что расследование продолжается. Вчерашние арестованные к краже мечей отношения не имеют. Мы допросили нескольких лиц, которые могли быть причастны к преступлению, но доказательств не нашли. Информаторы не смогли дать ни одной зацепки. Известно, однако... и это главное, почему я пришел... что слух о мечях вызвал переполох среди местной преступности. Вроде бы даже появились приезжие, жаждущие испытать себя против ведьмака, особенно невооруженного. Рекомендую сохранять бдительность. Я не могу исключить очередных инцидентов. Я также не уверен, Юлиан, что в этой ситуации компания господина из Ривии...

— В компании Геральта, — боевито прервал трубадур, — я бывал в намного более опасных местах и ситуациях, с какими здешняя шпана и рядом не валялась. Обеспечь нам, кузен, если ты находишь это целесообразным, вооруженный эскорт. Для отпугивающего эффекта. Потому что когда мы с Геральтом зададим трепку очередному трусливому отребью, то начнется скулеж о превышении пределов необходимой самообороны.

— Если это действительно отребье, — сказал Геральт. — А не профессиональные убийцы, нанятые кем-то за деньги. Рассматривает ли следствие такой вариант?

— Во внимание приняты все возможные варианты, — отрезал Феррант де Леттенхоф. — Следствие будет продолжено. Эскорт я предоставлю.

— Мы рады.

— Всего доброго. Желаю удачи.

Над крышами города кричали чайки.

Визит к оружейнику, как оказалось, не принес никакого толку. Геральт бросил беглый взгляд на предложенные мечи. Когда же узнал их цены, пожал плечами и без единого слова покинул магазин.

— Я думал, — Лютик присоединился на улице, — что мы договорились. Ты должен был купить хоть что-нибудь, лишь бы не выглядеть незащитным!

— Я не буду тратить деньги на «что-нибудь». Даже если это твои деньги. Это был хлам, Лютик. Примитивные мечи массового изготовления. И парадные придворные мечики, годящиеся для маскарадного бала, если бы ты захотел нарядиться фехтовальщиком. Цены же при этом такие, что вызывают только усмешку.

— Давай найдем другой магазин! Или мастерскую!

— Везде будет одно и то же. Здесь продают любое дешевое оружие, которое сможет послужить лишь в одной приличной схватке. И не послужит вновь тому, кто победил: взятое с поля боя, оно уже непригодно к использованию. И еще продают блестящие безделушки, с которыми щеголяют франты. И которыми даже колбасу не порежешь. Разве что паштетную.

— Как обычно, преувеличиваешь!

— В твоих устах это комплимент.

— Невольный! Тогда где, скажи мне, взять хороший меч? Не хуже того, который украли? Или даже лучший?

— Есть, конечно, мастера оружейного дела. Может, и нашелся бы у них какой приличный клинок на складе. Но мне необходим меч, подогнанный к руке. Кованый и выполненный на заказ. Это занимает несколько месяцев, а бывает, что и год. У меня нет столько времени.

— Но хоть каким-то мечом ты должен обзавестись, — резонно заметил бард, — и по мне, как можно быстрее. Что же остается? Может...

Лютик понизил голос, осмотрелся.

— Может... Может, Каэр Морхен? Там наверняка...

— Разумеется, — прервал Геральт, сжимая челюсти. — А как же. Там по-прежнему есть достаточно клинков, полный выбор, включая серебряные. Но это далеко, и нет почти ни дня без грозы и ливня. Реки поднялись, дороги размыло. Поездка заняла бы у меня около месяца. Кроме того...

Пнул со злости брошенное кем-то дырявое лукошко.

— Я позволил себя обокрасть, Лютик, одурачить и обокрасть, как последний олух. Весемир высмеял бы меня нещадно, друзья, если бы в тот момент оказались в Крепости, тоже не упустили бы случая посмеяться надо мной вдоволь. Нет. Это не входит, черт возьми, в мои планы. Я должен справиться иначе. И сам.

Они услышали звуки флейты и бубна. Вышли на площадку, на которой располагался овощной рынок, и группа вагантов давала представление. Репертуар исполняли предобеденный, то есть примитивно глупый и совсем не смешной. Лютик шагнул между прилавками и с достойными восхищения, но неожиданными для поэта познаниями, тотчас же занялся оценкой и дегустацией красующихся на прилавках огурцов, свеклы и яблок, всякий раз заводя дискуссии и флирт с торговками.

— Квашеная капуста! — известил он, набирая названную из бочки с помощью деревянных щипцов. — Попробуй, Геральт. Чудесная, правда? Такая капуста — вкусная и полезная вещь. Зимой, когда недостаток витаминов, она защищает от цинги. Кроме того, является прекрасным антидепрессивным средством.

— Как это?

— Съедаешь гарнец квашеной капусты, запиваешь гарнцем кислого молока... и вскоре депрессия становится наименьшей из твоих забот. Ты забываешь о депрессии. Порой надолго. К кому это ты так присматриваешься? Что это за девица?

— Знакомая. Подожди здесь. Перекинусь с ней парой слов и вернусь.

Замеченной девушкой была Мозаик, которую он видел у Литты Нейд. Робкая, гладко

прилизанная ученица чародейки. В скромном, но элегантном платье цвета палисандра. И котурнах на высокой подошве, в которых ступала весьма грациозно, несмотря на неровную мостовую, усыпанную скользкими овощными отходами.

Ведьмак подошел, застав ее у лавки с помидорами, которые она складывала в корзину, повешенную дужкой на сгибе локтя.

— Привет.

Она слегка побледнела увидев его, несмотря на без того бледную кожу. А если бы не прилавок, то отступила бы на шаг или два. Сделала движение, словно хотела скрыть корзину за спиной. Нет, не корзину. Руку. Она скрывала предплечье и ладонь, плотно обернутую шелковым платком. Он не упустил этого сигнала, и необъяснимый импульс заставил его действовать. Геральт схватил руку девушки.

— Отпусти, — шепнула она, пытаясь вырваться.

— Покажи. Я настаиваю.

— Не здесь...

Она позволила проводить себя подальше от рынка, в место, где они могли побыть хоть немного наедине. Ведьмак развернул платок. И не смог сдержаться. Выругался. Длинно и грязно.

Левая ладонь девушки была перевернута. Перекручена в запястье. Большой палец торчал влево, верхняя сторона ладони была направлена вниз. А внутренняя сторона кверху. Линия жизни длинная и четкая, оценил он машинально. Линия сердца отчетливая, но неровная и прерывистая.

— Кто тебе это сделал? Она?

— Ты.

— Что?

— Ты! — вырвала она ладонь. — Ты использовал меня, чтобы над ней подшутить. Она такое безнаказанным не оставляет.

— Я не мог...

— Предвидеть? — взглянула она ему в глаза. Он неверно её оценил, она не была застенчивой и боязливой, — ты мог и должен был. Но ты предпочел поиграть с огнем. Оно хоть того стоило? Получил удовлетворение, поправил самочувствие? Было чем похвалиться в кабаке перед приятелями?

Он не ответил. Не находил слов. А Мозаик, к его изумлению, внезапно улыбнулась.

— Я не держу на тебя зла, — сказала она раскованно, — меня и саму развеселила твоя игра. Если бы я так не боялась, то засмеялась бы. Отдай корзину, я спешу. Мне еще нужно сделать покупки. И у меня назначена встреча с алхимиком...

— Подожди. Этого нельзя так оставить.

— Прошу, — голос Мозаик слегка изменился, — не вмешивайся. Только сделаешь хуже...

— А мне, — добавила спустя минуту, — и так еще повезло. Она отнеслась ко мне милосердно.

— Милосердно?

— Она могла мне выкрутить обе ладони. Могла выкрутить стопу, пяткой вперед. Могла стопы поменять, левую на правую и *vice versa*, я видела, как она другим такое делала.

— А это...?

— Больно? Недолго. Потому что я почти тотчас же потеряла сознание. Что ты так смотришь? Так и было. И надеюсь на то же самое, когда она мне ладонь будет выкручивать обратно. Через несколько дней, когда насытится мстью.

— Я иду к ней. Сейчас же.

— Плохая идея. Ты не можешь...

Он прервал её быстрым жестом. Услышал, как шумит толпа, увидел, как она расступается. Ваганты перестали играть. Заметил Лютика, подающего ему издалека резкие и отчаянные знаки.

— Ты! Ведьминская зараза! Я вызываю тебя на поединок! Мы будем биться!

— Чтоб меня, дьявол. Отойди, Мозаик.

Из толпы вышел низкий и коренастый тип в кожаной маске и кирасе из *cuir bouilli*, укрепленной бычьей кожи. Тип, покачивая трезубцем в правой руке, внезапным движением левой руки развернул в воздухе рыбацкую сеть, замахал и затряс ею.

— Я Тонтон Зрога, именуемый Ретиарием! Я вызываю тебя на бой, ведь...

Геральт поднял руку и ударил его Знаком Аард, вложив в него столько энергии, сколько мог. Толпа закричала. Тонтон Зрога, именуемый Ретиарием, взлетел в воздух и, дрыгая ногами, опутанный собственной сетью, снес собой прилавок с баранками, тяжело грохнулся о землю и с громким звоном врезался головой в чугунную статую сидящего на корточках гнома, неизвестно для чего выставленную перед магазином, предлагающим портновские аксессуары. Ваганты наградили полет громогласными аплодисментами. Ретиарий лежал, живой, хотя и подающий слабые признаки жизни. Геральт не спеша подошел и с размаху пнул его в область печени. Кто-то поймал его за рукав. Мозаик.

— Нет. Я прошу. Пожалуйста, нет. Так нельзя.

Геральт попинал бы «рыбака» еще, потому что хорошо знал, чего нельзя, что можно, а что необходимо. И спуску в таких делах не привык давать никому. Особенно людям, которых никогда не пинали.

— Я прошу, — повторила Мозаик, — не отыгрывайся на нем. За меня. За нее. И за то, что ты сам утратил.

Он послушался. Взял её за плечи. И взглянул в глаза.

— Я иду к твоей мэтрессе, — объявил он жестко.

— Это нехорошо, — покрутила она головой, — будут последствия.

— Для тебя?

— Нет. Не для меня.

* * *

Глава Седьмая

Wild nights! Wild nights!

Were I with thee,

Wild nights should be

Our luxury!

Emily Dickinson

So daily I renew my idle duty

I touch her here and there — I know my place

I kiss her open mouth and

I praise her beauty

And people call me traitor to my face.

Leonard Cohen

Бедро чародейки украшала искусная, сказочно сложная и красочная татуировка, подробно изображающая полосатую рыбку яркой расцветки.

Nil admirari, думал ведьмак. *Nil admirari*.

*

— Не верю своим глазам, — сказала Литта Нейд.

*

В том, что произошло, в том, что вышло, как вышло, виноват он сам, и никто другой. На пути к вилле чародейки был сад, и он не смог удержаться от соблазна сорвать одну из растущих на клумбе фрезий. Он помнил запах, доминирующий в ее духах.

— Не верю своим глазам, — повторила Литта, стоя в дверях. Она вышла к нему сама, неуклюжего привратника не было. Может, у него был выходной.

— Ты пришел, я думаю, чтобы выругать меня за руку Мозаик. И принес мне цветок. Белую фрезью. Заходи, а то произойдет сенсация, и весь город наполнится слухами. Мужчина с цветком на моем пороге! Старожилы не припомнят ничего подобного.

На ней было свободное черное платье, сочетание шелка и шифона, легкие волны пробегали по нему при малейшем движении воздуха. Ведьмак стоял, смотрел, все еще с фрезией в протянутой руке, заставлял себя улыбнуться и никак не мог. *Nil admirari*, повторял он мысленно максиму, которую помнил из Оксенфурта, университета, где видел ее на картуше над входом на кафедре философии. Мысленно повторял эту максиму все время, пока шел к вилле Литты.

— Не ругай меня, — она взяла фрезью из его пальцев. — Руку девушке я исправлю, как только она придет. Безболезненно. Может быть, даже извинюсь. Извинюсь перед тобой. Только не ругай меня.

Он покачал головой и снова попытался улыбнуться. Не получилось.

— Интересно, — она приблизила фрезью к лицу и впилась в него своими нефритовыми глазами, — ты знаешь символику цветов? И их секретный язык? Ты знаешь, о чем говорит эта фрезия, и вполне сознательно передаешь мне ее послание? Или этот цветок взят чисто случайно, а послание... Подсознательное?

Nil admirari.

— Но это не имеет значения, — она подошла к нему, очень близко. — Или потому, что ты четко, сознательно и целенаправленно сигнализируешь мне, чего ты хочешь... Или ты скрываешь желание, которое твое подсознание выдает. В обоих случаях я должна тебя благодарить. За цветок. И за то, что он говорит. Спасибо. Я тебя отблагодарю. Подарком или как-нибудь иначе. Вот этот шнурочек... Потяни за него. Смелее.

Что я делаю, подумал он, потянув. Плетеный шнурок плавно выскользнул из ряда отверстий. До самого конца. А потом шелк и шифон стекли с Литты как вода, мягко нагромождаясь вокруг ее лодыжек. Он на мгновение закрыл глаза, ее нагота поразила его, как внезапная вспышка света. Что я делаю, думал он, обнимая ее шею. Что я делаю, думал он, ощущая вкус коралловой помады на ее губах. То, что я делаю, абсолютно лишено смысла, думал он, осторожно направляя ее к комоду в патио и усаживая на малахитовую крышку.

Пахло фрезией и абрикосом. И чем-то еще. Может, мандарином. Может быть, ветивером.

Какое-то время это продолжалось, но потом комод начал довольно сильно шататься. Коралл, крепко обнимая его, ни на миг не выпускала фрезью. Запах цветка не перебивал ее запаха.

— Твой энтузиазм мне льстит, — она оторвала губы от его губ и только потом открыла глаза. — И очень радуется. Но у меня есть кровать, ты знаешь?

*

Действительно, у нее была кровать. Огромная. Просторная, как палуба фрегата. Она повела его туда, и он последовал за ней, не в состоянии насмотреться. Она не оглядывалась. Не сомневалась, что он следует за ней. Что без колебаний пойдет туда, куда она его поведет. Не отрывая глаз.

Кровать была огромная, с балдахином, постельное белье было шелковым, а простыня сатиновой.

Использовали кровать, всю, без преувеличения, целиком, во всех отношениях, каждый дюйм. Каждую пядь постели. И каждую складочку простыни.

*

— Литта....

— Можешь называть меня Коралл. Но сейчас ничего не говори.

Nil admirari. Запах фрезии и абрикоса. Рыжие волосы разбросаны по подушке.

*

— Литта....

— Можешь называть меня Коралл. И можешь сделать мне это еще раз.

*

Бедро Литты украшала искусная, сказочно сложная и красочная татуировка, подробно изображающая полосатую рыбку яркой расцветки, с огромными плавниками треугольной формы. Эти рыбки называются скаляриями, богачи и снобы-нувориши обычно содержат их в аквариумах и прудах. Для Геральта, и не только для него, эти рыбки всегда ассоциировались со снобизмом и претенциозной помпезностью. Поэтому его удивило, что Коралл выбрала именно такую, а не другую татуировку. Удивление длилось недолго, понимание пришло скоро. Литта Нейд внешне выглядела молодой, да, совсем молодой.

Но татуировка была сделана в годы ее реальной молодости. В те времена, когда привезенные из-за моря рыбки скалярии были действительно диковинкой, привлекающей немногочисленных богачей, выскочки еще не выскочили, и им было не до аквариумов. Ее татуировка как метрика, думал Геральт, лаская скалярию кончиками пальцев. Интересно, что Литта до сих пор носит ее, вместо того чтобы магически удалить. Но, думал он, перемещая ласки в отдаленные от рыбы районы, это приятная память о молодости. Не так легко избавиться от такого сувенира. Даже если он устарел и стал тривиальным.

Он приподнялся на локте и стал внимательно искать на ее теле другие, не менее ностальгические метки. Не нашел. Он и не рассчитывал на это, просто захотелось проверить. Коралл вздохнула. Ей, видимо, надоели абстрактные и малоэффективные странствия его руки, она схватила ее и целенаправленно потянула в конкретное место, единственно правильное по ее собственному мнению. И очень хорошо, подумал Геральт, привлекая волшебницу к себе и погружая лицо в ее волосы.

Подумаешь, полосатая рыба. Как будто нет более важных вещей, которым стоит уделить внимание. О которых стоит думать.

*

Может, и модели парусников, проносились у Коралл хаотические мысли, когда она с трудом восстанавливала прерывистое дыхание. Может быть, и фигурки солдатиков, может, ловля рыбы на искусственную муху. Но то, что имеет значение... Что действительно имеет значение... Это — как меня обнимают.

Геральт обнял ее. Так, как будто его руки были всем миром.

*

В первую ночь они спали мало. И даже когда Литта засыпала, ведьмаку уснуть было сложно. Она обняла рукой его талию так крепко, что он едва мог дышать, а ногу свою перебросила через его бедра.

Во вторую ночь она уже не была такой собственницей. Не удерживала и не обнимала его так сильно, как раньше. Видно, уже не боялась, что утром он сбежит.

*

- Что-то ты задумался. Мина у тебя слишком суровая и мрачная. Причина?
— Обдумываю... Хм... Натурализм наших отношений.
— Что именно?
— Я сказал, что. Натурализм.
— Ты использовал, кажется, слово «отношения»? В самом деле, удивительно емкое семантическое понятие. У тебя, как мне кажется, посткоитальная тоска. Состояние, на самом деле, естественное, присущее всем высшим существам. У меня самой, ведьмак, тоже какая-то странная слеза на глаза лезет... Ладно, ладно. Шучу.
— Ты меня приманила... Как самца.
— Что?
— Приманила меня. Как насекомое. Фрезийно-абрикосово-магическими феромонами.
— Ты это серьезно?
— Не сердись. Пожалуйста, Коралл.
— Я не сержусь. Напротив. После некоторых размышлений, я должна признать, ты прав. Да, это натурализм в чистом виде. Кроме того, что все ровно наоборот. Это ты меня околдовал и соблазнил. С первого взгляда. Натуралистично и анималистично протанцевал передо мной мужской брачный танец. Подпрыгивал, топал, распускал хвост...
— Неправда.
— ...распускал хвост и трепетал крыльями, как тетерев. Чирикал и токовал...
— Не токовал.
— Токовал.
— Нет!
— Да. Обними меня.
— Коралл!
— Что?
— Литта Нейд... Это не твое настоящее имя, правда?
— Мое настоящее было трудным в использовании.
— Это как?
— Произнеси быстро: Астрид Литтнейд Асгейррфиннбьёрнсдоттир.
— Я понял.
— Сомневаюсь.

*

- Коралл!
— А?
— А Мозаик? Откуда ее прозвище?
— Знаешь, ведьмак, чего я не люблю? Вопросов о других женщинах. И особенно, когда спрашивающий со мной в постели. И выпытывает, вместо того чтобы сосредоточиться на том, на чем, собственно, держит руку. Ты не осмеливался делать что-то подобное, находясь в постели с Йеннифэр.
— А я не люблю, когда упоминают определенные имена. Особенно, когда...
— Прекратить?
— Я этого не говорил.
Коралл поцеловала его в плечо.
— Когда она попала в школу, ее имя было Аик, фамилии не помню. Мало того, что имя странное, она еще страдала от потери пигмента кожи. Щеки ее были усеяны светлыми

пятнами, это на самом деле было похоже на мозаику. Вылечили ее, конечно, уже после первого семестра, чародейка не может иметь каких-либо пятен. Но обидное поначалу прозвище прижилось. И быстро перестало быть обидным. Она сама его полюбила. Но хватит о ней. Поговори со мной обо мне. Ну, давай.

— Что давай?

— Говори обо мне. Какая я? Красивая, правда? Ну, скажи мне!

— Красивая. Рыжая. И конопатая.

— Я не конопатая. Я свела веснушки магией.

— Не все. О некоторых ты забыла. А я их разглядел.

— Где ты их... Ах... Ну да. Правда. Я конопатая. А какая я еще?

— Сладкая.

— Какая?

— Сладкая. Как вафли с медом.

— Ты мне не врешь?

— Посмотри на меня. Прямо в глаза. Ты видишь в них хотя бы тень неискренности?

— Нет. И это беспокоит меня больше всего.

*

— Сядь на край кровати.

— Зачем?

— Я хочу с тобой рассчитаться.

— За что?

— За веснушки, которые ты разглядел там, где ты их разглядел. За старательность и точную... разведку. Я хочу рассчитаться и отблагодарить. Можно?

— Ну, разумеется.

*

Вилла чародейки, как почти все в этой части города, располагалась на террасе, с которой открывался вид на море. Литта любила сидеть там часами и наблюдать суда на рейде, для чего ей служила подзорная труба приличных размеров на штативе. Геральт, хоть и не разделял ее увлечение морем и тем, что по нему плавают, но любил находиться вместе с ней на террасе. Он сидел рядом, любовался ее лицом, ее рыжими кудрями, наслаждаясь ароматом фрезии и абрикоса.

— Посмотри на этот галеон, который становится на якорь, — заметила Коралл. — Синий крест на флаге, «Гордость Цинтры», вероятно, рейс на Ковир. А та когга, «Алке» из Цидариса, вероятно, везет шкуры. А там, вон, «Тэтида», транспорт, местный, грузоподъемность двести ластов, каботажный, он ходит между Кераком и Настрогом. Вот смотри, на рейд выходит новиградская шхуна «Пандора Парви», красивое, красивое судно. Посмотри в окуляр. Увидишь...

— Я вижу без трубы. Я мутант.

— Ах, да. Я забыла. О, там галера «Фуксия», тридцать два весла, может взять на борт четыреста ластов груза. А тот красивый трехмачтовый галеон, это «Вертиго», отплыл из Лан Эксетера. И там, дальше, с амарантовым флагом реданский галеон «Альбатрос», три мачты, длина сто двадцать футов... О, там, смотри, смотри, ставит паруса и выходит в море почтовый клипер «Эхо», я знаю капитана, он обедает у Равенги, когда заходит сюда. И еще, посмотри, на всех парусах, идет галеон из Повисса...

Ведьмак откинул волосы со спины Литты. Медленно, один за другим, расстегнул крючки, и платье соскользнуло с плеч колдуньи. После этого его руки и внимание полностью переключились на пару галеонов под всеми парусами. Галеонов, подобных которым не найти на всех морских путях, рейдах, портах и в регистрах Адмиралтейства.

Литта не протестовала. И не отрывала глаза от окуляра подзорной трубы.

— Ведешь себя, — сказала она через какое-то время, — как пятнадцатилетний мальчишка. Как будто в первый раз их увидел.

— Для меня это всегда первый раз, — неохотно признался он. — А пятнадцатилетним по-настоящему я никогда не был.

*

— Я родом со Скеллиге, — сказала она ему позже, в постели. — Море у меня в крови. Я люблю его.

— Я иногда мечтаю, — она нарушила молчание, — отправиться в плавание. Одной. Поставить паруса и выйти в море... Далеко-далеко, за горизонт. Где только вода и небо. Меня обрызгает соленая пена волн, ветер дернет за волосы с настоящей мужской нежностью. И я одна, совсем одна, бесконечно одинокая среди чуждой и враждебной мне стихии. Одиночество среди моря отчуждения. Не мечтаешь об этом?

Нет, не мечтаю, подумал он. Я это имею каждый день.

*

Пришел день летнего солнцестояния, а за ним волшебная ночь, самая короткая в году, во время которой расцветают в лесах цветы папоротника, а натертые ужомником нагие девушки танцуют на мокрых от росы полянах. Ночь короткая, пробегает как мгновение ока. Ночь безумная и светлая от зарниц.

*

Утром после солнцестояния он проснулся в одиночестве. На кухне его ожидал завтрак. И не только.

— Доброе утро, Мозаик. Прекрасная погода, не правда ли? Где Литта?

— У тебя свободный день, — сказала она, не глядя на него. — Моя несравненная госпожа будет занята. Допоздна. За время, которое вы провели... в удовольствиях, набралось много пациенток.

— Пациенток?

— Она лечит бесплодие. И другие женские болезни. Ты не знал? Ну, теперь уже знаешь. Доброго дня.

— Погоди, не уходи. Я хотел бы...

— Не знаю, чего ты хотел бы, — перебила она. — Но это довольно плохая идея. Лучше, чтобы ты вообще со мной не разговаривал. Сделал вид, что меня вообще нет.

— Коралл тебя больше не будет обижать, я обещаю. И потом, ее здесь нет, она нас не видит.

— Она видит все, что пожелает видеть, ей для этого достаточно нескольких заклинаний и артефактов. И не обманывай себя, что у тебя есть на нее какое-либо влияние. Для этого тебе необходимо нечто большее, чем... — она указала на спальню. — Пожалуйста, не произноси при ней мое имя. Даже мимоходом. Потому что она мне это припомнит. Хоть через год, но припомнит.

— Если с тобой так обращаются... Разве ты не можешь просто уйти?

— Куда? — она надула губы. — На ткацкую мануфактуру? В портняжную мастерскую? Или прямо в бордель? У меня никого нет. И я никто. И останусь никем. Только она может это изменить. Я все вынесу... Но не добавляй к этому еще, если можешь.

— В городе, — она мельком посмотрела на него, — я встретила твоего приятеля. Этого поэта, Лютика. Он о тебе спрашивал. Беспокоится.

— Успокоила его? Объяснила, что я в безопасности? Что мне ничего не угрожает.

— Зачем же я буду врать?

— То есть?

— Ты не в безопасности. Ты здесь, с ней, а тоскуешь о той, другой. Даже тогда, когда ты с ней близок, думаешь только о той. Она это знает. Но играет в эту игру, потому что ее это забавляет, и ты хорошо притворяешься, просто чертовски убедительно. Подумай о том, что произойдет, когда ты сорвешься?

*

— Ты сегодня тоже ночуешь у нее?

— Да, — подтвердил Геральт.

— Это уже скоро неделя, ты знаешь?

— Четыре дня.

Лютик пробежал пальцами по струнам лютни, издав эффектное глиссандо. Осмотрелся. Хлебнул из кружки, вытер пену с носа.

— Я знаю, что это не мое дело, — сказал он, непривычно для него четко и твердо. — Я знаю, что не должен вмешиваться. Я знаю, что ты не любишь, когда кто-то вмешивается. Но в некоторых случаях, друг Геральт, я не должен молчать. Коралл, если ты хочешь знать мое мнение, это одна из таких женщин, которые постоянно и на видном месте должны носить предупреждающую табличку. С надписью: «Смотри, но не трогай!». Вроде таких, как в зоопарке на террариуме, в котором держат гремучих змей.

— Я знаю.

— Она играет с тобой, ты для нее развлечение.

— Я знаю.

— И ты самым простым в мире способом мстишь Йеннифэр, которую не можешь забыть.

— Я знаю.

— Тогда зачем...

— Не знаю.

*

Вечерами гуляли. Иногда в парке, иногда взбирались на холм, возвышающийся над гаванью, иногда просто ходили по Рынку Специй.

Вместе ходили в аустерию «Natura Regum». Несколько раз. Фебус Равенга был вне себя от радости, по его приказу официанты угождали им, как могли. Геральт, наконец, познал вкус тюрбо в чернилах каракатицы. А также гусиной ножки в белом вине и телячьей голени в овощах. Правда, сначала — недолго — ему мешало назойливое и показное любопытство других гостей из зала. Потом, по примеру Литты, он научился его игнорировать. Вино из местного погреба в этом очень помогало.

Возвращались на виллу поздно. Коралл сбрасывала платье еще в коридоре и уже обнаженной направлялась в спальню.

Он следовал за ней. Смотрел. Он любил смотреть на нее.

*

— Коралл?

— Что?

— Молва твердит, что ты всегда можешь увидеть все, что захочешь. Используя заклинания и артефакты.

— Этой молве, — она оперлась на локоть, посмотрев ему в глаза, — надо будет, мне кажется, еще раз вывернуть сустав. Это должно отучить молву молоть языком.

— Прошу тебя...

— Я пошутила, — прервала она его. Но в ее голосе не было ни капли веселья.

— И что же такое, — она помолчала, — ты бы хотел увидеть? Или тебе нужно предсказание? Как долго ты проживешь? Когда и как ты умрешь? Какая лошадь выиграет Третогорский приз? Кого коллегия выборщиков изберет иерархом Новиграда? С кем сейчас Йеннифэр?

— Литта!

— Но что тебя интересует, могу я узнать?

Он рассказал ей об украденных мечях.

*

Молния. И через мгновение с грохотом прокатился гром.

Фонтан тихонько поплескивал, из чаши фонтана пахло мокрым камнем. Мраморная девушка окаменела в танцевальной позе, мокрая и блестящая.

— Статуя и фонтан, — поспешила объяснить Коралл, — не являются выражением моей любви к претенциозному китчу или склонности следовать снобистской моде. Они служат более конкретным целям. Статуя представляет собой меня. В миниатюре. Когда мне было двенадцать лет.

— Кто бы мог тогда предположить, что она вырастет в такую красавицу.

— Это очень важный для меня магический артефакт. Сам фонтан, а, точнее, вода, служит мне для дивинации. Ты знаешь, я думаю, что такое дивинация?

— В общих чертах.

— Кража твоего оружия имела место около десяти дней назад. Для чтения и анализа событий прошлого, даже тех, что произошли очень давно, самым лучшим и надежным методом является онейромантия, но для этого необходим довольно редкий талант сновидца, которым я не обладаю. Сортилегия, то есть клеромансия нам вряд ли поможет, также как пиромантия или аэромансия, которые больше эффективны для разгадывания судеб людей, при условии, что есть что-то, этим людям принадлежавшее... волосы, ногти, части одежды и тому подобное. Для предметов, в нашем случае мечей, это неприменимо.

— А поэтому, — Литта отбросила со лба рыжий локон, — остается дивинация. Она, как ты, наверное, знаешь, позволяет увидеть и предсказать события будущего. Нам будут помогать стихии, потому что сезон настал поистине грозовой. Будем комбинировать дивинацию с церауноскопией. Иди сюда. Возьми меня за руку и не отпускай ее. Наклонись и смотри на воду, но ни в коем случае не прикасайся к ней. Концентрируйся. Думай о своих мечях! Интенсивно думай о них!

Он услышал, как она скандирует заклинание. Вода в чаше фонтана реагировала, с каждой фразой произносимой формулы она все сильнее вспенивалась и волновалась. Со дна начали подниматься большие пузыри.

Вода успокоилась и помутнела. А потом полностью прояснилась.

Из глубины смотрели темные фиалковые глаза. Крупные локоны черных волос каскадом падали на плечи, они блестели, отражая свет как павлиньи перья, вились и волновались при каждом движении...

— О мечях, — напомнила Коралл тихо и злобно. — Ты должен был думать о мечях.

Вода закружилась, черноволосая женщина с фиалковыми глазами исчезла в вихре. Геральт тихо вздохнул.

— О мечях, — прошипела Литта. — Не о ней.

Она проскандировала очередное заклинание под вспышку молнии. Статуя в фонтане загорелась молочным светом, и вода снова успокоилась и стала прозрачной. И тут он увидел.

Свой меч. Касающуюся его руку. Перстни на пальцах.

.... из метеорита. Хорошо сбалансирован, вес лезвия точно равен весу эфеса...

Второй меч. Серебряный. Та же рука.

...стальной сердечник окован серебром... По всей длине лезвия рунические символы...

— Я вижу их, — громко прошептал он, сжимая руку Литты. — Вижу мои мечи... На самом деле...

— Молчи, — она ответила ему еще более сильным пожатием. — Молчи и концентрируйся. Мечи исчезли. Вместо них он увидел черный лес. Каменный дворец. Скалы, одна из скал...

...огромная, возвышающаяся над всеми, высокая и стройная... Высеченная ветрами в причудливой форме...

Вода вспенилась.

Седой человек с благородными чертами лица, в черном бархатном кафтане и жилете, шитом золотой парчой, обеими руками опирается на трибуну из красного дерева. Лот номер десять, объявляет он громко. Абсолютно уникальная, невероятная находка, два ведьмачьих меча...

Большой черный кот вертится на месте, пытаюсь достать лапкой качающийся над ним медальон на цепочке. На золотом овальном медальоне эмалевый синий дельфин *nageant*.

Река течет среди деревьев, под сенью крон и свисающих над водой ветвей. На одной из ветвей неподвижно стоит женщина в длинном обтягивающем платье.

Вода коротко вспенилась и почти сразу снова успокоилась.

Он увидел море трав, безбрежную, достигающую горизонта равнину. Он видел ее сверху, как будто с высоты птичьего полета... Или с вершины холма. Холма, с которого спускался ряд невыразительных фигур. Когда они поднимали голову, он видел неподвижные лица, слепые мертвые глаза. Они мертвы, понял он вдруг. Это парад мертвецов...

Пальцы Литты снова сжали его руку. Как клещами.

Вспышка молнии. Внезапный порыв ветра растрепал их волосы. Вода в чаше фонтана забурлила, заклокотала, вспенилась и поднялась волной, огромной, как стена. И обрушилась прямо на них. Они оба отскочили от фонтана, Коралл споткнулась, он поддержал ее. Грянул гром.

Чародейка прокричала заклинание, махнула рукой. Во всем доме зажглись огни.

Вода в чаше фонтана, секунду назад крутившаяся кипящим водоворотом, была гладкой, спокойной, ее гладь нарушали только лениво журчащие струйки фонтана. А на них, хотя еще мгновение назад их накрыла настоящая волна, не было ни капли.

Геральт тяжело дышал. Он поднялся.

— Это, в конце... — сказал он, помогая встать чародейке. — Эта последняя картина... Холм и ряд... людей... Я не узнал... Понятия не имею, что это может быть...

— Я тоже, — ответила она не своим голосом. — Но это было не твое видение. Этот образ предназначался для меня. Я тоже понятия не имею, что это может означать. Но у меня есть странное чувство, что ничего хорошего.

Гром прекратился. Гроза уходила. В сторону суши.

*

— Шарлатанство все эти ее дивинации, — повторил Лютик, подкручивая колки лютни. — Жульнические штучки для доверчивых. Сила внушения, не более того. Ты думал о мечях — ты увидел мечи. Что еще будто бы видел? Процессию мертвецов? Ужасную волну? Скалу причудливой формы? А какую?

— Как огромный ключ, — подумал ведьмак. — Или геральдический крест, имеющий две с половиной перекладыны...

Трубадур задумался. Затем обмакнул палец в пиве. И начертил что-то на крышке стола.

— Похоже на это?

— Ха. Даже очень.

— А, чтоб меня, — Лютик ударил по струнам, обратив на себя внимание всей таверны. — А, чтоб меня гусь затоптал! Ха-ха, дружище Геральт! Сколько раз ты выручал

меня из беды? Сколько раз помогал? Сколько ты для меня сделал? Не счесть! Что же, теперь моя очередь. Со мной ты, может, и вправду отыщешь свое знаменитое оружие.

— А? — Лютик встал.

— Госпожа Литта Нейд, твое последнее завоевание, которая пользуется заслуженным уважением как замечательная ворожея и непревзойденная ясновидящая, в своей дивинации четко, ясно, не вызывая никаких сомнений, указала место, которое я знаю. Пойдем к Ферранту. Немедленно. Он должен организовать для нас аудиенцию, используя свои тайные связи. И выдать тебе пропуск на выезд из города легальным способом, чтобы избежать конфронтации с этими гетерами в кордегардии. Предпримем небольшое путешествие. Небольшое и, в общем, недалекое.

— Куда?

— Я узнал скалу из твоего видения. На профессиональном языке это называется карстовый останец. А местные жители называют ее Грифом. Примечательное место, даже дорожный указатель, ведущий к месту нахождения лица, которое на самом деле может что-то знать о твоих мечях. Место, куда мы собираемся, называется Равелин. Это тебе о чем-нибудь говорит?

* * *

Глава Восьмая

Не только само изготовление, не само искусство ремесленное ценность меча ведьмачьего определяет. Подобно загадочным эльфийм или гномьим клинкам, секрет которых утрачен, меч ведьмачий таинственным образом связан с рукой и ощущениями ведьмака, который им владеет. И именно благодаря таинству магии он против Темных Сил является эффективным.

Пандольфо Фортегерра, Трактат о холодном оружии

Открою вам один маленький секрет. О ведьмачьих мечях. Это чушь, что в них есть какая-то тайная сила. И что это настолько замечательное оружие, что лучше его не бывает. Это все фикция, придуманная для пущего эффекта. Я знаю это из абсолютно надежного источника.

Лютик, Полвека поэзии

Скалу под названием Гриф распознали сразу. Она была видна издалека.

*

Место, куда они направлялись, располагалось примерно на полпути между Кераком и Цидарисом, немного в стороне от соединяющего оба города тракта, вьющегося среди лесов и скалистых пустошей. Дорога заняла некоторое время, которое убивали разговорами. В основном говорил Лютик.

— Все кругом говорят, — сказал поэт, — что используемые ведьмаками мечи обладают магическими свойствами. Исключая выдумки об импотенции, в этом должна быть некоторая доля истины. Ваши мечи необычные. Что-нибудь скажешь по этому поводу?

Геральт придержал кобылу. Застоявшаяся в конюшне Плотва всякий раз норовила рвануть галопом.

— Разумеется. Наши мечи необычные.

— Говорят, — Лютик сделал вид, что не слышит насмешки, — что магическая сила вашего ведьмачьего оружия, убийственного для монстров, с которыми вы боретесь, проистекает от стали, из которой мечи выкованы. От того материала, то есть от руды,

добываемой из упавших с неба метеоритов. Как это может быть? Метеориты не магические объекты, в конце концов, они естественны и научно объяснены. Откуда же берется эта магия?

Геральт посмотрел на небо, темнеющее на севере. Казалось, что собирается очередная гроза. И что они могут промокнуть.

— Если я правильно помню, — ответил он вопросом, — ты изучил все семь свободных искусств?

— И получил диплом с наивысшим отличием.

— Слушал лекции профессора Линденброга, в рамках входящего в квадриум курса астрономии?

— Старый Линденброг, по прозвищу Огарок? — Лютик рассмеялся. — Еще бы! У меня до сих пор перед глазами то, как он чешет задницу и стучит указкой в карты и глобусы, монотонно бубня. *Sphera Mundi*, э-э, подразделяется на четыре Элементарных Плана: План Земли, План Воды, План Воздуха и План Огня. Земля вместе с Водой образуют земной шар, э-э, его окружает Воздух, то есть *Aer*. Над Воздухом, э-э, простирается Эфир, Воздух Огненный или Огонь. Над Огнем же Тонкие Сидеральные Небеса, небесная твердь сферической формы. Над оной располагаются *Erratica Sydera*, блуждающие звезды, и *Fixa Sydera*, неподвижные звезды...

— Не знаю, — фыркнул Геральт, — чем больше восхищаться: твоим талантом обезьянничать или памятью. Возвращаясь к интересующему нас вопросу — метеоритам, которые наш почтенный Огарок описывал как падающие звезды, *Sydera Caden* или как их там. Они отрываются от небосвода и летят вниз, чтобы зарыться на нашей старой доброй земле. По пути они проникают сквозь все эти планы, то есть плоскости элементов, а также и параэлементов, потому как, вроде, они тоже существуют. Элементы и параэлементы насыщены, как известно, мощной энергией магии и сверхъестественных сил, и проникая сквозь них, метеорит эту энергию поглощает и сохраняет в себе. Сталь, которую выплавляют из метеорита, а также клинок, выкованный из такой стали, содержит силу элементов. Они магические. И меч магический. *Quod erat demonstrandum*. Усвоил?

— Конечно.

— А теперь забудь. Потому что это ерунда.

— Что?

— Чуть. Вымысел. Метеорит не найдешь под каждым кустом. Больше половины мечей, используемых ведьмаками, сделаны из стали, выплавленной из магнетитовых руд. Сам такими пользовался. Они так же хороши, как и те, что упали с неба и насытились сидеритовыми элементами. Не существует абсолютно никакой разницы. Но держи это при себе, Лютик, очень тебя прошу. Никому не говори об этом.

— Как? Я должен молчать? Ты не можешь этого требовать! Какой смысл знать что-то, если ты не можешь этим похвастаться?

— Пожалуйста. Я предпочитаю, чтобы меня считали сверхъестественным существом, вооруженным сверхъестественным оружием. Таким меня нанимают и такому платят. Обыденность есть посредственность, а посредственность это дешевизна. Так что, пожалуйста, рот на замке. Обещаешь?

— Ладно. Обещаю.

*

Скалу под названием Гриф распознали сразу. Она была видна издалека. На самом деле, при небольшой доле фантазии, можно было вообразить, что это длинная шея с головой грифа. Но больше, как отметил Лютик, она напоминала гриф лютни или другого струнного инструмента.

Гриф, как оказалось, был останцем, доминирующим над гигантским карстовым источником. Источник, Геральт вспомнил рассказы, называли Эльфской Крепостью, из-за

довольно правильной формы предполагали, что это руины древних строений, со стенами, башнями, бастионами и всем прочим. Но никакой крепости, эльфской или какой другой, здесь, однако, никогда не было. Эти формы скал были работой природы, и работой, надо признать, впечатляющей.

— Там, внизу, — отметил Лютик, стоя в стременах. — Видишь? Именно там наша цель. Равелин.

И это название было чрезвычайно точным, карстовые останцы наметили удивительно правильную форму огромного треугольника, выступающего из эльфской крепости, как бастион. Внутри этого треугольника выросло здание, напоминающее форт. Окруженный чем-то, похожим на огромный укрепленный лагерь.

Геральт вспомнил слухи о Равелине. И о человеке, который в Равелине проживал.

Свернули с дороги.

За первую ограду вело несколько проходов, все они охранялись вооруженными до зубов стражниками, пестрая и разнообразная одежда легко позволяла распознать в них наемников. Их задержал первый же пост. Хотя Лютик громко заявлял, что им назначена аудиенция и особенно подчеркивал свои хорошие отношения с руководством, им было приказано спешиться и ждать. Довольно долго. Геральт начал выражать нетерпение, когда, наконец, появился наемник — мордорот с внешностью галерника, приказавший следовать за ним. Вскоре выяснилось, что наемник ведет их окружным путем, к задней части комплекса, из центра которого доносился гул и звуки музыки.

Они перешли мостик. Сразу за ним лежал человек, бессознательно шарящий вокруг себя руками. Его окровавленное лицо настолько опухло, что глаза почти полностью заплыли. Он тяжело дышал, и каждый выдох выдувал из разбитого носа кровавые пузыри. Сопровождающий их наемник не обратил на лежащего ни малейшего внимания, Геральт и Лютик тоже сделали вид, что ничего не видят. Они находились на территории, где не следовало проявлять излишнее любопытство.

В дела Равелина совать нос не рекомендуется — в Равелине любопытный нос обычно расставался с владельцем и оставался там, куда его сунули. Наемник провел их через кухню, где, как ошпаренные, метались повара. Кипели котлы, в которых, как заметил Геральт, варились крабы, омары и лангусты. В чанах извивались угри и мурены, тушились в горшках моллюски и мидии. Скворчало на огромных сковородах мясо. Слуги накладывали готовую еду в лотки и миски, чтобы унести ее в коридор.

Следующее помещение было пропитано ароматами дамской парфюмерии и косметики. Перед рядом зеркал, непрерывно болтая, наводили красоту десятки женщин в разных стадиях неглиже, в том числе и полного. Здесь Геральт и Лютик тоже сохраняли каменные лица и не позволяли глазам слишком бегать.

В следующей комнате их подвергли тщательному досмотру. Выполнявшие его отличались серьезным внешним видом, профессиональным поведением и решительностью. У Геральта конфисковали стилет. У Лютика, который никогда не носил оружия, забрали расческу и штопор. Но лютью, поразмыслив, оставили.

— Перед его преподобием стоят стулья, — проинструктировали их в конце. — На них сядете. Сидите и не вставайте, пока его преподобие не прикажет. Не перебивайте, когда его преподобие говорит. Не говорите, пока его преподобие не скажет, что можно. Теперь заходите. В эту дверь.

— Преподобие? — пробормотал Геральт.

— Он был когда-то священником, — прошептал поэт. — Но не волнуйся, он не набрался привычек. Подчиненные должны его как-то титуловать, а он ненавидит, когда его называют шефом. Нам его титуловать не надо.

Когда они вошли, что-то сразу же перегородило им дорогу. Оно было как большая гора и сильно воняло мускусом.

— Здорово, Микита, — приветствовал его Лютик.

Названный Микитой великан, телохранитель преподобного шефа, очевидно, был

метисом, результатом скрещивания огра и краснолюда. В итоге получился лысый краснолюд ростом значительно выше семи футов, совсем без шеи, с вьющейся бородой, торчащими как у кабана клыками и руками до колен. Нечасто можно встретить подобный гибрид, считалось, что эти виды генетически сильно отличаются — такое существо как Микита не могло появиться на свет естественным путем. Тут не обошлось без помощи исключительно сильной магии. Магии, кстати, запрещенной. Ходили слухи, что многие чародеи пренебрегают запретом. Геральт видел воочию доказательство этих слухов.

Уселись, в соответствии с действующим здесь протоколом, на два плетеных стула. Геральт огляделся. В самом дальнем углу комнаты, на большом шезлонге, две обнаженные девушки занимались друг другом. За ними наблюдал, кормя при этом собаку, маленький, невзрачный, сторбившийся и ничем не примечательный человек в свободной, цветасто вышитой одежде и феске с хвостиком. Скармив собаке последний кусок омара, мужчина вытер руки и повернулся.

— Здравствуй, Лютик, — сказал он, сидя перед ними на чем-то удивительно напоминающем трон, правда, сплетенный из прутьев. — Мое почтение, господин Геральт из Ривии.

Преподобный Пирал Пратт считался, и не без оснований, главой организованной преступности всего региона, он был похож на торговца текстилем, ушедшего на покой. На пикнике отошедших от дел торговцев текстилем он бы не бросился в глаза, и никому не пришлось бы в голову посчитать его чужаком. По крайней мере, издали. Наблюдение вблизи позволило заметить в Пирале Пратте кое-что, нехарактерное для торговца текстилем. Старый побледневший шрам на скуле, след удара ножом. Нехорошее зловещее выражение на тонких губах. Светлые, желтоватые глаза, неподвижные, как у питона.

Никто долго не прерывал молчания. Откуда-то из-за стены долетала музыка, слышался шум.

— Рад видеть и приветствовать вас обоих, — сказал, наконец, Пирал Пратт. В его голосе отчетливо проявилась старая и прочная любовь к дешевым и плохо очищенным крепким напиткам.

— Тебе я особенно рад, певун, — преподобный улыбнулся Лютику. — Не виделись с тех пор, как ты украсил своим выступлением свадьбу моей внучки. И я как раз думал о тебе, потому что другая моя внучка что-то заторопилась замуж. Я верю, что по старой дружбе ты и на этот раз не откажешь. Ну как? Споешь на свадьбе? Не заставишь просить себя так же долго, как в прошлый раз? И не придется... убеждать?

— Спою, спою, — поспешил успокоить его Лютик, слегка побледнев.

— А сегодня, — продолжил Пратт, — вы зашли, чтобы справиться о моем здоровье, я полагаю? Хреновое оно, мое здоровье.

Лютик и Геральт промолчали. Огрокраснолюд вонял мускусом. Пирал Пратт тяжело вздохнул.

— У меня язва желудка и анорексия — роскошный стол уже не для меня, нашли у меня болезнь печени и запретили пить. К тому же еще ущемление дисков, шейных и поясничных, и — прощай охота и прочий экстремальный спорт. На лекарства и лечение уходит прорва денег, которые раньше я обычно тратил на азартные игры. Свистелка, правда, еще встает, но сколько труда нужно приложить, чтоб встала! Больше хлопот, чем удовольствия... Ну и что мне остается? А?

— Политика?

Пирал Пратт засмеялся так, что затрясся даже хвостик на феске.

— Bravo, Лютик. Как всегда, в яблочко. Политика, о да, это как раз для меня. Сначала у меня не было к этому интереса. Сперва я хотел заняться шлюхами и инвестировать в публичные дома. Я вращался среди политиков и со многими был знаком. Убедился, что лучше иметь дело с блядьми, потому что у блядей есть хоть какая-то честь и определенные принципы. С другой стороны, править из бардака не так удобно, как из ратуши. А править хотелось бы, как говорится, если не миром, то хотя бы округом. Древняя мудрость гласит:

если не можешь их уничтожить, то примкни к ним.

Он помолчал, глянул на шезлонг, вытягивая шею.

— Не сачкуйте, девочки! — закричал он. — Не притворяйтесь! Больше, больше энтузиазма! Хм... Так о чем это я?

— О политике.

— Ну да. Ну, политика есть политика, а у тебя, ведьмак, твои знаменитые мечи украли. Не потому ли я имею честь приветствовать вас?

— Как раз поэтому.

— Украли мечи, — Пратт покачал головой. — Болезненная потеря, наверное? Ясно, что болезненная. И непоправимая. Ха, я всегда говорил, что в Керাকে вор на воре сидит. Тамошние люди, как известно, крадут при малейшей возможности все что не прибито прочно гвоздями. А на случай, если прибито, они всегда носят с собой ломик.

— Расследование, надеюсь, идет? — продолжил он, немного погодя. — Феррант де Леттенхоф работает? Скажу вам, однако, правду, господа. Чудес от Ферранта ожидать не следует. Без обид, Лютик, но твоему родственнику лучше бы быть бухгалтером, чем следователем. У него нет ничего, кроме книг, кодексов, параграфов, уложений, и эти его доказательства, доказательства и еще раз доказательства. Как в том анекдоте о козе и капусте. Не знаете? Как-то заперли вместе козу и кочан капусты. Утром капусты как не бывало, а коза срет зеленым. Но доказательств не хватает, и свидетелей нет, поэтому дело закрыто: *causa finita*. Я не хочу быть плохим пророком, ведьмак Геральт, но дело о хищении твоих мечей может прийти к подобному завершению.

Геральт и на этот раз промолчал.

— Первый меч, — Пирал Пратт потер подбородок унизанной кольцами рукой, — стальной. Сталь из сидеритовой руды, полученной из метеорита. Выкован в Махакаме, в краснолюдских мастерских. Общая длина сорок с половиной дюймов, длина самого клинка — двадцать семь с четвертью. Прекрасно уравновешен: вес клинка точно равен весу эфеса, вес всего оружия наверняка менее сорока унций. Рукоять и гарда выполнены просто, но элегантно.

— И второй меч, такой же по длине и весу, серебряный. Частично, конечно. Стальной сердечник окован серебром, лезвие также стальное, чистое серебро слишком мягкое, чтобы его можно было хорошо заточить. На эфесе и по всей длине клинка рунические знаки и символы, которые мои языковеды прочесть не смогли, наверняка магические.

— Точное описание, — лицо Геральта было как камень. — Как будто вы видели мечи.

— Именно что видел. Их принесли мне и предложили купить. Посредник, представляющий интересы настоящего владельца, лица с безупречной репутацией и лично мне знакомого, поручился, что мечи приобретены на законных основаниях, найдены в Фен Карне, древнем некрополе в Соддене. В Фен Карне раскопали бесчисленные клады и артефакты, поэтому в принципе не было никаких оснований сомневаться в достоверности. Но у меня возникли подозрения. И мечи я не купил. Ты слушаешь меня, ведьмак?

— Я весь внимание. В ожидании заключения. И подробностей.

— Заключение такое: баш на баш. Подробности стоят денег. На информации висит этикетка с ценой.

— Ну, знаешь, — фыркнул Лютик. — Я к тебе по старой дружбе, с другом, который в беде...

— Сделка есть сделка, — прервал его Пирал Пратт. — Я сказал: информация, которая у меня есть, имеет свою цену. Если хочешь что-то узнать о судьбе своих мечей, ведьмак из Ривии, заплати.

— И какая цена на этикетке?

Пратт вытащил из-под одежд большую золотую монету и передал ее огрокраснолюду. Тот без видимых усилий сломал ее в пальцах, как будто это было печенье. Геральт покачал головой.

— Сцена для ярмарочного театра, — процедил он. — Ты даешь мне половину монеты,

а кто-то, когда-нибудь, может быть, через несколько лет, появится с другой половиной. И пожелает, чтобы я выполнил его желание. Которое я должен буду исполнить безоговорочно. Этого не будет. Если цена такова, то сделки не будет. *Causa finita*. Пошли, Лютик.

— Тебя не волнует возвращение мечей?

— Не до такой степени.

— Я это подозревал. Но постарайтесь не заводиться. Я сделаю еще одно предложение. На этот раз отказ не допускается.

— Идем, Лютик.

— Выйдешь, — Пратт указал движением головы, — но через другую дверь. Через эту. Сначала разденешься. Пойдешь в одних кальсонах.

Геральту казалось, что он контролирует свое лицо. Видимо, он ошибался, потому что огрокраснолюд вдруг предостерегающе взревел и двинулся к нему, подняв лапы и смердя с удвоенной силой.

— Это какие-то насмешки! — громко заявил Лютик, рядом с ведьмаком он всегда был храбрым и дерзким.

— Издеваешься над нами, Пирал. Так что мы прощаемся и уходим. Через ту дверь, в которую вошли. Не забывай, кто я! Пошли!

— Не думаю, — Пирал Пратт покачал головой. — Тот факт, что ты не особенно умен, мы уже когда-то установили. Но на то, чтобы не пытаться выйти сейчас, ума тебе хватит.

Чтобы подчеркнуть важность слов шефа, огрокраснолюд показал им сжатый кулак. Размером с арбуз. Геральт молчал. Уже долгое время он присматривался к гиганту в поисках чувствительного места, куда бы его можно было пнуть. Потому что, казалось, без пинка не обойдется.

— Ну, хорошо. — Пратт жестом успокоил телохранителя. — Пойду на небольшие уступки, выкажу добрую волю и желание идти на компромисс.

Здесь сегодня собралась вся местная элита промышленности, торговли и финансов, политики, дворянство, духовенство, даже принц инкогнито. Я обещал им зрелище, какого они еще не видели, а ведьмака в одних подштанниках они точно не видели. Но да ладно, сделаю маленькую уступку: выйдешь голым по пояс. Взамен получишь обещанную информацию, прямо сейчас. Кроме того, в качестве бонуса...

Пирал Пратт взял со стола листок бумаги.

— В качестве бонуса, двести новиградских крон. Для ведьмачьего пенсионного фонда. Вот, это чек на предъявителя, банк Джианкарди, обналичить можно в любом из их филиалов. Ну, что скажешь?

— Зачем спрашиваешь? — глаза Геральта сузились. — Ведь уже, кажется, дал понять, что отказаться я не могу.

— Правильно тебе кажется. Я сказал, что это предложение, от которого нельзя отказаться. Но, я думаю, взаимовыгодное.

— Лютик, возьми чек, — Геральт расстегнул и снял куртку.

— Говори, Пратт,

— Не делай этого, — Лютик еще сильнее побледнел. — Разве ты знаешь, что тебя ждет там, за этими дверями?

— Говори, Пратт.

— Как я уже упоминал, — преподобный развалился на своем троне, — я отказался покупать мечи у посредника. Но поскольку это был, как я уже сказал, человек, которого я хорошо знаю и которому доверяю, я предложил другой, очень прибыльный способ обратить их в деньги. Посоветовал, чтобы их нынешний обладатель выставил их на аукцион. Аукционный дом братьев Борсодов, Новиград. Это самый большой и наиболее авторитетный у коллекционеров аукцион, со всего мира туда приезжают любители раритетов, антиквариата, редких произведений искусства, уникальных изделий и всяких диковин. Чтобы завладеть каким-нибудь шедевром для своей коллекции, эти чудачки вздувают цену, как сумасшедшие, различные экзотические штучки идут у Борсодов иногда за невероятные

суммы. Нигде нельзя продать дороже.

— Говори. Пратт, — ведьмак снял рубашку. — Я слушаю тебя.

— Аукционы в доме Борсодов проводятся один раз в квартал. Ближайший будет в июле, пятнадцатого. Вор непременно объявится там с твоими мечами. Если повезет, тебе удастся их забрать, прежде чем они будут выставлены на продажу.

— И это все?

— Это довольно много.

— Личность вора? Или посредника?

— Личность вора мне неизвестна, — отрезал Пратт. — А посредника не сдам. Таковы интересы, законы, правила и еще понятия, которые не менее важны. Я бы потерял лицо. Я дал тебе достаточно, достаточно много за то, что требую от вас. Проводи его на арену, Микита. А ты пойдешь со мной, Лютик, тоже посмотришь. Чего ждешь, Ведьмак,

— Я должен, судя по всему, выйти без оружия? Мало того, что голый по пояс, так еще и с голыми руками?

— Я обещал гостям, — Пратт объяснял медленно, как ребенку, — показать то, чего до сих пор никто не видел. Ведьмака с оружием уже видели.

— Ясно.

Он оказался на арене, на песке, в кругу, образованном вкопанными в землю брусьями, залитом мерцающим светом множества фонарей, закрепленных на железных прутьях. Он слышал крики, аплодисменты и свист. Видел над ареной лица, открытые рты, возбужденные взгляды.

Перед ним, на противоположном краю арены, что-то зашевелилось. И прыгнуло. Геральт едва успел сложить предплечья в Знак Гелиотроп. Заклинание остановило и отбило атакующего зверя. Публика завопила в один голос. Двуногий ящер, напоминал виверну, но поменьше ее, размером с крупного дога. Голова у него, однако, была гораздо крупнее, чем у виверны. Намного большая зубастая пасть. И хвост намного длиннее, на конце тонкий, как бич. Ящер энергично размахивал хвостом, сметая песок, хлеща им о брусья. Опустив голову, он снова бросился на ведьмака.

Геральт был готов, ударил Знаком Аард и отскочил. Но ящеру удалось хлестнуть его концом хвоста. Публика снова закричала. Завизжали женщины. Ведьмак чувствовал, что на его голом плече растет и набухает валик, толстый, как колбаса. Он уже знал, почему ему велели раздеться. Он также опознал врага. Это был вигилозавр, специально выведенный магически, мутированный ящер, используемый для охраны и защиты. Дело выглядело не очень хорошо.

Вигилозавр воспринимал арену как место, которое он должен охранять. Геральт для него был злоумышленником, которого он должен обезвредить. А при необходимости уничтожить.

Вигилозавр обошел арену вплотную к ограде, яростно шипя. И атаковал, быстро, не давая времени на Знак. Ведьмак проворно отскочил от зубастой пасти, но не смог избежать удара хвостом. Он чувствовал, что рядом с предыдущим начинает набухать второй валик.

Знак Гелиотроп снова заблокировал атакующего вигилозавра. Ящер со свистом взмахнул хвостом. Геральт уловил ухом изменение тона свиста за секунду до того, как конец хвоста полоснул его по спине. Боль ослепила его, по спине потекла кровь. Публика бесновалась.

Знаки слабели. Вигилозавр кружился возле него так быстро, что ведьмак еле успевал отскакивать. Ему удалось избежать двух ударов хвостом, от третьего не ушел, снова получил по лопатке и опять острой кромкой. Кровь полилась ручьем.

Публика ревела, зрители орали и подпрыгивали. Один из них, чтобы лучше видеть, сильно свесился через перила, держась за железный прут фонаря. Прут сломался и вместе с фонарем рухнул на арену. Стержень воткнулся в песок, а фонарь попал на голову вигилозавра и загорелся.

Ящер отбил его, рассеивая вокруг каскад искр, зашипел и стал тереться головой о

брусся, ограждающие арену. Геральт мгновенно оценил возможность. Он выдернул стержень из песка, после короткого разбега подпрыгнул и с силой воткнул железо в череп ящера. Прут прошел насквозь. Вигилозавр задергался, беспорядочно размахивая передними лапами, пытаясь избавиться от пронзившего его мозг железа. Нелепые прыжки, наконец, закончились ударом о брусся, и он стал грызть дерево. Еще некоторое время он дергался в конвульсиях, рыл песок когтями и мотал хвостом. Наконец, затих.

Стены дрожали от восторженных криков и аплодисментов.

Он выбрался с арены по спущенной вниз лестнице. Восторженные зрители окружили его со всех сторон. Кто-то похлопал его по опухшему плечу, Геральт едва удержался, чтобы не дать ему в зубы. Молодая женщина поцеловала его в щеку. Другая, еще моложе, вытерла ему кровь на спине батистовым платочком, который тут же развернула, торжествующе демонстрируя подружкам. Еще одна, гораздо старше, сняла ожерелье с морщинистой шеи и попыталась отдать ему. Выражение его лица заставило ее скрыться в толпе.

Засмердело мускусом, сквозь толпу, как корабль сквозь водоросли, продирался огрокраснолюд Микита. Он заслонил Геральта и вывел наружу. Вызванный медик осмотрел его и наложил швы. Лютик был очень бледен. Пирал Пратт был спокоен. Как будто ничего не случилось. Но лицо ведьмака опять многое сказало, потому он поспешил с объяснением.

— Кстати, — сказал он, — этот прут был заранее спилен и заточен, он упал на арену по моему приказу.

— Спасибо, что так поспешно.

— Гости были на седьмом небе. Даже бурмистр Коппенрат был доволен, аж сиял, а этого ублюдка трудно удовлетворить, все крутит носом, унылый, как бордель в понедельник утром. Должность советника, ха, у меня уже в кармане. А, может быть, и повыше доберусь, если... А ты не выступишь через неделю, Геральт? С этим же номером.

— Только если, — ведьмак пошевелил плечом, которое жутко болело, — вместо вигилозавра не арене будешь ты, Пратт.

— Шутник, ха, ха. Ты слышал, Лютик, какой он шутник?

— Я слышал, — подтвердил поэт, глядя на спину Геральта и скрипя зубами. — Но это была не шутка, он говорил серьезно. Я также, в равной степени серьезно, информирую тебя, что на свадебной церемонии твоей внучки выступать не намерен. После такого отношения к Геральту можешь об этом забыть. Это касается и других возможных случаев, в том числе крестин и похорон. Включая твои собственные.

Пирал Пратт посмотрел на него, и в его змеиных глазах что-то вспыхнуло.

— Не проявляешь уважения, певун, — процедил он. — Опять не проявляешь уважения. Ты нуждаешься в лекции по этому предмету. В уроке...

Геральт приблизился и встал перед ним. Микита ахнул, поднял кулак, засмердел мускусом. Пирал Пратт жестом остановил его.

— Ты теряешь лицо, Пратт, — медленно произнес ведьмак. — Мы совершили сделку, классическую, в соответствии с правилами, а также понятиями, которые не менее важны. Твои гости остались довольны спектаклем, ты приобрел авторитет и перспективы занять должность городского советника. Я получил необходимую информацию. Баш на баш. Обе стороны удовлетворены, теперь мы должны расстаться без сожаления и гнева. Вместо этого ты переходишь к угрозам. Теряешь лицо. Пошли, Лютик.

Пирал Пратт слегка побледнел. Затем повернулся к ним спиной.

— Я хотел, — сказал он через плечо, — пригласить вас на ужин. Но, кажется, вы спешите. Тогда прощайте. И радуйтесь, что позволяю вам оставить Равелин безнаказанно. За недостаток уважения я обычно наказываю. Но вас я не задерживаю.

— Это очень разумно, — Пратт повернулся.

— Что-что?

Геральт посмотрел ему в глаза.

— Ты не слишком умен, хотя думаешь иначе. Но у тебя достаточно ума, чтобы не пытаться меня остановить.

*

Едва проехали карстовый источник и достигли первых придорожных тополей, как Геральт остановил лошадь, наострил уши.

— За нами едут.

— Черт! — Лютик заскрипел зубами. — Кто? Головорезы Пратта?

— Не важно, кто. Так, гони что есть духу в Керак. Спрячься у кузена. С самого утра иди с чеком в банк. Позже мы встретимся «Под крабом и угрем»

— А ты?

— Обо мне не беспокойся.

— Геральт...

— Не болтай, просто подстегни лошадь. Давай, лети!

Лютик послушался, наклонился в седле и перевел коня в галоп. Геральт обернулся, спокойно ожидая.

Из тьмы появились всадники. Шестеро всадников.

— Ведьмак Геральт?

— Да.

— Поедешь с нами, — прохрипел ближайший из них. — Только без глупостей, ладно?

— Отпусти поводья, а то обижу.

— Без глупостей! — всадник отдернул руку. — И без насилия. Мы представители закона и порядка. Не бандиты какие-нибудь. Действуем по приказу принца.

— Какого принца?

— Узнаешь. Следуй за нами.

Двинулись. Принц, вспомнил Геральт, какой-то принц гостил в Равелине, инкогнито, как сказал Пратт. Дело обстояло не лучшим образом. Контакты с принцами редко бывают приятными. И почти никогда не кончаются добром.

Далеко не уехали. Только до пахнувшей дымом и сияющей окнами корчмы на перекрестке дорог. Они вошли в зал, почти пустой, если не считать нескольких купцов за поздним ужином. Вход в отдельный кабинет охраняли двое в синих плащах, по цвету и крою похожих на те, что носил конвой Геральта. Вошли внутрь.

— Ваша милость...

— Выйдите. А ты садись, ведьмак.

Сидящий за столом человек был в таком же плаще, как и его войско, но богаче вышитом. Лицо скрыто капюшоном. Не хотел, чтобы его узнали. Светильник на столе освещал только Геральта, загадочный принц прятался в тени.

— Видел тебя на арене у Пратта. — сказал он. — Воистину, впечатляющее зрелище. Этот прыжок и удар сверху, усиленный весом всего тела... Железо, хотя это был просто какой-то прут, прошло через череп дракона, как сквозь масло. Я думаю, что если бы это была, скажем, боевая рогатина или копье, то и кольчугу бы пробило, а, может, даже кирасу... Как думаешь?

— Ночь, поздно уже. Никак не думаю, спать хочется.

Человек из тени засмеялся.

— Тогда не будем напрасно тратить время. И перейдем к делу. Ты мне нужен, ведьмак. Для ведьмачьей работы. И так все удивительно складывается, что я тебе тоже нужен. Может быть, еще больше.

— Я Ксандер, принц Керака. Я хотел бы, и это главное, стать Ксандером Первым, королем Керака. В данный момент, к моему сожалению и на горе стране, королем Керака является мой отец, Белогун. Старик еще в полной силе, может править, тьфу, чтоб не сглазить, еще лет двадцать. У меня нет ни времени, ни желания ждать так долго. Ба! Даже если бы я ждал, нет никакой уверенности, что королем стану я, папаша может в любое время назначить преемника на трон, у него богатая коллекция потомков. И, собственно, сейчас он

собирается зачать нового — на праздник Ламмас запланирована королевская свадьба с помпой и великолепием, которых страна не может себе позволить. Он, скряга, который по нужде выходит в парк, чтобы не испортить эмаль на ночном горшке, выбрасывает на свадебный пир гору золота. Опустошает казну. Я буду лучшим королем. Проблема в том, что я хочу стать им прямо сейчас. Как можно быстрее. Поэтому я нуждаюсь в тебе.

— Среди услуг, которые я оказываю, нет дворцовых переворотов. И цареубийства. Того, что, вероятно, принц изволил иметь в виду.

— Я хочу быть королем. Чтобы я мог им стать, мой отец должен перестать им быть. А мои братья должны быть исключены из числа престолонаследников.

— Цареубийство плюс братоубийство. Нет, мой принц. Должен отказаться. Сожалею.

— Неправда, — проворчал принц из темноты. — Не сожалеешь. Пока. Но пожалеешь, я обещаю.

— Пусть принц изволит принять к сведению, что угрожать мне смертью бессмысленно.

— Кто говорит о смерти? Я королевский сын и князь, а не убийца. Я говорю о выборе. Или моя милость или немилость. Если сделаешь то, что я потребую, будешь наслаждаться моей милостью. И поверь, она тебе очень понадобится. Особенно теперь, когда идет процесс о твоём финансовом мошенничестве. Несколько ближайших лет, обещаю тебе, проведешь с веслом на галере. Ты, похоже, думал, что все уже закончилось? Что твое дело уже закрыто, что эта ведьма Нейд, которая по своему капризу позволяет себя трахать, отозвала обвинение и все шито-крыто? Ошибаешься. Альберт Смутька, староста из Ансегиса, написал признание. Это признание тебя обвиняет.

— Это ложное признание.

— Это будет трудно доказать.

— Доказывать надо вину, а не невиновность.

— Хорошая шутка. Правда, смешно. Но я не смеялся бы, находясь в твоей шкуре. Посмотри на это. Это, — принц бросил на стол кипу бумаг, — документы. Заверенные показания, признания свидетелей. Городок Чизмар, нанят ведьмак, убит левокрот. Счет на семьдесят крон, заплатили в реальности пятьдесят пять, разницу поделили пополам с местным чиновником. Поселок Сотонин, гигантский паук. Убитый, согласно счету, за девяносто, а на самом деле, по свидетельству войта, за шестьдесят пять.

В Тибергене за убитую гарпию выставлено сто крон, на самом деле заплатили семьдесят. И твои предыдущие подвиги и аферы: вампир из замка Петрельштайн, которого не было, а стоил он бургграфу кругленькую тысячу оренгов. Оборотень из Гуаамеза, сто крон за то, что ты его якобы расколдовал и волшебным образом вновь сделал человеком, дело очень подозрительное, потому что это слишком дешево для такого превращения. Эхинопс или, скорее, то, что ты принес войту в Мартинделькампо и назвал эхинопсом. Гули с кладбища в деревне Зграгген, которые стоили местным властям крон восемьдесят, хотя никто не видел трупов, якобы съеденных, ха-ха, другими гулями. Что скажешь, ведьмак? Это доказательства.

— Принц изволит ошибаться, — спокойно возразил Геральт. — Это не доказательства. Это сфабрикованная клевета, причем сфабрикована она неумело. Меня никогда не нанимали в Тибергене. Про поселок же Сотонин я даже не слышал. Все счета оттуда — явные подделки, и доказать это будет нетрудно. И я убил гулей в Зграггене, и да, их сожрали, ха-ха, другие гули, потому что у гулей, ха-ха, именно такие, а не иные привычки. И прах похороненных на кладбище покойников с тех пор никто не беспокоит, потому что гулей оттуда выжили. Остальной бред из тех бумаг я даже комментировать не хочу.

— На основе этих документов, — принц положил руку на бумаги, — против тебя начнется судебный процесс. Он будет длиться долго. Правдивы ли эти доказательства? Кто знает? Каким будет окончательный вердикт? А кого это волнует? Это не имеет значения. Важно то зловоние, которое от этого разнесется. И будет тащиться за тобой до конца твоих дней.

— Некоторые люди, — продолжал он, — брезгуют тобой, но вынуждены терпеть,

поскольку ты меньшее зло, убийца монстров, угрожающих им. Некоторые ненавидят тебя как мутанта, ощущая отвращение и омерзение к нечеловеческому существу. Другие панически боятся тебя и ненавидят из-за своего собственного страха. Все это будет забыто. Славу эффективного убийцы и репутацию злого колдуна сдует ветром, как перышко, забыты будут отвращение и страх.

Тебя будут помнить только как жадного вора и стяжателя. Те, кто вчера боялись тебя и твоих заклинаний, которые, завидев тебя, отворачивались, чтобы сплюнуть или тянулись за амулетами, завтра будут ржать, тыкая приятеля локтем. Смотри, Геральт идет, этот жалкий шарлатан и пройдоха! Если ты не возьмешься за работу, которую я предлагаю, я уничтожу тебя, ведьмак. Разрушу твою репутацию. Если ты не окажешь мне услугу. Решай. Да или нет?

— Нет.

— Можешь не рассчитывать, что тебе чем-то помогут связи: Феррант де Леттенхоф или рыжая ведьма-любовница. Инстигатор не поставит под угрозу свою собственную карьеру, а ведьме Капитул запрещает вмешательство в уголовные дела. Никто тебе не поможет, когда тебя затянет в колеса судебной машины. Приказываю тебе, решай. Да или нет?

— Нет. Окончательное нет, ваше высочество. Тот, кто скрывается в алькове, уже может выйти.

Принц, к удивлению Геральта, рассмеялся. И хлопнул ладонью о стол. Скрипнула дверь, из соседнего кабинета появилась фигура. Узнаваемая, несмотря на темноту.

— Ты выиграл пари, Феррант, — сказал князь. — О выигрыше сообщи завтра моему секретарю.

— Благодарю вашу княжескую милость, — сказал с легким поклоном Феррант де Леттенхоф, королевский инстигатор, — но я рассматривал пари только в символическом плане. Чтобы подчеркнуть, насколько глубоко я уверен в своем мнении. Я не имел в виду деньги...

— Деньги, которые ты выиграл, — перебил его князь, — для меня тоже только символ, так же, как выбитая на них печать Новиградского монетного двора и профиль правящего монарха. Знай также, знайте оба, что я тоже выиграл. Нашел то, что полагал навсегда потерянным. А именно, веру в людей. Знай, Геральт из Ривии, что Феррант был абсолютно уверен в твоей реакции. А я, признаюсь, считал его наивным. Я был убежден, что ты прогнешься.

— Все что-нибудь выиграло, — кисло сказал Геральт. — А я?

— Ты тоже, — успокоил его принц. — Расскажи ему, Феррант. Объясни ему суть дела.

— Его милость присутствующий здесь князь Эгмунд, — пояснил инстигатор, — соизволил на мгновение выдать себя за Ксандера, своего младшего брата. А также, символически, и за других братьев, претендентов на престол. Принц подозревал, что Ксандер или какой-то другой родственник захочет получить трон, используя имеющегося под рукой ведьмака. Поэтому мы решили что-то такое... инсценировать. И теперь мы знаем, что если нечто подобное произойдет на самом деле... Если кто-то на самом деле сделает тебе недостойное предложение, ты на него не согласишься ради княжеской милости. И не испугаешься угроз или шантажа.

— Я понял, — кивнул ведьмак. — Я склоняю голову перед вашим талантом. Принц соблаговолил изумительно вжиться в роль. В том, что он изволил обо мне сказать, во мнении, которое имел обо мне я не почувствовал никакой актерской игры. Напротив. Я ощущал абсолютную искренность.

— Маскарад и был нашей целью, — сломал неловкое молчание Эгмунд. — Цель достигнута, и я не собираюсь перед тобой объясняться. А пользу получишь и ты. Финансовую. У меня есть намерение действительно тебя нанять. И за твою службу щедро платить. Скажи ему, Феррант.

— Принц Эгмунд, — сказал инстигатор, — опасается убийства своего отца, короля Белогуна, которое может произойти во время планируемой на праздник Ламмас королевской

свадьбы. Принцу будет спокойнее, если за безопасностью короля будет наблюдать... кто-нибудь вроде ведьмака. Да, да, не перебивай, мы знаем, что ведьмаки не идут в охранники или телохранители, что целью их существования является защита людей от угроз со стороны магических чудовищ, сверхъестественных и неестественных...

— Это в книгах, — нетерпеливо оборвал его князь. — В жизни бывает всякое. Ведьмака нанимают для защиты каравана, идущего через пустыню или глушь, которая кишит чудовищами. Иногда, однако, вместо монстров на купцов нападают обычные разбойники, и ведьмаки не против того, чтобы с ними схватиться. У меня есть основания опасаться, что во время свадьбы на короля могут напасть... василиски. Возьмешься защищать его от василисков?

— Это зависит.

— От чего?

— От того, будет ли спектакль иметь продолжение. И не стану ли я объектом следующей провокации. Со стороны одного из других братьев, например. Актерский талант, я полагаю, не является редкостью в семье.

Феррант фыркнул. Эгмунд стукнул кулаком по столу.

— Не перегибай палку, — отрезал он. — И не забывайся. Я спрашиваю, возьмешься ли ты за это? Отвечай!

— Я мог бы, — кивнул Геральт, — заняться защитой короля от гипотетического василиска. К сожалению, в Керাকে у меня украли мечи. Королевские службы до сих пор не смогли напасть на след вора и, вероятно, мало продвинулись в этом направлении. Без мечей я никого защитить не могу. Так что вынужден отказаться по объективным причинам.

— Если это связано только с мечами, проблемы не будет. Мы найдем их. Правда, господин инстигатор?

— Безусловно.

— Вот видишь. Королевский инстигатор безусловно это подтвердил. И что дальше?

— Сначала я должен получить мечи. Безусловно.

— Упрямый ты человек. Но пусть так и будет. Хочу отметить, что за свои услуги ты будешь получать оплату, и уверяю, что ты не найдешь меня скупым. Относительно другой пользы, которую ты получаешь сразу, так сказать, авансом, в знак моей доброй воли. Твое дело в суде можешь уже считать закрытым. Там много формальностей, и бюрократия не умеет торопиться, но ты уже можешь считать себя свободным от подозрений, и получаешь полную свободу передвижения.

— Я безмерно благодарен. А свидетельства и счета? Левокрот из Чизмара, оборотень из Гуамеза? И что с этими документами? Теми, которые послужили вашему высочеству... театральным реквизитом?

— Документы, — Эгмунд посмотрел ему в глаза, — временно останутся у меня. В надежном месте. Безусловно.

*

Когда он вернулся, колокол короля Белогуна пробил полночь. Коралл, надо отдать ей честь, при виде его спины сохранила спокойствие и присутствие духа. Она умела держать себя в руках. Даже голос ее не изменился. Почти не изменился.

— Кто это с тобой сделал?

— Вигилозавр. Такой ящер...

— Ящер наложил швы? Ты позволил зашивать себя ящеру?

— Швы наложил медик. А ящер...

— К черту ящера! Мозаик! Скальпель, ножницы, пинцет! Иглу и кетгут! Эликсир *Pulchellum* ! Отвар алоэ! Мазь *ortolanil* . Тампоны и стерильные салфетки! И приготовь пластырь с медом и горчицей! Шевелись, девочка!

Мозаик хлопотала с удивительной быстротой. Литта начала операцию. Ведьмак сидел и

страдал молча.

— Медикам, которые не владеют магией, — процедила волшебница, накладывая шов, — надо бы, однако, запретить практиковать. Преподавать в университетах — да. Сшивать трупы после вскрытия — да. Но к живым пациентам их нельзя подпускать. Но мы никогда этого не дождемся, все идет в обратном направлении.

— Не только магия лечит, — рискнул высказаться Геральт. — А лечить кому-то надо. Специализированных магов-целителей горстка, а обычные чародеи лечить не хотят. У них нет времени или они полагают, что оно того не стоит.

— Справедливо полагают. Последствия перенаселения могут быть фатальными. Что это? Чем это ты тут забавляешься?

— Вигилозавр был помечен этой штукой. Она была прикреплена к коже.

— Содрал с него как законный трофей победителю?

— Содрал, чтобы тебе показать.

Коралл рассмотрела овальную латунную пластину размером с детскую ладонь. И выбитые на ней символы.

— Любопытное стечение обстоятельств, — сказала она, прикрепляя пластырь к его спине. — Принимая во внимание тот факт, что ты сам собираешься в том направлении.

— Я собираюсь? Ах, да, верно, я забыл. Твои собратья и их планы относительно моей особы. Эти планы уже конкретизированы?

— Не иначе. Я получила сообщение. Тебя просят прибыть в замок Риссберг.

— Просят, как трогательно. Замок Риссберг. Вотчина знаменитого Ортолана. В этой просьбе, как я понимаю, я отказать не могу.

— Я бы не советовала. Они просят тебя прибыть в срочном порядке. Учитывая твои травмы, когда ты сможешь отправиться?

— Учитывая мои травмы, ты мне это и скажи. Доктор.

— Скажу. Позже... Но теперь... Тебя не будет какое-то время, я буду по тебе скучать... Как ты чувствуешь себя сейчас? Ты сможешь... Так, Мозаик, мы закончили. Иди в свою комнату и не беспокой нас. Что бы означала твоя ухмылочка, девушка? Может мне заморозить ее на твоих губах навсегда?

* * *

Интерлюдия

Лютик, «Полвека поэзии»

(фрагмент черновика, не вошедший в официальное издание)

По правде говоря, ведьмак многим мне обязан. С каждым днем все больше.

Посещение Пирала Пратта в Равелине, закончившееся, как вы знаете, бурно и кроваво, принесло, однако, и некоторые плоды. Геральт напал на след вора, похитившего его мечи. Отчасти это моя заслуга, поскольку это я, благодаря моей смекалке, направил Геральта в Равелин. А на следующий день именно я, и никто другой, обеспечил Геральта новым оружием.

Я не мог видеть его беззащитным. Вы скажете, что ведьмак никогда не бывает беззащитным? Что это обученный любому виду боя мутант, который в два раза сильнее и в десять раз быстрее нормального человека? Который трех вооруженных бандитов вмиг раскидал по земле дубовой бондарной клепкой? Что вдобавок он владеет магией, своими Знаками, которыми защищается вполне нехило? Это правда. Но меч есть меч. Сколько раз он мне повторял, что без меча чувствует себя голым. Так вот, я добыл ему меч.

Пратт, как вы уже знаете, в знак благодарности выдал нам с ведьмаком некоторую сумму денег, не очень щедро, как всегда. На следующее утро, как и велел Геральт, я поспешил с чеком в филиал банка Джанкарди. Сдал чек на инкассо.

Стою, осматриваюсь. И вижу, кто-то внимательно за мной наблюдает. Дама, нестарая, но и не слишком молодая, одетая элегантно, со вкусом. Пристальный женский взгляд для меня привычен, моя мужская плотоядная красота делает меня для многих женщины неотразимым.

Женщина вдруг подходит ко мне, представляется как Этна Асидер и говорит, что она меня знает. Тоже мне сенсация, меня все знают, слава опережает меня, куда бы я ни шел.

— До меня дошла новость, — говорит она, — о скверном приключении, которое произошло с вашим товарищем, уважаемый поэт, ведьмаком Геральтом из Ривии. Я знаю, что у него пропало оружие, и что ему срочно нужно новое. Я также знаю, как это трудно, достать хороший меч. Случилось так, что у меня такой меч есть. Он остался от моего покойного мужа, да упокоят боги его душу. Я как раз зашла в банк, чтобы они оценили меч — зачем он вдове? Меч они оценили, и готовы взять его на комиссию. А мне деньги нужны срочно, ведь я должна платить долги покойника-мужа, иначе кредиторы меня загрызут. Поэтому...

После этих слов женщина разворачивает узорное шелковое покрывало, и я вижу меч. Чудо, скажу я вам. Легкий, как перышко. Изящные и элегантные ножны, рукоять покрыта кожей ящерицы, позолоченный эфес, в оголовье яшма размером с голубиное яйцо. Вынимаю его из ножен, и глазам своим не верю. На клинке чуть выше гарды, гравировка в виде солнца. И рядом надпись: «Без причины не вынимай, без славы не вкладывай». Значит, клинок выкован в Нильфгаарде, в Вироледе, городе, чьи оружейные мастерские на весь мир славятся. Прикоснулся подушечкой большого пальца к острию — как бритва, скажу я вам.

Ну, я не олух какой-нибудь, никаких признаков не подаю, смотрю равнодушным взглядом, как банковские клерки суетятся, а какая-то бабища латунные ручки начищает.

— Банк Джианкарди, — говорит вдова, — оценил меч в двести крон. На комиссию. Однако, если вы заплатите наличными, отдам за сто пятьдесят.

— Ого! — отвечаю. — Сто пятьдесят, это же куча денег. За это дом купить можно. Если небольшой. И в предместье.

— Ах, господин Лютик, — она стала заламывать руки, ронять слезы. — Вы надо мной издеваетесь. Жестокий вы человек, не жалуете бедную вдову. Но у меня нет выхода. Отдам вам за сто.

Вот таким путем, дорогие мои, я решил проблему ведьмака.

Мчусь в таверну «Под крабом и угрем», Геральт уже там сидит над яичницей с беконом, ха, видно у рыжей ведьмы на завтрак опять был сыр и зеленый лук. Я подхожу и — бух, меч на стол! Он чуть не подавился. Бросил ложку, достает меч из ножен, смотрит. Лицо, как камень. Но я уже привык к его мутации, знаю, что никаких эмоций его лицо не выражает. Как бы он ни был взволнован и счастлив, по нему этого не увидишь.

— Сколько за него отдал?

Я хотел возразить, что это не его дело, но вовремя вспомнил, что платил-то я его собственными деньгами. Так что признался. Он пожал мне руку, но не сказал ни слова, и выражение его лица не изменилось. Такой уж он. Простой, но надежный.

И сказал мне, что уезжает. Один.

— Я хотел бы, — упредил он мои протесты, — чтобы ты остался в Кераче. И внимательно слушал и наблюдал.

Рассказал мне о том, что вчера случилось, о своем ночном разговоре с принцем Эгмундом. И все время с мечом играл, как ребенок с новой игрушкой.

— Я не собираюсь, — подытожил он, — князю служить. Или участвовать в королевской свадьбе в августе в качестве телохранителя. Эгмунд и твой кузен уверены, что вора, укравшего мои мечи, они скоро поймают. Я не разделяю их оптимизма. И это мне как раз на руку. Будь у меня мои мечи, Эгмунд бы меня принудил. Я предпочитаю сам выследить вора, в Новиграде, в июле, до начала аукциона у Борсодов. Добуду мечи, и больше меня в Кераче не увидят. А ты, Лютик, держи рот на замке. О том, что рассказал нам Пратт никто не должен узнать. Никто. Твой кузен инстингатор в том числе.

Я поклялся, что буду молчать, как могила. И он посмотрел на меня странно. Как если бы не доверял.

— Впрочем, всякое может случиться, — продолжал он, — я должен иметь запасной план. Для этого, прежде всего, я хотел бы узнать побольше об Эгмунде и его братьях и сестрах, обо всех возможных претендентах на трон, о самом короле, обо всех королевских родственниках. Я хотел бы знать об их намерениях и заговорах. Кто с кем держится, какие фракции наиболее активны и так далее. Ясно?

— Литту Нейд, — ответил я, — привлекать к этому ты не хочешь, как я понимаю. И думаю, что это правильно. Рыжеволосая красавица, безусловно, прекрасно осведомлена в интересующих тебя вопросах, но с местной монархией у нее слишком тесные связи, чтобы она решилась на двойную лояльность — это раз. Во-вторых, не говори ей, что ты скоро исчезнешь и больше здесь не появишься. Поскольку реакция может быть жесткой. Чародейкам, как ты уже смог убедиться, не нравится, когда кто-то исчезает.

— Что касается остального, — пообещал я, — ты можешь на меня рассчитывать. Я буду держать глаза и уши остро и направлю их, куда необходимо. С местной королевской семейкой я уже знаком и сплетен наслушался досыта. Милостивый король Белогун наплодил многочисленное потомство. Жен он менял довольно часто и легко. Как только присматривал себе новую, старая весьма своевременно покидала этот мир, по странному повороту судьбы у нее внезапно обнаруживалась неизлечимая болезнь, и медицина оказывалась бессильной. Таким образом, у короля в настоящее время четыре законных сына, каждый от другой матери. Многочисленные дочери не в счет, так как они претендовать на трон не могут. Я не считаю также множество бастардов. Следует, однако, отметить, что все значительные должности и посты в Кераке занимают супруги дочерей, кузен Феррант является исключением. А внебрачные сыновья управляют торговлей и промышленностью.

Ведьмак, казалось, слушал внимательно.

— Четырьмя сыновьями супружеского ложа, — рассказывал я дальше, — являются, в порядке старшинства, следующие. Первородный сын, имени его не знаю, при дворе запрещено его произносить, после ссоры с отцом уехал, и след затерялся. С тех пор его никто никогда не видел. Второй, Элмер, содержится под стражей, душевнобольной, пьяница, это будто бы является государственной тайной, но весь Керак об этом знает. Реальные претенденты — Эгмунд и Ксандер. Они ненавидят друг друга, и Белогун ловко на этом играет, держит обоих в состоянии постоянной неопределенности относительно преемственности, иногда демонстративно дает обещания тем или иным фаворитам, в том числе кому-то из бастардов. Нынче шепчут по углам, что он пообещал передать корону своему сыну, который родится от новой жены, той, на которой он официально женится в Ламмас.

— Я и кузен Феррант, — продолжал я, — полагаем, однако, что это все пустые обещания, с помощью которых старый хрен собирается склонить молоденькую девушку к постельным радостям. Что Эгмунд и Ксандер единственные реальные претенденты на трон. И если для этого потребуются государственный переворот, его совершит один из этих двух. С обоими я знаком через кузена. Оба они... такое впечатление... скользкие как говно в майонезе. Если ты понимаешь, что я имею в виду.

Геральт подтвердил, что понимает, что у него сложилось такое же впечатление, когда он разговаривал с Эгмундом, но он не мог это так же красиво выразить словами.

Затем он глубоко задумался.

— Я скоро вернусь, — сказал он, наконец. — А ты действуй здесь и внимательно наблюдай.

— Прежде чем мы попрощаемся, — сказал я, — будь другом, расскажи мне немного об ученице твоей магички. Той прилизанной. Это настоящий бутон розы, малость над ней поработать, и она дивно расцветет. Думаю, что я ею займусь...

Тут его лицо изменилось. И он так грохнул кулаком по столу, что кружки подпрыгнули.

— Держи лапы подальше от Мозаик, музыкантишка, — так он меня, без всякого уважения. — Выбрось это из головы. Разве ты не знаешь, что ученицам чародеек строго запрещен даже самый невинный флирт? За малейшую подобную провинность Коралл признает ее недостойной дальнейшего обучения и отправит обратно в школу, что для ученицы ужасная компрометация и потеря лица, я слышал о самоубийствах на этой почве. Коралл шуток не понимает. У нее нет чувства юмора.

Я хотел посоветовать ему, чтобы он попробовал пощекотать ей куриным пером желобок на попке, эта процедура излечивает даже самых угрюмых. Но я ничего не сказал, потому что я его знаю. Он не переносил, когда неосмотрительно говорят о его женщинах. Даже таких, которые только на одну ночь. Так что я поклялся своей честью, что невинность прилизанной адепки вычеркивается из повестки дня, и я даже не буду строить ей глазки.

— Если тебе так уж приперло, — повеселев, сказал он на прощание, — то знай, что я встретил в местном суде даму адвоката. Похоже, что она на все согласится. Можешь за ней приударить.

Ничего себе. Я, что же, поимею само правосудие? С другой стороны, однако...

* * *

Интерлюдия

Достопочтенной

Литге Нейд

Керак, Верхний Город

Вилла «Цикламен»

Замок Риссберг, 1 июля 1245 г. Р.

Дорогая Коралл!

Надеюсь, что мое письмо найдет тебя в добром здравии и хорошем расположении духа. И что все идет в соответствии с твоими пожеланиями.

Спешу сообщить тебе, что ведьмак, называющий себя Геральтом из Ривии, наконец-то соизволил появиться в нашем замке. Сразу после прибытия, не позднее, чем через час, он проявил себя раздражающе невыносимым и умудрился отворотить от себя абсолютно всех, в том числе почтенного Ортолана, человека, который является воплощением дружелюбия и доброжелателен к каждому. Мнения, циркулирующие об этом субъекте, как оказалось, ничуть не являются преувеличенными, а антипатия и враждебность, с которыми его повсюду встречают, имеют свое глубокое основание. Однако же нужно отдать ему честь, и я буду первым, кто это сделает, *sine ira et studio*. Этот субъект является профессионалом во всех отношениях, и в смысле своей квалификации заслуживает абсолютного доверия. Он выполнит то, что ему поручено, или погибнет, пытаясь это сделать, сомнений быть не может.

Цель нашего предприятия, таким образом, можно считать достигнутой, в основном, благодаря тебе, дорогая Коралл. Благодарим тебя за твои усилия, благодарность эту мы сохраним навсегда. Моя личная особая благодарность тебе, как давнего друга, помнящего о том, что нас связывало, и лучше других понимающего принесенную тобой жертву. Я понимаю, как, должно быть, ты страдала от близости этого субъекта, являющегося, в сущности, конгломератом пороков, которые ты ненавидишь. Проистекающие из глубоких комплексов цинизм, колючая и интровертная натура, неискренний характер, примитивный ум, посредственный интеллект, чудовищное высокомерие. Не говоря уже о том, что у него неприятные руки и неухоженные ногти. Не стану тебя раздражать, дорогая Коралл, в конце концов, я знаю, как ты ненавидишь такие вещи. Но, как я уже сказал, настал конец твоим страданиям, бедам и волнениям, ничто уже не стоит на пути, поскольку твои отношения с этим субъектом прекратились и все контакты с ним прерваны. Это позволяет положить конец и дать отпор клеветнической болтовне, распространяемой злыми языками, которые

твою мнимую и, несомненно, притворную любезность к ведьмаку, постоянно пытаются представить, как какой-то дешевый роман. Но хватит уже об этом, это пустые разговоры.

Я был бы самым счастливым человеком, дорогая Коралл, если бы ты навестила меня в Риссберге. Излишне говорить, что достаточно одного твоего слова, одного кивка, одной улыбки, чтобы я стремглав помчался к тебе.

С глубоким уважением, твой

Пинети

PS Злые языки, о которых я уже упоминал, предполагают, что твои милости, расточаемые ведьмаку, проистекают из желания досадить нашей коллеге Йеннифэр, все еще якобы увлеченной ведьмаком. Достойны жалости наивность и невежество этих интриганов. Всем и каждому известно, что Йеннифэр остается в пламенных отношениях с неким молодым предпринимателем из ювелирной гильдии, а о ведьмаке и мимолетной связи с ним вспоминает, как о прошлогоднем снеге.

* * *

Интерлюдия

**Достопочтенному
Алджернону Гвинкампу
Замок Риссберг**

Ex urbe Kerack, die 5 mens. Jul. anno 1245 p. R.

Дорогой Пинети!

Спасибо тебе за письмо, ты давно мне не писал, что ж, видимо, не было о чем и не возникало причины.

Очень тронута твоей заботой о моем здоровье и настроении, а также о том, чтобы все шло в соответствии с моими пожеланиями. Рада сообщить тебе, что все складывается именно так, как должно складываться, прилагаю к этому старания, а каждый, как известно, сам кормчий корабля своего. Я знаю свой курс, твердой рукой веду корабль сквозь шквалы и рифы, высоко держу голову, когда вокруг бушует буря.

Что касается здоровья, то на самом деле оно улучшилось. Физическое — как обычно, психическое тоже с недавних пор, когда я получила то, чего мне так долго не хватало. До какой степени не хватало, я узнала только после того, как перестало не хватать.

Я рада, что ваше, требующее участия ведьмака, предприятие движется к успеху, и горжусь моим скромным участием в этом предприятии. Напрасно, однако, ты огорчаешься, дорогой Пинети, полагая, что это было связано с самопожертвованием, страданиями, бедами и беспокойствами. Это было не так уж плохо. Геральт действительно настоящий конгломерат пороков. Я обнаружила в нем, *sine ira et studio*, еще и достоинства. Немалые достоинства, уверяю тебя, многие, если бы о них узнали, смутились бы. А многие бы позавидовали.

Что до сплетен, слухов, нашептываний и интриг, о которых ты пишешь, дорогой Пинети, мы все к ним привыкли, и мы знаем, как с этим справляться. Рецепт простой: пренебречь. Наверное, ты помнишь слухи о тебе и Сабрине Глевиссиг в те времена, когда нас якобы что-то связывало? Я пренебрегла ими. Теперь я предлагаю тебе сделать то же самое.

Bene Vale,

Коралл

PS Я очень занята. Наша встреча не представляется возможной в обозримом будущем.

* * *

Глава Девятая

По разным странам блуждают они, но склонности их и повадки всюду одинаковы. Это означает, что никакой власти, человеческой или божеской, не признают, что никаких законов и правил не уважают, что никому и ничему подчиняться нужным не считают и безнаказанными мнят себя. Будучи по натуре шарлатанами, живут с ворожбы, коей простой люд одурачивают, служат шпионами, продают амулеты поддельные, лекарства фальшивые, пошла и наркотики, также сутенерством занимаются, то есть девок гулящих приводят для утех нечестивых тем, кто платит. Когда нуждаются, просить милостыню не стыдятся, но воровства не допускают, однако им милей жульничество и плутовство. Обманывают доверчивых, будто они людей защищают, будто безопасность их стерегут, монстров убивая, но давно уже доказано, что делают это они для удовольствия собственного, ибо убийство для них главное развлечение. Готовясь ко своим деяниям, некое колдовство учиняют чародейское, дабы обольстить глаза смотрящих. Благодетельные священники сразу эти фокусы и ловкость рук разоблачают и срамят этих слуг бесовских, ведьмаками именуемых.

Аноним, «Монструм или ведьмака описание»

Риссберг не выглядел ни грозным, ни даже впечатляющим. Так себе замок, каких много, среднего размера, аккуратно вписанный в крутой склон горы, примыкающий к обрыву, светлыми стенами контрастирующий с вечнозеленым еловым лесом, с возвышающимися над вершинами деревьев крышами двух четырехугольных башен, одна повыше другой. Окружающая замок стена была не слишком высокой, как казалось вблизи, и венчали ее не зубцы — расположенные по углам и над воротами башни были скорее декоративными, чем защитными.

Вьющаяся вокруг холма дорога носила следы интенсивного использования. Потому что ее использовали, и весьма интенсивно. Ведьмаку приходилось часто обгонять подводы, экипажи, отдельных всадников и пешеходов. Много путешественников также двигалось в противоположном направлении, со стороны замка. Геральт полагал, что это паломничество. Он был прав, это выяснилось, едва он выехал из лесу.

На плоской вершине холма, под внешней стеной располагался построенный из дерева, тростника и соломы городок — целый комплекс мелких и крупных зданий и навесов, окруженный забором и загонами для лошадей и скота. Оттуда доносился гул, и движение там было довольно оживленным, как на ярмарке или базаре. Потому что это и была ярмарка, базар, большой рынок, только торговали здесь не птицей, рыбой или овощами. Предлагаемым под замком Риссберг товаром была магия: амулеты, талисманы, зелья, опиаты, фильтры, декокты, экстракты, дистилляты, отвары, курения, благовония, сиропы, порошки и мази, для различного применения, заряженные магией предметы, инструменты, товары для дома, украшения и даже детские игрушки.

Этот ассортимент привлекал сюда толпы покупателей. Был спрос — было и предложение, и торговля, как было видно, шла бурно.

Дорога разветвлялась. Ведьмак поехал по той, что вела к воротам замка, гораздо менее наезженной, чем другая, по которой посетители направлялись на рынок. Проехал через мощный проезд, ведущий к воротам, вдоль которого был установлен ряд менгиров, ростом намного выше всадника на лошади. Вскоре его приветствовала арка, характерная скорее для дворца, чем для замка, с декоративными пилястрами и фронтоном. Медальон ведьмака сильно задрожал. Плотва заржала, застучала по мостовой подковами и остановилась как вкопанная.

— Имя и цель визита.

Он поднял голову.

Грохочущий, отозвавшийся эхом, но, несомненно, женский голос донесся, казалось, из открытого рта изображенной на тимпане головы гарпии. Медальон подергивался, кобыла фыркала. Геральт почувствовал странное давление в висках.

— Имя и цель визита, — снова раздалось из отверстия в рельефе. Немного громче, чем раньше.

— Геральт из Ривии, ведьмак. Меня ожидают.

Голова гарпии издала звук, напоминающий трубный. Магия, блокирующая вход, исчезла, давление в висках прекратилось в тот же момент, и кобыла двинулась вперед без понуканий. Копыта стучали по мостовой.

Он выехал из арки в окруженный клуатрами тупик. К нему сразу подбежали двое слуг, парней в практичной бурой одежде. Один занялся лошадью, другой послужил проводником.

— Туда, господин.

— У вас всегда так? Такое столпотворение? Там, под замком.

— Нет, господин, — слуга бросил на него удивленный взгляд. — Только по средам. Среда базарный день.

Очередную арку венчал картуш с очередным барельефом, наверняка тоже магическим. Он изображал пасть амфисбены. Арку закрывала декоративная и солидная на вид решетка, которую, однако, слуга слегка толкнул, и она плавно открылась.

Внутренний двор занимал гораздо большую площадь. И только находясь здесь, можно было правильно оценить замок. Взгляд издали, как оказалось, сильно вводил в заблуждение.

Риссберг был намного больше, чем казался на первый взгляд. Углубляясь крутой дугой в горный склон, располагался комплекс зданий, мрачных и уродливых сооружений, которые, как правило, не встречаются в архитектуре замков. Здания эти выглядели как фабрики, и, вероятно, ими являлись. Из них торчали дымовые и вентиляционные трубы. Стоял запах дыма, серы и аммиака, ощущалось легкое сотрясение почвы, свидетельствующее о работе каких-то подземных машин.

Ворчание слуги отвлекло внимание Геральта от фабричного комплекса. Потому что они должны были пойти в другом направлении — в сторону башни замка, той, что пониже, возвышающейся над зданиями более классическими, дворцового типа. Внутри тоже было как в классическом дворце — пахло пылью, деревом, воском и старьем. Было светло — под потолком вяло, как рыбы в аквариуме, плавали окруженные ореолами света магические шары, стандартное освещение обитатели магов.

— Здравствуй, ведьмак.

Его встречали два чародея. Он знал обоих, хотя и не лично. Харлана Цару показала ему однажды Йеннифэр, он вспомнил его, потому что это был чуть ли не единственный маг, который брил голову наголо. Алджернона Гвинкампа, именуемого Пинети, Геральт помнил по Оксенфурту. По академии.

— Добро пожаловать в Риссберг, — приветствовал его Пинети. — Мы рады, что ты соизволил прибыть.

— Смеетесь надо мной? Я здесь не по своей воле. Чтобы заставить меня приехать, Литта Нейд упекла меня в тюрьму...

— Но потом вытащила из нее, — прервал его Цара. — И щедро вознаградила. Компенсировала дискомфорт с большой, хм, благосклонностью. Говорят, неделю, по крайней мере, ты был с ней в очень хороших... отношениях.

Геральт с огромным трудом подавил в себе желание дать ему в морду. Пинети, должно быть, это заметил.

— *Рах*, — он поднял руку. — *Рах*, Харлан. Не будем ссориться. Давайте воздерживаться от споров и сарказма. Мы знаем, что Геральт предубежден по отношению к нам, это чувствуется в каждом его слове. Мы знаем, почему это так, мы знаем, как измотала его история с Йеннифэр. И реакция общества на эту историю. Мы не можем этого изменить. Но Геральт профессионал, он сумеет быть выше этого.

— Он сумел бы, — холодно согласился Геральт. — Вопрос в том, захочет ли он? Давайте, наконец, перейдем к делу. Почему я здесь?

— Ты нам нужен, — сухо сказал Цара. — Именно ты.

— Именно я. Чем же я заслужил такую высокую честь? Или мне уже начинать бояться?

— Ты знаменит, Геральт из Ривии, — сказал Пинети. — Твои поступки и подвиги, широко известны и признаны захватывающими и достойными восхищения. На наше восхищение, как сам понимаешь, ты не можешь всерьез рассчитывать, мы не очень стремимся выражать восхищение, особенно такими, как ты. Но мы умеем признавать профессионализм и уважать опыт. Факты говорят сами за себя. Ты, смею утверждать, выдающийся... хм...

— Ну?

— Элиминатор, — Пинети нашел слово без труда, очевидно, оно было уже заранее под рукой. — Тот, кто устраняет угрожающих людям бестий и монстров.

Геральт не ответил. Он ждал.

— Кроме того, нашими целями, целями чародеев, являются благосостояние и безопасность людей. Таким образом, мы можем говорить об общих интересах. Случайные недоразумения не должны этому препятствовать. Это недавно нам разъяснил хозяин сего замка. Который слышал о тебе. И хотел бы познакомиться с тобой лично. Он этого пожелал.

— Ортолан.

— Архимагистр Ортолан. И его ближайшие соратники. Тебя представят ему. Позже. Слуга покажет тебе твою комнату. Можешь освежиться после путешествия. Отдохнуть. Вскоре мы придем за тобой.

*

Геральт думал. Он вспомнил все, что когда-либо слышал об архимагистре Ортолане, который, согласно всеобщему мнению, был живой легендой.

*

Ортолан был живой легендой. Лицом невероятно заслуженным в области чародейства.

Он был одержим популяризацией магии. В отличие от большинства чародеев он полагал, что польза и выгоды, проистекающие из сверхъестественных сил, должны быть общественной собственностью и служить улучшению общего благосостояния, комфорта и всеобщего счастья. Каждый человек, мечтал Ортолан, должен иметь неограниченный бесплатный доступ к магическим лекарствам и эликсирам. Волшебные амулеты, талисманы и всяческие артефакты должны быть общедоступными и бесплатными. Каждому гражданину должна быть доступна телепатия, телекинез, телепортация и телекоммуникация. Чтобы этого достигнуть, Ортолан постоянно что-то изобретал. То есть делал изобретения. Некоторые из них были такими же легендарными, как он сам.

Действительность болезненно скорректировала мечты старого чародея. Ни одно из его изобретений, предназначенных для распространения и демократизации магии, не вышло из стадии опытного образца. Всё, что придумал Ортолан, то, что, предположительно, должно быть простым, оказывалось чудовищно сложным. То, что должно быть массовым, оказывалось дьявольски дорогим. Ортолан, однако, не падал духом. Фиаско, которое другого бы обескуражило, вдохновляло его на дальнейшие усилия. Ведущие к очередному фиаско.

Подозревали — самому Ортолану, ясное дело, такая мысль не приходила в голову — что причиной неудач изобретателя был обычный саботаж. Речь не шла, по крайней мере, как о единственной причине, об обычной зависти чародейского братства, о нежелании всеобщего распространения вещей, которые чародеи хотели видеть в руках элиты, то есть в своих руках. Скорее опасались изобретений военного и убийственного характера. И опасались не напрасно. Как у каждого изобретателя, у Ортолана были периоды увлечения взрывчатыми и

зажигательными материалами, бомбардами, бронированными колесницами, самопалами, самобоями и отравляющими газами. Условием благосостояния, заповедовал старик, является всеобщий мир между народами, а мир достигается путем вооружения.

Самым надежным методом избежать войн является устрашение страшным оружием. Чем оружие страшнее, тем надежнее и долговечнее мир. Поскольку Ортолан никаких возражений слушать не привык, затаившиеся среди его изобретательской команды саботажники тормозили его грозные изобретения. Практически ни одно из них света белого не увидело. Исключением был печально известный, ставший предметом множества анекдотов, ядромет. Это была разновидность телекинетического арбалета, с большим коробом, заполненным оловянными шарами. Ядромет, в соответствии с названием, мог метать ядра в цель, причем очередями.

Прототип, всем на диво, вышел за стены Риссберга и даже был протестирован в какой-то стычке. С печальным, однако, эффектом. Испытывавший изобретение стрелок на вопрос об эффективности оружия позволил себе ответить, что это оружие, как его теща. Тяжелое, противное, абсолютно бесполезное, и не заслуживает ничего, кроме утопления в реке. Старый чародей не смутился, когда ему это передали. Ядромет это пустяк, заявил он, у него есть разработки гораздо более перспективные, для массового поражения. Он, Ортолан, за мир и процветание человечества, даже если для этого придется уничтожить половину человечества.

*

Стену комнаты, в которую его привели, закрывал огромный гобелен, шедевр ткачества, аркадская вердюра. Гобелен портил плохо отмытый потек, напоминающий какого-то крупного кальмара. Кто-то, подумал ведьмак, видимо, совсем недавно обрыгал шедевр ткачества. За расположенным в центре комнаты длинным столом сидели семеро.

— Магистр Ортолан, — Пинети слегка поклонился, — позвольте вам представить Геральта из Ривии. Ведьмака.

Внешний облик Ортолана не удивил Геральта. Предполагалось, что он был самым старым из ныне живущих чародеев. Может быть, это правда, может быть, нет, но факт состоял в том, что Ортолан выглядел самым старым из всех чародеев. Это было тем более странно, что не кто иной, как он, был изобретателем знаменитого альраунового декокта, эликсира, который чародеи использовали, чтобы остановить процессы старения. Сам Ортолан, когда он, наконец, доработал формулу надежно действующей магической жидкости, получил от нее не слишком много пользы, потому что был он тогда уже довольно старым.

Эликсир предотвращал старение, но ни в коем случае не омолаживал. Поэтому Ортолан, хотя он и принимал этот препарат, все равно выглядел как старик — особенно на фоне собратьев, почтенных чародеев, выглядевших мужчинами в самом расцвете сил, и тертых жизнью чародеек, выглядевших как девочки. Сияющие молодостью и красотой чародейки и слегка поседевшие чародеи, чьи настоящее даты рождения терялись в тумане времени, охраняли секретный эликсир Ортолана как зеницу ока, а иногда даже отрицали его существование. Самого же Ортолана они убедили, что зелье широко доступно, так что человечество практически бессмертно и, как следствие, абсолютно счастливо.

— Геральт из Ривии, — повторил Ортолан, теребя в руке клок седой бороды. — А как же, а как же, слышали мы о тебе, ведьмак. Дефенсор, как говорится, защитник, несущий людям от Зла спасение. От любого чудовищного зла достойный контрацептив и антидот.

Геральт сделал скромное лицо и поклонился.

— А как же, а как же... — продолжал чародей, тормоша бороду. — Мы знаем, мы знаем. Сил, чтобы защищать людей, не щадишь, парень, не щадишь. И воистину достойны уважения твои старания, достойно уважения твое ремесло. Мы рады приветствовать тебя в нашем замке, рады, что судьба привела тебя сюда. Потому что, хотя ты этого знать не

можешь, но ты вернулся, как та птица в гнездо... Верно говорю, как та птица. Радуемся мы тебе и думаем, что и ты нам рад. А?

Геральт был в растерянности относительно того, как обратиться к Ортолану. Чародеи не признавали форм вежливости и не ожидали их от других. Он не знал, однако, касается ли это седого и белобородого старика, вдобавок еще и живой легенды. Вместо того чтобы говорить, он снова поклонился.

Пинети последовательно представил сидящих за столом чародеев. Геральт некоторых знал. Понаслышке.

Аксель Эспарза, более широко известный как Аксель Рябой, и на самом деле имел лоб и щеки, покрытые отметинами от оспы, не удалял их, как ходили слухи, всем назло. Слегка седой Майлес Тритвей, и немного более седой Стукко Зангенис, смотрели на ведьмака с умеренным интересом. Заинтересованность Бируты Икарти, умеренно миловидной блондинки, ощущалась немного больше. Тарвикс Сандовал, широкоплечий, со статью скорей рыцаря, чем чародея, смотрел в сторону, на гобелен, как будто и он заметил потек и размышлял, как он появился и кто виновник.

Ближайшее к Ортолану место занимал казавшийся самым молодым, по сравнению с остальными, Сорель Дегерлунд, длинноволосый и немного женоподобный красавец.

— Мы тоже, — сказала Бирута Икарти, — приветствуем прославленного ведьмака, защитника людей. Мы рады видеть его, потому что мы здесь в замке, под руководством архимагистра Ортолана трудимся на благо того, чтобы сделать жизнь людей безопаснее и легче. Для нас тоже главная цель — делать людям добро. Возраст архимагистра не позволяет слишком долгую аудиенцию. Хочу спросить, как это и подобает: есть ли у тебя какие-нибудь пожелания, Геральт из Ривии? Есть ли что-нибудь, что мы можем сделать для тебя?

— Спасибо, — Геральт снова поклонился, — архимагистру Ортолану. И вам, уважаемые господа. И если уж вы решили спросить меня... Да, есть кое-что, что вы могли бы сделать для меня. Не могли бы вы объяснить мне... это. Эту штуку я сорвал с вигилозабра, которого убил.

Он положил на стол пластинку овальной формы размером с детскую ладонь. С рельефными знаками.

— RISS PSREP Mk IV/002 025, — прочел вслух Аксель Рябой. И передал пластину Сандовалу. — Мутация выполнена здесь, у нас, в Риссберге, — сказал с усмешкой Сандовал. — В отделе псевдогадов. Ящер-охранник. Модель четвертая, серия вторая, копия двадцать пятая. Устаревшая модель, давно делаем улучшенную. Что еще объяснить?

— Он говорит, что убил вигилозабра, — Стукко Зангенис поморщился. — Речь идет не об объяснении, а о претензии. Рекламации, ведьмак, принимаются и рассматриваются только от законных покупателей, предъявивших документ о покупке. Только на основании удостоверения покупки мы обеспечиваем сервис и устраняем недостатки...

— Гарантийный срок на эту модель давно истек, — добавил Майлес Тритвей. — Мы не устраняем дефекты, возникшие вследствие ненадлежащего обращения либо несоблюдения инструкции по эксплуатации изделия. Если вы использовали изделие неправильно, Риссберг не несет за это ответственности. Никакой ответственности.

— А за это, — Геральт достал из кармана и бросил на стол другую пластину, — вы несете ответственность?

Вторая пластина по форме и размерам была похожа на предыдущую, но потемнела и покрылась пятнами. Отчеканенная надпись заросла грязью. Но символы еще можно было прочесть:

IDR UL Ex IX 0012 BETA

Нависла долгая тишина.

— Идарран из Уливо, — произнес, наконец, Пинети, удивительно тихо и удивительно неуверенно. — Ученик Альзура. Не думал...

— Где ты это взял, ведьмак? — Аксель Рябой перегнулся через стол. — Откуда это у тебя?

— Спрашиваешь, как будто не знаешь, — ответил Геральт. — Содрал с панциря твари, которую убил. А она убила по меньшей мере двадцать человек в том районе. По меньшей мере — я думаю, что намного больше. Я думаю, что она убивала много лет.

— Идарран... — пробормотал Тарвикс Сандовал. — А до него Маласпина и Альзур...

— Но это не мы, — сказал Зангенис. — Не мы. Не Риссберг.

— Девятая экспериментальная модель, — задумчиво добавила Бирута Икарти. — Бета-версия. Двенадцатый...

— Двенадцатый экземпляр, — продолжил Геральт не без ехидства. — А сколько их было в общей сложности? Сколько их сделали? Ответа на вопрос об ответственности я, конечно, не получу, потому что это не вы, не Риссберг, вы чисты и хотите, чтобы я в это поверил. Но скажите хотя бы, вы ведь точно это знаете, сколько их еще бродит по лесам и убивает людей? Сколько их еще нужно отыскать? И убить. Я хотел сказать: элиминировать.

— Что это такое, что это? — Ортолан вдруг оживился. — Что там у тебя? Покажите! Ах...

Сорель Дегерлунд наклонился к уху старика, долго шептал. Майлес Тритвей, демонстрируя пластину, шептал с другой стороны. Ортолан дернул себя за бороду.

— Убил? — закричал он вдруг тонким голосом. — Ведьмак? Погубил гениальное творение Идаррана? Убил? Бездумно уничтожил?

Ведьмак не удержался. Он прыснул. Уважение к старости и сединам вдруг исчезли начисто. Он снова прыснул. А потом расхохотался. Искренне и неукротимо.

Окаменевшие лица сидящих за столом чародеев вместо того чтобы остановить, еще больше его развеселили. Черт возьми, подумал он, не могу вспомнить, когда я последний раз так хорошо смеялся. Разве что в Каэр Морхене, да, в Каэр Морхене. Когда под Весемиром сломалась прогнившая доска в сортире.

— Он еще смеется, сопляк! — кричал Ортолан. — Ржет, как осел! Неразумный юнец! Подумать только, я его защищал, когда другие осуждали! Что из того, говорил я, что он влюбился в малышку Йеннифэр? И что малышка Йеннифэр любит его? Сердцу не прикажешь, говорил я, оставьте же их обоих в покое!

Геральт перестал смеяться.

— А ты что сделал, глупейший из наемников? — старик разошелся вовсю. — Что ты натворил? Ты понимаешь, какой шедевр, какое чудо генетики ты уничтожил? Нет, нет, тебе, профану, не понять этого мелким твоим разумом! Не понять тебе мыслей людей гениальных! Таких как сам Идарран, и как Альзур, его учитель, которые были одарены гением и талантом экстраординарным! Которые изобретали и творили для блага человечества, а не ради прибыли, не от корыстолюбия нечестивого, не для плезира, не для забавы, а ради прогресса и всеобщего благополучия! Но что ты в таких вещах разумеешь? Ничего не разумеешь, ничего, ничего, ни капельки!

— И еще я тебе скажу, — засопел Ортолан, — ты дело отцов своих этим неосмотрительным убийством опозорил. Потому что Козимо Маласпина, а после него ученик его Альзур, сам Альзур, ведьмаков сотворили. Они отыскиали те мутации, благодаря которым создали тебе подобных. Благодаря которым ты существуешь, благодаря которым по свету ходишь, неблагодарный. Тебе бы охранять дела Альзура, его преемников и их труд, а не разрушать! Ой... Ой...

Старый чародей внезапно замолк, закатил глаза и тяжело застонал.

— Мне нужно на горшок, — капризно объявил он. — Хочу на горшок. Быстрее! Сорель! Милый мальчик!

Дегерлунд и Тритвей вскочили с места, помогли старику встать и вывели его из комнаты.

Через некоторое время встала Бирута Икарти. Она окинула ведьмака красноречивым взглядом, а потом вышла, не сказав ни слова. Вслед за ней, вообще не глядя на Геральта, последовали Сандовал и Зангенис. Аксель Рябой встал, скрестив руки на груди. Долго смотрел на Геральта. Долго и неодобрительно.

— Ошибкой было приглашать тебя, — сказал он наконец. — Я это знал. Однако я надеялся, что ты попытаешься хотя бы изобразить приличные манеры.

— Ошибкой было принимать ваше приглашение, — сказал Геральт холодно. — Я тоже это знал. Но я надеялся, что получу ответ на мои вопросы. Сколько еще пронумерованных шедевров гуляет на свободе? Сколько еще таких выдающихся творений создали Маласпина, Альзур и Идарран? Сколько их создал почтенный Ортолан? Сколько еще монстров с вашими бирками я должен убить? Я, ведьмак, презерватив и антидот? Я не получил ответа и хорошо понимаю, почему. Что касается манер: пошел ты, Эспарза.

Уходя, Рябой хлопнул дверью. Так, что с лепнины посыпалась штукатурка.

— Хорошего впечатления, — оценил ведьмак, — полагаю, я не произвел. Но и не рассчитывал, что произведу, поэтому не разочарован. Но это, наверное, не все, да? Столько усилий приложено, чтобы меня сюда притащить... И этого было бы явно недостаточно? Ну, если так... Там, в вашем предместье, найдется какое-нибудь заведение, где можно выпить? Я могу уже идти?

— Нет, — сказал Харлан Цара. — Ты не можешь идти.

— Потому что этого явно недостаточно. — Подтвердил Пинети.

*

Комната, куда его привели, не была типичным помещением, в котором чародеи принимали посетителей. Обычно — Геральт мог видеть этот обычай — маги устраивали приемы в залах с очень формальным декором, часто суровым и гнетущим. Трудно было даже вообразить, чтобы чародей привел кого-то в приватное помещение, личное, которое может дать информацию о характере, вкусах и предпочтениях мага, особенно о природе и специфике практикуемой им магии. На этот раз все было иначе.

Стены комнаты были украшены многочисленными гравюрами и акварелями, все до единой эротического или даже порнографического характера. На полках красовались модели парусников, радующие глаз точностью деталей. Крошечные кораблики в бутылках гордо несли миниатюрные, наполненные ветром паруса. Многочисленные шкафы и витрины были заполнены фигурками солдатиков, конницей и пехотой различных воинских частей. Напротив входа, за стеклом, висело чучело форели. Солидного, для форели, размера.

— Садись, ведьмак, — сказал Пинети, сразу стало ясно, что он здесь хозяин. Геральт сел, глядя на чучело форели. Рыба при жизни должна была весить добрые пятнадцать фунтов. Если это не было хорошей гипсовой имитацией.

— От подслушивания, — Пинети провел рукой в воздухе, — магия нас защитит. Так что мы можем говорить свободно и обсудить, наконец, реальные причины, по которым мы позвали тебя сюда, Геральт из Ривии. Форель, которая тебя так интересуется, была поймана на искусственную муху в реке Ленточке, весила четырнадцать фунтов и девять унций. Ее отпустили живой, в моем кабинете находится магически созданная копия. А теперь сосредоточься, пожалуйста, на том, что я скажу.

— Я готов. Ко всему.

— Нас интересуется, есть ли у тебя опыт с демонами...

Геральт поднял брови. К этому он не был готов. А еще недавно полагал, что его ничем нельзя удивить.

— А что есть демон? В твоём понимании?

Харлан Цара скривился и дернулся. Пинети успокоил его взглядом.

— В Оксенфуртском университете, — сказал он, — есть кафедра сверхъестественных явлений. Туда часто приглашают читать лекции магистров магии. Касающиеся, среди прочих, также темы демонов и демонизма, затрагивая многие аспекты этого явления, в том числе физический, метафизический, философский и нравственный. Но тебе об этом, пожалуй, излишне рассказывать, ты сам слушал эти лекции. Я тебя помню, хотя ты, будучи вольным слушателем, обычно сидел в последнем ряду аудитории. Таким образом, снова

вернемся к вопросу о твоём опыте в отношении демонов. А ты будь добр, отвечай. Без философствования, если можно. И без притворного изумления.

— В моём изумлении, — сухо ответил Геральт, — нет ни капли притворства, оно так искренне, аж до боли. Как можно не удивляться, когда об опыте общения с демонами спрашивают у меня, обычного ведьмака, простого контрацептива и ещё более простого антидота. А вопросы задают магистры магии, которые демонологию и её аспекты преподают в университете.

— Ответь на поставленный вопрос.

— Я ведьмак, а не чародей. А это значит, что, мои познания о демонах совершенно не сравнимы с вашими. Я слушал твои лекции в Оксенфурте, Гвинкампе. То, что важно, доходило до последнего ряда аудитории. Демоны — существа из других миров, не из нашего. Из Элементальных Планов... измерений, плоскостей, пространства-времени или как вы их называете. Чтобы иметь опыт работы с ним, вы должны вызвать демона, то есть насильно извлечь из его Плана. Сделать это можно только с помощью магии...

— Не магии, а гоэтии, — прервал его Пинети. — Разница принципиальная. И не объясняй нам того, что мы знаем. Ответь на поставленный вопрос. Прошу тебя об этом уже в третий раз. Сам удивляюсь своему терпению.

— Отвечаю на вопрос: да, я имел дело с демонами. Дважды меня нанимали, чтобы их... элиминировать. Я справился с двумя демонами. С одним, который вселился в волка. И другим, который овладел человеком.

— Успешно справился.

— Справился. Но было нелегко.

— Но выполнимо, — вставил Цара. — Вопреки тому, что утверждают. А утверждают, что демона вообще нельзя уничтожить.

— Я не говорил, что я когда-либо уничтожил демона. Я убил одного волка и одного человека. Вам интересны детали?

— Очень.

— В случае с волком, который ранее среди бела дня загрыз и растерзал одиннадцать человек, я действовал вместе со священником, магия и меч победили вместе, бок о бок. Когда после долгой борьбы я, наконец, убил волка, сидящий в нём демон вырвался на свободу в виде большого светящегося шара. И уничтожил значительную часть леса, повалив деревья. На меня и священника он вообще не обратил внимания, корчевал пуцу в противоположном направлении. А потом он исчез, предположительно убрался в своё измерение. Священник настаивал, что это была его заслуга, что экзорцизмами изгнал демона на тот свет. Тем не менее, я думаю, что демон ушел, потому что ему просто надоело.

— А второй случай?

— Он был интересней.

— Я убил одержимого человека, — продолжил он после паузы. — И ничего. Никаких впечатляющих побочных эффектов. Никакого шара, полярного сияния, молнии, торнадо, даже вони не было. Понятия не имею, что случилось с демоном. Убитого исследовали священники и маги, ваши собратья. Ничего не нашли и не выяснили. Тело сожгли, так как пошел вполне естественный процесс разложения, а стояла жара...

Он прервался. Чародеи переглянулись. Их лица были каменными.

— Стало быть, как я понимаю, — сказал, наконец, Харлан Цара, — есть единственный правильный способ против демона. Убить, уничтожить безумца, то есть одержимого демоном человека. Подчеркиваю, человека. Следует убить его сразу же, не задумываясь и не рассуждая. Рубануть мечом изо всех сил. Вот и все. Это и есть ведьмачья метода? Ведьмачье мастерство?

— Плохо у тебя это получается, Цара. Не умеешь. Чтобы кого-нибудь хорошо оскорбить, мало иметь непреодолимое желание, энтузиазм или рвение. Нужно мастерство.

— *Rax, rax*, — снова предотвратил ссору Пинети. — Наша цель просто установить факты. Ты сказал нам, что убил человека, это твои собственные слова. Ваш ведьмачий

кодекс убивать людей якобы запрещает. Убил, как ты говоришь, безумца, то есть человека, одержимого демоном. После этого, то есть после убийства человека, я снова тебя цитирую, не наблюдалось никаких впечатляющих эффектов. Откуда же уверенность, что это не был...

— Хватит, — оборвал его Геральт. — Хватит об этом, Гвинкамп, эти аллюзии никуда не ведут. Хотите факты? Пожалуйста, они заключаются в следующем. Убил, потому что это было необходимо. Убил, чтобы спасти жизни других людей. А разрешение на это я тогда получил от властей. Мне дали его поспешно, притом оно было выражено довольно помпезными словами. Условия крайней необходимости, обстоятельство, принуждающее к применению незаконных оборонительных действий, принесение в жертву одного ради спасения многих, угроза реальная и непосредственная. Факт, что она было реальной, и она была непосредственной. Сожалею, что вы не видели этого бесноватого в действии, того, что он натворил, и на что был способен. Я мало знаю о философских и метафизических аспектах демонов, но их физический аспект действительно впечатляющий. Он может удивить, поверьте мне на слово.

— Верим, — подтвердил Пинети, снова переглядываясь с Царой. — И даже очень верим. Потому что мы тоже подобное видели.

— Не сомневаюсь, — ведьмак скривил губы. — И не сомневался в Оксенфурте на твоих лекциях. Было очевидно, что ты знаешь материал. Теоретическая подготовка мне реально пригодилась тогда, с волком и человеком. Я знал, что это было. Оба эти случая имели идентичную сущность. Как ты сказал, Цара? Метода? Мастерство? Так вот это была чародейская метода и мастерство тоже чародейское. Какой-то маг заклинанием вызвал демона, вытащил его силой из его плана с очевидным намерением использовать его в своих магических целях. На этом основана демоническая магия.

— Гозтия.

— На этом основана гозтия: вызвать демона, использовать его, а затем отпустить. Так гласит теория. А на практике случается так, что чародей, вместо того чтобы освободить демона после использования, магически привязывает его к телу какого-либо носителя. К телу волка, например. Или человека. Потому что чародеи типа Альзура и Идаррана любят поэкспериментировать. Понаблюдать, что станет делать демон в чужой шкуре, чтобы вырваться на свободу. Поскольку чародей типа Альзура это больной извращенец, которого радует и развлекает созерцание творимых демоном убийств. Такое случалось, правда?

— Всякое случалось, — медленно произнес Харлан Цара. — Глупо обобщать, и низко упрекать. Припомнить тебе ведьмаков, которые не гнушались ограблениями? Не отказывались совершать платные убийства? Стоит ли мне припомнить тебе психопатов, которые носили медальоны с головой кота, и которые тоже развлекались сценами убийства?

— Господа, — Пинети поднял руку, останавливая ведьмака, собравшегося ответить. — Это не заседание городского совета, не надо спорить и припоминать друг другу все пороки и недостатки. Наверное, разумнее признать, что никто не совершенен, у всех есть пороки, а недостатки не чужды даже небожителям. Наверное. Давайте сосредоточимся на стоящей перед нами проблеме, которая требует решения.

— Гозтия, — начал после долгого молчания Пинети, — запрещена, так как этот процесс крайне опасен. Сам по себе вызов демона не требует, к сожалению, ни величайших знаний, ни высочайших магических способностей. Достаточно иметь один из некромантских гримуаров, а их полно на черном рынке. Без знания и навыка трудно, однако, получить власть над вызванным демоном. Доморощенный гозтист может быть счастлив, если вызванный им демон просто вырвется, освободится и убежит. Многие остались растерзанными в клочья. Поэтому вызов демонов или каких-либо иных существ из планов элементов и параэлементов находится под запретом и угрозой сурового наказания. Существует система контроля, которая гарантирует соблюдение запрета. Однако есть место, которое остается вне контроля.

— Замок Риссберг. Это очевидно.

— Очевидно. Риссберг невозможно контролировать. Система контроля над гозтией, о

которой я говорил, в конце концов, была создана именно здесь. В результате проведенных здесь экспериментов. Благодаря тестированию, проводимому здесь, система продолжает совершенствоваться. Здесь ведутся также и другие исследования, выполняются другие эксперименты. Совсем иного характера. Исследуются разные вещи и явления, ведьмак. Разные вещи тут делаются. Не всегда легальные, и не всегда моральные. Цель оправдывает средства. Такую надпись можно повесить здесь над воротами.

— Но под этой надписью, — добавил Цара, — следует добавить: «Что в Риссберге появилось, в Риссберге и останется». Эксперименты проводятся под наблюдением. Все контролируется.

— Очевидно, не все, — с горечью сказал Геральт. — Так как что-то сбежало.

— Что-то сбежало. — Пинети сохранял спокойствие. — В замке в настоящее время восемнадцать магистров. И более полусотни учеников и адептов. Большинство этих остальных отделяют от степени магистра только формальности. Мы боимся... У нас есть основания полагать, что кому-то из этой многочисленной группы захотелось развлечься гоэтией.

— Не знаете, кому?

— Не знаем. — У Харлана Цары даже веко не дрогнуло. Но ведьмак знал, что он врет.

— В мае и начале июня, — маг не стал ждать дальнейших вопросов, — в окрестностях замка произошли три массовых преступления. В окрестностях это значит здесь, на Погорье. Самое ближнее примерно в двенадцати милях, самое дальнее в двадцати милях от Риссберга. В каждом случае это были лесные поселки, населенные лесорубами и другими работниками леса. В поселках были убиты все жители, ни одного не осталось в живых. Осмотр трупов убедил нас, что эти преступления должен был совершить демон. Конкретней, безумец, носитель демона. Демона, которого вызвали здесь, в замке.

— У нас есть проблема, Геральт из Ривии. Мы должны ее решить. И надеемся, что ты нам поможешь.

* * *

Глава Десятая

Перемещение материи является искусным, изящным и тонким делом, поэтому перед телепортацией настоятельно рекомендуется облегчиться и освободить мочевой пузырь.

**Джеоффри Монк,
Теория и практика использования телепортационных порталов**

Плотва, как обычно, храпела и упиралась уже при одном виде повязки, фырканием выражая свой страх и протест. Ей не нравилось, когда ведьмак обматывал ей голову. Еще больше ей не нравилось то, что следовало вскоре после этого. Геральта такое поведение кобылы совсем не удивляло. Потому что ему самому это не нравилось. Ему не пристало, конечно, храпеть или фыркать, но он не воздерживался от выражения неодобрения в другой форме.

— Меня крайне удивляет, — неизвестно который уже раз удивился Харлан Цара, — твое отвращение к телепортации.

Ведьмак не поддержал дискуссии. Цара этого и не ожидал.

— Мы пересылаем тебя, — продолжал он, — уже неделю с лишним, и каждый раз у тебя такое лицо, как будто ты идешь на эшафот. Я мог бы понять, что для обычных людей пересылка материи по-прежнему дело ужасное и невообразимое. Но я полагал, что ты, ведьмак, привычен к магии. Прошли времена первых порталов Джеоффри Монка! Сегодня телепортация дело обыденное и абсолютно безопасное. Телепорты безопасны. А мои

телепорты гарантированно безопасные.

Ведьмак вздохнул. Ему случилось не раз и не два видеть результаты действия безопасных телепортов, он участвовал в сортировке останков людей, которые пользовались телепортами. Поэтому он знал, что заверения о безопасности телепорталов можно было поместить в одном разделе с утверждениями: мой песик не кусается, мой сынок хороший мальчик, это тушеное мясо свежее, деньги я верну не позже послезавтра, я ночевала у подруги, в моем сердце горячая любовь к родине, а также: ответ еще на несколько вопросов, и мы тебя тут же отпустим.

Однако, другого выхода не было. В соответствии с разработанным в Риссберге планом, в задачу Геральта входило ежедневное патрулирование определенного района Погорья и расположенных там поселений, колоний, хуторов и усадеб — мест, где Пинети и Цара опасались новых нападений одержимого. Эти поселения были разбросаны по всему Погорью, иногда довольно далеко друг от друга. Геральту пришлось признать и принять тот факт, что без помощи магической телепортации эффективное патрулирование было бы невозможно.

В целях конспирации Пинети и Цара соорудили порталы на краю комплекса Риссберг, в большом, пустом и требующем ремонта помещении, в котором пахло плесенью, паутина цеплялась за лицо, а шарики высохшего мышинного помета хрустели под ботинками. При активации заклинания, на покрытой потеками и остатками какой-то грязи стене появлялся огненный светящийся рисунок двери, или, скорее, ворот, за которым клубилось непрозрачное опалесцирующее свечение. Геральту приходилось понуждать кобылу с завязанными глазами войти в это свечение — и тогда возникали неприятные ощущения. В глазах мелькает, затем перестаешь видеть, слышать и что-либо чувствовать — ничего, кроме холода. Внутри черного небытия, среди тишины, бесформенности и безвременья холод был единственным, что можно было ощутить, все остальные чувства телепорт выключает и гасит. К счастью, лишь на долю секунды. Переход завершился, реальный мир вспыхивал в его глазах, а лошадь, фыркая от ужаса, стучала копытами по твердой почве реальности.

— Лошадь боится, это понятно, — в очередной раз сказал ему Цара. — Но твой испуг, ведьмак, совершенно иррационален.

Испуг никогда не бывает иррациональным, воздержался от возражения Геральт. Кроме случаев психического расстройства. Это одно из первых правил, которому учили маленького ведьмака. Это хорошо, когда испытываешь страх. Если ты чувствуешь страх, значит, есть чего бояться, значит, будь настороже. Страх не надо преодолевать. Только не следует ему поддаваться. И стоит у него учиться.

— Куда сегодня? — спросил Цара, открывая лаковую шкатулку, в которой хранил палочку. — В какой район?

— Сухие Скалы.

— До захода солнца постарайся добраться до Яворка. Оттуда мы тебя заберем, я или Пинети. Ты готов?

— На все.

Цара стал водить в воздухе рукой и палочкой, как бы дирижируя оркестром, Геральту даже показалось, что он слышит музыку. Чародей мелодично скандировал заклинание, длинное, звучащее как стихотворение. На стене засветились огненные линии, образующие сияющий прямоугольник. Ведьмак выругался себе под нос, успокоил дергающийся медальон, толкнул кобылу пятками и заставил ее вступить в молочное ничто.

*

Тьма, тишина, бесформенность, безвременье. Холодно. И вдруг вспышка и сотрясение, топот копыт по твердой земле.

*

Преступления, в которых чародеи подозревали безумца, одержимого демоном, происходили в окрестностях Риссберга, в малолюдном районе, называемом Тукайским Погорьем, полосе поросших древними лесами холмов, отделяющей Темерию от Бругге. Названием своим полоса обязана, как говорили одни, легендарному герою по имени Тукай, или, как утверждали другие, чему-то совсем иному. Поскольку других холмов в районе не было, то обычно говорили просто Погорье, и сокращенное название также фигурировало на многих картах.

Полоса Погорья простиралась миль на сто в длину и от двадцати до тридцати миль в ширину. Западная часть отличалась широким использованием леса и производством товаров лесного хозяйства. Там велись интенсивные вырубki, развивались промыслы и ремесла, связанные с обработкой древесины и лесом. В безлюдных местах появлялись деревни, колонии, усадьбы и временные лагеря, где люди занимались лесным делом, оседло или наездами, основательно или как придется, в больших, средних, маленьких и совсем крохотных хозяйствах. В настоящее время, по оценкам чародеев, в Погорье было около полутора сотен таких селений.

В трех из них произошла резня, после которой никого не осталось в живых.

*

Сухие Скалы, группа окруженных густыми лесами невысоких известняковых холмов на самом западном краю Погорья, были западным рубежом района патрулирования. Геральт здесь уже бывал, он узнал это место. На краю леса была построена печь для обжига известняка. Конечным продуктом этого обжига была негашеная известь. Пинети, когда они приезжали сюда вместе, объяснил ему, для чего нужна эта известь, но Геральт слушал вполуха и забыл. Какая-то там известь лежала довольно далеко от сферы его интересов. Но возле печи работало много людей, для которых эта самая известь являлась основой существования. На него была возложена защита этих людей. И только это было важно.

Обжигальщики его узнали, один помахал ему шапкой. Он ответил на приветствие. Я делаю свое дело, подумал он. Я делаю то, что должен. Это то, за что мне платят.

Он направил Плотву в лес. Нужно было полчаса ехать по лесной тропинке. Около мили отделяло его от следующего поселения. Оно называлось Плохачова Вырубка.

*

В течение дня ведьмак проезжал расстояние от семи до десяти миль, при этом, в зависимости от района, он посещал от нескольких до двух десятков поселков, и до заката солнца добирался к назначенному месту, откуда один из чародеев телепортировал его назад в замок. На следующий день все повторялось, но патрулировал он уже другой район Погорья. Геральт выбирал районы патрулирования случайным образом, избегая строгого графика, который мог быть легко распознан и предсказуем. Кроме того работа оказалась довольно однообразной. Ведьмака, однако, однообразие не беспокоило, он свыкся с ним в силу своей профессии; в большинстве случаев только терпение, настойчивость и последовательность гарантировали успешную охоту на чудовище. Впрочем, до сих пор это было не важно — никто и никогда не имел желания платить за его терпение, настойчивость и последовательность так щедро, как чародеи Риссберга. Оснований жаловаться не было, надо было делать свою работу.

Даже не слишком веря в успех.

*

— Сразу после прибытия в Риссберг, — обратил он внимание чародеев, — вы

представили меня Ортолану и всем магам высшего ранга. Даже если предположить, что виновного в гоэтии и массовых убийствах среди старших магов не было, известие о присутствии ведьмака в замке должно было разойтись. Ваш преступник, если таковой имеется, тут же поймет, зачем это нужно, сразу затаится, прекратит любую деятельность. Полностью. Или дождется, пока я уеду, а затем возобновит.

— Мы инсценируем твой отъезд, — сказал Пинети. — Твое дальнейшее пребывание в замке будет тайным. Не волнуйся, существует магия, гарантирующая секретность того, что должно остаться в секрете. Мы сможем, поверь нам, использовать такую магию.

— Ежедневное патрулирование, стало быть, на ваш взгляд, имеет смысл?

— Стало быть, имеет. Делай свое дело, ведьмак. Об остальном не беспокойся.

Геральт торжественно пообещал себе не беспокоиться. Сомнения, однако, имел. И не полностью доверял чародеям. У него были свои подозрения.

Но он не собирался их раскрывать.

*

На Плохачовой Вырубке бодро стучали топоры и визжали пилы, пахло свежей древесиной и сосновой смолой. Активным истреблением леса здесь занимался лесоруб Плохач со своей большой семьей. Старшие члены семьи рубили и пилили, младшие обрубали ветки на стволах поваленных деревьев, младшие носили хворост. Плохач увидел Геральта, вогнал топор в пень, вытер лоб.

— Здравствуй, — ведьмак подъехал ближе. — Как у вас? Все в порядке?

Плохач смотрел на него долго и понуро.

— Плохо, — сказал он, наконец.

— Что такое?

Плохач долго молчал.

— Пилу украли, — заворчал он, наконец. — Украли пилу! Ну, как это, а? Чего вы по вырубкам ездите, на кой? А Торквил со своими чего по лесу таскается, а? Вроде сторожите, да? А пилы крадут!

— Я этим займусь, — гладко соврал Геральт. — Разберусь с этим. Бывай.

Плохач сплюнул.

*

На следующей вырубке, на этот раз Дубковой, все было в порядке, никто Дубковой не угрожал, и вроде ничего не украли. Геральт даже не остановил Плотву. Он направился в соседнюю деревню. Под названием Варильня.

*

Для перемещения между селениями служили лесные дороги, разрытые колесами телег. Геральт часто натякался на упряжки, как груженные лесом, так и пустые, едущие за грузом. Встречались группы пеших путников, движение было удивительно активным. Даже в глубине леса редко бывало совсем безлюдно. Из папоротников, как спина нарвала из волн морских, появлялся вдруг зад бабы, которая на четвереньках собирала ягоды или другие дары леса. Между деревьями иногда жесткой походкой сновало нечто, фигурой и внешностью напоминающее нежить, но на самом деле это оказывался старичок, который искал грибы. Иногда что-то с бешеным криком ломало хворост — это были дети, отрада лесорубов и углежогов, вооруженные луками, сделанными из палки и веревки. Поражало, сколько вреда с помощью такого примитивного оснащения этой отраде удавалось нанести природе. Пугала мысль, что когда-нибудь эта отрада вырастет и обзаведется профессиональным оснащением.

*

Деревня Варильня, в которой тоже царила тишина, ничто не мешало работе и не угрожало работникам, свое, столь оригинальное название получила потому, что здесь варили поташ, продукт особенно ценный для производства стекла и мыла. Поташ, как пояснили Геральту чародеи, получают из древесной золы, которой много в этом районе. Геральт уже наведывался, и сегодня собирался наведаться вновь, в расположенные неподалеку поселения угольщиков. Ближайшее называлось Дубовец, и дорога к нему, в самом деле, шла мимо могучего скопления огромных многовековых дубов. Даже в полдень, даже при ярком солнце и безоблачном небе под дубами всегда лежала мрачная тень.

Именно возле этих дубов почти неделю назад Геральт впервые повстречал констебля Торквила и его отряд.

*

Когда они галопом вырвались из-за дубов и окружили его со всех сторон, все в зеленых маскировочных костюмах, с длинными луками на спинах, Геральт поначалу принял их за Лесничих, членов пресловутого добровольного военизированного формирования, называющих себя Хранителями Леса и занимающихся охотой на нелюдей, в основном эльфов и дриад, и убийством их изощренными способами. Бывало, что Лесничие обвиняли странствующих по лесам в сговоре с нелюдями или торговле с ними, за то и другое им грозил самосуд, а доказать невиновность было трудно.

Неожиданная встреча у дубов казалась настолько опасной, что Геральт вздохнул с глубоким облегчением, когда узнал, что зеленые всадники оказались стражами порядка при исполнении своих обязанностей. Командир — смуглый субъект с пронзительными глазами — представился как констебль службы бейлифа из Горс Велена. Он резко и жестко потребовал, чтобы Геральт сообщил, кто он такой, а когда узнал, пожелал увидеть ведьмачий знак. Медальон с зубастым волком мало того, что был признан удовлетворительным доказательством, но и вызвал восхищение стражей порядка. Уважение, как оказалось, распространилось и на Геральта. Констебль спешился, попросил ведьмака сделать то же самое и предложил поговорить.

— Я Франс Торквил, — констебль сбросил маску неприветливого службиста и оказался человеком спокойным и рассудительным. — А вы Геральт из Ривии. Тот самый Геральт из Ривии, который месяц назад в Ансегисе спас от смерти женщину и ребенка, убив монстра-людоеда.

Геральт поджал губы. К счастью, он уже успел забыть про Ансегис, про чудовище с биркой и человека, который умер по его вине. Это долго его мучило, пока, наконец, он не смог убедить себя, что сделал все, что было возможно, что спас двоих, и чудовище больше никого не убьет. Теперь все вернулось.

Франс Торквил вроде бы не заметил тени, которая скользнула по лицу ведьмака, когда он это говорил. А если и заметил, не придавал этому значения.

— Выходит, ведьмак, — сказал он, — мы с тобой по одной и той же причине по этим зарослям лазим. Страшные дела начались с весны на Тукайском Погорье, очень скверные происшествия. И надо этому положить конец. После бойни в Каблонках я посоветовал магам Риссберга нанять ведьмака. Как видно, они послушались, хотя советов не любят.

Констебль снял шляпу и очистил ее от иголок и семян. Головной убор он носил такого же фасона, как Лютик, разве что фетр похуже качеством. И вместо пера белой цапли его украшало рулевое перо фазана.

— Я издавна уж на Погорье закон и порядок охраняю, — сказал он, пристально глядя Геральту в глаза. — Без ложной скромности, немало злодеев поймал, немало сухих осин ими украсил. Но то, что тут в последнее время происходит... Против этого нужно привлечь кого-

нибудь вроде тебя. Того, кто в чарах разбирается и в монстрах, кто ни чудовища, ни упыря, ни дракона не испугается. И славно, будем вместе сторожить и охранять людей. Я за свое скромное жалование и ты за деньги чародеев. А интересно, сколько они тебе платят за эту работу?

Пятьсот новиградских крон, положенных на банковский счет авансом, о чем Геральт сообщать не собирался. За столько купили мои услуги и мое время чародеи Риссберга. Пятнадцать дней моего времени. А после пятнадцати дней, независимо от того, что произойдет, переведут еще столько же. Щедро. Более чем достаточно.

— Ну, наверное, платят немало, — Франс Торквил быстро понял, что ответа он не дожидается. — Могут себе позволить. Я тебе только скажу: сколько бы ни платили, это все равно не слишком много. Потому что это грязная работа, ведьмак. Отвратительная, темная и противоестественная. Зло, которое бушевало здесь, пришло из Риссберга, голову даю. Как пить дать, чародеи наколбасили что-то со своей магией. Потому что их магия, как мешок змей: как его ни завязывай, все равно, в конце концов, что-нибудь ядовитое выползет.

Констебль украдкой глянул на Геральта, и этого взгляда ему хватило для того, чтобы понять, что ведьмак не расскажет ему ничего, никаких подробностей соглашения с чародеями.

— Они ознакомили тебя с подробностями? Рассказали, что произошло в Тисах, Каблонках и Роговизне?

— Кое-что.

— Кое-что... — повторил Торквил. — Через три дня после Беллетейна — поселение Тисы, убиты девять лесорубов. Середина мая, усадьба пильщиков в Каблонках, двенадцать убитых. Начало июня, Роговизна, колония углежогов. Пятнадцать жертв. Вот такое «кое-что» на сегодняшний день, ведьмак. Потому что это не конец. Головой клянусь, что не конец.

Тисы, Каблонки и Роговизна. Три массовых преступления. Это вам не случайный сбой в работе, не демон, который вырвался и убежал, а лопух гоэтист не смог с ним справиться. Это умышленно спланированная акция. Кто-то три раза вселил демона в носителя и три раза отправил его убивать.

— Я многое видел, — на скулах констебля сильно играли желваки. — Не один бой, не один труп, и не два. Нападения, ограбления, бандитские налеты, кровная месть, разборки, даже одну свадьбу, после которой вынесли шесть покойников, в том числе жениха. Но чтобы резать сухожилия, а потом убивать покалеченных? Снимать скальпы? Горла зубами перегрызать? Вспарывать живым животы и вытягивать кишки? И, наконец, из отрезанных голов складывать пирамиды? С кем, спрашиваю я тебя, мы имеем дело? Этого тебе чародеи не рассказали? Не объяснили, для чего им ведьмак понадобился?

Для чего ведьмак понадобился чародеям Риссберга? Так сильно, что его нужно было шантажом принудить к сотрудничеству? С каждым демоном и каждым одержимым чародеи ведь могли бы легко управиться сами, и без особых усилий. *Fulmen sphaericus*, *Sagitta aurea* — вот два типа магии из многих, которыми можно поразить одержимого за сто шагов, и сомнительно, что он после этого выживет. Но нет, чародеи хотят ведьмака. Почему? Ответ прост: одержимым стал чародей, брат, коллега. Один из коллег по профессии вызывает демонов, позволяет им вселиться в себя и летит убивать. Он делал это уже три раза. Но чародею никак нельзя метать в коллегу шаровые молнии, или пробивать его золотой стрелой. Против коллеги нужен ведьмак.

Он не мог и не хотел рассказывать это Торквилу. Не мог и не хотел, рассказывать ему то, что сказал чародеям в Риссберге. И на что они отреагировали пренебрежением. Надлежащим для банальностей.

*

— Все-таки вы этим занимаетесь. Все-таки балуетесь этой, как вы ее называете,

гоэтией. Вызываете тех существ, вытаскиваете их из своих измерений, из-за замкнутых дверей. С той же неизменной песней: мы будем их контролировать, подчиним их, заставим слушаться, впряжем в работу. С тем же неизменным оправданием: мы узнаем их тайны, мы заставим их раскрыть секреты и таинства, и благодаря этому многократно возрастет мощь нашей магии, мы будем лечить и исцелять, ликвидируем болезни и стихийные бедствия, мы сделаем мир лучше, а человека счастливее. И непременно окажется, что это ложь, что вы заботитесь исключительно о собственной силе и власти.

Цара, это было заметно, рвался возразить, но Пинети остановил его.

— Что касается тех существ за закрытыми дверями, — продолжал Геральт, — тех, кого для удобства мы называем демонами, несомненно, вы знаете о них то же, что и мы, ведьмаки. То, что мы выяснили давно, и это написано в ведьмачьих протоколах и хрониках. Демоны никогда, ни за что не выдадут вам никаких секретов или тайн. Они никогда не дадут запрячь себя в работу. Они позволяют себя вызвать и привести в наш мир только для одной цели: они хотят убивать. Потому что им это нравится. И вы это знаете. Но даете им такую возможность.

— От теории, — сказал Пинети после очень долгого молчания, — перейдем все же к практике. Я думаю, что в протоколах и хрониках ведьмаков об этом тоже немного написано. И мы ожидаем от тебя, ведьмак, не разговоров о моральных принципах, а, собственно, практических решений.

*

— Рад был познакомиться, — Франс Торквил протянул Геральту руку. — Пора на работу, на патрулирование. Сторожить, людей защищать. Для этого мы здесь.

— Для этого.

Уже сидя в седле, констебль наклонился.

— Бьюсь об заклад, — тихо сказал он, — то, что я тебе сейчас скажу, ты сам отлично знаешь. Но я все равно это скажу. Будь осторожен, ведьмак. Держи ухо востро. Ты не хочешь об этом говорить, но я и сам знаю то, что знаю. Чародеи, как пить дать, наняли тебя, чтобы ты исправил то, что они напортачили, вычистить мерзость, которую они развели. Но если что-то пойдет не так, они будут искать козла отпущения. И ты для этого очень хорошо подходишь.

*

Небо над лесом стало темнеть, резкий ветер зашумел в кронах деревьев. Прокатился далекий гром.

*

— Если не гроза, то ливень, — сказал Франс Торквил при их следующей встрече. — Через день грозы и дожди. А в итоге все следы смыты, как их искать? Удобно, правда? Как по заказу. Так и несет от этого магией. Из Риссберга. Говорят, что чародеи умеют погоду стряпать. Магический ветер вызывать, а натуральный заклять, чтоб дуло, куда им надо. Пригонять облака, вызывать дождь или град, и даже грозу устроить на заказ. Когда им это на руку. Чтобы, например, следы смыть. Что скажешь, Геральт?

— Чародеи многое могут, это точно, — ответил Геральт. — Погодой управлять всегда умели, еще со времен Первой Высадки, которая, как считают, только благодаря заклинаниям Яна Беккера не закончилась катастрофой. Но обвинять магов во всех бедствиях и катастрофах, пожалуй, не стоит. Ты говоришь все-таки о природных явлениях, Франс. Просто сейчас сезон такой. Сезон гроз.

*

Ведьмак погонял кобылу. Солнце уже клонилось на запад, а до сумерек он запланировал посетить еще несколько поселений. Ближайшим была колония углежогов, расположенная на поляне под названием Роговизна. Когда он там был в первый раз, его сопровождал Пинети.

*

Место, где произошла резня, к удивлению ведьмака, вместо того чтобы оказаться унылым и безлюдным, на самом деле было весьма оживленным, здесь кипела работа.

Углежоги — сами они называли себя жигарями — работали на строительстве новой угольной кучи, сооружения для получения древесного угля. Угольная куча имела форму купола, сложенного из дров, это не просто бесформенная груда, а купол, выложенный тщательно и аккуратно. Когда Геральт и Пинети прибыли на поляну, они увидели, как угольщики обкладывают эту кучу мхом и тщательно присыпают землей. Вторая угольная куча, построенная раньше, уже работала, то есть интенсивно дымила. Всю поляну застилал разъедающий глаза дым, едкий смолистый запах впивался в ноздри.

— Как давно... — ведьмак закашлялся. — Как давно, ты сказал, это было...

— Ровно месяц назад.

— А люди здесь работают как ни в чем не бывало.

— На древесный уголь, — пояснил Пинети, — огромный спрос. Только уголь позволяет при сжигании получить температуру, достаточную для плавления металла. Плавильные печи в Дорьяне и Горс Велене не могли бы функционировать без угля, а металлургия — важнейшая и наиболее быстро развивающаяся отрасль промышленности. Благодаря такому спросу углежог — прибыльная профессия, а экономика, ведьмак, как и природа, не терпит пустоты. Убитых жигарей похоронили там, вон, видишь курган? Песок еще свежий и желтый. А на их место пришли новые. Угольные кучи курятся, жизнь продолжается.

Они спешили. Жигари не обращали на них внимания, были слишком заняты. Если кто-то ими и заинтересовался, то только женщины да несколько ребятишек, которые носились между шалашами.

— А как же, — Пинети угадал вопрос, который ведьмак не задал. — Среди погребенных под курганом тоже были дети. Трое. Три женщины. Девять мужчин и подростков. Иди за мной.

Они прошли между поленницами просушиваемых дров.

— Несколько мужчин, — сказал чародей, — были убиты на месте, им разбили головы. Остальных обезвредили и обездвижили, чем-то острым разрезали сухожилия на ногах. Многим, в том числе всем детям, вдобавок переломали руки. Обездвиженных потом убивали. Разорванные горла, вспоротые животы, вскрытые грудные клетки. Сдирали кожу со спин, снимали скальпы. Одна из женщин...

— Хватит, — ведьмак смотрел на черные пятна крови, которые до сих пор были видны на березовых пнях. — Хватит, Пинети.

— Ты должен знать, с кем... с чем имеешь дело.

— Уже знаю.

— Еще одна последняя деталь. Не досчитались тел. У всех убитых были отрезаны головы. Их сложили в пирамиду, здесь, в этом самом месте. Голов было пятнадцать, а тел тринадцать. Два тела исчезли.

— Почти таким же образом, — продолжил чародей после короткой паузы, — расправились с жителями в двух других селениях: Тисах и Каблонках. В Тисах погибли девять человек, в Каблонках двенадцать. Я возьму тебя туда завтра. Сегодня мы заедем еще в Новую Смолярню, это недалеко. Посмотришь на производство древесной смолы и дегтя.

Если тебе понадобится что-нибудь смазать дегтем, будешь знать, откуда он взялся.

— У меня вопрос.

— Да.

— Нужно было обязательно прибегать к шантажу? Не верили, что я по своей воле приеду в Риссберг?

— Мнения разделились.

— Засадить меня в тюрьму в Керাকে, потом отпустить, но продолжать угрожать судом, чья это была идея? Кто до этого додумался? Коралл, правда?

Пинети посмотрел на него. Долго смотрел.

— Правда, — признался он наконец. — Это была ее идея. И ее план. Посадить тебя, потом освободить, угрожать. И в конце сделать так, чтобы преследование было прекращено. Она сделала это сразу же после твоего отъезда, ты уже чист, как слеза. Еще вопросы есть? Нет? Тогда поехали в Новую Смолярню, полюбуешься на деготь. Потом откроем телепорт и вернемся в Риссберг. Вечером я бы еще хотел выбраться на свою речку с удочкой. Поденки роятся, форель жирует... Рыбачил когда-нибудь, ведьмак? Тебе нравится рыбалка?

— Рыбачу, когда рыбки захочется. Всегда вожу с собой шнур.

Пинети долго молчал.

— Шнур, — наконец произнес он странным тоном. — Леска, утяжеленная кусочками свинца. С множеством крючков. На которых насаживают червей.

— Да. А что?

— Ничего. Просто так спросил.

*

Ведмак ехал в Сосницу, еще один поселок углежогов, когда лес вдруг затих. Умолкли сойки, сорочий стрекот как ножом отрезало, внезапно прекратил стучать дятел. Лес застыл в ужасе.

Геральт пустил кобылу в галоп.

* * *

Глава Одиннадцатая

— Смерть — наш вечный попутчик... Она всегда находится слева от нас на расстоянии вытянутой руки... Единственный по-настоящему мудрый советчик, который у нас есть, — это смерть. Каждый раз, когда ты чувствуешь, как это часто с тобой бывает, что все складывается из рук вон плохо и ты на грани полного краха, повернись налево и спроси у своей смерти, так ли это. И твоя смерть ответит, что ты ошибаешься, и что кроме ее прикосновения нет ничего, что действительно имело бы значение. Твоя смерть скажет: «Но я же еще не коснулась тебя!»

Карлос Кастанеда, Путешествие в Икстлан (перевод А. Сидерского)

Угольная куча в Соснице была построена недалеко от вырубки, углежогои использовали древесные отходы, оставшиеся после рубки. Выжигание началось здесь недавно, из верхней части купола, как из кратера вулкана, бил столб желтоватого и очень вонючего дыма. Запах дыма не перебивал парящего над поляной зловония смерти.

Геральт соскочил с коня. И выхватил меч.

Первый труп, без головы и обеих ног, он увидел рядом с угольной кучей, кровь забрызгала покрывающую бугор землю. Чуть дальше лежали еще три тела, изуродованные до неузнаваемости. Кровь впиталась в лесной песок, оставив темные пятна.

Ближе к середине поляны, возле обложенного камнями очага, лежали еще два трупа — мужчина и женщина. У мужчины было разорвано горло, разодрано до такой степени, что виднелись шейные позвонки. Верхняя часть тела женщины лежала в костре, в золе, и была облеплена кашей из перевернутого котелка.

Немного дальше, возле поленницы, лежал ребенок, мальчик, лет, может, пяти. Он был разорван пополам.

Кто-то или, скорее, что-то схватило его за обе ножки и разорвало.

Ведьмак увидел следующий труп, у него был вспорот живот и вытянуты кишки. На всю длину, около сажени толстых кишок и больше трех саженей тонких. Кишка ровной глянцево-голубовато-розовой линией тянулась от трупа к шалашу из хвойных ветвей, исчезая внутри.

Внутри, на простой подстилке, лежал на спине худощавый мужчина. Сразу бросалось в глаза, что он здесь чужой. Богатая одежда была вся в крови, буквально пропитана ею. Но ведьмак не заметил, чтобы кровь хлестала, струилась или вытекала из какого-либо из основных кровеносных сосудов.

Геральт узнал его, несмотря на покрытое засохшей кровью лицо. Это был тот самый длинноволосый, стройный и немного женоподобный красавчик, Сорель Дегерлунд, ведьмаку представляли его на аудиенции у Ортолана.

Только там он был одет, подобно другим чародеям, в парадный плащ и вышитый дублет, сидел среди других чародеев за столом и смотрел на ведьмака, как и остальные, с плохо скрываемой враждебностью. А теперь он лежал без сознания в шалаше углежогов, весь в крови, и на запястье его правой руки была накручена человеческая кишка. Вытянутая из распоротого живота трупа, лежащего почти в десяти шагах от него.

Ведьмак проглотил слюну. Подумал, может, зарубить его, пока он без сознания? Этого ожидали Пинети и Цара? Убить одержимого? Ликвидировать гостя, развлекавшегося вызовом демона.

От размышлений его отвлек стон. Сорель Дегерлунд, похоже, приходил в сознание. Он приподнял голову, застонал, снова упал на подстилку. Сел, повел вокруг затуманенным взглядом. Увидев ведьмака, открыл рот. Посмотрел на свой испачканный кровью живот. Поднял руку. Увидел, что он в ней держит. И начал кричать.

Геральт посмотрел на купленный Лютиком меч с позолоченной гардой. Потом на тонкую шею чародея. На вздувшуюся на ней вену.

Сорель Дегерлунд оторвал и отбросил прилипшую к руке кишку. Он перестал кричать, только постанывал, его трясло. Он встал, сначала на четвереньки, потом на ноги. Выбрался из шалаша, огляделся, завизжал и бросился бежать. Ведьмак схватил его за шиворот, удержал на месте, потом сбил на колени.

— Что... тут... — бормотал Дегерлунд, дрожа всем телом. — Что это... Что здесь... Случилось?

— Я думаю, ты сам знаешь, что.

Чародей громко сглотнул.

— Как... Как я сюда попал? Ничего... Я ничего не помню... Я ничего не помню! Ничего!

— В это трудно поверить.

— Инвокация... — Дегерлунд схватился за лицо. — Я его призвал... Он появился. В пентаграмме, в меловом кругу... И вошел. Он вошел в меня.

— Видимо, это было не в первый раз, да?

Дегерлунд зарыдал. Как-то театрально, Геральт не мог избавиться от такого ощущения. Он пожалел, что не застиг одержимого прежде, чем демон его покинул. Это сожаление — Геральт отдавал себе в этом отчет — было не очень рациональным, он знал, насколько опасной могла оказаться схватка с демоном, он должен был радоваться, что тот бежал. Но он не радовался. Потому что, по крайней мере, тогда он бы знал, как поступить.

Почему здесь оказался я, подумал он. Почему не констебль Франс Торквил со своим

отрядом. У констебля не возникло бы никаких колебаний или сомнений. Залитый кровью, застигнутый с кишками жертвы в руке чародей сразу же получил бы петлю на шею и болтался бы уже на первом попавшемся суку. Торквилу не помешали бы неуверенность или сомнения. Торквил бы не задумался о том, что женоподобно выглядящий худенький чародей никак не в состоянии с такой жестокостью расправиться с таким количеством людей, причем за столь короткое время, что окровавленная одежда не успела высохнуть или задубеть. Он был не в состоянии разорвать ребенка голыми руками. Нет, у Торквила не было бы сомнений.

А у меня они есть.

Пинети и Цара были уверены, что у меня их не будет.

— Не убивай меня... — захныкал Дегерлунд. — Не убивай меня, ведьмак... Я больше никогда... Никогда больше...

— Заткнись.

— Клянусь, я никогда не...

— Заткнись. Ты достаточно пришел в себя, чтобы использовать магию? Вызвать сюда чародеев из Риссберга?

— У меня есть сигилла... Я... Я могу телепортироваться в Риссберг.

— Не один. Вместе со мной. Никаких фокусов. Не пытайся встать, оставайся на коленях.

— Я должен встать. А ты... Чтобы телепортироваться, ты должен находиться рядом со мной. Очень близко.

— То есть как это? Ну же, чего ты ждешь? Доставай амулет.

— Это не амулет. Я же сказал, это сигилла.

Дегерлунд расстегнул окровавленный дублет и рубашку. На его худой груди была татуировка: два пересекающихся круга. Круги были усеяны точками различной величины. Это немного напоминало схему орбит планет, которой Геральт когда-то любовался в университете в Оксенфурте.

Чародей произнес мелодичное заклинание. Круги засветились синим, а точки красным. И начали вращаться.

— Сейчас. Встань ближе.

— Ближе?

— Еще ближе. Полностью прижмись ко мне.

— То есть как?

— Прижмись ко мне и обними меня.

Голос Дегерлунда изменился. Его заплаканные глаза на миг мерзко вспыхнули, а губы гнусно скривились.

— Да, так хорошо. Крепко и нежно, ведьмак. Как будто это твоя Йеннифэр.

Геральт понял, что произойдет. Но уже не мог ни оттолкнуть Дегерлунда, ни огреть его оголовьем меча, ни врезать клинком по шее. Просто не успевал.

В глаза ударил опалесцирующий блеск. На долю секунды он погрузился в черное небытие. В пронизывающий холод, в тишину, бесформенность и безвременье.

*

Они жестко приземлились, пол из каменных плит будто выскочил им навстречу. Удар их разделил. Геральту даже не удалось как следует осмотреться. Он почувствовал сильную вонь, запах грязи, смешанной с мускусом. Огромные и могучие лапы ухватили его под мышками и за шею, толстые пальцы легко сомкнулись на бицепсах, твердые как железо когти до боли впились в нервы, в плечевое сплетение. Все тело онемело, он выпустил меч из ослабшей руки.

Перед собой он увидел горбуна с мерзким усеянным язвами лицом и черепом, покрытым редкими пучками жестких волос. Горбун, широко расставив изогнутые дугой

ноги, целился в него из огромного самострела, точнее, из арбалета с двумя расположенными один над другим стальными луками. Оба направленных на Геральта четырехгранных наконечника болтов были шириной добрых два дюйма и острыми как бритва.

Сорель Дегерлунд встал перед ним.

— Как ты, наверное, уже понял, — сказал он, — мы не попали в Риссберг. Мы попали в мою обитель и убежище. Место, где мы вместе с моим учителем проводим эксперименты, о которых в Риссберге не знают. Я, как ты, наверное, знаешь, Сорель Альберт Амадор Дегерлунд, *magister magicus*. Я, чего ты еще не знаешь, тот, кто принесет тебе боль и смерть.

Исчезли, как ветром сдутые, показной ужас и наигранная паника, исчезло все притворство. Все, что было там, на поляне углежогов, было лицедейством. Перед обвисшим в парализующих тисках корявых лап Геральтом стоял уже совершенно иной Сорель Дегерлунд — торжествующий, полный гордости и высокомерия. Сорель Дегерлунд, скалящий зубы в злорадной усмешке. Усмешке, заставляющей думать о сколопендрах, протискивающихся через щель под дверь. О раскопанных могилах. О белых червях, извивающихся в падали. О жирных навозных мухах, шевелящих ножками в тарелке супа.

Чародей подошел ближе. В руке он держал стальной шприц с длинной иглой.

— Я надул тебя как ребенка, там, на поляне, — процедил он. — Ты оказался наивным, как дитя, ведьмак Геральт из Ривии! Хотя инстинкт тебя не подвел, ты не убил меня, так как не был уверен. Потому что ты хороший ведьмак и хороший человек. Рассказать тебе, хороший ведьмак, кто такие хорошие люди? Это те, кому судьба поскупилась дать шанс воспользоваться благами бытия плохих. Или те, кто имели такой шанс, но были слишком глупы, чтобы его использовать. Неважно, к какой группе ты относишься. Ты дал себя заманить, попал в ловушку, из которой не выйдешь живым, уверяю тебя.

Он поднял шприц. Геральт почувствовала укол, и вслед за ним жгучую боль. Боль пронизывающую, застилающую глаза, парализующую все тело, боль настолько ужасную, что лишь с огромным усилием он удержался от крика. Сердце начало бешено колотиться, при том что обычный сердечный ритм у него был в четыре раза медленнее, чем у обычного человек, это было очень неприятное ощущение. В глазах потемнело, мир вокруг закачался, размазался и расплылся.

Его волокли, свет магических шаров танцевал на грубых стенах и потолке. Одна из промелькнувших стен, вся покрытая потеками крови, была увешана оружием, он увидел широкие искривленные скимитары, огромные серпы, гизармы, топоры, моргенштерны. На всем виднелись следы крови. Это использовали в Тисах, Кабленках и Роговизне, осознавал он. Этим убивали углежогов в Соснице.

Он совершенно одеревенел, совсем перестал что-либо чувствовать, не ощущал даже могучего захвата волокущих его лап.

— Буу-хрр-еех-буу-буу-хее!

Он не сразу понял, что слышит радостный смех. Тех, кто его тащил, ситуация, по-видимому, забавляла.

Идущий впереди горбун с арбалетом посвистывал.

Геральт был близок к потере сознания.

Его грубо посадили в кресло с высокой спинкой. Наконец он смог увидеть тех, кто волок его сюда, раздирая подмышки лапами.

Он тут же вспомнил огромного огрокраснолюда Микиту, телохранителя Пирала Пратта. Эти двое немного его напоминали, в крайнем случае, могли бы сойти за близких родственников. Ростом они были как Микита, так же воняли, тоже не имели шеи, так же торчали изо рта у них клыки, как у кабана. Микита, однако, был лысым и бородатым, эти же двое безбородыми, обезьяньи морды покрывала черная щетина, а макушки яйцевидных голов украшало что-то похожее на мятую паклю. Глазки были маленькими и налитыми кровью, уши большими, заостренными и ужасно волосатыми.

Их одежда носила следы крови. А дух от них шел такой, будто они много дней питались только чесноком, дерьмом и дохлой рыбой.

— Бууу! Буу-ха-ха!

— Буэ, Банг, хватит смеяться, за работу, оба. Паштор, выйди. Но будь рядом.

Оба гиганта вышли, шлепая большими ногами. Горбун по имени Паштор поспешил за ними.

В поле зрения ведьмака появился Сорель Дегерлунд. Одетый, умытый, причесанный и женоподобный. Он придвинул стул, сел напротив, спиной к столу, заваленному книгами и гримуарами. Он смотрел на ведьмака, недобро улыбаясь. При этом поигрывал медальоном, покачивая его на золотой цепочке, накрученной на палец.

— Я ввел тебе, — бесстрастно сказал он, — вытяжку из яда белых скорпионов. Неприятно, правда? Не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой, ни даже пальцем? Ни моргнуть, ни слюну проглотить? Но это еще ничего. Вскоре начнутся неконтролируемые движения глазных яблок и нарушение зрения. Потом ты почувствуешь сильные мышечные судороги, вероятно, возможен даже разрыв межреберных связок. Ты не сможешь контролировать скрежет зубов, несколько зубов раскрошатся, это точно. Затем начнется сильное слюноотделение, и, наконец, затруднение дыхания. Если я не дам тебе противоядие, ты задохнешься. Но не волнуйся, я дам. На этот раз выживешь. Хотя думаю, что скоро пожалеешь о том, что выжил. Я объясню тебе, в чем дело. У нас есть время. Но сначала я хотел бы посмотреть, как ты посинеешь.

— Я видел тебя, — продолжил он через минуту, — тогда, в последний день июня, на аудиенции. Ты держался перед нами высокомерно. Перед нами, людьми, которые в сто раз лучше тебя, ты и ногтя их не стоишь. Тебя развлекала и возбуждала, я это видел, игра с огнем. Уже тогда я решил доказать тебе, что от игры с огнем бывают ожоги, а вмешательство в дела магии и магов имеет такие же болезненные последствия. Скоро ты в этом убедишься.

Геральт хотел пошевелиться, но не мог. Конечности и тело окаменели и потеряли чувствительность. В пальцах рук и ног ощущалось неприятное покалывание, лицо полностью онемело, губы были как зашитые. Он видел все хуже, какая-то мутная слизь покрывала глаза и ослепляла его.

Дегерлунд скрестил ноги, покачивая медальоном. На котором был изображен знак, герб из голубой эмали. Геральт не мог его разглядеть. Он видел все хуже. Чародей не лгал, затуманенное зрение резко ухудшалось.

— Дело, понимаешь ли, в том, — лениво продолжал Дегерлунд, — что я планирую высоко подняться в чародейской иерархии. В своих намерениях и планах я опираюсь на Ортолана, знакомого тебе по посещению Риссберга и памятной аудиенции.

У Геральта сложилось впечатление, что его язык набухает и заполняет всю полость рта. Он боялся, что это не просто впечатление. Яд белого скорпиона был смертельным. Сам он никогда с ним не сталкивался, не знал, какие последствия он может вызвать в организме ведьмака. Он всерьез забеспокоился, что есть сил борясь с разрушающим его токсином. Положение складывалось не из лучших. Спасения, казалось, ожидать было неоткуда.

— Несколько лет назад, — Сорель Дегерлунд упивался тоном своего голоса, — я стал ассистентом Ортолана, на это место меня назначил Капитул и утвердил исследовательский совет Риссберга. Я должен был, как и мои предшественники, шпионить и саботировать опасные идеи Ортолана. Это назначение я получил не только благодаря своему таланту мага, но также за красоту и личное обаяние. Капитул назначал старику таких ассистентов, которые ему нравились.

— Ты можешь этого не знать, но во времена молодости Ортолана в среде чародеев бытовала мода на женоненавистничество и мужскую дружбу, которая весьма часто перерастала в нечто большее и даже гораздо большее. И бывало, что у молодого ученика или адепта не оставалось выбора, кроме как быть послушным старшим также и в этом отношении. Некоторым это не слишком нравилось, но терпели для пользы дела. А некоторые это полюбили. К последним принадлежал, как ты, наверное, уже догадался, Ортолан. Парнишка, который тогда получил это птичье прозвище, после опыта со своим наставником, на всю свою долгую жизнь остался, как говорят поэты, энтузиастом и приверженцем

благородной мужской дружбы и благородной мужской любви. Проза, как ты знаешь, определяет это короче и яснее.

Об ногу чародея потерялся, громко мурлыча, большой черный кот с хвостом, распушенным как щетка. Дегерлунд наклонился и погладил его, качая перед ним медальоном. Кот недовольно оттолкнул медальон лапой. Он отвернулся, давая понять, что эта игра ему скучна, и принялся вылизывать мех на груди.

— Как ты, несомненно, заметил, — продолжил чародей, — я необыкновенный красавец, женщины, порой называют меня эфебом. Я, разумеется, люблю и женщин, но против педерастии, в принципе, тоже ничего не имел и не имею. С одним условием: если уж ею заниматься, то она должна помогать мне в создании карьеры.

— Моя мужская связь с Ортоланом чрезмерных жертв не требовал, старик уже давно пересек ту границу возраста, в котором можешь, и ту, в котором хочешь. Но я постарался, чтобы думали иначе. Чтобы думали, что он совершенно потерял голову. Что нет ничего такого, в чем бы он мог отказать своему красивому любовнику. Что я знаю его шифры, что у меня есть доступ к его секретным книгам и секретным записям. Что он одаривает меня артефактами и талисманами, которые раньше не показывал никому. И что учит меня запрещенным заклинаниям. Включая гоэтию. И если до недавнего времени корифеи Риссберга пренебрегали мною, то теперь меня вдруг стали почитать, я вырос в их глазах. Они поверили, что я делаю то, о чем они мечтают сами. И что добился в этом успеха.

— Знаешь ли ты, что такое трансгуманизм? Что такое видообразование? Дивергентное видообразование? Интрогрессия? Нет? Можешь не стыдиться. Я тоже не очень знаю. Но все думают, что я знаю много. Что под руководством и эгидой Ортолана я веду исследования по усовершенствованию рода человеческого. С благородной целью исправить и улучшить его. Улучшить качество людей, ликвидировать болезни и неполноценность, устранить старение, бла, бла, бла. Вот цель и задача магии. Идти по пути великих старых мастеров: Маласпины, Альзура и Идаррана. Гениев гибридизации, мутаций и генетической модификации.

Черный кот снова появился, заявив о своем прибытии мяуканьем. Он вскочил на колени чародея, растянулся, замурлыкал. Дегерлунд ритмично гладил его. Кот мурлыкал все громче, выдвигая когти поистине тигровых размеров.

— Что такое гибридизация ты, конечно, знаешь, поскольку это иное определение скрещивания. Процесса получения помесей, гибридов, ублюдков, как назовешь, так и будет. В Риссберге активно с этим экспериментируют, уже произвели бесчисленное количество диковин, страшилищ и уродцев. Множество из них нашли широкое практическое применение, например, парариггер для очистки городской свалки, парадятел, истребляющий вредителей деревьев, или мутированная гамбузия, пожирающая личинки малярийного комара. Или вигилозавр, ящер-охранник, убийством которого ты похвалялся во время аудиенции. Но они считают это мелочью, побочными продуктами. То, в чем они действительно заинтересованы, так это гибридизация и мутация людей и гуманоидов. Подобное запрещено, но Риссберг плюет на запреты. А Капитул закрывает на это глаза. Или, что более вероятно, он погряз в блаженном и тупом неведении.

— Маласпина, Альзур и Идарран, это документально подтверждено, брали за основу мелких и обычных тварей, чтобы сделать из них гигантских виев, пауков, кощеев и черт знает что еще. Но что же, спрашивается, мешает взять небольшого и обыкновенного человечка и переделать его в титана, в кого-то сильного и способного работать по двадцать часов в день, не подверженного заболеваниям, того кто в прекрасной форме будет жить до ста лет? Известно, что они хотели это сделать, и вроде бы сделали, вроде бы добились успеха. Но секрет своего гибрида они унесли с собой в могилу. Даже Ортолан, который изучению их трудов посвятил жизнь, достиг немногого. Буэ и Банг, которые привели тебя сюда, ты их видел? Это гибриды, результат магического скрещивания огров и троллей. Меткий арбалетчик Паштор? Нет, этот происходит, скажем так, по образу и подобию, вполне натуральный эффект скрещивания отвратительной бабы с уродливым мужиком.

Но Буэ и Банг, ха, эти вышли прямо из пробирок Орталана. Спросишь: кому к черту

нужны такие уроды, на кой хрен подобное создавать? Ха, еще совсем недавно я сам этого не знал. Пока не увидел, как они расправились с лесорубами и углежогам. Буэ может одним рывком оторвать голову от шеи. Банг разрывает ребенка, как жареного цыпленка. А если дать им немного острых инструментов, ха! Тогда можно устроить такую резню, что мало не покажется. Ортолан, если спросить его, ответит, что гибридизация — это якобы способ устранения наследственных заболеваний, будет болтать о повышении устойчивости к инфекционным заболеваниям, и прочий старческий вздор. Я знаю свое. И ты знаешь свое. Такие экземпляры, как Буэ и Банг, как и то, с чего ты сорвал бирку Идаррана, годятся только для одной цели: убивать. И хорошо, потому что мне как раз понадобились инструменты для убийства. А в своих собственных способностях и возможностях в этом отношении я не был уверен. Правда, напрасно, как потом выяснилось.

— Но чародеи Риссберга скрещивали, мутировали и генетически модифицировали все дальше, от рассвета до заката. И многого достигли, насоздавали таких гибридов, что аж дух захватывает. Все это, по их мнению, гибриды полезные, призванные облегчить и сделать приятнее человеческое существование. Вот, к примеру, они в одном шаге от создания женщины с идеально ровной спиной, чтобы иметь возможность трахать ее сзади и при этом иметь место, куда можно поставить бокал шампанского и разложить пасьянс.

— Однако вернемся *ad rem*, то есть к моей академической карьере. Ощутимыми успехами я похвастаться не мог, пришлось создавать видимость успехов. Это вышло легко.

— Знаешь ли ты, что существуют и другие миры, отличные от нашего, доступ к которым нам отрезало Сопряжения Сфер? *Universa*, называемые планами стихий и парастихий? Населенные существами, именуемыми демонами? Достижения Альзура *et consortes* объясняют также тем, что они сумели найти доступ к этим планам и существам. Что они могли этих существ вызывать и подчинять себе, что они вызывали демонов и постигали их секреты и знания. Я думаю, что это ерунда и выдумка, но все в это верят. Что делать, если вера настолько сильна? Чтобы продемонстрировать, насколько близко я подошел к раскрытию секретов старых мастеров, я должен был убедить Риссберг, что могу вызывать демонов. Ортолан, который когда-то на самом деле успешно практиковал гоэтию, не хотел научить меня этому искусству. Он позволил себе дать оскорбительно низкую оценку моих магических способностей и советовал помнить, где мое место. Что ж, ради своей карьеры я буду помнить. До поры, до времени.

Черный кот, уставший от поглаживаний, соскочил с колен чародея. Он измерил ведьмака холодным взглядом золотых, широко открытых глаз. И ушел, задрав хвост.

Геральту становилось все труднее дышать, он почувствовал проходящую по телу дрожь, которую никак не мог побороть. Положение было не из лучших, и только два обстоятельства вселяли надежду на благополучный исход. Во-первых, он был еще жив, а пока живешь — надейся, как говаривал в Каэр Морхене его наставник Весемир.

Во-вторых, обнадеживающим фактором было раздутое эго и высокомерие Дегерлунда. Чародей, похоже, влюбился в собственные речи в ранней юности, и, видимо, это была любовь на всю жизнь.

— Если невозможно было гоэтию совершить, — рассказывал чародей, покачивая медальоном и продолжая наслаждаться своим собственным голосом, — необходимо было гоэтию изобразить. Имитировать. Известно, что вызванный гоэтией демон часто вырывается и сеет уничтожение. Вот и мы посеяли. Несколько раз. Вырезали начисто несколько селений. А они поверили, что это был демон.

— Ты бы очень удивился, узнав, какие они легковверные. Когда-то я отрезал одному пойманному мужику голову и биоразлагаемым кетгутом пришил на ее месте голову большого козла, замаскировав стежки гипсом и краской. Затем я его продемонстрировал моим ученым коллегам как териоцефала, результат крайне сложного эксперимента в области создания людей с головами животных, эксперимента, к сожалению, лишь частично успешного, так как данный образец не выжил. Они поверили, представь себе. Я вырос в их глазах еще выше! Они все еще ждут, когда я сделаю кого-то, кто выживет. Я укрепляю их в

этом мнении, время от времени пришивая какую-нибудь голову на обезглавленный труп.

— Но я немного отвлекся. О чем это я? Ах, да, о вырезанных селениях. Как и ожидалось, хозяева Риссберга сочли, что это дела демонов или одержимых, которыми они управляют. Но я сделал ошибку, перестарался. Из-за одного селения лесорубов никто бы не взволновался, но мы вырезали несколько. Работали в основном Буэ и Банг, ну и я приложился по мере возможности.

— В том первом селении в Тисах, или как его там, я не слишком преуспел. Когда увидел, что вытворяют Буэ и Банг, меня стошнило, я обрыгал весь плащ. Пришлось его выбросить. Отличный шерстяной плащ, отделанный серебристой норкой, стоил почти сто крон. Но потом пошло все лучше и лучше. Во-первых, я стал одеваться должным образом, в рабочую одежду. Во-вторых, мне понравились эти акции. Оказалось, что это довольно приятно, отрубить кому-то ногу и смотреть, как кровь хлещет из культы. Или вырвать кому-то глаз. Или вытащить из распоротого брюха пригоршню еще теплых внутренностей... Подведу итог. Вместе с сегодняшними получается почти полсотни разного пола и возраста.

— Риссберг понял, что меня надо попридержать. Но как? Они все еще верили в мою силу гоэтиста и боялись моих демонов. А еще боялись расстроить безумно влюбленного в меня Ортолана. Поэтому решением должен был стать ты. Ведьмак.

Геральт дышал неглубоко. И набирался оптимизма. Он уже видел намного лучше, дрожь утихла. Он был защищен от большинства известных токсинов, яд белого скорпиона, смертельный для обычного человека, исключением, к счастью, не оказался. Симптомы, изначально опасные, с течением времени уменьшались и исчезали, организм ведьмака был способен, как выяснилось, довольно быстро нейтрализовать яд. Дегерлунд этого не знал или самонадеянно игнорировал.

— Я узнал, что они хотят натравить тебя на меня. Не скрою, я немного испугался, я слышал о ведьмаках и о тебе, в частности. Что есть духу я помчался к Ортолану: спаси, мой любимый учитель. Любимый учитель для начала меня выругал и разворчался, что убивать лесорубов это якобы отвратительно, что это безобразие и чтобы это было в последний раз. Но потом посоветовал, как к тебе подобраться и заманить в ловушку. Как захватить с помощью телепортационной сигиллы, которую он сам пару лет назад вытатуировал на моем мужественном торсе. Однако он запретил тебя убивать. Не подумай, что из доброты. Ему нужны твои глаза. Точнее, речь идет о *tapetum lucidum*, слое ткани, выстилающей изнутри твои глазные яблоки, ткани, что усиливает и отражает свет, направленный на фоторецепторы, так что ты, как кошка, видишь ночью и в темноте. Последняя *idee fixe* Ортолана — дать всему человечеству способность видеть, как кошки. В рамках подготовки к этой благородной миссии он намерен имплантировать твой *tapetum lucidum* в какую-то другую мутацию, которую создает, а *tapetum* для трансплантации должен быть взят от живого донора.

Геральт осторожно пошевелил пальцами и кистью.

— Ортолан маг этичный и милосердный, после удаления глазных яблок он в своей неисчерпаемой доброте намерен сохранить тебе жизнь. Он полагает, что лучше быть слепым, чем мертвым, к тому же содрогается при мысли о боли, которую причинит твоей любовнице, Йеннифэр из Венгерберга, к коей имеет большую и странную в его случае привязанность. К тому же Ортолан уже близок к созданию регенеративной магической формулы. Через несколько лет ты сможешь обратиться к нему, и он восстановит твои глаза. Ты обрадовался? Нет? И это правильно. Что? Ты хочешь что-то мне сказать? Говори, я слушаю.

Геральт притворился, что с трудом шевелит губами. Собственно, ему и не нужно было притворяться, что с трудом. Дегерлунд встал со стула и наклонился над ним.

— Ничего не понимаю, — поморщился он. — В конце концов меня мало волнует, что ты хочешь сказать. А вот я тебе хочу еще кое-что сообщить. Знай, что среди моих многочисленных талантов есть также ясновидение. Я вижу совершенно ясно, что, когда Ортолан вернет тебе, ослепленному, свободу, тебя будут ждать Буэ и Банг. И ты попадешь на этот раз уже в мою лабораторию и на этот раз навсегда. Я буду тебя вивисектировать. В

основном для развлечения, но то, что у тебя там внутри, меня тоже немного интересует. И напоследок я, говоря языком мясников, закончу разделкой туши. Твои останки я буду посылать по кусочку в Риссберг как предупреждение, пусть посмотрят, что ждет моих врагов.

Геральт собрал все свои силы. Их было не так много.

— Что же касается самой Йеннифэр, — чародей склонился еще ниже, ведьмак почувствовал его мятное дыхание, — то меня, в отличие от Ортолана, мысль о причинении ей страданий радует неизмеримо. Поэтому отрежу тот кусок, который она в тебе больше всего ценила, и отошлю ей в Венгерб...

Геральт сложил пальцы в Знак и прикоснулся к лицу чародея. Сорель Дегерлунд захлебнулся, опал на стул. Он захрипел. Глаза закатились куда-то внутрь черепа, голова обвисла на плечо. Цепочка медальона выскользнула из ослабевших пальцев.

Геральт вскочил — скорее, попытался вскочить, единственное, что ему удалось, это упасть со стула на пол, головой как раз между сапогами Дегерлунда. Перед его носом лежал выпущенный чародеем медальон. На золотом овале голубой эмалевый дельфин *nageant*. Герб Керака. Не было времени удивляться или поражаться. Дегерлунд начал громко храпеть, было ясно, что он вот-вот проснется. Знак Сомн подействовал, но слабо и кратковременно, ведьмак был слишком ослаблен действием яда.

Он встал, держась за стол, сбросив книгу и свитки.

В комнату ворвался Паштор. Геральт даже не пытался сложить Знак. Он схватил со стола гримуар в кожаном переплете и латуни и ударил им горбуна в горло. Паштор с размаху осел на пол, уронив арбалет. Ведьмак снова ударил его. И еще бы повторил, но инкунабула выскользнула из его непослушных пальцев. Он схватил стоявший на книгах графин и разбил его о голову Паштора. Горбун, весь в крови и красном вине, не отступил. Он бросился на Геральта, даже не стряхнув с век крошки хрустала.

— Бууээ! — заорал он, хватая ведьмака за колени. — Баанг! Ко мне! Ко мне...

Геральт схватил со стола следующий гримуар, тяжелый, с обложкой, инкрустированной фрагментами человеческого черепа. Треснул им горбуна так, что полетели осколки костей.

Дегерлунд захрипел, пытаясь поднять руку. Геральт понял, что он пытается сотворить заклинание. Приближающийся топот тяжелых ног говорил о том, что Буэ и Банг на подходе. Паштор возился на полу, ощупывая все вокруг, искал арбалет.

Геральт увидел свой меч на столе, схватил его. Зашатался, чуть не упал. Он ухватил Дегерлунда за шиворот, приставил лезвие к горлу.

— Твоя сигилла! — закричал ему в ухо. — Телепортируй нас отсюда!

Буэ и Банг, вооруженные скимитарами, столкнулись в дверях и застряли там, заклинили полностью. Никто из них и не думал о том, чтобы уступить другому. Дверной косяк затрещал.

— Телепортируй нас! — Геральт схватил Дегерлунда за волосы и согнул ему голову назад. — Давай! Или я тебе глотку перережу!

Буэ и Банг вывалились из дверей вместе с косяком. Паштор нашел арбалет и поднял его.

Дегерлунд дрожащими руками расстегнул рубашку, выкрикнул заклинание, но еще до того, как все охватила тьма, вырвался из рук ведьмака и оттолкнул его. Геральт ухватил его за кружевную манжету и попытался притянуть к себе, но в этот миг сработал портал и все чувства, в том числе осязание, исчезли. Он почувствовал, как какая-то стихийная сила втягивает его, рвет и трясет, как вихрь. Парализующий холод. На мгновение. Одно из самых длинных и неприятных мгновений в его жизни.

Грохнулся на землю, аж загудело. Навзничь.

Открыл глаза. Вокруг был черный мрак, непроглядная тьма. Я ослеп, подумал он. Потерял зрение?

Не потерял. Была просто очень темная ночь. Его, как это научно назвал Дегерлунд,

tapetum lucidum заработал, уловил весь свет, который в этих условиях можно было уловить. Через минуту он уже разглядел вокруг себя какие-то деревья, кусты и заросли.

А над головой, когда разошлись тучи, он увидел звезды.

* * *

Интерлюдия

На следующий день

Следует признать, что строители из Финдетанна свое дело знали и не ленились. Хотя Шевлов видел их в работе уже много раз, он с интересом наблюдал, как они устанавливают очередной копер. Три связанных вместе балки образовывали вышку, в верхней части которой закреплено колесо. Через колесо переброшена веревка, привязанная к массивной окованной колоде, профессионально называемой бабой. Ритмично покрикивая, строители тащили веревку, поднимая бабу к верхней части вышки, а затем быстро отпускали ее. Баба с большой скоростью падала на столб, который находился внизу, глубоко вбивая его в землю. Достаточно трех-четырех ударов бабы, чтобы столб вошел в землю на нужную глубину. Строители вмиг разбирали копер и грузили его части на воз, в то время как один из них взбирался по лестнице к верхней части столба и приколачивал эмалированную табличку с гербом Редании — серебряным орлом на красном поле.

Благодаря деятельности Шевлова и его вольного отряда, а также копрам и их обслуживающему персоналу, входящая в состав королевства Редания провинция Приречье сегодня расширила свою территорию. Весьма значительно расширила.

Подошел мастер строителей, вытирая лоб шапкой. Он вспотел, хотя не делал ничего, если не считать указаний матом. Шевлов знал, о чем спросит мастер, он каждый раз спрашивал одно и то же.

— Куда дальше, господин командир?

— Я покажу. — Шевлов повернул лошадь. — Следуйте за мной.

Погонщики стегнули волов, телеги строителей вяло двинулись к вершине холма по размякшей после вчерашней грозы земле. Вскоре они достигли следующего столба, украшенного черной табличкой с нарисованными лилиями. Столб уже лежал, его оттащили в кусты, отряд Шевлова успел об этом позаботиться. Вот что такое прогресс, думал Шевлов, вот что такое торжество технической мысли. Вкопанные вручную темерские столбы вырываются и убираются мгновенно. Вколоченные копром реданские столбы так легко из земли не вытащишь.

Он махнул рукой, указывая строителям направление. Несколько стае к югу. За деревней.

Жителей деревни, если несколько лачуг и сараев достойны этого названия, всадники из отряда Шевлова уже собрали на площади, сами гарцевали вокруг, вздымая пыль, напирали на пеших лошадьми. Эскайрак, всегда импульсивный, не жалел кнута. Другие носились возле домов. Собаки лаяли, бабы причитали, оттаскивали детей.

К Шевлову подъехали трое всадников. Тощий как щепка Ян Малкин, по прозвищу Ожиг, Просперо Басти, более известный как Сперри. И Айлеах Мор-Дху, известная как Фрига, на серой кобыле.

— Мы их собрали, как приказано, — сказала Фрига, сдвигая на затылок шапочку из рыси. — Все село.

— Пусть их успокоят.

Согнанных успокоили, не без помощи плетей и палок. Шевлов подъехал ближе.

— Как называется эта дыра?

— Воля.

— Опять Воля? Нет у хамов фантазии ни на грош. Веди строителей дальше, Сперри.

Покажи, где они должны столб забить, а то снова перепутают.

Сперри свистнул, конь рванулся вперед. Шевлов подъехал к согнанным на площади. Фрига и Ожиг встали по сторонам.

— Жители Воли! — Шевлов встал в стремях. — Внимание, слушайте меня! По воле и указу Его Величества, милостиво правящего короля Визимира, объявляю вам, что отныне эта земля, вплоть до пограничного столба, принадлежит королевству Редания, а Его Величество король Визимир является вашим монархом и господином! Ему вы обязаны поклоняться, быть послушными и платить дань. А у вас есть задолженность по ренте и налогам! По приказу короля вы должны погасить долг немедленно. Присутствующему здесь сборщику налогов в казну.

— Что ж это деется? — закричал кто-то из толпы. — Опять платить? Мы свое уже заплатили!

— С нас уже дань содрали!

— Ее с вас содрали темерийские сборщики налогов. Незаконно, потому что здесь не Темерия, а Редания. Вон до тех столбов.

— Но только вчера, — взвыл кто-то из крестьян, — здесь была Темерия! Как же так? Мы заплатили, как приказано...

— Вы не имеете права!

— Кто? — заорал Шевлов. — Кто это сказал? Я имею право! Я выполняю королевский указ! Мы армия короля! Я заявляю: тот, кто хочет здесь остаться и вести хозяйство, должен заплатить дань, всю до единого гроша! Непокорные будут изгнаны! Вы заплатили Темерии? Видно, темерийцами себя считаете! Тогда убирайтесь вон отсюда, туда, за границу! Но только с тем, что сможете унести в двух руках, потому что имущество и скот принадлежат Редании!

— Разбой! Это разбой и грабеж! — крикнул, выступив вперед, здоровый мужик с буйным чубом. — И вы не королевская армия, а разбойники! Вы не имеете права...

Эскайрак подъехал и огрел крикуна кнутом. Крикун упал. Других успокоили древками пик. Рота Шевлова умела управляться с деревенскими. Они пересекли границу неделю назад и уже умиротворили много деревень.

— Кто-то скачет, — указала Фрига плетью. — Уж не Фиш ли это?

— Он самый, — Шевлов заслонил глаза от солнца. — Скажи, чтобы чудачку сняли с воза и доставили сюда. А сама возьми пару ребят, объедете окрестности. Есть отдельные хутора на полянах и вырубках, надо и им внушить, кому теперь они должны платить. А если кто будет возражать, вы знаете, что делать.

Фрига по-волчьи усмехнулась, сверкнув зубами. Шевлов сочувствовал поселенцам. Хотя их судьба мало его волновала.

Он посмотрел на солнце. Надо торопиться, подумал он. До полудня нужно еще несколько темерийских столбов свалить. И несколько наших поставить.

— Ты, Ожиг, со мной. Поедем гостям навстречу.

Гостей было двое. Один был в соломенной шляпе, его мощную челюсть, выступающий подбородок, как и все лицо, покрывала черная многодневная щетина. Второй был человеком мощного сложения. Настоящий гигант.

— Фиш.

— Господин сержант.

Шевлов с трудом сдержался. Йавил Фиш неспроста намекнул на давнее знакомство, времена совместной службы в регулярной армии. Шевлову не нравились напоминания о тех временах. Он не хотел помнить ни о Фише, ни о службе, ни о дерьмовом унтер-офицерском жаловании.

— Вольный отряд, — Фиш кивнул в сторону деревни, откуда доносились вопли и плач, — в работе, я смотрю? Карательная экспедиция, да? Будешь жечь деревню?

— Это мое дело, буду или не буду.

Не буду, подумал он. С сожалением, потому что он любил жечь деревни, отряд тоже

любил. Но не приказано. Приказано было исправить границу, собрать дань с поселенцев. Тех, кто откажется — изгнать, но добычу не трогать. Она послужит новым поселенцам, которые придут сюда. С севера, где тесно даже в предгорьях.

— Чудачку я поймал, — сказал он. — Согласно уговору. Связана. Это было нелегко, кабы я знал, потребовал бы больше. Но мы договорились на пятьсот, значит пятьсот, стало быть.

Фиш кивнул, подъехал гигант, передал Шевлову два кошелька. На его предплечье была вытатуирована змея, обвившаяся вокруг лезвия стилета. Шевлову эта татуировка была знакома.

Появился еще один всадник из отряда, с пленницей. На голову чудачки был надет спадающий до колен мешок, обвязанный веревкой так, что связывал также и ее руки. Из-под мешка торчали босые ноги, тонкие, как палки.

— Что это? — указал Фиш. — Дорогой господин сержант? Пятьсот новиградских крон, вроде бы, дороговато за кота в мешке.

— Мешок бесплатно, — холодно ответил Шевлов. — Вместе с добрым советом. Не развязывай и не заглядывай внутрь.

— Почему?

— Опасно. Покусает. А может и порчу навести.

Гигант втащил пленницу на луку седла. Спокойная до тех пор чудачка заметалась, стала отбиваться ногами, заскулила из-под мешка. Ничего из этого не вышло, мешок был закреплен надежно.

— Откуда я знаю, — сказал Фиш, — что это то, за что плачу? А не какая-то первая попавшаяся девчонка? Может, даже из этой деревни.

— Подозреваешь меня в обмане?

— Вовсе нет, вовсе нет, — Фиш пошел на попятную. В этом ему помог вид Ожига, поглаживающего ручку свисающего с седла топора. — Я тебе верю, Шевлов. Я знаю, твое слово надежно. Знаем друг друга, в конце концов, разве нет? С добрых старых времен...

— Я тороплюсь, Фиш. Служба зовет.

— Пока, сержант.

— Интересно, — сказал Ожиг, глядя им вслед. — Интересно, зачем им она. Эта чудачка. Не спрашивал?

— Не спрашивал, — холодно ответил Шевлов. — Потому что не спрашиваю о таких вещах.

Он немного сочувствовал чудачке. Ее судьба не очень его волновала. Но он догадывался, что она будет несчастливой.

* * *

Глава Двенадцатая

В мире, где за каждым охотится смерть, нет времени на сожаления или сомнения. Время есть лишь на то, чтобы принимать решения, и не важно, в чем будут заключаться эти решения. Ничто не является более или менее серьезным и важным, чем что-то другое. В мире, где смерть — это охотник, нет больших или малых решений. Единственное решение заключается в том, что воин должен встретиться лицом к лицу со своей неотвратимой смертью.

Карлос Кастанеда, Колесо времени (перевод К. Семенова и И. Старых)

На развилке дорог стоял дорожный указатель, столб с прибитыми к нему досками, указывающими четыре стороны света.

*

Рассвет застал его там, где он упал, выброшенный из портала, на мокрой от росы траве, в кустах рядом с болотом или озерцом, кишасим птицами, чье гоготанье и криканье разбудило его от тяжелого и изматывающего сна. Ночью он выпил ведьмачий эликсир, который предусмотрительно всегда имел при себе, в серебряном флакончике во вшитом в пояс тайнике. Эликсир под названием Иволга считался панацеей, особенно против любого рода отравлений, инфекций и последствий действия всяческих ядов и токсинов.

Геральт спасался Иволгой больше раз, чем мог вспомнить, однако, никогда выпитое зелье не вызывало таких последствий, как сейчас. Через час после приема он боролся с судорогами и невероятно сильными позывами к рвоте, понимая, что рвоту он допустить не может. В итоге, хоть борьбу он и выиграл, измученный, он впал в глубокий сон. Что также могло быть следствием совместного действия скорпионьего яда, эликсира и путешествия через телепорт.

Что касается путешествия, было не ясно, что произошло, как и почему созданный Дегерлундом портал выбросил его именно сюда, на эту болотистую пустошь. Сомнительно, что это было преднамеренным действием чародея, вероятнее всего, случилась обычная телепортационная авария, то чего он опасался всю неделю. То, о чем много раз слышал, и то, чему несколько раз сам был свидетелем — как портал, вместо того чтобы отправить пассажира туда, куда должен был, перебрасывал его совершенно в другое место, совершенно случайное.

Когда он пришел в себя, в правой руке держал меч, а левой сжимал лоскут ткани, утром опознанный как манжета рубашки. Ткань была срезана гладко, как ножом. На ней не было никаких следов крови, видимо, телепорт разрезал не руку, а только рубашку чародея. Геральт пожалел, что всего лишь рубашку.

Самую страшную аварию портала, ту, что навсегда отвратила его от телепортирования, Геральт наблюдал в начале своей ведьмачьей карьеры.

Среди нуворишей, богачей и золотой молодежи тогда была мода телепортироваться с места на место, и некоторые чародеи за баснословные суммы предоставляли им такое развлечение. Однажды — ведьмак как раз при этом присутствовал — перемещенный любитель телепортации появился из портала перерезанным точно пополам вдоль вертикальной плоскости. Он напоминал открытый футляр от контрабаса. Потом из него все вывалилось и вылилось. Увлечение телепортами после того случая заметно сократилось.

По сравнению с чем-то подобным, подумал он, посадка на болото это просто роскошь.

Не восстановив еще полностью силы, он ощущал головокружение и тошноту. На отдых, однако, времени не было. Он знал, что порталы оставляют следы, у чародеев есть способы отследить путь телепорта. Впрочем, если это был, как он подозревал, сбой портала, отслеживание пути граничило с невозможностью. И все же слишком долго оставаться в непосредственной близости от места приземления было неразумно.

Он пошел быстрым шагом, чтобы размяться и разогреться. Все началось с мечей, подумал он, шлепая по лужам. Как выразился Лютик? Полоса неудачных совпадений и несчастных случаев? Сначала я потерял мечи. Не прошло и трех недель, как я потерял лошадь. Оставшуюся в Соснице Плотву, если ее кто-нибудь не найдет и не присвоит, вероятно, съедят волки. Мечи, лошадь. Что дальше? Страшно подумать.

После часа пути по слякоти он выбрался на сухую землю, а через два часа вышел на твердый тракт. И еще через полчаса ходьбы по дороге добрался до перекрестка.

*

На развилке дорог стоял дорожный указатель, столб с прибитыми к нему досками, указывающими четыре стороны света.

Все это было засрано пролетающими птицами и густо усеяно отверстиями от болтов.

Каждый проезжающий, по всей видимости, считал своим долгом выстрелить в указатель из арбалета. Поэтому, чтобы прочесть надписи, нужно было подойти совсем близко.

Ведьмак подошел. И расшифровал направления. На доске, указывающей на восток — в соответствии с положением солнца — стояла надпись Хиппира, в противоположном направлении был Тегмонд. Третья доска указывала дорогу на Финдетанн, а четвертая — неизвестно куда, потому что кто-то замазал надпись дегтем. И все же Геральт уже примерно знал, где находится.

Телепорт забросил его в междуречье, которое образуют два русла реки Понтар. Южное русло, учитывая размеры, даже удостоилось получить у картографов собственное название — на многих картах оно фигурировало, как Эмбла. Лежащая между руслами страна, совсем крохотная, называлась Эмблонией. То есть называлась когда-то, давным-давно. И давным-давно перестала так называться. Королевство Эмблония прекратило свое существование где-то полвека назад. И на это были свои причины.

В большинстве королевств, княжеств и других формах организации власти и социальных общностях, на всех известных Геральту землях, в целом, можно признать, дела шли достаточно хорошо. Система, правда, иногда спотыкалась, но функционировала. В большей части социальных сообществ правящий класс правил, вместо того чтобы только воровать и играть в азартные игры, чередующиеся с блудом. Лишь незначительная часть социальной элиты состояла из людей, полагающих, что гигиена это то же, что и проститутка, а гонорей — птица из семейства жаворонков.

Рабочий люд и крестьяне лишь в небольшой части представляли собой кретинов, живущих только сегодняшним днем и сегодняшней водкой, неспособных своим ограниченным разумом объять нечто столь необъятное, как завтрашний день и завтрашняя водка. Священники в большинстве своем не вымогали у людей деньги и не домогались малолетних, а находились в храмах, без остатка посвящая себя попыткам постигнуть непостижимые загадки веры. Психопаты, самодуры, болтуны и идиоты не лезли в политику и на ответственные должности в государственной власти и местном руководстве, а занимались разрушением своей личной жизни. Деревенские дурачки сидели в деревнях, при амбарах, не пытаясь изображать из себя народных трибунов. Так было в большинстве стран.

Но королевство Эмблония к большинству не принадлежало. Оно относилось к меньшинству по всем вышеуказанным причинам. И по многим другим.

Поэтому оно захирело. И, наконец, исчезло. Об этом позаботились могущественные соседи, Темерия и Редания. Эмблония, несмотря на свою политическую несостоятельность, обладала, однако, определенным богатством. Она находилась в аллювиальной долине реки Понтар, которая на протяжении веков во время разливов откладывала здесь ил. Из-за этих отложений сформировалась в высшей степени плодородная, благодатная для сельского хозяйства почва. В результате правления властей Эмблонии прекрасная почва вскоре стала превращаться в заросшую прибрежную пустошь, на которой мало что можно было посадить, и еще меньше собрать.

Темерия и Редания тем временем, отметили значительный рост населения, и сельскохозяйственное производство стало делом первостепенной важности. Почвы Эмблонии очень привлекали. Два разделенных рекой Понтар королевства без особых церемоний поделили Эмблонию между собой, и название ее стерли с карт. Часть, аннексированную Темерией, назвали Понтарией, часть, доставшаяся Редании, стала Приречьем. На плодородные почвы приехали толпы поселенцев. Под наблюдением толковых управителей, в результате применения разумного севооборота и мелиорации регион, хотя и небольшой, быстро стал настоящим сельскохозяйственным рогом изобилия.

Вскоре начались конфликты. Тем более яростные, чем более обильные урожаи давали понтарские аллювиальные почвы. Определяющий границу между Темерией и Реданией договор содержал положения, позволяющие разночтения, а приложенные к договору карты были бесполезны, поскольку картографы испоганили работу. Сама река тоже внесла свою лепту — после длительного периода дождей она изменила русло и передвинула его на

расстояние от двух до трех миль. И так рог изобилия превратился в камень преткновения. В ход пошли планы династических марьяжей и альянсов, начался обмен дипломатическими нотами, таможенные и торговые войны. Набирали обороты пограничные конфликты, кровопролитие казалось неизбежным. И, в итоге, дошло и до него. А потом доходило уже регулярно.

В своих странствиях в поисках работы Геральт, как правило, старался избегать районов, где часто случались вооруженные стычки, потому что работать в таких местах было трудно. Столкнувшись раз-другой с регулярными войсками, наемниками или мародерами, крестьяне убеждались, что рыщущий в околицах оборотень, стрыга, тролль из-под моста или вихт с кургана — это, в общем, небольшая проблема и небольшая опасность, и что жаль тратить деньги на ведьмака. Что до денег, то их лучше срочно потратить на восстановление сожженной армией хижины или на покупку новых кур взамен тех, что солдаты украли и съели.

По этим причинам Геральт был слабо знаком с местностью в Эмблони или, в соответствии с более поздними картами, Понтарии и Приречья. Он не имел ни малейшего понятия, до какого из указанных на столбе населенных пунктов ближе и в какую сторону он должен двинуться с перекрестка, чтобы как можно скорее попрощаться с безлюдной пустошью и добраться до какой-либо цивилизации.

Геральт решил направиться в Финдетанн, на север. Примерно в этом же направлении лежал Новиград, куда он должен был добраться, и если он рассчитывал вернуть свои мечи, то не позднее пятнадцатого июля.

Через час быстрой ходьбы он влип прямо в то, чего так сильно хотел избежать.

*

В непосредственной близости от вырубki было крестьянское хозяйство, крытая соломой хижина и несколько клетей. О том, что там происходит что-то неладное, свидетельствовали громкий собачий лай и яростный крик домашней птицы. Крик ребенка и женский плач. Ругань.

Он подошел, проклиная в душе свое невезение и свой характер.

В воздухе летали перья, один из военных торочил к седлу пойманную птицу. Второй избивал хлыстом извивающегося на земле крестьянина. Еще один боролся с женщиной в разорванной одежде и цепляющимся за нее малышом.

Он подошел, без церемоний и разговоров схватил поднятую руку с хлыстом, выкрутил ее. Солдат взвыл. Геральт толкнул его к стене клетки. Ухватив за шиворот, оттащил второго от женщины и толкнул к забору.

— Вон отсюда, — коротко сказал он. — Сейчас же.

И быстро выхватил меч в знак того, чтобы все поняли, что к сложившемуся положению следует отнестись с надлежащей серьезностью. И ясно отдавали себе отчет о возможных последствиях ненадлежащего поведения. Один из военных громко рассмеялся. Другой последовал его примеру, хватаясь за рукоять меча.

— Ты на кого руку поднял, бродяга? Смерти ищешь?

— Вон отсюда, я сказал.

Военный, который привязывал птицу, обернулся. И оказался женщиной. Симпатичной, если не считать скверно прищуренных глаз.

— Тебе жизнь не дорога? — губы, как выяснилось, эта женщина умела кривить еще более скверно. — Или, может, ты умственно отсталый? Может, считать не умеешь? Я тебе помогу. Ты только один, а нас трое. Значит, нас больше. Значит, ты должен сейчас развернуться и валить на хер отсюда вприпрыжку со всех ног. Пока у тебя еще есть ноги.

— Вон отсюда. Повторять не буду.

— Ага. Трое, значит, для тебя пустяки. А двенадцать?

Вокруг застучали копыта. Ведьмак оглянулся. Девять вооруженных всадников.

Направили на него копы и рогатины.

— Ты! Засранец! Меч на землю!

Он не подчинился. Отпрыгнул к клетки, чтобы хоть как-то защитить спину.

— Что происходит, Фрига?

— Этот мужик упирался, — фыркнула названная Фригой женщина. — Говорил, мол, не будет платить дань, потому что уже заплатил, бла, бла, бла. Ну, стали мы уму-разуму хама учить, а тут вдруг этот седой, вырос как из-под земли. Похоже, благородный рыцарь здесь появился, защитник бедных и угнетенных. Один-одинешенек, а прыгал тут перед нами.

— Шибко прыгучий? — засмеялся один из всадников, напирая на Геральта конем и угрожая копьем. — Посмотрим, как он продырявленный попрыгает!

— Брось меч, — приказал всадник в берете с перьями, выглядящий командиром. — Меч на землю!

— Проткнуть его, Шевлов?

— Отставить, Сперри.

Шевлов наблюдал за ведьмаком с высоты седла.

— Меч не бросишь, да? — оценил он. — Такой храбрец? Такой мужественный? Съедаешь устриц вместе с раковинами? И запиваешь скипидаром? Ни перед кем не становишься на колени? И от защиты невинно страдающих ничто тебя не удержит? Ты так чувствителен к несправедливости? Сейчас проверим. Ожиг, Лигенза, Флокет!

Военные поняли главаря слету, видимо, уже имели в этом деле опыт, такая процедура уже практиковалась. Спрыгнули с седел. Один приставил нож поселенцу к горлу, другой схватил за волосы женщину, третий сцапал ребенка. Малыш начал кричать.

— Меч на землю, — сказал Шевлов. — Ну! Иначе... Лигенза! Режь мужику горло.

Геральт бросил меч. Его сразу же окружили, прижали к доскам. Все с оружием в руках.

— Ага! — Шевлов спешил. — Сработало!

— У тебя проблемы, защитник крестьян, — добавил он сухо. — Устроил тут представление и диверсию учинил против королевской службы. А у меня есть право за такую провинность брать под арест и предавать суду.

— Арестовать? — скривился названный Лигензой. — Лишние хлопоты! Петлю на шею и на ветку! И готово.

— Или порубить на месте!

— А я, — сказал вдруг один из всадников, — его уже когда-то видел. Это ведьмак.

— Кто-кто?

— Ведьмак. Колдун, который убивает монстров, за деньги.

— Колдун? Тьфу, тьфу! Убить его, а то сглазит!

— Заткнись, Эскайрак. Говори, Трент. Где ты его видел и при каких обстоятельствах?

— В Мариборе это было. У тамошнего градоначальника, который его нанимал убить каких-то тварей. Не помню, каких. Но его помню, из-за этих белых волос.

— Ха! Если он так на нас прыгал, значит кто-то должен был его против нас нанять!

— Ведьмаки, они против чудовищ. Они от чудовищ людей защищают.

— Ага! — Фрига сдвинула на затылок шапочку из рыси. — Я же говорила! Защитник! Увидел, как Лигенза мужика кнутом поучает, а Флокет бабу насиловать собрался...

— И метко вас оценил? — фыркнул Шевлов. — Как чудовищ? Тогда вам повезло. Шучу. Но дело, думается мне, нехитрое. Я, когда служил в армии, слышал о них, ведьмаках, кое-что совершенно другое. Нанимают их для чего угодно, для шпионажа, для защиты, и для тайного убийства даже. О них говорили: Коты. Этого Трент здесь в Мариборе видел, в Темерии. Значит, это темерийцы его наняли, собственно, против нас и наняли, из-за этих пограничных столбов. Меня предупреждали в Финдетанне о темерских наемниках, за пойманных обещали награду. Так что повезем его связанным в Финдетанн, отдадим коменданту, и награда наша. Ну же, связать его! Чего стоите? Бойтесь? Он сопротивляться не будет. Знает, что мы в таком случае с мужиками учиним.

— Кто же его, сука, тронет? Если он колдун.

— Тьфу, чтоб не сглазил!

— Трусливые пустозвоны! — закричала Фрига, отвязывая ремни от вьюков. — Заячьи души! Я это сделаю, если тут ни у кого яиц нет!

Геральт дал себя связать. Он решил быть послушным. Пока.

С лесной дороги выехали два запряженных волами воза, нагруженных столбами и деталями каких-то деревянных конструкций.

— Сходите кто-нибудь за плотниками и сборщиком налогов, — сказал Шевлов. — Скажите, пусть возвращаются. Достаточно столбов вбили, пока хватит. Мы сейчас привал здесь устроим. Пошарьте вокруг, нет ли там чего-нибудь лошадей накормить. И нам поесть.

Лигенза поднял меч Геральта и стал его рассматривать. Шевлов забрал меч у него из рук. Взвесил, взмахнул, крутанул мельницу.

— Вам повезло, — сказал он, — что все мы вовремя подъехали. Он бы вас разделал за милую душу, тебя, Фригу и Флокета. О ведьмачьих мечах легенды ходят. Самая лучшая сталь, многократно сложена и прокована, и опять сложена и снова прокована. К тому же обложена особыми чарами. Из-за этого у них неслыханная прочность, упругость и острота. Ведьмачье лезвие, скажу я вам, жесть и кольчуги режет как льняное полотно, а любые другие клинки крошит как макароны.

— Не может быть, — сказал Сперри. Как и у многих других, у него усах были капли сливок, которые нашли в хате и выпили до дна. — Не может быть, чтобы как макароны.

— Я тоже такого не представляю, — добавила Фрига.

— Трудно, — поддержал ее Ожиг, — в такое поверить.

— Да? — Шевлов встал в защитную позу. — Так становись кто-нибудь, проверим. Ну же, найдется желающий? Нет? Что так тихо стало?

— Ладно. — Эскайрак вышел вперед и достал меч. — Я встану. Чего уж там. Посмотрим... Рубимся, Шевлов.

— Рубимся. Раз, два... Три!

Мечи столкнулись с лязгом. Треснувший металл жалобно застонал. Фрига аж присела, когда кусок обломанного лезвия просвистел мимо ее виска.

— Вот блять, — сказал Шевлов, недоверчиво глядя на лезвие, обломанное на несколько сантиметров выше позолоченной гарды.

— А на моем ни щербинки! — Эскайрак поднял меч. — Ха, ха, ха! Ни щербинки! Даже следа нет!

Фрига засмеялась, как девчонка. Лигенза бляел, как козел. Остальные ржали.

— Ведьмачий меч? — фыркнул Сперри. — Режет, как макароны? Сам ты, курва, как макароны.

— Это... — Шевлов поджал губы. — Это барахло какое-то, мать его. Это дрянь какая-то... А ты...

Он отбросил остаток меча, уставился на Геральта и указал на него осуждающим жестом.

— Ты мошенник. Шарлатан и мошенник. Ведьмаком прикидываешься, а такую липу... Такое, сука, барахло вместо приличного клинка носишь? Сколько ты, интересно, добрых людей обдурил? У скольких бедняков последний грош выманил, жулик? О, ты все расскажешь о своих грешках в Финдетанне, уж там тебя староста заставить исповедаться!

Он громко вздохнул, сплюнул, топнул.

— По коням! Уходим отсюда!

Укатали, смеясь, напевая и насвистывая. Селянин с семьей мрачно смотрели им вслед. Геральт видел, что их губы шевелятся. Нетрудно было догадаться, какую судьбу и каких событий в жизни они желают Шевлову и его отряду.

Селянин даже в самых смелых мечтах не мог надеяться, что его пожелания будут выполнены с абсолютной точностью. И что это произойдет так скоро.

Доехали до перекрестка. Дорога, ведущая на запад, пролегающая через овраг, была изрыта колесами и копытами, туда, видимо, поехали возы с плотниками. Туда же направился и отряд. Геральт шел за лошадьё Фриги, на веревке, привязанной к луке ее седла.

Конь едущего впереди Шевлова заржал и встал на дыбы.

На склоне оврага что-то вдруг вспыхнуло, загорелось и превратилось в молочный переливающийся шар. Шар исчез, и на его месте появилась странная группа. Несколько обнимающихся, переплетенных между собой фигур.

— Какого черта? — выругался Ожиг и подъехал в Шевлову, успокаивающему коня. — Что это такое?

Группа разделилась. На четыре фигуры. Худощавого, длинноволосого и немного женоподобного мужчину. Двух длинноруких великанов на кривых ногах. И горбатого карлика с большим арбалетом из двух стальных луков.

— Буэх-хххrrrr-ееееххх-буэх-х! Буэх-хеех!

— К оружию! — заорал Шевлов. — К оружию, парни!

Щелкнула сперва одна, а вслед за ней вторая тетива большого арбалета. Шевлов, пораженный в голову, погиб на месте. Ожиг выпал из седла, какое-то мгновение смотрел на свой живот, через который болт прошел навывлет.

— Бей! — отряд весь как один выхватил мечи. — Бей!

Геральт не собирался празднично ждать результатов встречи. Он сложил пальцы в Знак Игни, пережег связывающую его руки веревку. Дернул Фригу за пояс, свалил ее на землю. А сам вскочил в седло.

Что-то ослепительно сверкнуло, лошади заржали, поднялись на дыбы, молотя воздух копытами передних ног. Несколько всадников упали и закричали растоптанные. Сивая лошадь Фриги тоже сильно испугалась, но ведьмак ее усмирил. Фрига вскочила, подпрыгнула, ухватилась за уздечку и поводья. Он отбросил ее ударом кулака и пустил кобылу в галоп.

Склонившийся к шее лошади всадник не видел, как Дегерлунд серией магических молний распугивает лошадей и ослепляет всадников. Как на всадников нападают ревущие Буэ и Банг, один с топором, другой с широким скимитаром. Он не видел брызг крови, не слышал криков убитых.

Не видел, как гибнет Эскайрак, а вслед за ним Сперри, разделанные Бангом, как рыбы. Не видел, как Буэ опрокинул Флокета вместе с конем и как он его потом из-под этого коня вытаскивал. Но пронзительный крик Флокета, как голос резаного петуха, он слышал еще долго.

Пока не свернул с тракта и въехал в лес.

* * *

Глава Тринадцатая

Чтобы заливайку махакамскую приготовить, нужно следующее: если летом, то лисичек, если осенью — зеленушек собирай. Если зимой аль весной ранней, возьми хорошую жменью грибов сушеных. В кастрюльку налей воды, на ночь замочи. Утром посоли, брось пол-луковицы, повари. Отцеди, но отвар не выливай. Слей его в миску, да гляди чтобы не попал песок, который завсегда на дне кастрюльки оседает. Картошки свари, кубиками порежь. Возьми бекона жирного большой кусок, порежь, поджарь. Нарезь пол-тарелки лука, брось его в растопленный бекон и жарь, пока пригорать не начнет. Возьми большой горшок, все это положи в него, и о грибах нарезанных не забудь. Залей грибным отваром, добавь воды, сколько надо. Долей по вкусу заквашенный жур — как его заквасить, в другом

месте рецепт есть. Закипяти, посоли, приправь перцем и майораном по вкусу и желанию. Топленным салом приправь. Сметаной забелить — дело вкуса, но учти, что это супротив нашей краснолюдской традиции, это людская привычка заливайку сметаной забеливать.

Элеонора Рундури-Пиготт, Превосходная махакамскаястряпня.

Обучение правильным способам варения и приготовления блюд из мяса, рыбы и овощей, а также различных приправ и соусов, варенья, выпечки теста, заготовок, приготовлению колбас и копченостей, вин, водок, а также различным секретам приготовления и хранения продуктов, необходимых каждой хорошей и трудолюбивой хозяйке.

Как почти все почтовые станции, эта также находилась на распутье, на пересечении дорог. Крытое гонтом здание с подпертым столбами навесом, примыкающей к зданию конюшней, сараем — все среди белоснежных берез. Пусто. Никаких признаков посетителей или приезжих.

Измученная сивая лошадь спотыкалась, шла тяжело и пошатываясь, опустив голову почти до самой земли. Геральт подвел ее под уздцы, передал поводья слуге.

Слуга выглядел лет на сорок и сильно горбился под тяжестью своих сорока. Он погладил шею кобылы, посмотрел на ладонь. Смерил Геральта пристальным взглядом с головы до ног, потом плюнул ему прямо под ноги. Геральт покачал головой, вздохнул. Не удивился. Он знал, что виноват, что переборщил с галопом, да еще по пересеченной местности. Хотел как можно скорее убраться подальше от Сореля Дегерлунда и его прихвостней. Он понимал, что это плохое оправдание, он и сам был не лучшего мнения о людях, доводящих свою верховую лошадь до такого состояния.

Слуга ушел, уводя кобылу и бормоча что-то себе под нос. Нетрудно было догадаться, что он бормочет и о чем думает. Геральт вздохнул, толкнул дверь и вошел на станцию.

Внутри приятно пахло. Ведьмак осознал, что постится уже больше суток.

— Лошадей нет, — предупредил его вопрос почтмейстер, возникший из-за прилавка. — И ближайшая курьерка только через два дня.

— Я бы съел что-нибудь, — Геральт посмотрел на стропила и балки высокого потолка.

— Я заплачу.

— Ничего нет.

— Ну, как же это, господин почтмейстер, — раздался голос из угла комнаты, — годится ли так встречать путника?

За столом в углу сидел краснолюд. Русоволосый и русобородый, одетый в вышитый узорчатый кабат бордового цвета, украшенный латунными застежками спереди и на манжетах. Щеки у него были румяными, а нос крупным. Геральт иногда видел на рынке необычный картофель с розоватого цвета клубнями. Нос краснолюда был именно такого цвета. И формы.

— Мне предложили заливайку, — краснолюд смерил почтмейстера строгим взглядом из-под густых кустистых бровей. — Ты же не станешь, наверное, утверждать, что твоя жена готовит только одну тарелку. Ставлю любую сумму, что и для вновь прибывшего господина хватит. Садись, путник. Пива выпьешь?

— С удовольствием, спасибо, — Геральт сел, вытащил монету из тайника в поясе. — Но позволь и мне угостить тебя, добрый человек. Вопреки обманчивой внешности я не бродяга или нищий. Я ведьмак. И я на работе, поэтому моя одежда изношена и выглядит паршиво. За что приношу извинения. Два пива, почтмейстер.

Пиво появилось на столе мгновенно.

— Заливайку жена скоро подаст, — буркнул почтмейстер. — И не сердитесь. Еда у меня всегда должна быть наготове. Вдруг появится какой-нибудь путешественник

вельможа, королевский гонец или почта... Если еда закончится, и не будет, что подать...

— Ладно, ладно... — Геральт поднял кружку. Он знал многих краснолюдов, знал их застольные обычаи и любимые тосты.

— За успех правого дела!

— И на погибель сукинсынам! — добавил краснолюд, чокнувшись кружкой о кружку.

— Приятно пить с человеком, который знает обычай и правила. Я Аддарио Бах. На самом деле Аддарион, но все меня называют Аддарио.

— Геральт из Ривии.

— Ведьмак Геральт из Ривии, — Аддарио Бах стер пену с усов. — Имя твое всем известно. Бывалый ты человек, неудивительно, что обычаи знаешь. А я вот, понимаешь, приехал из Цидариса курьерским дилижансом, курьеркой, как они называют его на юге. И жду пересадки на курьерку, едущую из Дорьяна в Реданию, в Третогор. Ну, вот, наконец, и наша заливайка. Посмотрим, какова. Лучшие заливайки, чтоб ты знал, варят наши бабы в Махакаме, нигде такой не попробуешь. На густой закваске из черного хлеба и ржаной муки, с грибами, с сильно поджаренным лучком...

Станционная заливайка было превосходна, лисичек и сильно поджаренного лучка в ней было достаточно, и если она и уступала той махакамской, сваренной краснолюдскими бабами, то Геральт так и не узнал, в чем, поскольку Аддарио Бах ел быстро, молча и без комментариев.

Почтмейстер вдруг глянул в окно, его реакция заставила выглянуть и Геральта.

К станции подъехали две лошади, обе в состоянии еще худшем, чем трофейная лошадь Геральта. А всадников было три. Точнее, трое. Ведьмак внимательно осмотрел помещение.

Дверь скрипнула. На станцию вошла Фрига. А за ней Лигенза и Трент.

— Лошадей... — почтмейстер умолк, увидев в руке Фриги меч.

— Угадал, — закончила она. — Именно лошади нам и нужны. Три. Шевелись, мигом выводи из конюшни.

— Лошадей не...

Почтмейстер и на этот раз не закончил. Фрига прыгнула к нему и направила меч прямо в глаза. Геральт встал.

— Эй, ты!

Все трое повернулись к нему

— Это ты, — процедила Фрига. — Ты. Проклятый бродяга.

На ее щеке был синяк, в том месте, куда он приложился.

— Это все из-за тебя, — сплюнула она. — Шевлов, Ожиг, Сперри... Все убиты, вся команда. И меня ты, ублюдок, выбил из седла, лошадь украл и сбежал как трус. Теперь-то я с тобой рассчитаюсь.

Она была невысокой и сравнительно хрупкого сложения. Ведьмака это не обмануло. Он знал, что в жизни, как на почте — даже очень мерзкое содержимое бывает в довольно приличной упаковке.

— Здесь почтовая станция! — закричал из-за стойки почтмейстер. — Она находится под королевской защитой!

— Слыхала? — тихо спросил Геральт. — Почтовая станция. Убирайся отсюда.

— Ты, седой подонок, по-прежнему плохо считаешь, — прошипела Фрига. — Тебе снова нужно помочь посчитать? Ты один, а нас трое. Значит, нас больше.

— Вас трое, — ведьмак обвел их взглядом, — а я один. Но все же вас не больше. Это математический парадокс и исключение из правил.

— То есть, как это?

— То есть так, валите отсюда на хер вприпрыжку. Пока вы еще в состоянии прыгать.

Он уловил блеск ее глаза и сразу понял, что она одна из немногих умеющих в бою ударить не туда, куда смотрит. Фрига, наверное, научилась этому трюку недавно, потому что Геральт без особого труда избежал предательского удара мечом. Ушел коротким полувольтом, пинком подсек ей левую ногу, броском послал на стойку. Она шмякнулась о

доски, аж загремело.

Лигенза и Трент, должно быть, уже раньше видели Фригу в действии, потому что ее фиаско их попросту ошарашило, они застыли с открытыми ртами. Достаточно надолго, чтобы ведьмак успел схватить из угла метлу, замеченную им раньше. Трент получил сначала в лицо березовыми прутьями, потом по голове палкой. Геральт подставил метлу ему под ногу, пнул в коленный сустав и опрокинул на пол.

Лигенза пришел в себя, выхватил оружие, рубанул от уха. Геральт уклонился от удара полуоборотом, скрутил полный вольт, выставил локоть, Лигенза, летящий по инерции, наскочил на локоть горлом, закашлялся и упал на колени. Пока он падал, Геральт вырвал из его пальцев меч и подбросил его вертикально вверх. Меч воткнулся в стропило и там застрял.

Фрига напала снизу, Геральт едва успел уйти финтом. Подбил руку с мечом, схватил ее за локоть, вывернул, подсек ноги черенком метлы и толкнул на стойку. Загремело.

На него набросился Трент, Геральт врезал ему метлой в лицо, раз, другой, третий, очень быстро. Потом черенком, в висок справа, слева и с размаху по шее. Вставил черенок метлы ему между ног, повернул, схватил за руку, согнул, вырвал из нее меч, подбросил вверх. Меч воткнулся в стропило и в нем застрял. Трент отступил назад, споткнулся о скамью и упал. Геральт решил, что больше нет никакой необходимости его мучить.

Лигенза вскочил на ноги, но стоял неподвижно, с опущенными руками, глаза на загнанные в стропила мечи — слишком высоко, чтобы достать. Фрига напала.

Завертела мечом мельницу, сделала финт, рубанула наотмашь. Стил, оправданный в трактирных драках, в тесноте и при плохом освещении. Ведьмаку не мешало ни освещение, ни отсутствие такового, а стил этот ему был слишком хорошо знаком. Клинок Фриги пронзил воздух, а финт развернул ее так, что ведьмак оказался у нее за ее спиной. Она взвизгнула, когда он просунул ей под руку черенок метлы и вывернул локтевой сустав. Выхватил из руки меч и оттолкнул ее от себя.

— Я собирался, — он посмотрел на клинок, — оставить его себе. Как компенсацию за труды. Но передумал. Не стану носить бандитского оружия.

Он подбросил меч вверх. Клинок вонзился в стропило, задрожал. Фрига, бледная, как пергамент, сверкнула зубами из-под искривленных губ. Она согнулась, быстрым движением вытащила из-за голенища нож.

— А вот это, — сказал он, глядя ей прямо в глаза, — очень глупая идея.

На тракте застучали копыта, зафыркали лошади, забренчало оружие. Возле станции появилась вдруг толпа всадников.

— На вашем месте, — сказал Геральт всем троим, — я уселся бы в углу на лавке. И притворился бы, что меня здесь нет.

Громко хлопнула дверь, зазвенели шпоры, в комнату вошли солдаты в лисьих шапках и коротких черных дублетах с серебряным шитьем. Их возглавлял усач, опоясанный алым кушаком.

— Королевская служба! — объявил он, опираясь рукой на заткнутый за пояс буздыган. — Вахмистр Ковач, второй эскадрон первой бандерии, вооруженные силы милостиво правящего короля Фольтеста, владыки Темерии, Понтарии и Махакама. В погоне за реданской бандой!

В углу на скамье Фрига, Трент и Лигенза пристально рассматривали носки своих сапог.

— Группа реданских опустошителей, наемных бандитов и грабителей нарушила границу, — оглашал далее вахмистр Ковач. — Разбойники свалили пограничные столбы, жгут, грабят, мучают и убивают подданных короля. После столкновения с королевской армией со срамом бежали, прячутся по лесам, ищут возможность сбежать за кордон. Такие могли появиться здесь, в окрестностях. Предупреждаю, что оказание им помощи, передача информации и любого рода поддержка будет считаться изменой, а за измену — петля!

— Видели ли здесь, на станции, каких-либо посторонних? Новоприбывших? Я имею в виду, подозрительных? И еще сообщу, что за выдачу бандитов или помощь в их поимке

полагается награда. Сто оренгов. Почтмейстер?

Почтмейстер пожал плечами, сгорбился, замямлил и взялся за вытирание стойки, очень низко над ней склонившись.

Вахмистр осмотрелся и, лязгая шпорами, подошел к Геральту.

— Ты, кто... А! Тебя-то я, кажется, уже видел. В Мариборе. Судя по белым волосам. Ты ведьмак, да? Всяческих монстров следопыт и убийца. Да?

— Так точно.

— Тогда я к тебе ничего не имею, а твоя профессия, скажем так, достойная, — ответил вахмистр, одновременно оценивая взглядом Аддарио Баха. — Господин краснолюд тоже вне подозрений, не видели никаких краснолюдов среди грабителей. Но для порядка спрошу: что ты делаешь на станции?

— Прибыл дилижансом из Цидариса и жду пересадки. Время идет медленно, сидим с господином ведьмаком, беседуем и перерабатываем пиво в мочу.

— Пересадка, значит, — повторил вахмистр. — Понятно. А вы двое? Кто такие? Да, вы, я вас спрашиваю!

Трент открыл рот. Заморгал. И что-то пробурчал.

— Что? Как? Встать! Кто такой, спрашиваю?

— Не трогайте его, господин офицер, — спокойно сказал Аддарио Бах. — Это мой слуга, нанял я его. Он дурачок, полный идиот. Врожденный недуг. К счастью, его младшие братья и сестры нормальные. Их мать, наконец, поняла, что будучи беременной не следует пить из лужи возле инфекционной больницы.

Трент еще шире раскрыл рот, опустил голову, застонал, зарычал. Лигенза тоже забормотал и сделал движение, как будто хочет встать. Краснолюд положил ему руку на плечо.

— Сядь, парень. И молчи, молчи. Я знаю теорию эволюции, знаю, от какого существа произошел человек, ты не должен постоянно напоминать мне об этом. Простите его и вы, господин командир. Это тоже мой слуга.

— Ну да... — вахмистр по-прежнему смотрел подозрительно. — Слуги, значит. Если вы так говорите... А она? Эта молодка в мужской одежде? Эй! Встань, хочу на тебя посмотреть! Кто такая? Отвечай, когда спрашиваю!

— Ха, ха, господин комендант, — засмеялся краснолюд. — Она? Это шлюха, я хотел сказать, девушка легкого поведения. Я снял ее в Цидарисе, чтобы трахать. С жопой в дороге не так тоскливо, это вам любой философ подтвердит.

Он с размаху шлепнул Фригу по заднице. Фрига, бледная от ярости, заскрипела зубами.

— Ну, да, — скривился сержант. — А я не сразу понял. Теперь вижу. Полуэльфа.

— Это у тебя полхрена, — огрызнулась Фрига. — Половина от нормального!

— Тихо, тихо... — успокоил ее Аддарио Бах. — Не сердитесь, полковник. Такая уж задиристая шлюшка попалась.

В комнату вбежал солдат, отрапортовал. Вахмистр Ковач выпрямился.

— Банда обнаружена! — сообщил он. — Мы отправляемся в погоню! Извините за причиненные неудобства. Служба!

Он вышел, солдаты вслед за ним. Через минуту со двора донесся топот копыт.

— Извините меня, — сказал после минутного молчания Аддарио Бах Фриге, Тренту и Лигензе, — за этот спектакль, простите случайно сказанные слова и простонародные жесты. По правде говоря, я вас не знаю, вы мне безразличны, и скорее не нравитесь, но еще больше мне не нравится наблюдать сцены повешения, вид дрыгающих ногами висельников меня сильно угнетает. Отсюда мои краснолюдские фривольности.

— Краснолюдским фривольностям вы обязаны жизнью, — сказал Геральт. — Вам стоило бы поблагодарить краснолюда. Я видел вас в деле, там, на крестьянском дворе, знаю, что вы за птицы. Пальцем бы не пошевелил в вашу защиту, такого представления, какое устроил господин краснолюд, сыграть не смог бы, даже если бы очень хотел. И вы бы уже висели, вся ваша тройка. Так что уходите отсюда. Я бы посоветовал: в направлении,

противоположном тому, которое выбрал вахмистр и его конница.

— Ничего из этого вы не получите, — отрезал он, увидев их взгляды, направленные на мечи, застрявшие в стропилах. — Без них вы будете менее склонны к грабегам и вымогательству. Вон!

— Было нервно, — вздохнул Аддарио Бах, едва за троницей закрылись двери. — Зараза, у меня руки до сих пор трясутся. У тебя нет?

— Нет. — Геральт улыбнулся своим воспоминаниям. — В этом отношении я... слегка заторможенный.

— Хорошо некоторым, — усмехнулся краснолюд. — Даже заторможенность идет на пользу. Еще по пиву?

— Нет, спасибо, — Геральт покачал головой. — Мне пора в дорогу. Я оказался, как бы сказать, в ситуации, в которой стоит поспешить. И неразумно слишком долго находиться на одном месте.

— Понимаю. И вопросов не задаю. Но знаешь что, ведьмак? Как-то у меня пропала охота сидеть, сложа руки, на этой станции и еще целых два дня ждать курьерку. Во-первых, эта скука меня прикончит. Во-вторых, эта мазелька, которая проиграла поединок с метлой, очень странно на меня посмотрела на прощание. Что ж, я в запале немного перестарался. Она, наверное, не из таких, кто безнаказанно позволяет шлепать себя по попе и называть шлюшкой. Думаю, она готова сюда вернуться, и я бы предпочел, чтобы меня в этот момент здесь не было. Поэтому, может, вместе двинемся в путь?

— С удовольствием, — Геральт снова улыбнулся. — С хорошим спутником в дороге не так тоскливо, это любой философ подтвердит. Тем более что направление у нас обоих совпадает. Мне нужно в Новиград. Я должен добраться туда до пятнадцатого июля. Обязательно до пятнадцатого.

Должен быть в Новиграде не позднее пятнадцатого июля. Он об этом упомянул, когда его нанимали чародеи, покупая две недели его времени. Никаких проблем, Пинети и Цара высокомерно посмотрели на него. Никаких проблем, ведьмак. Не успеешь оглянуться, как будешь в Новиграде. Телепортируем тебя прямо на улицу Главную.

— До пятнадцатого, ха, — взъерошил бороду краснолюд. — Сегодня девятое. Осталось не слишком много времени, путь неблизкий. Но есть способ добраться туда вовремя.

Он встал, снял с колышка и надел на голову остроконечную шляпу с широкими полями. Закинул за спину мешок.

— Объясню тебе все по пути. Нам по дороге, Геральт из Ривии. Потому что это направление мне подходит больше всего.

*

Они шагали бодро, может, даже слишком бодро. Аддарио Бах оказался типичным краснолюдом. Краснолюды, хотя и могли в случае необходимости или для удобства воспользоваться любым транспортным средством и любым животным, верховым, гужевым или вьючным, всегда предпочитали пешую ходьбу, были пешеходами по призванию. Краснолюд мог за день преодолеть пешком расстояние в тридцать миль, столько же, сколько человек на лошади, причем с поклажей, которую средний человек даже не поднимет. За краснолюдом без поклажи человек угнаться не в состоянии. И ведьмак тоже. Геральт об этом позабыл и через некоторое время был вынужден просить Аддарио идти немного помедленнее.

Шли лесными тропами, а иногда по бездорожью. Аддарио дорогу знал, прекрасно ориентировался на местности. В Цидарисе, объяснил он, живут его родственники, довольно многочисленные, поэтому он то и дело приезжает на праздники по случаю разных семейных событий: свадеб, рождения детей, похорон и поминок. Согласно краснолюдским обычаям, неявку на семейный праздник оправдывало исключительно наличие нотариально заверенного свидетельства о смерти, живые члены семьи увильнуть от посещения семейных

торжеств не могли. Поэтому маршрут в Цидарис и обратно Аддарио знал в совершенстве.

— Наша цель, — объяснял он на ходу, — деревня Ветреная, лежащая в пойме Понтара. В Ветреной есть пристань, туда часто приходят баркасы и корабли. Если немного повезет, нам подвернется какая-нибудь оказия, которой мы и воспользуемся. Мне надо в Третогор, поэтому я сойду в Журавлиной Куще, ты поплывешь дальше и будешь в Новиграде через какие-то три-четыре дня. Поверь, это самый быстрый способ.

— Верю. Помедленнее, Аддарио, пожалуйста. Я еле поспеваю. Ты занимаешься какой-нибудь работой, связанной с ходьбой? Может, разносишь товары по домам?

— Я шахтер. На медном руднике.

— Ну, конечно. Каждый краснолюд шахтер. И работает в шахте в Махакаме. Стоит с кайлом в забое, добывает руду.

— Ты следуешь стереотипам. Через минуту ты скажешь, что все краснолюды грязно выражаются. А немного погодя, что они бросаются на людей с топором.

— Я такого не скажу.

— Мой рудник не в Махакаме, а в Медянке под Третогором. Я не стою в забое и не добываю руду, а играю на валторне в горняцком духовом оркестре.

— Интересно.

— Интересно, — засмеялся краснолюд, — кое-что другое. Забавное совпадение. Один из коронных номеров в репертуаре нашего оркестра называется «Марш ведьмаков». Звучит он так: тара-рара, бум, бум, умта-умта, рим-цим-цим, папарара-тара-рара, та-ра-рара, бум-бум-бум...

— Откуда, черт возьми, вы взяли это название? Вы когда-нибудь видели марширующих ведьмаков? Где? Когда?

— По правде говоря, — Аддарио Бах немного смутился, — это только слегка переаранжированный «Парад силачей». Но все горняцкие духовые оркестры играют какой-нибудь «Парад силачей», «Выход атлетов» или «Марш старых товарищей». Мы хотели быть оригинальными. Та-ра-рара, бум, бум!

— Притормози, а то я испущу дух!

*

В лесу было совсем безлюдно. Иначе было на лесных лугах и полянах, куда они часто попадали. Там кипела работа. Косили сено, сгребали его граблями и складывали в копны и стога. Краснолюд приветствовал косарей веселыми окриками, а те кричали в ответ. Или не кричали.

— Это напомнило мне, — указал на работающих Аддарио, — еще один марш нашего оркестра. Он называется «Сенокос». Мы часто его играем, особенно в летний сезон. Еще и поем. У нас есть поэт на шахте, который хорошо рифмуется, так что можно даже петь *a capella*. Звучит так:

*Парни травы косят
Бабы сено носят
Вдруг на небо глядь:
Дождик, курва мать
На горе мы встанем
От дождя спасаем
Хуями махаем
Тучи разгоняем!*

— И *da capo* ! Помогает марш, правда?

— Помедленнее, Аддарио!

— Нельзя медленнее! Это маршевая песня! Маршевый ритм и размер!

*

На холме белели остатки стены, там же виднелись развалины здания и характерной башни.

Именно по башне Геральт распознал храм. Он не мог вспомнить, какому божеству тут молились, но слышал об этом всякое-разное. В старые времена здесь жили жрецы. Ходили слухи, что когда их алчность, дикий разврат и распущенность стало уже невозможно терпеть, местные жители выгнали жрецов и загнали их в лесную чащу, где, как прошел слух, они занялись обращением в свою веру лесных гномов. С таким же ничтожным результатом.

— Старый Эрем, — определил Аддарио. — Придерживаемся маршрута, и в хорошем темпе. Вечером будем в Боровой Запруде.

*

Ручей, по берегу которого они шли, вверху журчал на валунах и порогах, а внизу широко разливался, образуя большое озеро. Причиной тому была древесно-земляная плотина, перегораживающая русло. Возле плотины велись какие-то работы, суетилась группа людей.

— Вот мы и в Боровой Запруде, — сказал Аддарио. — Сооружение, которое ты видишь там, внизу, это и есть запруда. Ее используют для сплава леса с вырубки. Речка, как видишь, сама по себе не сплавная, слишком мелкая. Бревна сплавивают на воде, а потом открывают запруду. Подымается большая волна, которая несет плот. Таким способом транспортируют сырье для производства древесного угля. Древесный уголь...

— Необходим для выплавки железа, — закончил Геральт. — А металлургия является наиболее важной и быстро развивающейся отраслью. Я знаю. Совсем недавно мне это разъяснил один чародей. Который разбирается в угле и металлургии.

— Не удивительно, что разбирается, — фыркнул краснолюд, — Капитул чародеев имеет большую долю в компаниях, входящих в промышленный центр под Горс Веленом, а несколько плавильных и фабрик принадлежит ему полностью. Чародеи получают от металлургии большие прибыли. От других отраслей тоже. Может, и заслуженно, в конце концов, большинство технологий разработали они. Могли бы, однако, отбросить лицемерие и признать, что магия это не благотворительность, не филантропическое служение обществу, а предпринимательство, ориентированное на прибыль. Но зачем я это говорю, ты и сам это знаешь. Пойдем, там есть трактирчик, отдохнем. А может, придется там и заночевать, смеркается.

*

Трактиром это назвать было трудно, что и не удивительно. Там обслуживали лесорубов и сплавщиков из запруды, которым было безразлично, где пить, было бы что пить. Лачуга с дырявой соломенной крышей, поддерживаемой столбами, с несколькими столами и скамейками из небрежно оструганных досок, каменный очаг — большей роскоши местное сообщество не требовало и не ожидало, довольствуясь стоящими за перегородкой бочками, из которых хозяин цедил пиво, а иногда и колбасой, которую трактирщица, если у нее было желание и настроение, готова была за дополнительную плату обжарить на углях.

Геральт и Аддарио тоже не предъявляли особых претензий, поскольку пиво было свежим, из только что открытой бочки, и понадобилось совсем немного комплиментов, чтобы трактирщица приняла решение зажарить для них сковородку кровяной колбасы с луком. После целого дня ходьбы по лесам для Геральта эта кровяная колбаса не уступала телячьей голяшке с овощами, лопатке кабана, тюрбо в чернилах и другим шедеврам шеф-повара аустерии «Natura Regum». Хотя, по правде говоря, по аустерии он немного скучал.

— Интересно, — Аддарио жестом поманил трактирщика и заказал еще пива, — знаешь ли ты о судьбе того пророка?

Прежде чем сесть за стол, они осмотрели замшелый валун, стоявший рядом с вековым дубом. Выбитые на обросшей мхом поверхности монолита буквы сообщали, что в этом месте, в день праздника Бирке, в год 1133 *post Resurrectionem* Пророк Лебеда произнес проповедь своим ученикам, обелиск в память об этом событии установил в 1200 году Спиридон Аппс, мастер-галантерейщик из Ринды, магазин на Малом Рынке, высокое качество, доступные цены, добро пожаловать.

— Ты знаешь, — Аддарио выгреб из сковороды остаток кровяной колбасы, — историю этого Лебеда, которого называют пророком? Я говорю об истинной истории.

— Не знаю ни одной, — ведьмак вытер сковороду хлебом. — Ни истинной, ни вымышленной. Не интересовался.

— Тогда послушай. Дело было лет сто с лишним тому назад, кажется, вскоре после даты, выбитой на том валуне. Сейчас, как ты хорошо знаешь, драконы почти не встречаются, разве что где-то в диких горах, среди пустыни. В те времена они встречались чаще и сильно надоедали. Драконы поняли, что пасущееся стадо это отличная закусочная, где можно наесться досыта, причем без особых усилий. К счастью для кметов, даже огромный гад ограничивался одним, двумя пирами в квартал, но жрал столько, что представлял угрозу скотоводству, особенно когда привязывался к одной и той же местности. Однажды огромный дракон прицепился к одной деревне в Каэдвене. Прилетал, съедал несколько овец, две или три коровы, на десерт хватал немного карпов из прудов. Напоследок полыхал огнем, поджигал амбар или стог, а затем улетал.

Краснолюды отхлебнули пива, рыгнули.

— Кметы пытались напугать дракона, пробовали различные капканы и ловушки, все напрасно. Надо было случиться, что как раз в это время в расположенный неподалеку Бан Ард пришел со своими учениками тот самый Лебеда, уже в то время известный, прославившийся пророком и имевший массу последователей. Кметы попросили его о помощи, и он, на удивление, не отказал. Когда дракон вновь прилетел, Лебеда пришел на пастбище и начал его изгонять. Дракон сначала опалил его огнем, как утку. А потом проглотил. Просто проглотил. И улетел в горы.

— Это конец?

— Нет. Слушай дальше. Ученики пророка плакали, скорбели, а потом наняли охотников. Наших, то есть краснолюдов, знающих толк в драконах. Месяц они выслеживали дракона. Как обычно, следуя по кучам, которые гад наваливал. И ученики возле каждой кучи падали на колени и копались в ней, горько плача, выбирали оттуда останки своего учителя. Наконец, они собрали единое целое, а точнее то, что сочли единым, и что на самом деле было довольно беспорядочной коллекцией не очень чистых костей, человеческих, коровьих и бараньих. Все это теперь лежит в храмовом саркофаге, в Новиграде. Как чудесная реликвия.

— Признайся, Аддарио. Ты эту историю выдумал. Или сильно приукрасил.

— Отчего такие подозрения?

— Оттого, что я часто общаюсь с одним поэтом. И он, когда ему приходится выбирать между истинной версией события и версией привлекательной, всегда выбирает последнюю, которую потом еще дополнительно приукрашивает. Всяческие обвинения в этой связи он отвергает с помощью софизма: если что-то не соответствует истине, вовсе не обязательно, что это ложь.

— Я узнал поэта. Это Лютик, конечно. А история имеет право на существование.

— История, — усмехнулся ведьмак, — это реляция, в основном лживая, о событиях, в целом несущественных, оставленная нам историками, в основном идиотами.

— Узнаю и на этот раз автора цитаты, — усмехнулся Аддарио Бах. — Высогота из Корво, философ и этик. А также историк. Вернемся к пророку Лебеде... Что ж, история, как известно, это история. Но я слышал, что в Новиграде священники иногда вынимают мощи

пророка из саркофага и дают их целовать верующим. Если бы я оказался там, то от поцелуев бы, пожалуй, воздержался.

— Воздержусь, — пообещал Геральт. — Что касается Новиграда, раз уж об этом зашла речь...

— Не волнуйся, — перебил его краснолюд. — Успеешь. Встанем на рассвете, быстро доберемся до Ветреной. Найдем оказию, и будешь в Новиграде вовремя.

Надеюсь, думал ведьмак. Надеюсь.

* * *

Глава Четырнадцатая

Люди и твари принадлежат к разным видам, а лисы находятся между людьми и тварями. Мертвые и живые странствуют разными путями, пути лис лежат между ними. Божества и монстры идут по разным тропинкам, а лисы ходят между божествами и монстрами. Пути света и тьмы не соединяются и не пересекаются никогда — дух лисы караулит где-то посередине. Бессмертные и демоны ступают по собственным следам — дух лисы где-то между ними.

Цзи Юнь, ученый времен династии Цин

Ночью прошла гроза.

Выспавшись в сене на чердаке овина, они вышли с рассветом, прохладным, хоть и солнечным утром. Двигаясь по протоптанной тропинке, они прошли мимо грабов, через болотистый торфяник и влажные луга. После часа быстрой ходьбы добрались до построек.

— Ветреная, — показал Аддарио Бах. — Это та пристань, о которой я тебе говорил.

Они подошли к реке, их овеял бодрящий ветерок. Вышли на деревянную пристань. Река здесь образовала обширную заводь, большую, как озеро, почти не видно было течения, бегущего где-то дальше. С берега свешивались до воды ветви вербы, ивы и ольхи. Всюду плавало, издавая различные звуки, множество водоплавающих птиц: утки, чирки, шилохвости, гагары и поганки. Вписываясь в пейзаж и не пугая все это пернатое сборище, по воде грациозно скользил небольшой кораблик. Одномачтовый, с одним большим парусом сзади и несколькими треугольными впереди.

— Верно кто-то однажды сказал, — произнес Аддарио Бах, наблюдая эту картину. — Что существует три самых красивых зрелища в мире. Корабль под полными парусами, скачущий галопом конь и эта, ну... обнаженная женщина в постели.

— Женщина в танце, — улыбнулся ведьмак. — В танце, Аддарио.

— Пусть так, — согласился краснолюд, — обнаженная в танце. А этот кораблик, признай, он неплохо смотрится на воде.

— Это не кораблик, лишь небольшое судно.

— Это шлюп, — уточнил подошедший полноватый господин в лосином дублете. — Шлюп, господа. Что легко узнать по парусному вооружению. Большой гафельный грот, стаксель и два кливера на форштагах. Классика.

Суденышко, шлюп, подошло к пристани вплотную, так что они смогли рассмотреть носовую фигуру. Скульптура вместо привычной грудастой женщины, сирены, дракона или морского змея изображала лысого старца с крючковатым носом.

— Зараза, — пробормотал себе под нос Аддарио Бах, — увязался за нами этот пророк, что ли?

— Шестьдесят четыре фута длины, — продолжал объяснять невысокий господин, полным гордости голосом. — Общая площадь парусов три тысячи триста футов. Это, господа, «Пророк Лебеда», современный шлюп ковирского типа, построен на новиградской верфи, спущен на воду меньше года назад.

— Как видно, этот шлюп, — хмыкнул Аддарио Бах, — хорошо вам известен. Много о

нем знаете.

— Я знаю о нем все, потому что я являюсь его владельцем. Видите морской флаг на флагштоке? На нем изображение перчатки. Это эмблема моей компании. Разрешите представиться: я Кевенард ван Влит, предприниматель, кожевенные изделия высшего качества.

— Рад познакомиться, — краснолюд пожал протянутую ему руку, пристально рассматривая предпринимателя. — Я восхищаюсь кораблем, он такой красивый и быстрый. Просто удивительно встретить его здесь, в Ветреной, в заводи, вдали от основного понтарского фарватера. Удивительно также, что корабль на воде, а вы, владелец, на суше, в глуши. Не случилось ли чего-нибудь?

— О, нет, нет, никаких проблем, — предприниматель кожевенной отрасли, по мнению Геральта, ответил с излишней поспешностью и с излишней готовностью. — Пополняем запасы, не более того. А в глушь, так уж вышло, завели нас сложные обстоятельства. Потому что когда спешишь на спасение, не задумываешься о дороге. А наша экспедиция спасательная...

— Господин ван Влит, — подходя, прервал его человек, под шагами которого пристань сильно задрожала. — Не вдавайтесь в подробности. Не думаю, что господ они интересуют. Или должны интересоваться.

Личностей, которые вышли на пристань со стороны деревни, было пятеро. Того, кто говорил, в соломенной шляпе, отличала мощная, черная от многодневной щетины челюсть, и большой, выдающийся вперед подбородок. На подбородке была ложбинка, отчего он выглядел как миниатюрная задница. Его сопровождал огромный амбал, настоящий гигант, хотя, судя по лицу и глазам, вовсе не идиот. Третий, приземистый и обветренный, по всем признакам, в том числе и по шерстяной шапке и серьге в ухе, был моряком. Двое оставшихся, несомненно, матросы, несли ящики с провиантом.

— Не думаю, — продолжил человек с подбородком, — что эти люди, кто бы они ни были, должны что-либо знать о нас, о том, что мы тут делаем, и о других наших личных делах. Эти господа, конечно, понимают, что наши частные дела не касаются никого, а тем более случайно встреченных, совершенно неизвестных лиц.

— Может быть, не таких уж неизвестных, — вставил гигант. — Господина краснолюда я, правда, не знаю, но белые волосы уважаемого господина выдают, кто он такой. Геральт из Ривии, полагаю? Ведьмак? Я не ошибаюсь?

Я становлюсь популярным, подумал Геральт, скрестив руки на груди. Слишком популярным. Может, покрасить волосы? Или постричься налысо, как Харлан Цара?

— Ведьмак! — Кевенард ван Влит был заметно поражен. — Настоящий ведьмак! Какая удача! Господа! Это воистину дар небес!

— Знаменитый Геральт из Ривии! — повторил гигант. — Нам повезло, что мы встретились с ним, сейчас, в нашей ситуации. Он поможет нам выкарабкаться...

— Слишком много болтаешь, Коббин, — прервал его тот, что с подбородком. — Слишком быстро и слишком много.

— Будет вам, господин Фиш, — возмутился кожевенник. — Разве не видите, какая представилась возможность? Помощь кого-то вроде ведьмака...

— Господин ван Влит! Оставьте это мне. У меня больше опыта общения с такими, как этот.

Наступила тишина, в которой тип с подбородком мерил ведьмака взглядом.

— Геральт из Ривии, — сказал он, наконец. — Истребитель монстров и сверхъестественных существ. Истребитель, я бы сказал, легендарный. Я бы сказал так, если бы верил в легенды. И где же ваши знаменитые ведьмачьи мечи? Что-то я их не вижу.

— Неудивительно, — сказал Геральт, — что не видишь. Потому что они невидимы. Ты что, не слыхал легенд о ведьмачьих мечах? Посторонние не могут их видеть. Они появляются, когда я произношу заклинание. Когда возникнет необходимость. Если она возникнет. Потому что я и без мечей могу неплохо приложить.

— Верю на слово. Меня зовут Йавил Фиш. Держу в Новиграде компанию по оказанию различных услуг. Это мой напарник, Петру Коббин. А это Пудлорак, капитан «Пророка Лебеды». И известный уже вам уважаемый Кевенард ван Влит, владелец этого судна.

— Я вижу, ведьмак, — продолжил Йавил Фиш, оглядываясь, — что ты стоишь здесь, на пристани в единственном поселке в окрестности двадцати с лишним миль. Чтобы тебе выбраться отсюда в цивилизованные места, надо долго брести по лесам. Сдается мне, что ты был бы рад из этой глуши уплыть, поднявшись на что-то плавающее по воде. А «Пророк» как раз направляется в Новиград. И может взять на борт пассажиров. Тебя и твоего спутника краснолюда. Подходит?

— Продолжайте, господин Фиш. Слушаю вас внимательно.

— Наш кораблик, как видишь, это не какая-то речная лайба, за рейс надо платить, и недешево. Не перебивай. Не хотел бы ты взять нас под защиту своих невидимых мечей? Мы можем твои ценные ведьмачьи услуги, я имею в виду сопровождение и защиту во время рейса отсюда до самого новиградского рейда, учесть в цене за проезд. Во сколько ты, интересно, оцениваешь свои ведьмачьи услуги?

Геральт посмотрел на него.

— С расследованием или без?

— Что?

— В вашем предложении, — спокойно ответил Геральт — есть скрытые уловки и заговзки. Если мне придется отыскивать их, тогда посчитаю дороже. Будет дешевле, если я буду знать правду.

— Твое недоверие, — холодно ответил Фиш, — вызывает некие подозрения. Потому что обманщик всюду чувствует обман. Как говорится, на воре шапка горит. Мы хотим нанять тебя для сопровождения. Это довольно простая и лишенная сложности задача. Какие уловки могут скрываться в ней?

— Сопровождение это байка, — Геральт не опустил глаза. — Выдуманная на ходу и сшитая белыми нитками.

— Ты так полагаешь?

— Да, я так полагаю. Потому что сейчас господин перчаточник намекал на некую спасательную экспедицию, а ты, милсдарь Фиш, его резко заткнул. Минуту назад твой напарник говорил о ситуации, из которой вам нужно выкарабкаться. Так что, если мы будем работать вместе, то без всяких выкрутасов, пожалуйста: что это за экспедиция и кому вы спешите на помощь? Почему такая секретность? Из чего вы должны выкарабкаться?

— Мы это объясним, — опередил Фиша ван Влит. — Мы все объясним вам, господин ведьмак.

— Но на борту, — резко прервал его молчавший до этого капитан Пудлорак. — Хватит болтаться у пристани. Ветер попутный. Плыдем отсюда, господа.

*

Поймав ветер в паруса, «Пророк Лебеда» стремительно пошел по широко разлившимся водам залива, взяв курс на главный фарватер, лавируя между островками. Скрипели канаты, похрустывал гик, бодро трепетал на флагштоке флаг с перчаткой.

Кевенард ван Влит сдержал свое обещание. Как только шлюп отошел от пристани в Ветреной, он созвал заинтересованные стороны на носу судна и начал объяснения.

— Предпринятая нами экспедиция, — сказал он, то и дело шурясь на мрачного Фиша, — имеет целью освобождение похищенного ребенка. Химены де Сепульведа, единственной дочери Брианы де Сепульведа. Уверен, это имя прекрасно вам известно. Дубление мехов, мастерские по мокрой обработке и выделке, а также скорняжные работы. Огромный годовой объем производства, много денег. Если увидишь даму в красивой и дорогой шубе, можно с уверенностью сказать: этот мех от ее компании.

— И ее дочь была похищена. Ради выкупа?

— А вот и нет. Вы не поверите, но... Девочку похитило чудовище. Лисица. Я имею в виду, оборотень. Виксена.

— Вы правы, — холодно сказал ведьмак. — Не поверю. Лисы, или виксены, точнее агуары, похищают только детей эльфов.

— Сходится, сходится, до точки, — пробормотал Фиш. — Потому что, хоть это и неслышанно, самым большим меховым предприятием Новиграда управляет нелюдь. Бреинн Диарбхайль ап Муигх, чистокровная эльфка. Вдова Якуба де Сепульведы, которая унаследовала все имущество. Родственникам не удалось ни опротестовать завещание, ни добиться признания смешанного брака недействительным, хотя это противоречит обычаям и законам божьим...

— Ближе к делу, — прервал его Геральт. — Ближе к делу, пожалуйста. Итак, вы утверждаете, что эта меховщица, чистокровная эльфка, поручила вам отыскать ее похищенную дочь?

— Подловить нас хочешь? — поморщился Фиш. — На лжи хочешь поймать? Ты хорошо знаешь, что эльфы, если лисица крадет у них ребенка, никогда не пытаются его вернуть. Отрекаются от него и забывают о нем. Они считают, что он был предназначен лисице.

— Бриана де Сепульведа, — вставил слово Кевенард ван Влит, — тоже сначала притворялась. Горевала, но по-эльфски, тайно. Внешне как камень, глаза сухие... И все повторяла: *Va'esse deireadh aep eigeán, va'esse eighe faidh'ar*, что по-ихнему значит...

— Что-то кончается, что-то начинается.

— Точно. Но это не более, чем глупая эльфская болтовня, ничего не кончается, что и почему должно кончиться? Бриана с незапамятных времен живет среди людей, по нашим законам и обычаям, она нелюдь только по крови, а в сердце уже почти человек. Эльфские верования и суеверия сильны, конечно, Бриана может перед другими эльфами демонстрировать спокойствие, но втайне она тоскует по своей дочери, это очевидно. Она отдала бы все, чтобы вернуть единственное дитя, от лисицы или не от лисицы... Вы правы, господин ведьмак, она ни о чем не просила, не искала помощи. Несмотря на это мы решили помочь, не могли видеть ее отчаяние. Вся купеческая гильдия солидарно сбросилась и профинансировала экспедицию. Я предложил «Пророка» и мое собственное участие, так же поступил и купец Парлагги, с которым вы вскоре познакомитесь. Но поскольку мы деловые люди, а не искатели приключений, то обратились за помощью к достопочтенному Йавилу Фишу, который известен нам как человек умный и ловкий, не боящийся риска, побывавший в сложных ситуациях, прославленный своими знаниями и опытом...

— Прославленный своим опытом достопочтенный Фиш, — Геральт посмотрел на упомянутого, — не соизволил сообщить вам, что спасательная экспедиция не имеет смысла и заведомо обречена на провал. Я вижу здесь два объяснения. Первое: достопочтенный Фиш понятия не имеет, во что вас втянул. Второе, более вероятное: достопочтенный Фиш получил аванс, достаточно большой, чтобы немного поводить вас по дебрям и вернуться ни с чем.

— Слишком легко вы бросаетесь обвинениями! — Кевенард ван Влит жестом остановил Фиша, готового резко возразить. — И торопитесь предсказать провал. А мы, купцы, всегда мыслим позитивно...

— Похвальный образ мышления. Но в данном случае он не поможет.

— Почему же?

— Ребенка, которого похитила агуара, — спокойно объяснил Геральт, — нельзя возвратить. Это абсолютно невозможно. И дело даже не в том, что ребенка вы не найдете, потому что лисица ведет чрезвычайно скрытный образ жизни. И даже не в том, что агуара не позволит отобрать у себя ребенка, а это не тот противник, которым в схватке можно пренебрегать, как в лисьем, так и в человеческом обличье. Дело в том, что похищенный ребенок перестает быть ребенком. В похищенных лисицей девочках происходят изменения. Они сами превращаются в лисиц. Агуары не размножаются. Для продолжения рода они похищают детей эльфов и превращают в лисиц.

— Их лисий род, — смог, наконец, вставить свое слово Фиш, — должен исчезнуть. Должны исчезнут все эти оборотни. Лисицы, правда, людям редко докучают. Крадут только эльфских щенков и только эльфам вредят, что само по себе хорошо, потому что чем больше вреда нелюдям, тем больше пользы настоящим людям. Но лисица это монстр, а монстров следует искоренять, добиться, чтобы они исчезли, чтобы весь их род сгинул. Ты, собственно, этим и живешь, ведьмак, этому способствуешь. Потому и нас, надеюсь, не упрекнешь в том, что мы прикладываем силы к истреблению монстров. Но, мне кажется, все это напрасные рассусоливания. Ты хотел разъяснений — ты их получил. Ты уже знаешь, для чего тебя нанимают и против кого... От кого ты должен нас защищать.

— Ваши пояснения, — спокойно сказал Геральт, — мутные, не обижайтесь, как моча из больного мочевого пузыря. А благородная цель вашей экспедиции так же сомнительна, как невинность девушки наутро после деревенского праздника. Но это ваше дело. Мое дело объяснить вам, что единственный способ защититься от агуары это держаться от нее подальше. Господин ван Влит?

— Да?

— Возвращайтесь домой. Экспедиция бессмысленна, пора отдать себе в этом отчет и прекратить ее. Это все, что я могу вам посоветовать как ведьмак. Совет бесплатный.

— Но вы не высаживаетесь, правда? — пробормотал ван Влит, несколько побледнев. — Господин ведьмак? Вы останетесь с нами? И если что-то... Если что-то случится, вы будете нас защищать? Соглашайтесь... Во имя богов, соглашайтесь...

— Согласится, согласится, — фыркнул Фиш. — Поплывет с нами. Потому что кто же еще его из этой глуши вытащит? Не паникуйте, господин Ван Влит. Нечего бояться.

— Да уж, совсем нечего! — заорал предприниматель. — Доигрались! Втянули нас в интригу, а теперь героя из себя строите? Я хочу в целостности и сохранности доплыть до Новиграда! Мы нуждаемся в защите здесь и сейчас, пока мы в беде... Когда нам угрожает...

— Ничто нам не угрожает. Не пугайтесь, как баба. Идите в каюту, как ваш компаньон Парлаги. Напейтесь там вдвоем рому — сразу кураж к вам вернется.

Кевенард ван Влит покраснел, затем побледнел. Потом нашел взглядом Геральта.

— Довольно загадок, — сказал он решительно, но спокойно. — Время раскрыть правду. Господин ведьмак, эта молодая лисичка уже здесь, у нас. Она в ахтерпике. Господин Парлаги ее охраняет.

Геральт покачал головой.

— Я в это не верю. Отбили у агуары дочь меховщицы? Маленькую Химену?

Фиш сплюнул за борт. Ван Влит почесал затылок.

— Получилось иначе, — наконец пробормотал он. — По ошибке к нам попала другая... Тоже лисичка, но другая... И совершенно другой виксеной похищенная. Господин Фиш выкупил ее... У солдат, которые утащили девчонку у лисицы хитростью. Сначала мы думали, что это Химена, но изменившаяся... Но Химене было семь лет, и она была светленькая, этой же лет двенадцать, и она темненькая...

— Хотя это и не то, что надо, — опередил Фиш ведьмака, — но мы ее взяли. Зачем эльфскому отродью вырастать еще худшим монстром? А в Новиграде ее можно будет продать в зоопарк, в конце концов это уникам, дикарка, полу-лисица, в лесу у лисицы пряталась... Зоопарк за нее кучу денег отвалит...

Ведьмак повернулся к нему спиной.

— Господин капитан, правьте к берегу!

— Тихо, тихо, — зарычал Фиш. — Держи курс, Пудлорак. Не ты здесь командуешь, ведьмак.

— Господин ван Влит, — Геральт проигнорировал его, — я вызываю к вашему рассудку. Девочку следует немедленно освободить и посадить на берег. В противном случае вас ждет гибель. Агуара не откажется от ребенка. И наверняка пойдет по вашим следам. Единственный способ удержать ее от этого — вернуть девочку.

— Не слушайте его, — сказал Фиш. — Не дайте себя запугать. Мы плывем по реке,

широким плесом. Что нам может сделать какая-то лиса?

— И ведьмак у нас есть для защиты, — вставил шпильку Петру Коббин. — Вооруженный невидимыми мечами! Знаменитый Геральт из Ривии не сдрейфит перед лисицей!

— Не знаю, не знаю, — пробормотал кожевенник, переводя взгляд с Фиша на Геральта и Пудлорака. — Господин Геральт! В Новиграде я не пожалею награды для вас, заплачу за труды с лихвой... Если только вы нас защитите...

— Я согласен вас защищать, конечно. Единственным возможным способом. Капитан, к берегу.

— Не смей! — Фиш побледнел. — Ни шагу к ахтерпику, иначе пожалеешь! Коббин!

Петру Коббин хотел схватить Геральта за воротник, но не смог, потому что в дело вступил до той поры спокойный и молчаливый Аддарио Бах. Краснолюд мощно пнул Коббина в коленный сустав. Коббин рухнул на колени. Аддарио Бах подскочил к нему и с размаху двинул кулаком по почке, потом еще по голове. Гигант упал на палубу.

— Ну и что, что большой? — краснолюд обвел всех взглядом. — Только грохоту больше, когда падает.

Фиш держал руку на рукоятке ножа, но убрал ее, когда Аддарио Бах на него посмотрел. Ван Влит стоял с открытым ртом. Как и капитан Пудлорак с остальным экипажем. Петру Коббин застонал и оторвал голову от досок палубы.

— Лежи, где лежишь, — посоветовал ему краснолюд. — На меня не производит впечатление ни твоя туша, ни татуировка Стурефорса на ней. Мне доводилось огорчать здоровяков покрупнее тебя и завсегдатаев более суровых тюрем. Так что не пытайся встать. Действуй, Геральт.

— Если у вас возникли сомнения, — повернулся он к остальным, — то я и ведьмак только спасаем жизни всем вам. Господин капитан, к берегу. И лодку на воду.

Ведьмак спустился по ступенькам трапа, дернул одну, потом вторую дверцу. И обмер. Аддарио Бах за его спиной выругался. Фиш выругался тоже. Ван Влит застонал.

У лежащей на койке худой девочки были стеклянные глаза. Она была полуголой, от пояса и ниже полностью обнаженной, с непристойно растопыренными ногами. Шея была свернута неестественным образом. И еще более непристойным.

— Господин Парлаги... — выдавил из себя ван Влит. — Что вы... Что вы натворили?

Сидящий над девочкой лысый субъект смотрел на них. Он пошевелил головой так, будто он их не видит, словно пытаясь найти место, откуда доходит до него голос предпринимателя.

— Господин Парлаги!

— Кричала... — пробормотал субъект, трясая двойным подбородком и дыша алкоголем. — Она стала кричать...

— Господин Парлаги...

— Хотел успокоить... Я просто хотел ее успокоить.

— Вы ее убили, — проговорил Фиш. — Вы ее просто убили.

Ван Влит обхватил голову руками.

— И что теперь?

— Теперь, — популярно объяснил ему краснолюд, — нам полный пиздец.

*

— А я говорю: нет никаких оснований для беспокойства! — Фиш ударил кулаком по релингу. — Мы на реке, на плесе. Берега далеко. Если даже, что сомнительно, лисица пойдет по нашему следу, на воде нам ничего не угрожает.

— Господин ведьмак? — испуганно поднял взгляд ван Влит. — Что вы думаете?

— Агуара пойдет по нашему следу, — терпеливо повторил Геральт. — Сомнений в этом нет. Если что и сомнительно, то это познания господина Фиша, которого в связи с этим

я попросил бы хранить молчание. Дело обстоит следующим образом, господин ван Влит: если бы мы освободили молодую лисицу и оставили ее на земле, был бы шанс, что агуара нас простит. Но произошло, однако, то, что произошло. И теперь наше единственное спасение — бегство. Это чудо, что агуара не добралась до вас раньше, верно говорят, что дуракам везет. Но дальше искушать судьбу не стоит. Ставьте все паруса, капитан. Сколько их там у вас есть.

— Можно, — тихо заметил Пудлорак, — поставить даже марсель. Ветер способствует...

— Если только... — остановил его ван Влит. — Господин ведьмак? Вы беретесь защищать нас?

— Я буду честен, господин ван Влит. Я бы с удовольствием оставил вас. Вместе с этим Парлаги, при одной мысли о котором меня всего выворачивает наизнанку. Который там, внизу, упился вдрызг над трупом ребенка, которого убил.

— Я был бы тоже к этому склонен, — вставил, глядя вверх, Аддарио Бах. — Потому что, перефразируя слова господина Фиша о нелюдях: чем больше бед случится с идиотами, тем больше пользы для умных.

— Парлаги и вас я бы оставил на милость агуары. Но кодекс мне это запрещает. Ведьмачий кодекс не позволяет мне действовать по собственной воле. Мне нельзя оставлять того, кому угрожает смерть.

— Ведьмачье благородство! — Фыркнул Фиш. — Как будто никто не слышал о ваших подлостях! Но идею быстро удирать я поддерживаю. Ставь все тряпки, Пудлорак, выходи на фарватер и дуй, что есть силы!

Капитан отдал команды, матросы засуетились вокруг такелажа. Сам Пудлорак направился на нос. Подумав с минуту, Геральт и краснолюды присоединились к нему. Ван Влит, Фиш и Коббин переругивались на ахтердеке.

— Господин Пудлорак?

— Да.

— Откуда взялось название судна? И эта довольно необычная носовая фигура? Может, священники это как-то финансировали?

— Шлюп спущен на воду как «Мелюзина», — капитан пожал плечами. — С соответствующей названию и радующей глаз носовой фигурой. Потом изменили и то и другое. Одни полагали, что на самом деле имело место финансирование. Другие говорили, что новиградские священники то и дело обвиняли господина ван Влита в ереси и богохульстве, поэтому он захотел влезть к ним в... Захотел им понравиться.

«Пророк Лебеда» резал носом волны.

— Геральт?

— Что, Аддарио?

— Эта лисица... То есть агуара... Из того, что я слышал, она может изменять форму. Может явиться как женщина, но также может принять образ лисы. Так же как оборотень, что ли?

— Иначе. Волколаки, медведолаки, крысолаки и им подобные являются териантропами, людьми, способными превращаться в животное. Агуара — это антерион. Животное, а точнее, существо, способное принять облик человека.

— А ее способности? Я слышал невероятные истории... Агуара якобы способна...

— Я надеюсь, — прервал его ведьмак, — прибыть в Новиград до того, как агуара покажет нам, на что она способна.

— А если...

— Лучше, чтобы обошлось без если.

Налетел ветер. Захлопали паруса.

— Небо темнеет, — отметил Аддарио Бах. — И вроде вдалеке гром слышен.

Слух не обманул краснолюда. Прошло всего несколько секунд, и прогремело снова.

На этот раз услышали все.

— Шторм надвигается! — заорал Пудлорак. — На открытом плесе нас перевернет килем кверху! Надо убегать, спрятаться, заслониться от ветра! К парусам, ребята!

Он оттолкнул рулевого, сам встал за руль.

— Держитесь! Держитесь все!

Небо над правым берегом стал черно-синим. Налетел резкий вихрь, колыхнул лес на прибрежном склоне, затряс его. Кроны громадных деревьев закачались, почти наполовину сгибаясь под его напором. Пронеслись клубы из листьев и целых сучьев, даже крупных веток. Ослепительно блеснуло, и почти в тот же момент раздался оглушительный треск грома. За ним, почти сразу, ударил второй гром. И третий.

Спустя мгновение хлынул дождь, сопровождаемый нарастающим шумом. За стеной воды уже нельзя было разглядеть ничего. «Пророк Лебеда» качался и плясал на волнах, то и дело сильно накрываясь. Ко всему еще и затрещал. Геральту казалось, что трещит каждая доска. Каждая из них будто бы жила своей собственной жизнью и двигалась совершенно независимо от других. Возникало опасение, что шлюп попросту рассыплется. Ведьмак внушал себе, что это невозможно, что судно рассчитано на плавание в водах еще более бурных, что они все же на реке, а не в океане. Он повторял это себе, выплевывая воду и судорожно держась за линь.

Трудно оценить, сколько времени это длилось. Однако, вскоре качка прекратилась, порывы ветра утихли, а бушующий поток ливня ослаб, превратился в дождь, потом в морось. Теперь они смогли увидеть, что маневр Пудлорака удался. Капитан успел спрятать шлюп за высоким лесистым островом, где ветер доставал их меньше. Грозовая туча, похоже, удалялась, шторм отступил.

От воды поднимался туман.

*

С насквозь промокшей шапки Пудлорака текла вода, струясь по его лицу. Несмотря на это капитан шапки не снимал. Вероятно, он никогда ее не снимал.

— Что за наваждение! — он смахнул с носа каплю. — Куда нас загнало? Это какой-то рукав? Или старица? Вода почти стоячая...

— Однако нас несет, течение, — Фиш сплюнул в воду и посмотрел на плевков. На нем больше не было соломенной шляпы, должно быть, ее унес ветер.

— Течение слабое, но есть, — повторил он. — Мы в проливе между островами. Держи курс, Пудлорак. Должно же нас, в конце концов, вынести на фарватер.

— Фарватер, — капитан склонился над компасом, — видимо, в северном направлении. Значит нам нужно попасть в правый рукав. Не в левый, а в правый...

— Где ты видишь рукава? — спросил Фиш. — Есть один путь. Держи курс, говорю.

— Но ведь было два рукава, — настаивал Пудлорак. — Хотя, может быть, мне вода в глаза попала. Или этот туман. Ладно, пусть нас поток несет. Вот только...

— Что опять?

— Компас. Направление совсем не то... Нет, нет, порядок. Не разглядел. На стекло накалило с шапки. Плыдем.

— Плыдем.

Туман попеременно уплотнялся и редел, ветер полностью стих. Стало очень тепло.

— Вода, — отметил Пудлорак. — Не чувствуете? Как-то иначе воняет. Где мы?

Туман рассеялся, стали видны густо заросшие берега, усеянные сгнившими стволами деревьев. Место сосен, елей и тисов, растущих на островах, здесь занимали кустарниковые березы и высокие, конические у подножия, болотные кипарисы. Стволы кипариса оплетала вьющаяся лоза кампсисов, его яркие красные цветы были единственным, что оживляло гнило-зеленую болотную растительность. Вода была покрыта ряской и полна водорослей, так что «Пророк» раздвигал их носом и тащил за собой, словно шлейф. Вода была мутной и на самом деле источала неприятный, гнилостный запах, со дна поднимались большие

пузыри. Пудлорак по-прежнему оставался на руле.

— Здесь могут быть отмели, — вдруг забеспокоился он. — Эй! Один с лотом на нос!

Они плыли, увлекаемые слабым течением, по-прежнему среди болотного ландшафта. И гнилостной вони. Матрос на носу монотонно покрикивал, сообщая глубину.

— Господин ведьмак, — Пудлорак наклонился над компасом и постучал по стеклу. — Взгляните сюда.

— На что?

— Я думал, что у меня стекло запотело... Но если стрелка не сошла с ума, то мы плывем на восток. То есть мы возвращаемся. Туда, откуда пришли.

— Но это невозможно. Нас несет течение. Река...

Он замолк.

Над водой свешивалось огромное, частично выкорчеванное дерево. На одной из голых ветвей стояла женщина в длинном облегающем платье. Она стояла неподвижно, глядя на них.

— Правь, — тихо сказал ведьмак. — Правь, капитан. К другому берегу. Подальше от этого дерева.

Женщина исчезла. А по ветке проскользнул большой лис, мелькнул и исчез в зарослях. Животное казалось черным, белым был только конец пушистого хвоста.

— Нашла нас, — Аддарио Бах тоже ее заметил. — Лисица нас нашла...

— Какого черта...

— Молчите оба. Не сейте панику.

Они плыли. С сухих деревьев на берегах за ними наблюдали пеликаны.

* * *

Интерлюдия

Сто двадцать семь лет спустя

— Тама, за холмом, — показал плетью купец, — уж Ивало, девонька. Полстае, не больше, вмиг дойдешь. Я на раздорожье на восток до Марибора повертаю, прощаться, значит, придется. Бывай здорова, пусть тебя в пути боги ведут и хранят.

— И вас пусть хранят, добрый господин, — Нимуэ спрыгнула с фургона, забрала свой узелок и остальные вещи, после чего сделала неуклюжий книксен. — Спасибо большое, что взяли на телегу. Тогда, в лесу... Спасибо вам большое...

Нимуэ сглотнула слюну, вспомнив черный лес, вглубь которого ее привела дорога два дня назад. Вспомнив огромные, страшные деревья с перекрученными стволами, сплетенными навесом над пустой дорогой. Дорогой, на которой она вдруг оказалась как перст одна-одинешенька. Вспомнив охватившее ее в тот же момент ощущение угрозы. И желание повернуть назад и бежать. Возвращаться домой. Отбросив глупую мысль об одиноком путешествии в большой мир. Выбросив эту неуместную мысль из памяти.

— Брось, не за что благодарить, — засмеялся купец. — В пути помочь — это по-людски. Бывай!

— Бывайте! Счастливого пути!

Нимуэ постояла минуту на перекрестке, глядя на каменный столб, гладко отполированный дождями и ветрами. Давно здесь стоит, подумала она. Кто знает, может, больше ста лет? Может, этот столб помнит Год Кометы? Армии королей Севера, подступающие под Бренну, на битву с Нильфгаардом?

Как и прежде, повторила заученный наизусть маршрут. Как чародейскую формулу. Как заклинание.

Вырва, Гуадо, Сибелл, Бругге, Кастерфурт, Мортара, Ивало, Дорьян, Анхор, Горс Велен.

Городок Ивало уже издали давал о себе знать. Шумом и вонью.

Лес кончился у перекрестка, дальше, до самых первых построек, была только голая, щетинящаяся пнями вырубка, которая тянулась далеко, до самого горизонта. Отовсюду валил дым, здесь стояли рядами и коптили железные бочки, реторты для обжигания древесного угля. Пахло древесной смолой. Чем ближе был городок, тем больше нарастал шум, странный металлический лязг, от которого земля ощутимо дрожала под ногами.

Нимуэ вступила в городок и вздохнула от удивления. Источником шума и дрожания почвы была самая странная машина, которую ей когда-либо доводилось видеть. Большой пузатый медный котел с гигантским колесом, которое приводил в движение блестящий от смазки шатун. Машина шипела, дымила, брызгала кипятком и бухала паром, а в какой-то момент издала свист, свист настолько пронзительный и жуткий, что Нимуэ аж присела. Тем не менее, девушка быстро овладела собой, даже подошла ближе и с любопытством пригляделась к ремням, с помощью которых шкивы адской машины приводили в движение пилы лесопилки, режущие бревна в невероятном темпе. Понаблюдала бы еще, но уши разболелись от шума и визга пил.

Она перешла мостик, речка под ним была мутная и противно воняла, несла стружки, кору и сгустки пены.

Сам же городок Ивало, в который она, собственно, пришла, вонял, как один огромный сортир, в котором для полного счастья кто-то еще взялся жарить над огнем несвежее мясо. Нимуэ, которая последнюю неделю провела в лугах и лесах, начинало не хватать воздуха. Городок Ивало, которым заканчивался очередной этап пути, виделся ей местом отдыха. Теперь она знала, что не задержится здесь дольше, чем необходимо. И не сохранит Ивало в добрых воспоминаниях.

На базаре, как всегда, она продала лукошко грибов и лечебные коренья. Дело пошло быстро, Нимуэ уже имела навык, знала, на что есть спрос и к кому идти с товаром. Во время торга притворялась дурочкой, благодаря чему не имела проблем с продажей — торговки наперебой спешили одурачить растяпу. Зарабатывала мало, но быстро. А темп имел значение.

Единственным в округе источником чистой воды был колодец на тесной площади, и чтобы наполнить флягу, Нимуэ пришлось отстоять свое в длиннющей очереди. Приобретение провизии на дальнейшую дорогу пошло у нее лучше. Привлеченная запахом, девушка купила в лавке пару пирожков с начинкой, которая, однако, при близком рассмотрении показалась ей подозрительной. Она села рядом с лавкой молочника, чтобы съесть эти пирожки, пока они хоть немного еще годились в употребление не причиняя серьезного ущерба здоровью. Потому как было не похоже, что они долго пробудут в этом состоянии.

Напротив был трактир «Под Зеленой...», оторванная нижняя доска вывески делала название загадкой и интеллектуальным вызовом, спустя некоторое время Нимуэ полностью потерялась в попытках угадать, что же еще, кроме лягушки и салата может быть зеленым. Из задумчивости ее вырвала громкая дискуссия, которую на ступеньках корчмы вели ее завсегдатаи.

— «Пророк Лебеда», говорю вам, — убеждал один из них. — Тот бриг из легенды. Корабль-призрак, что более ста лет тому назад пропал вместе со всем экипажем. Который потом появлялся на реке, когда должно было случиться какое-нибудь несчастье. С привидениями на палубе появлялся, многие видели. Баяли, мол до тех пор призраком останется, пока остов не найдут. Ну и нашли в конце концов.

— Где?

— В Приустье, на старом русле реки, посреди болот, в самом сердце трясины, которую осушали. Весь был заросший болотной тиной. И мхом. Когда соскребли все эти водоросли и мох, показалась надпись «Пророк Лебеда».

— А сокровища? Сокровища нашли? Там же должны были быть сокровища в трюме. Нашли?

— Кто ж знает. Священники, говорят, остов забрали. Реликвия, значит.

— Вот дурачье, — фыркнул другой. — В сказки верите, как дети. Нашли какую-то старую лохань, а они уже — корабль-призрак, сокровища, реликвии. Чуть собачья все это, говорю вам, виршеплетские байки, глупые сплетни и бабская трепотня. Эй, ты там! Девчушка! А ты кто? Чья ты?

— Своя собственная, — Нимуэ уже научилась отвечать на подобные вопросы.

— Волосы откинь, ухо покажи! А то на эльфье отроде походишь! А мы тут эльфьих полукровок не привечаем!

— Оставьте меня, я же вам не мешаю. Я вскоре отправлюсь в дорогу.

— Ха! И куда же?

— В Дорьян, — Нимуэ также научилась сообщать как свою цель только очередной этап, и никогда-преникогда не открывать конечной цели путешествия, потому что это вызывало только буйную потеху.

— Хо-хо! Долгая дорога перед тобой!

— Потому сейчас же и ухожу. Только вам еще скажу, добрые господа, что никаких сокровищ «Пророк Лебеда» не вез, легенда ничего не говорит об этом. Корабль пропал и стал призраком, потому что был проклят, а его шкипер не послушал умного совета. Ведьмак, который там был, советовал повернуть назад, не вести корабль в ответвления реки, пока он не снимет проклятие. Я читала об этом...

— Молоко на губах не обсохло, — протянул первый завсегда, — а такая умная? Избу тебе мести, девка, за горшками глядеть и подштанники стирать, вот что. Нашлась грамотная, видали?

— Ведьмак! — прыснул третий. — Сказки, не что иное как сказки!

— Ежели ты такая шибко умная, — влез еще один, — то и о нашем Соичьем Лесе знаешь, наверно. Что, не знаешь? Так расскажем тебе: в Соичьем Лесу что-то злое спит. Но раз в пару лет просыпается, и беда тому, кто в то время через лес идет. А твой путь, ежели и правда в Дорьян направляешься, аккурат через Соичий Лес ведет.

— А там еще остался какой-то лес? Вы ведь все уже в округе вырубili, одни голые пни остались.

— Глядите, мудрила выискалась, соплячка охамевшая. Лес для того, чтобы его рубить, нет? Что срубили, то срубили, что осталось, то осталось. А в Соичий Лес и лесорубы боятся идти, такой там ужас. Сама увидишь, как туды войдешь. В трусея со страху уссышься!

— Тогда я уж лучше пойду.

Вырва, Гуадо, Сибелл, Бругге, Кастерфурт, Мортара, Ивало, Дорьян, Анхор, Горс Велен.

Я — Нимуэ вэрх Вледир аэп Гвин.

Я направляюсь в Горс Велен. В Аретузу, школу чародеек на острове Танедд.

* * *

Глава Пятнадцатая

Когда-то мы могли многое. Мы могли наводить иллюзии волшебных островов, показывать пляшущих в небе драконов тысячным толпам. Могли создавать видимость огромного войска, приближающегося к стенам города, и все горожане видели эту армию одинаково, вплоть до деталей экипировки и надписей на знаменах. Но это были великие, несравненные лисы древности, которые заплатили за свое чудотворство жизнью. А в целом наш род с тех пор сильно деградировал — наверно, из-за постоянной близости к людям.

Виктор Пелевин, Священная книга оборотня

— Ну и подлянку ты нам устроил, Пудлорак! — бесился Йавил Фиш. — В какую задницу ты нас затащил! Столько времени болтаемся по этим протокам! Я слышал об этих болотах, страшные вещи о них слышал! Здесь погибают люди и корабли! Где река? Где фарватер? Почему...

— Да заткнитесь, черт побери! — не выдержал капитан. — Где фарватер, где фарватер! В жопе, вот где! Очень умный? Пожалуйста, есть возможность блеснуть! Опять разветвление! Куда нам плыть, господин мудрец? Налево, куда течение несет? Или направо, может скажете?

Фиш фыркнул и отвернулся. Пудлорак стал крутить штурвал, направляя шлюп в левую протоку.

Матрос с лотом закричал. Через минуту еще громче закричал Кевенард ван Влит.

— От берега, Пудлорак! — заревел Петру Коббин. — Право на борт! Уходи от берега! Уходи от берега!

— Что там?

— Змеи! Ты что, не видишь? Змеееи!

Аддарио Бах выругался.

Левый берег кишел змеями. Гады извивались среди камышей и прибрежных водорослей, ползали по полузатопленным стволам, свешивались, шипя, с ветвей, нависших над водой. Геральт заметил щитомордника, гремучника, жарарака, бумсланга, дабойу, древесную гадюку, шумящую гадюку, ариету, черную мамбу и других, которых он не знал.

Весь экипаж «Пророка» в панике бежал с левого борта, вопя разными голосами. Кевенард ван Влит прибежал на корму, скорчился за спиной ведьмака, дрожа всем телом. Пудлорак повернул штурвал, шлюп стал менять курс. Геральт положил руку ему на плечо.

— Не надо, — сказал он. — Держи, как раньше. Не приближайся к правому берегу.

— Но змеи... — Пудлорак указал на ветку, к которой они приближались, всю увешанную шипящими гадами. — Упадут на палубу...

— Нет никаких змей! Держи курс. Подальше от правого берега.

Ванты грот-мачты зацепились за свисающую ветвь. Несколько змей обвилились вокруг канатов, несколько, в том числе две мамбы, упали на палубу. Подняв головы и шипя, они напали на людей, столпившихся у правого борта. Фиш и Коббин побежали на нос, матросы, крича, бросились на корму. Один прыгнул в воду и исчез в ней, прежде чем успел крикнуть. На поверхности за клубилась кровь.

— Жряк! — ведьмак указал на волны и удаляющийся темный силуэт. — В отличие от змей, настоящий.

— Ненавижу гадов... — заныл скорчившийся у борта Кевенард ван Влит. Я ненавижу змей...

— Нет никаких змей. И не было. Иллюзия.

Матросы кричали, протирая глаза. Змеи исчезли. Как с палубы, так и с берега. От змей не осталось и следа.

— Что это... — ахнул Петру Коббин. — Что это было?

— Иллюзия, — сказал Геральт. — Нас настигла агуара.

— То есть?

— Лисица. Создает иллюзии, чтобы нас запутать. Интересно, когда это началось. Гроза была, скорее всего, настоящей. Но было два рукава, капитан хорошо видел. Агуара спрятала один из них под иллюзией и исказила показания компаса. Создала еще и иллюзию змей.

— Ведьмачьи байки! — фыркнул Фиш. — Эльфы небылицы! Суеверия! С чего бы это у лисы были такие способности? Скрыла протоку, сбита компас? Показала змей там, где их нет? Вздор! А я вам говорю, что это от воды! Нас отравили испарения, ядовитые болотные газы и миазмы! Из-за них всякие бредовые видения...

— Это иллюзии, которые создает агуара.

— За дурачков нас держишь? — закричал Коббин. — Иллюзии? Какие иллюзии? Это

были самые настоящие змеи! Все их видели, разве нет? Шипение слышали? Я даже чувствовал, какая от них вонь!

— Это была иллюзия. Змеи были ненастоящими.

«Пророк» снова зацепился вантами за нависающие ветви.

— Это морок, да? — спросил один из матросов, протягивая руку. — Галлюцинация? Эта змея не настоящая?

— Нет! Стой!

Свисающая с ветки огромная ариета издала леденящее кровь шипение и молниеносно ударила, вонзив зубы в шею моряка раз, потом другой. Матрос пронзительно закричал, споткнулся, упал, задергался в судорогах, ритмично стуча затылком о палубу. На его губах выступила пена, из глаз начала сочиться кровь. Он умер быстрее, чем к нему успели подбежать.

Ведьмак накрыл тело парусиной.

— Черт подери, люди, — сказал он. — Будьте осторожны! Не все здесь мираж.

— Полундра! — крикнул впередсмотрящий. — Полундра! Перед нами водоворот! Водоворот!

Заводь снова разветвилась. Левый рукав, тот, в который их несло течение, кипел и бурлил в ужасном водовороте. Во вращающемся кольце поднималась пена, как в кипящем супе. В водяном вихре вертелись, появляясь и исчезая, бревна, ветви и даже одно целое дерево с развилистой кроной. Матрос с лотом убежал с носа, другие подняли крик. Пудлорак стоял спокойно. Повернув штурвал, направил шлюп в правое, спокойное русло.

— Уф, — он вытер лоб. — Вовремя! Худо было бы нам, если бы нас втянул этот водоворот. Ох, и покрутило бы нас.

— Водовороты! — закричал Коббин. — Жряки! Аллигаторы! Пиявки! Не надо никаких иллюзий, эти болота и так кишат ужасами: рептилиями, всякой ядовитой гадостью. Ужасно, ужасно, что мы здесь заблудились. Здесь без счета...

— Кораблей погибло, — закончил Аддарио Бах, указывая в сторону. — И это, пожалуй, чистая правда.

Прогнивший и разрушенный, погрузившийся до бортов, обросший водорослями, оплетенный лианами и мхом, торчал на правом берегу застрявший в болоте остов судна. Они наблюдали за ним, пока слабый поток не пронес «Пророка» мимо.

Пудлорак подтолкнул Геральта локтем.

— Господин Ведьмак, — тихо сказал он, — компас продолжает барахлить. Стрелка показывает, что мы изменили курс с восточного на южный. Если это не лисьи проделки, то плохо. Эти болота никто не исследовал, но известно, что они простираются к югу от фарватера. Значит нас несет в самую глубь болот.

— Но мы дрейфуем, — заметил Аддарио Бах. — Ветра нет, нас несет течение. Течение, связанное с рекой, с фарватером Понтара...

— Не обязательно, — Геральт покачал головой. — Я слышал об этих старицах. В них направление движения воды изменяется. В зависимости от прилива или отлива. И не забывайте об агуаре. Это также может быть иллюзией.

Берега по-прежнему плотно покрывали густые заросли болотного кипариса, появились также пузатые, разросшиеся снизу в форме луковицы болотные растения. Было много засохших, мертвых деревьев. С их безжизненных стволов и ветвей свисали густые гирлянды тилландсии, серебристо сверкающей на солнце. На ветвях затаились цапли, изучая проплывающего мимо «Пророка» неподвижными глазами.

Впередсмотрящий закричал.

На этот раз ее увидели все. Она опять стояла на свисающей над водой ветке, прямая и неподвижная. Пудлорак без понуждения повернул штурвал, направив шлюп к левому берегу. А лисица вдруг залаяла, громко и пронзительно. Залаяла снова, когда «Пророк» проплывал мимо.

По ветке промелькнул и скрылся в чаще огромный лис.

*

— Это было предупреждение, — сказал ведьмак, когда на борту утих галдеж. — Предупреждение и вызов. А скорее, требование.

— Чтобы мы освободили девочку, — рассудительно закончил Аддарио Бах. — Конечно. Но мы не можем отпустить ее, потому что она мертва.

Кевенард ван Влит застонал, сжимая виски. Мокрый, грязный и испуганный, он больше не напоминал купца, который может позволить себе владеть кораблем. Он напоминал мелкого воришку, пойманного на краже слив.

— Что делать? — простонал он. — Что делать?

— Я знаю, — вдруг заявил Йавил Фиш. — Привяжем мертвую девку к бочке, и за борт ее. Лисица задержится, чтобы оплакать щенка. Выиграем время.

— Стыдно, господин Фиш, — голос кожевенника вдруг стал жестким. — Не годится так поступать с прахом. Это не по-людски.

— А она что, человеком была? Эльфка, и к тому же наполовину животное. Говорю вам, бочка — это хорошая идея...

— Такая идея, — сказал Аддарио Бах, растягивая слова, — могла прийти в голову только полному идиоту. И принесла бы нам всем гибель. Если виксена поймет, что мы убили девочку — то же самое ждет и нас.

— Не мы убили щенка, — вмешался Петру Коббин прежде, чем малиновый от гнева Фиш успел отреагировать. — Не мы! Парлаги это учинил. Он виноват. Мы чисты.

— Правильно, — подтвердил Фиш, обращаясь не к ван Влиту и ведьмаку, а к Пудлораку и матросам. — Парлаги виновен. Пусть лисица ему и мстит. Посадим его в лодку вместе с трупиком и пусть плывут. А мы в это время...

Коббин и несколько матросов поддержали эту идею одобрительным криком, но Пудлорак тут же их осадил.

— Я не позволю это сделать, — сказал он.

— И я, — Кевенард ван Влит побледнел. — Господин Парлаги, может, и виновен, может и правда, что он заслуживает кары за содеянное. Но бросить его, отдать на смерть? Ни за что!

— Его смерть или наша! — заверещал Фиш. — Ну, что нам делать? Ведьмак! Защитишь нас, если лисица ворвется на борт?

— Защищу.

Настала тишина.

«Пророк Лебеда» дрейфовал среди зловонной, вздувающейся пузырями воды, волоча за собой косы из водорослей. С ветвей на них смотрели цапли и пеликаны.

*

Впередсмотрящий предупредил их криком. А через мгновение кричали все. Глядя на гнилой, заросший лианами и тиной остов судна. Тот самый, который они видели час назад.

— Мы плаваем по кругу, — подтвердил краснолюд. — Этот петля. Лисица поймала нас в ловушку.

— У нас есть только один выход, — Геральт указал на левую протоку и бурлящий в ней водоворот. — Проплыть сквозь это.

— Через этот гейзер? — проревел Фиш. — Совсем одурел? Да нас разорвет!

— Разорвет, — подтвердил Пудлорак. — Или перевернет. Или прижмет к болоту, окончим, как то судно. Смотрите, как эта заверть деревья разматает. Видно, страшная сила у этого водоворота.

— Конечно. Видно. Потому что это, скорее всего, иллюзия. Я думаю, что это очередная иллюзия агуары.

— Скорее всего? Ты ведьмак, и не можешь точно распознать?

— Более слабую иллюзию распознал бы точно. Эта необычайно сильная. Но мне кажется...

— Кажется. А если ты ошибаешься?

— У нас нет выбора, — рявкнул Пудлорак. — Или через водоворот, или будем плавать по кругу...

— До самой смерти, — добавил Аддарио Бах. — И притом весьма хреновой.

*

Вертящееся в водовороте дерево то и дело высовывало из воды ветви, будто растопыренные руки утопленника. Воронка бурлила, кипела, вздувалась и брызгала пеной. «Пророк» затрясся и резко дернулся, всосанный водоворотом. Несомое вихрем дерево с треском ударило в борт, брызнула пена. Шлюп начал раскачиваться и вращаться, все быстрее и быстрее.

Все кричали на разные голоса.

И вдруг все стихло. Вода успокоилась, разгладилась как стекло. «Пророк Лебеда» потихоньку дрейфовал среди заросших болотистых берегов.

— Ты оказался прав, Геральт, — Аддарио Бах откашлялся. — Это, однако, было иллюзией.

Пудлорак долго смотрел на ведьмака. Он молчал. Наконец снял шапку.

Череп, как оказалось, у него был лысым, как яйцо.

— Я перешел на речные суда, — прохрипел он, наконец, — потому что жена просила. На реке, говорила она, безопаснее. Безопаснее, чем на море. Не буду так беспокоиться, говорила она, всегда выплывешь.

Он снова надел шапку, покачал головой, сильнее сжал штурвал.

— Неужели это все? — занял под кокпитом Кевенард ван Влит. — Неужели мы в безопасности?

Никто не ответил на его вопрос.

*

Вода была густой от водорослей и ряски. Среди берегового древостоя начали существенно преобладать болотные кипарисы, из болот и прибрежного мелководья густо торчали их пневматофоры, дыхательные корни, некоторые высотой почти в сажень. На травянистых островках грелись черепахи. Квакали лягушки.

На этот раз они слышали ее раньше, чем увидели. Громкий, резкий лай, как скандируемая угроза или предупреждение. Она появилась на берегу в лисьем обличье на стволе поваленного засохшего дерева. Залаяла, высоко задирая голову. Геральт уловил в ее голосе странные нотки, понял, что кроме угрозы в нем был еще приказ. Но она приказывала не им.

Вода под деревьями вдруг вспенилась, из нее вынырнул монстр, огромный, весь покрытый зелено-коричневым узором выпуклых чешуек. Заклокотал, захлюпал, следуя команде лисицы поплыл, взбивая воду, прямо на «Пророка».

— Это тоже... — Аддарио Бах проглотил слюну. — Это тоже иллюзия?

— Не совсем, — возразил Геральт. — Это водяной! — крикнул он Пудлораку и морякам. — Она зачаровала и напустила на нас водяного! Багры! Беритесь за багры!

Водяной вынырнул уже рядом с кораблем, они увидели плоскую, поросшую водорослями голову, выпуклые рыбы глаза, конические зубы в большой пасти. Монстр яростно ударил в борт, раз, другой, «Пророк» весь аж задрожал. Когда прибежали с баграми, он сбегал, нырнул, чтобы через мгновение с плеском всплыть за кормой, рядом с пером руля. Которое он ухватил зубами и дернул так, что аж затрещало.

— Сорвет руль! — орал Пудлорак, пытаясь долбануть тварь багром. — Сорвет руль! Берите фал, поднимите перо! Отгоните падлу от руля!

Водяной грыз и вырывал руль, не обращая внимания на крики и удары баграми. Перо руля треснуло, в зубах твари остался кусок доски. То ли он решил, что этого достаточно, то ли заклинение лисицы утратило свою силу, но он нырнул и исчез.

С берега донесся лай агуары.

— Что еще? — закричал Пудлорак, размахивая руками. — Что она нам еще сделает? Господин ведьмак!

— Боги... — рыдал Кевенард ван Влит. — Простите, что я в вас не верил... Простите, что мы убили девочку! Боги, спасите нас!

Вдруг они почувствовали на лицах резкий порыв ветра. Печально висящий до этого гафель «Пророка» захлопал, гик заскрипел.

— Становится просторнее! — крикнул с носа Фиш. — Там, там! Широкий плес, не иначе, река! Плыви туда, капитан! Туда!

Протока начала расширяться, за зеленой стеной тростника замаячило что-то вроде плеса.

— Удалось! — воскликнул Коббин. — Ха! Мы победили! Вырвались из болот.

— Первая отметка! — крикнул матрос с лотом. — Первааая отметка!

— Руль на борт! — зарычал Пудлорак, оттолкнув рулевого и сам выполняя собственную команду. — Мель!

«Пророк Лебеда» повернулся носом в сторону щетинившейся пневматофорами протоки.

— Куда! — заорал Фиш. — Ты что делаешь? На плес плыви! Туда! Туда!

— Нельзя! Там отмель! Застрянем! Доплывем до плеса протокой, здесь глубже!

Они снова услышали лай агуары. Но не увидели ее.

Аддарио Бах дернул Геральта за рукав.

С трапа ахтерпика появился Петру Коббин, волоча за воротник едва держащегося на ногах Парлаги. Идущий за ним моряк нес девочку, завернутую в плащ. Остальные четыре матроса стеной встали перед ведьмаком. Они держали топоры, остроги, железные крюки.

— Значит так, уважаемый! — прохрипел высокий. — Мы хотим жить. Пора что-то сделать, наконец.

— Оставьте ребенка, — процедил Геральт. — Отпусти купца, Коббин.

— Нет, господин, — покачал головой моряк. — Трупик с купчиком пойдут за борт, — это задержит монстра. Тогда мы успеем убежать.

— Вы только, — прохрипел второй, — не вмешивайтесь. Мы к вам ничего не имеем, но не пытайтесь встать у нас на пути. Потому что тогда вам плохо придется.

Кевенард ван Влит скорчился у борта, зарыдал, отвернувшись. Пудлорак также покорно отвел взгляд, сжал губы, было очевидно, что он не реагирует на бунт своего экипажа.

— Верно, это разумно, — Петру Коббин подтолкнул Парлаги. — Купца и дохлую лисицу за борт, единственное для нас спасение. В сторону, ведьмак! Давайте, ребята! В лодку с ними.

— В какую лодку? — тихо спросил Аддарио Бах. — Может, в ту?

Уже довольно далеко от «Пророка», согнувшись на скамье лодки, греб Йавил Фиш, направляясь к плесу. Греб быстро, лопасти весел разбрызгивали воду, разрывали водоросли.

— Фиш! — заорал Коббин. — Ты ублюдок! Ты курвин сын гребаный!

Фиш обернулся, согнул руку в локте и показал им хер, потом снова взялся за весла.

Но не уплыл далеко.

На глазах экипажа «Пророка» лодка вдруг подскочила кверху в фонтане воды, все увидели молотящий по воде хвост и ощетинившуюся зубами пасть огромного крокодила. Фиш полетел за борт, поплыл, вопя, в сторону берега, к зеленым кронам кипарисовой отмели. Крокодил преследовал его, но частокол пневматофоров замедлил преследование.

Фиш подплыл к берегу, рухнул грудью на лежащий там валун. Но это был не валун.

Гигантская каймановая черепаха разинула пасть и ухватила Фиша за руку повыше локтя. Фиш завыл, заметался, задергался, разбрызгивая трясину. Крокодил вынырнул и схватил его за ногу. Фиш взревел.

Какое-то мгновение было непонятно, какая из рептилий завладеет Фишем: черепаха или крокодил. Но, в конце концов, обоим что-то досталось. В челюстях черепахи осталась рука с торчащей из кровавого месива белой костью. Остальную часть Фиша забрал крокодил. На грязной поверхности осталось большое красное пятно.

Геральт использовал остолбенение экипажа. Он забрал из рук матроса мертвую девочку и вернулся на нос. Аддарио Бах встал возле него, вооруженный багром.

Но ни Коббин, ни кто-либо из моряков не пытались препятствовать им. Напротив, все поспешно отступили на корму. Поспешно. Если не сказать, в панике. Их лица вдруг покрылись смертельной бледностью. Скорчившийся у борта Кевенард ван Влит рыдал, спрятав голову между колен и обхватив ее руками.

Геральт оглянулся.

То ли Пудлорак зазевался, то ли руль, поврежденный водяным, не слушался, но шлюп вплыл прямо под нависающие ветви и уткнулся в стволы поваленных деревьев. Она этим воспользовалась. Вскочила на нос, ловко, мягко и бесшумно. В облике лисицы. Раньше, когда он видел ее на фоне неба, она казалась черной, иссиня-черной. Она была не такой. мех был темным, а кончик хвоста белоснежным, но в оттенках меха, особенно на голове, преобладал серый, скорее присущий корсакам, чем черно-бурым лисам.

Она изменилась, выросла, превратилась в высокую женщину. С лисьей головой. С острыми ушами и удлиненной мордой. В пасти, когда она была открыта, поблескивал ряд клыков.

Геральт наклонился, опустил тело девочки на палубу, сделал шаг назад. Агуара пронзительно взвыла, зацелкала зубами, подошла к нему. Парлаги закричал, отчаянно замахал руками, вырвался от Коббина и выпрыгнул за борт. Он сразу же пошел ко дну.

Ван Влит плакал. Коббин и моряки, все еще бледные, столпились вокруг Пудлорака. Пудлорак снял шапку.

Медальон на шее ведьмака сильно дергался, вибрировал, дрожал. Агуара склонилась над девочкой, издавая странные звуки, то ли бормотание, то ли шипение. Вдруг она подняла голову, оскалила клыки. Глухо зарычала, в ее глазах загорелся огонь. Геральт не пошевелился.

— Мы виноваты, — сказал он. — Вышло очень скверно. Но пусть не станет еще хуже. Я не могу позволить тебе причинить вред этим людям. Я этого не допущу.

Лисица встала, подняв девочку. Окинула взглядом всех. Потом посмотрела на Геральта.

— Ты встал на моем пути, — сказала она лающим голосом, но выразительно, медленно выговаривая каждое слово. — Защищая их.

Он не ответил.

— У меня на руках дочь, — закончила она. — Это важнее, чем ваши жизни. Но ты встал на их защиту, беловолосый. Я еще приду за тобой. Когда-нибудь. Когда ты уже забудешь. И не будешь ждать.

Она проворно вскочила на фальшборт, а оттуда на поваленное дерево. И исчезла в зарослях.

В наступившей тишине слышны были только всхлипывания ван Влита.

Ветер утих, стало душно. Подталкиваемый течением «Пророк Лебеда», выбравшись из ветвей, дрейфовал посреди протоки. Пудлорак вытер шапкой глаза и лоб.

Раздался крик впередсмотрящего. Закричал и Коббин. Закричали остальные.

За зарослями тростника и дикого риса вдруг появились соломенные крыши домиков. Все увидели сохнувшие на шестах сети. Желтый песочек пляжа. Пристань. А дальше, за деревьями на мысе, широкое течение реки под голубым небом.

— Река! Река! Наконец-то!

Кричали все. Матросы, Петру Коббин, ван Влит. Только Геральт и Аддарио Бах не присоединились к хору.

Молчал также Пудлорак, удерживая штурвал.

— Ты что делаешь? — заорал Коббин. — Куда? К реке правь! Туда! К реке!

— Не получается, — в голосе капитана звучало отчаяние и бессилие. — Штиль, судно почти не слушается руля, а течение становится сильнее. Дрейфуем, тащит нас, снова несет в протоки. Обратно в болото.

— Нет!

Коббин выругался. И выпрыгнул за борт. Поплыл к берегу.

Вслед за ними попрыгали в воду моряки, все, Геральт не смог никого остановить. Аддарио Бах сильным захватом удержал на месте готового прыгнуть ван Влита.

— Голубое небо, — сказал он. — Золотой песчаный пляж. Река. Слишком красиво, чтобы было правдой. Значит, это неправда.

И вдруг картина замерцала. Внезапно там, где только что были рыбацкие домики, золотой пляж и русло реки за мысом, ведьмак на секунду увидел паутину лиан, до самой воды свисающую с ветвей мертвых деревьев. Болотистые берега, оцетинившиеся пневмофорами кипарисов. Черную, вздувающуюся пузырями топь. Море водорослей. Бесконечный лабиринт протоков.

На секунду он увидел то, что скрывала прощальная иллюзия агуары.

Плывущие вдруг начали кричать и суетиться в воде. И один за другим исчезать в ней.

Петру Коббин вынырнул, захлебываясь и крича, весь покрытый извивающимися, полосатыми, толстыми, как угри, пиявками. Потом он скрылся под водой и больше не появился.

— Геральт!

Аддарио Бах притянул багром лодку, которая пережила столкновение с крокодилом. А теперь придрейфовала к борту. Краснолюд прыгнул в нее, принял от Геральта все еще оцепеневшего ван Влита.

— Капитан!

Пудлорак помахал им шапкой.

— Нет, господин ведьмак! Я не брошу судно, доведу его до порта, несмотря ни на что! А если нет, вместе с судном на дно лягу! Прощайте!

«Пророк Лебеда» дрейфовал спокойно и величественно, вошел в протоку и скрылся в ней.

Аддарио Бах поплевал в ладони и, сгорбившись, взялся за весла. Лодка стремительно двинулась вперед.

— Куда?

— На тот плес, за отмель. Там река. Я уверен. Выплывем на фарватер, встретим какой-нибудь корабль. А если нет, то на этой лодке поплывем хоть до самого Новиграда.

— Пудлорак...

— Он справится. Если ему так на роду написано.

Кевенард ван Влит хныкал. Аддарио греб. Небо потемнело. Они услышали далекий, протяжный гром.

— Гроза идет, — сказал краснолюд. — Промокнем, дерьмо дело.

Геральт фыркнул. А потом начал смеяться. От всей души, искренне. И заразительно. Потому что через мгновение они смеялись оба.

Аддарио греб сильными, ровными рывками. Лодка мчалась по воде как стрела.

— Гребешь, — сказал Геральт, вытирая выступившие от смеха слезы, — как если бы ты в жизни ничем другим не занимался. Я думал, что краснолюды понятия не имеют ни о парусах, ни о плавании.

— Поддаешься стереотипам.

Интерлюдия

Четыре дня спустя

Аукционный дом братьев Борсодов находился на площади возле улицы Главной — фактически главной магистрали Новиграда, соединяющей рынок с Храмом Вечного Огня. Братья в начале своей карьеры торговали лошадьми и овцами, тогда у них был только сарай в предместье. После сорока двух лет с момента основания аукционный дом занимал впечатляющее трехэтажное здание в самом престижном районе города. Дело по-прежнему оставалось в руках семьи, но предметами аукциона стали уже драгоценные камни, в основном бриллианты, а также произведения искусства, антиквариат и предметы коллекционирования. Аукционы проводились один раз в квартал, непременно по пятницам.

Нынче зал аукциона был заполнен почти до отказа. Присутствовала, по оценке Антеи Деррис, добрая сотня людей.

Шум и говор утихли. Место за столом занял аукционист Абнер де Наваретт.

Абнер де Наваретт, как обычно, выглядел прекрасно в черном бархатном кафтане и золотом парчовом жилете. Благородству его внешности и физиономии могли позавидовать принцы, а осанке и манерам — аристократы. Ни для кого не было секретом, что Абнер де Наваретт действительно был аристократом, изгнанным из семьи за пьянство, распутство и разврат. Если бы не семья Борсодов, Абнер де Наваретт был бы вынужден просить милостыню. Но Борсодам был нужен аукционист с внешностью аристократа. И ни один из кандидатов не мог в этом отношении сравниться с Абнером де Навареттом.

— Добрый вечер, дамы, добрый вечер, господа, — произнес аукционист голосом таким же бархатным, как его кафтан. — Приветствуем вас в Доме Борсодов на ежеквартальном аукционе произведений искусства и антиквариата. Предметом торгов является коллекция, с которой вы изволили ознакомиться в нашей галерее, и которая представляет собой собрание уникальных предметов, исключительно от частных владельцев.

— Подавляющее большинство присутствующих, смею утверждать, это наши постоянные гости и клиенты, которые знакомы с правилами нашего Дома и действующими во время аукциона условиями. Всем присутствующим при входе были вручены буклеты с правилами. Поэтому я считаю, что все проинформированы о наших порядках и о последствиях их нарушения. Итак, давайте начнем без промедления.

— Лот номер один: статуэтка нефритовая, групповая, изображающая нимфу... хм... с тремя фавнами. Сделана, по данным наших экспертов, гномами, возраст около ста лет. Начальная цена двести крон. Я вижу двести пятьдесят. Это все? Кто-нибудь предложит больше? Нет? Продано господину с номером тридцать шесть.

Работавшие за соседним столом два клерка тщательно записывали результаты продажи.

— Лот номер два: «*Aen Nog Mab Taedh'morc*», сборник эльфьих сказок и поэтических притч. Богато иллюстрирован. Состояние идеальное. Начальная цена пятьсот крон. Пятьсот пятьдесят, господин купец Хофмайер. Господин советник Дрофусс, шестьсот. Господин Хофмайер, шестьсот пятьдесят. И это все? Продан за шестьсот пятьдесят крон господину Хофмайеру из Хирунда.

— Лот номер три: прибор из слоновой кости, в форме... хм... округлой и продолговатой, служащий... хм... вероятно, для массажа. Происхождение заморское, возраст неизвестен. Стартовая цена сто крон. Я вижу сто пятьдесят. Двести, дама в маске, с номером сорок три. Двести пятьдесят, дама в вуали, с номером восемь. Никто не даст больше? Триста, госпожа аптекарша Форштеркранц. Триста пятьдесят! Никто из дам не даст больше? Продано за триста пятьдесят крон даме с номером сорок три.

— Лот номер четыре: «*Antidotarius magnus*», уникальный медицинский трактат, опубликованный университетом в Кастель Граупиане в начале основания академии.

Начальная цена восемьсот крон. Я вижу восемьсот пятьдесят. Девятьсот, доктор Онезорг. Тысяча, уважаемая Марти Содергрэн. И это все? Продано за тысячу крон почтенной госпоже Содергрэн.

— Лот номер пять: «*Liber de naturis bestiarum*», белый ворон, переплет из буковых дощечек, богато иллюстрирована...

— Лот номер шесть: «Девочка с котенком», портрет *en trois quarts*, холст, масло, цинтрийская школа. Стартовая цена...

— Лот номер семь: колокольчик с ручкой, латунь, краснолюдская работа, возраст находки трудно оценить, но вещь, безусловно, древняя. На окаймлении надпись краснолюдскими рунами, гласящая: «Ты чего, придурок, звонишь». Запрашиваемая цена...

— Лот номер восемь: холст, масло и темпера, художник неизвестен. Шедевр. Прошу обратить внимание на необычную цветовую гамму, игру оттенков и динамику светотеней. Атмосфера полумрака и благородный колорит величественно переданной лесной природы. А в центральной части, в таинственных световых бликах, обратите внимание, главная фигура произведения: олень во время гона. Начальная цена...

— Лот номер девять: «*Ymago mundi*», также известная под названием «*Mundus nouus*». Книга необычайно редкая, в собрании оксенфуртского университета всего один экземпляр, несколько экземпляров имеются в частных руках. Переплет из золоченной козлиной кожи. Идеальное состояние. Начальная цена тысяча пятьсот крон. Уважаемый Вимме Вивальди, тысяча шестьсот. Преподобный капеллан Прохазка, тысяча шестьсот пятьдесят. Тысяча семьсот, дама в конце зала. Тысяча восемьсот, господин Вивальди. Тысяча восемьсот пятьдесят, преподобный Прохазка. Тысяча девятьсот пятьдесят, господин Вивальди. Две тысячи крон, браво, преподобный Прохазка. Две тысячи сто, господин Вивальди. Кто даст больше?

— Это безбожная книга, содержит еретические измышления! Она должна быть сожжена! Я хочу купить ее, чтобы сжечь! Две тысячи двести крон!

— Две тысячи пятьсот! — гаркнул Вимме Вивальди, поглаживая белую ухоженную бороду. — Дашь больше, благочестивый кочегар?

— Возмутительно! Денежный мешок здесь торжествует над праведностью! Язычников краснолюдов здесь ставят выше, чем людей! Я буду жаловаться властям!

— Книга продана за две тысячи пятьсот крон господину Вивальди, — спокойно объявил Абнер де Наваретт. — А преподобному Прохазке напоминаю о действующих в Доме Борсодов правилах и порядках.

— Я ухожу!

— Прощайте. Приношу свои извинения. Уникальность и богатство предложений Дома Борсодов вызывает иногда эмоции. Продолжаем. Лот номер десять: абсолютно уникальная, невероятная находка, два ведьмачьих меча. Дом решил предложить их не по отдельности, а в комплекте, как дань уважения ведьмаку, которому они некогда служили. Первый меч из стали, полученной из метеорита. Клинок выкован и заточен в Махакаме, подлинность краснолюдского клейма подтверждена нашими специалистами.

— Второй меч, серебряный. На рукояти и по всей длине лезвия руны и символы, доказывающие оригинальность. Начальная цена тысяча крон за комплект. Тысяча пятьдесят, господин с номером семнадцать. И это все? Никто не даст больше? За такие раритеты?

— Это говно, а не деньги, — пробормотал сидящий в последнем ряду Никефор Муус, магистратский чиновник, то нервно сжимая в кулаки пальцы с пятнами от чернил, то оглаживая ими поредевшие волосы, — Я знал, что не стоило...

Антея Деррис шипением заставила его умолкнуть.

— Тысяча сто, господин граф Хорват. Тысяча двести, господин с номером семнадцать. Тысяча пятьсот, уважаемый Нино Чيانфанелли. Тысяча шестьсот, господин в маске. Тысяча семьсот, господин с номером семнадцать. Тысяча восемьсот, господин граф Хорват. Две тысячи, господин в маске. Две тысячи сто, уважаемый Чيانфанелли. Две тысячи двести, господин в маске. Это все? Две тысячи пятьсот, уважаемый Чيانфанелли... Господин с

номером семнадцать...

Господина с номером семнадцать внезапно схватили под руки два здоровяка, которые незаметно вошли в зал.

— Хероза Фуэрте, по прозвищу Шампур, — протянул третий здоровяк, ткнув схваченного палкой в грудь. — Преследуемый законом наемный убийца. Ты арестован. Увести.

— Три тысячи! — заорал Хероза Фуэрте, по прозвищу Шампур, размахивая табличкой с номером семнадцать, которую по-прежнему держал в руке. — Три... тысячи...

— Мне очень жаль, — холодно сообщил Абнер де Наваретт. — Правила. Арест участника аукциона отменяет его предложение. Вы предложили две тысячи пятьсот, уважаемый Чианфанелли. Кто больше? Две тысячи шестьсот, граф Хорват. И это все? Две тысячи семьсот, господин в маске. Три тысячи, уважаемый Чианфанелли. Я не вижу никаких других предложений...

— Четыре тысячи.

— А, уважаемый Мольнар Джианкарди. Bravo, bravo. Четыре тысячи крон. Может, кто-нибудь даст больше?

— Я хотел купить для сына, — рявкнул Нино Чианфанелли. — А у тебя одни только дочери, Мольнар. Зачем тебе эти мечи? Эх, ладно уж. Уступаю.

— Мечи проданы, — сообщил де Наваретт, — уважаемому господину Мольнару Джианкарди за четыре тысячи крон. Мы продолжаем, уважаемые дамы, уважаемые господа. Лот номер одиннадцать: плащ из обезьяньего меха...

Никефор Муус, радостный и скалящийся, как бобер, хлопнул Антею Деррис по плечу. Сильно. Антея огромным усилием воли воздержалась от того, чтобы дать ему в морду.

— Уходим, — прошипела она.

— А деньги?

— После окончания аукциона и завершения формальностей. Это займет время.

Игнорируя ворчание Мууса, Антея направилась к двери. Она ощутила чей-то взгляд, посланный украдкой. Женщина. Черноволосая. Одета в черное и белое. С обсидиановой звездой на шее.

Почувствовала дрожь.

*

Антея была права. Формальности потребовали времени. Только через два дня можно было отправиться в банк. В филиал одного из краснолюдских банков, пахнувший, как и все банки, деньгами, воском и резными панелями из красного дерева.

— Сумма выплаты три тысячи триста тридцать шесть крон, — сказал клерк. — После взимания комиссии банка в размере одного процента.

— Борсодам пятнадцать, банку один, — проворчал Никефор Муус. — За все проценты! Вор на воре! Гони деньги!

— Одну минуту, — остановила его Антея. — Сначала урегулируем наши дела, твое и мое. Комиссионные положены и мне. Четыреста крон.

— Но, но! — зарычал Муус, привлекая внимание других клерков и клиентов банка. — Какие четыреста? От Борсодов я получил только три тысячи с мелочью...

— Согласно договору мне полагаются десять процентов от итога аукциона. Расходы — это твое дело. И только твои проблемы.

— Что ты мне тут...

Антея Деррис глянула на него. Этого было достаточно. Между Антеей и ее отцом не было большого сходства. Но посмотреть Антея умела в точности так же, как ее отец. Как Пирал Пратт. Муус сжался под ее взглядом.

— Из суммы, подлежащей выплате, — дала она клерку указание, — прошу выдать банковский чек на четыреста крон. Я знаю, что банк взимает комиссионные, я с ними

согласна.

— А мои деньги наличными! — чиновник магистрата указал на большой кожаный ранец, который притащил с собой. — Я возьму их домой и хорошо спрячу! Ни один воровской банк не сдерет с меня никакой комиссии!

— Это значительная сумма, — клерк встал. — Пожалуйста, подождите.

Выходя из конторки, клерк только на мгновение приоткрыл дверь в заднюю комнату, но Антея готова была поклясться, что в это мгновение она увидела черноволосую женщину, одетую в черное и белое.

Почувствовала дрожь.

*

— Спасибо, Мольнар, — сказала Йеннифэр. — Я не забуду эту услугу.

— За что спасибо? — Мольнар Джианкарди улыбнулся. — Что я такого сделал, какая там услуга? То, что купил на аукционе указанный мне лот? Заплатив деньгами с твоего личного счета? Или, может быть, что отвернулся, когда ты минуту назад произносила заклинание? Я отвернулся, чтобы посмотреть через окно на ту посредницу, когда она уходила, изящно покачивая тем и этим. Дамочка в моем вкусе, не скрою, хотя человеческими женщинами не увлекаюсь. Твое заклинание ей тоже... умножит проблемы?

— Нет, — ответила чародейка. — С ней ничего не случится. Она взяла чек, а не золото.

— Понятно. Мечи ведьмака, я полагаю, заберешь сразу? Они ведь для него...

— Все, — закончила Йеннифэр. — Он связан с ними предназначением. Я это знаю, знаю, конечно. Он говорил мне. И я даже начинала верить. Нет, Мольнар, я сегодня не заберу мечи. Пусть они остаются в кладовой. Вскоре я пришлю за ними кого-нибудь от своего имени. Я уезжаю из Новиграда прямо сегодня.

— Я тоже. Еду в Третогор, проверю заодно там местный филиал. Потом вернусь к себе, в Горс Велен.

— Что ж, еще раз спасибо. Прощай, краснолюд.

— Прощай, чародейка.

* * *

Интерлюдия

**Ровно через сто часов
после получения золота
в банке Джианкарди, в Новиграде**

— Тебя запрещено впускать, — сказал вышибала Тарп. — Ты это хорошо знаешь. Отойди от лестницы.

— А это ты видел, хам? — Никефор Муус со звоном потряс пузатым денежным мешком. — Видел в жизни столько золота сразу? Прочь с дороги, господин идет! Богатый господин! Посторонись, холоп!

— Впусти его, Тарп! — из аустерии появился Фебус Равенга. — Я не хочу шума, гости беспокоятся. А ты смотри. Один раз ты меня обманул — второго раза не будет. Лучше бы, чтобы в этот раз у тебя было чем заплатить, Муус.

— Господин Муус! — чиновник оттолкнул Тарпа. — Господин! Смотри, с кем говоришь, трактирщик.

— Вина! — закричал он, развалившись за столом. — самого дорогого, какое есть!

— Самое дорогое, — отважился ответить официант, — стоит шестьдесят крон...

— Тащи сюда! Подать целый кувшин, мигом!

— Потише, — увещевал его Равенга. — Потише, Муус.

— Не затыкай мне рот, крохобор! Жулье! Выскочка! Кто ты такой, чтобы затыкать меня? Вывеска позолоченная, а к сапогам навоз пристал! Говно всегда останется говном! Смотри сюда! Ты видел в жизни столько золота сразу? Ты видел?

Никефор Муус полез в мешок, вытащил горсть золотых монет и размашистым жестом бросил их на стол.

Монеты разбрызгались коричневой жижей. Вокруг разнесся отвратительный запах экскрементов.

Гости аустерии «Natura Regum» вскочили с мест, помчались к выходу, кашляя и закрывая носы салфетками. Официант согнулся в рвотном позыве. Кто-то кричал, кто-то ругался. Фебус Равенга не дрогнул. Он стоял, как статуя, скрестив руки на груди.

Муус, ошеломленный, тряс головой, тер выпученные глаза и смотрел на смердящую кучу на скатерти. Наконец очнулся, полез в мешок. И вытащил оттуда руку, полную густой субстанции.

— Ты прав, Муус, — сказал Фебус Равенга ледяным голосом, — Говно всегда будет говном. Во двор его.

Чиновник магистрата даже не сопротивлялся, когда его тащили, он был слишком ошеломлен случившимся. Тарп притащил его за сортир. По знаку Равенги слуги сняли деревянную крышку клоачной ямы. Увидев это, Муус ожил, начал верещать, упираться и брыкаться. Но это ему не сильно помогло. Тарп подтащил его к яме и сбросил вниз. Молодой человек плюхнулся в жидкие испражнения. Но не утонул. Выпрямил руки и ноги и не тонул, поддерживаемый на поверхности месива благодаря брошенным туда пучкам соломы, тряпкам, палкам и мятым страницам, вырванным из различных ученых и благочестивых книг.

Фебус Равенга снял со стены сарая деревянные вилы для сена, изготовленные из расщепленной на конце жерди.

— Говно было, есть и останется говном, — сказал он. — И всегда в конечном итоге в говно попадает.

Он навалился на вилы и окунул Мууса. С головой. Муус с плеском выбрался на поверхность, рыча, кашляя и отплеываясь. Равенга позволил ему немного покашлять и набрать воздуха, после чего окунул его снова. На этот раз действительно глубоко.

Повторив эту операцию несколько раз, он бросил вилы.

— Оставьте его там, — приказал он. — Пусть сам выбирается.

— Это будет нелегко, — оценил Тарп. — И немного затянется.

— И пускай затянется. Спешить некуда.

* * *

Глава Шестнадцатая

A mon retour, hé! je m'en desespere,

Tu mas reçu d'un baiser tout glacé.

Pierre de Ronsard

На рейд под полными парусами входила новиградская шхуна «Пандора Парви», поистине прекрасный корабль. Красивый и быстрый, подумал Геральт, спускаясь по трапу на оживленную набережную. Он видел эту шхуну в Новиграде, наводил справки, узнал, что она отплывает из Новиграда на целых два дня позже, чем галера «Стинта», на которой он прибыл. Несмотря на это, она достигла Керака практически в то же время. Может быть, стоило подождать и отправиться на этой шхуне, подумал он. За два дополнительных дня в Новиграде, кто знает, возможно, удалось бы раздобыть какую-то информацию?

Напрасные сомнения, решил он. Может, кто знает, а вдруг... Что случилось, то

случилось, ничего уже не изменишь. И нечего над этим размышлять.

Он попрощался взглядом со шхуной, маяком, морем и темнеющим грозовыми тучами горизонтом. Потом быстрым шагом направился в сторону города.

*

Из виллы носильщики выносили портшез, изящную конструкцию со шторами лилового цвета. Видимо, был вторник, среда или четверг. В эти дни Литта Нейд принимала пациенток, а пациентки, как правило состоятельные дамы из высшего общества, пользовались именно такими носилками.

Привратник впустил его без единого слова. И хорошо. Геральт был не в лучшем настроении, и, вероятно, на слово ответил бы словом. Или, может, даже двумя или тремя.

В патио было пусто, вода в фонтане тихо журчала. На малахитовом столике стояли графин и бокалы. Геральт без церемоний налил себе.

Когда он поднял глаза, увидел Мозаик. В белом халате и фартуке. Бледную. С прилизанными волосами.

— Это ты, — сказала она. — Вернулся.

— Это, несомненно, я, — сухо подтвердил он. — Несомненно, вернулся. А это вино, несомненно, немного прокисло.

— Я тоже рада тебя видеть.

— Коралл дома? А если дома, то где?

— Минуту назад, — она пожала плечами, — я видела ее между ног пациентки. Несомненно, она все еще там.

— У тебя действительно нет выхода, Мозаик, — тихо сказал он, глядя ей в глаза. — Ты должна быть чародейкой. В самом деле, у тебя есть к этому предрасположенность и задатки. Твое разящее остроумие не смогли бы оценить на ткацкой мануфактуре. И тем более, в борделе.

— Я учусь и развиваюсь, — она не опускала глаз. — Я уже не плачу в уголке. Отплакала свое. Этот этап пройден.

— Нет, ты себя обманываешь. У тебя многое еще впереди. И сарказм не защитит тебя от этого. Особенно, если он искусственный и плохо скопированный. Но хватит об этом, не мне учить тебя жизни. Где, я спрашиваю, Коралл?

— Здесь. Здравствуй.

Чародейка, как призрак, появилась из-за портьеры. Как и Мозаик, она была в белом врачебном халате, а ее заколотые рыжие волосы покрывала полотняная шапочка, которая в обычных обстоятельствах показалась бы смешной. Но обстоятельства не были обычными, и смех был неуместен, ему понадобилась секунда, чтобы это понять.

Она подошла, молча поцеловала его в щеку. Губы были холодными. А под глазами темнели круги.

Она пахла лекарствами. И чем-то еще, что использовала для дезинфекции. Это был противный, отгалкивающий, больной запах. Запах, который вызывал тревогу.

— Увидимся завтра, — опередила его она. — Завтра мне обо всем расскажешь.

— Завтра.

Она взглянула на него, и это был взгляд сквозь даль, сквозь разделяющую их пропасть времени и событий. Ему понадобилась секунда, чтобы понять, насколько глубока эта пропасть и как отдалили их события.

— Может, лучше послезавтра. Сходи в город. Встреться с поэтом, он очень беспокоился о тебе. А теперь, пожалуйста, иди. Я должна заняться пациенткой.

Когда она ушла, он посмотрел на Мозаик. Наверное, достаточно красноречиво, потому что она не замедлила с объяснениями.

— Утром у нас были роды, — сказала она, и голос ее немного изменился. — Сложные. Она решила использовать щипцы. И все, что могло пойти плохо, пошло плохо.

— Я понял.
— Сомневаюсь.
— До свидания, Мозаик.
— Тебя долго не было, — она подняла голову. — Гораздо дольше, чем она ожидала. В Риссберге не знали, или делали вид, что не знают. Что-то произошло, правда?
— Что-то произошло.
— Я поняла.
— Сомневаюсь.

*

Люттик поразил его сообразительностью. Он подтвердил факт, очевидность которого Геральт все еще не вполне осознал. И целиком так и не принял.

— Конец, да? Как ветром унесло? Ясно, что ты понадобился ей и чародеям, сделал свое дело, а теперь можешь уйти. И знаешь, что? Я рад, что это произошло. Когда-нибудь ведь должен был закончиться этот причудливый роман, и чем дольше он продолжался, тем опаснее становились его последствия. Ты тоже, если хочешь знать мое мнение, должен быть счастлив, что можешь выбросить это из головы, и что все прошло так гладко. Поэтому на твоем лице должна сиять радостная улыбка, а не эта мрачная и угрюмая гримаса, которая, поверь, совсем тебе не идет. Ты выглядишь с ней просто как человек после тяжелого похмелья, который вдобавок отравился закуской и не помнит, обо что и когда он сломал зуб или откуда на его штанах следы семени.

— А может, — продолжал бард, абсолютно не смущаясь отсутствием реакции со стороны ведьмака, — твоя подавленность проистекает от чего-то другого? Может оттого, что тебя выставили за дверь, когда ты планировал финал в своем собственном стиле? Эдакий уход ранним утром, и цветы на столике? Ха, ха, в любви как на войне, мой друг, и твоя милая поступила как истинный стратег. Действовала на опережение, превентивной атакой. Наверное, она читала «Историю войн» маршала Пеллиграма. Пеллиграм приводит много примеров побед, достигнутых с помощью подобного фортеля.

Геральт по-прежнему не реагировал. Люттик, похоже, реакции не ожидал. Он допил пиво, кивнул трактирщице, чтобы принесла следующее.

— Принимая во внимание вышесказанное, — продолжил он, покручивая колки лютни, — я вообще за секс на первом свидании. Рекомендую на будущее, во всех случаях. Это устраняет необходимость дальнейших встреч с тем же лицом, которые бывают иногда утомительными и времязатратными. Раз уж об этом зашла речь, восхваленная тобой госпожа адвокат в самом деле стоила затраченных усилий. Ты не поверишь...

— Я поверю, — ведьмак не выдержал, прервал его довольно резко. — Поверю без рассказа, так что можешь его пропустить.

— Ну, да, — заключил бард. — Угнетенное состояние, обеспокоенность и самокопание, из-за этого ты вспыльчив и груб. Это не только из-за женщины, сдается мне. Тут что-то еще. Знаю, черт побери. Я понял. В Новиграде ничего не вышло? Не вернул мечи?

Геральт вздохнул, хотя обещал себе не вздыхать.

— Не вернул. Опоздал. Возникли сложности, много чего произошло. Попали в грозу, потом наша лодка начала протекать... А потом один кожевенник тяжело заболел... А, не буду тебя мучить подробностями. Короче говоря, я не успел вовремя. Когда добрался до Новиграда, аукцион уже прошел. В Доме Борсодов разговор был коротким. Продажи на аукционе являются конфиденциальными, чтобы защитить покупателей и продавцов. Посторонним лицам компания не предоставляет никакой информации, бла, бла, бла, до свидания. Не узнал ничего. Не знаю, проданы ли мечи, и если да, то кто их купил. Я даже не знаю, выставлял ли вор вообще мечи на аукцион. Он ведь мог проигнорировать совет Пратта, мог найти другую возможность. Ничего не знаю.

— Невезуха, — покачал головой Люттик. — Полоса неудачных совпадений. Следствие

кузена Ферранта, кажется, тоже застряло в тупике. Кузен Феррант, коль о нем зашел разговор, постоянно о тебе спрашивает. Где ты, есть ли от тебя какие-либо новости, когда ты вернешься, успеешь ли на королевскую свадьбу и не забыл ли ты о своем обещании принцу Эгмунду. Конечно, я ему и слова не проронил ни о твоих делах, ни об аукционе. Но праздник Ламмас, напомню тебе, приближается, осталось десять дней.

— Знаю. Но, может быть, что-нибудь за это время случится? Что-нибудь удачное, допустим? После полосы неудачных совпадений не помешало бы некоторое разнообразие.

— Не отрицаю. А если...

— Я подумаю и приму решение, — Геральт не дал барду закончить. — К тому же участвовать в королевской свадьбе к качеству телохранителя, в принципе, ничего не обязывает, поскольку Эгмунд и инстингатор не отыскали моих мечей, а именно таким было условие. Но совсем не исключаю, что я выполню пожелание принца. Хотя бы из материальных соображений. Принц похвалялся, что денег не пожалеет. А все указывает на то, что мне понадобятся совершенно новые мечи, сделанные по специальному заказу. И стоить это будет дорого. А, что тут говорить. Пойдем куда-нибудь, поедим. И выпьем.

— К Равенге, в «Natura Regum»?

— Не сегодня. Сегодня я хочу чего-то простого, естественного, незамысловатого и искреннего. Если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Конечно, понимаю, — Лютик встал. — Пойдем к морю, в Пальмиру. Я знаю одно место. Там подают селедку, водку и уху из рыбы, которая называется петухом. Не смейся! Она действительно так называется.

— Пусть называется, как хочет. Пойдем.

*

Мост на Адалатте был заблокирован, по нему передвигалась колонна груженых возов и группа конных, которые вели неоседланных лошадей. Геральту и Лютику пришлось ждать, сойдя с дороги.

Кавалькаду замыкал одинокий всадник на гнедой кобыле. Кобыла мотнула головой и поприветствовала Геральта протяжным ржанием.

— Плотва!

— Здравствуй, ведьмак, — всадник откинул капюшон, открывая лицо. — Я, собственно, к тебе. Хотя не надеялся, что так быстро с тобой встречу.

— Здравствуй, Пинети.

Пинети соскочил с седла. Геральт отметил, что он вооружен. Это было довольно странно, маги очень редко носили оружие. Окованный латунью пояс чародея отягощал меч в богато украшенных ножнах. Был там также и кинжал, солидный и широкий.

Ведмак принял от чародея поводья Плотвы, погладил ноздри и загривок лошади. Пинети снял перчатки и заткнул их за пояс.

— Прошу меня извинить, маэстро Лютик, — сказал он, — но я хотел бы остаться с Геральтом наедине. То, что я должен сказать, предназначено только для его ушей.

— У Геральта, — напыжился Лютик, — нет от меня секретов.

— Я знаю. Множество подробностей его личной жизни я узнал из твоих баллад.

— Но...

— Лютик, — прервал его ведьмак. — Пойди прогуляйся.

— Спасибо тебе, — сказал он, когда они остались одни. — Спасибо, что привел сюда мою лошадь, Пинети.

— Я заметил, — ответил волшебник, — что ты к ней привязан. Поэтому, когда я нашел ее в Соснице...

— Вы были в Соснице?

— Были. Нас вызвал констебль Торквил.

— Вы видели...

— Видели, — резко перебил его Пинети. — Мы все видели. Не могу понять, ведьмак. Не могу понять. Почему ты тогда его не зарубил? Там, на месте? Ты поступил, позволю себе сказать, не очень мудро.

Знаю, воздержался от признания Геральт. Знаю, конечно. Я оказался слишком глуп, чтобы использовать предоставленный судьбой шанс. И чем бы это мне повредило, ну, одним трупом больше на счету. Какое это имеет значение для платного убийцы. И почему мне претило быть вашим орудием? Я ведь всегда был чьим-то орудием. Надо было стиснуть зубы и сделать то, что следует.

— Ты, наверное, удивишься, — Пинети посмотрел ему в глаза, — но мы сразу же поспешили тебе на помощь, я и Харлан. Мы предположили, что ты ждешь помощи. Схватили Дегерлунда на следующий день, когда он расправлялся с какой-то случайной бандой.

Схватили, удержался от ответа ведьмак. И не мешкая свернули ему шею? Будучи умнее меня, не повторили мою ошибку? Как же. Если бы это было так, у тебя не было бы сейчас такой мины, Гвинкамп.

— Мы не убийцы, — чародей покраснел, запнулся. — Мы забрали его в Риссберг. И произошел переполох... Все были против нас. Ортолан, на удивление, вел себя сдержанно, мы именно с его стороны ожидали худшего. Но Бирута Икарти, Рябой, Сандовал, даже Зангенис, который нас раньше поддерживал... Мы выслушали предлинную нотацию о солидарности сообщества, о братстве, о лояльности. Мы узнали, что только последние мерзавцы насылают на собрата наемного убийцу, как же надо низко пасть, чтобы нанять против сподвижника ведьмака. Из низких побуждений. Из ревности к таланту и авторитету коллеги, от зависти к его научным достижениям и успехам.

Упоминание об инцидентах в Предгорье, о сорока четырех трупах не дало ничего, вновь воздержался от замечания ведьмак. Если не считать пожатий плечами. И, вероятно, многословной нотации о науке, которая требует жертв. О цели, которая освящает средства.

— Дегерлунд, — продолжил Пинети, — стоял перед комиссией и выслушивал суровый нагоняй. За практикование гозтии, за убитых демоном людей. Он держался надменно, видимо, рассчитывал на вмешательство Ортолана. Но Ортолан будто забыл о нем, полностью отдавшись своему последнему увлечению: разработке формулы невероятно эффективного и универсального удобрения, которое должно совершить переворот в сельском хозяйстве. Поняв, что надеяться можно только на себя, Дегерлунд сменил тон. На плаксивый и жалобный. Он изобразил из себя обиженного. Жертву в равной степени как собственных амбиций, так и магического таланта, благодаря которым вызвал демона настолько могучего, что с ним было невозможно справиться. Он поклялся, что прекратит заниматься гозтией, что никогда больше и близко к ней не подойдет. Что полностью посвятит себя научным исследованиям в области улучшения рода человеческого, трансгуманизма, видообразования, интрогрессии, генетических модификаций.

И ему поверили, воздержался от замечания ведьмак.

— Ему поверили. Этому способствовал Ортолан, который внезапно появился перед комиссией в испарениях удобрений. Он назвал Дегерлунда любимым юношей, который действительно допустил ляпсусы, но кто ж без ляпсусов. Нет сомнения, что этот молодой человек исправится, и что он ручается за него. Он попросил, чтобы комиссия сменила свой гнев на милость и молодого человека не укоряла. Напоследок он объявил Дегерлунда своим продолжателем и последователем и полностью уступил ему Цитадель, свою личную лабораторию. А сам он, как заявил, в лаборатории не нуждается, ибо вознамерился трудиться и экзерцировать под открытым небом, на делянках и грядках. Бируте, Рябому и остальным это пришлось по вкусу. Цитадель, ввиду ее недоступности, могла с успехом послужить в качестве места изоляции. Дегерлунд попал в свой собственный капкан. Он оказался под домашним арестом.

А скандал замели под ковер, удержался от замечания ведьмак.

— Я подозреваю, — Пинети бросил на него взгляд, — что на это повлияло также

отношение к тебе, к твоей личности и репутации.

Геральт поднял брови.

— Ваш ведьмачий кодекс, — продолжил чародей, — якобы запрещает убивать людей. Но о тебе говорят, что ты трактуешь этот кодекс без излишнего преклонения. Что случилось всякое и что по крайней мере несколько человек расстались с жизнью по твоей милости. Бирутой и другими овладел страх. Что ты вернешься в Риссберг, чтобы завершить это дело, а при случае и им достанется. А Цитадель — стопроцентно надежное убежище, приспособленная под лабораторию древняя гномья горная крепость, обеспеченная магической защитой. Никто не доберется до Цитадели, нет такой возможности. Дегерлунд не только в изоляции, но и в безопасности.

Риссберг тоже в безопасности, воздержался от замечания ведьмак. Защищен от скандала и компрометации. Дегерлунд в изоляции, нет никакого скандала. Никто не узнает, что пройдоха и карьерист обманул и обвел вокруг пальца чародеев Риссберга, считающих и провозглашающих себя элитой чародейского братства. Что пользуясь наивностью и глупостью этой элиты, дегенерат и психопат мог без каких-либо препятствий убить более сорока человек.

— В Цитадели, — чародей по-прежнему не отрывал от него глаз, — Дегерлунд будет под опекой и наблюдением. Он больше не вызовет никакого демона.

Никакого демона никогда и не было. И ты, Пинети, это знаешь.

— Цитадель, — чародей отвел взгляд, посмотрел на корабли на рейде, — находится в скале горной системы Кремора, у подножия которой лежит Риссберг. Попытка ворваться туда была бы равносильна самоубийству. Не только из-за магической защиты. Помнишь, что ты рассказывал нам тогда? Об одержимом, которого когда-то убил? В условиях крайней необходимости, принося в жертву одного ради спасения других, тем самым исключая незаконность противоправных действий? Но ты же понимаешь, что сейчас обстоятельства совсем другие. Изолированный Дегерлунд не представляет собой реальной и непосредственной угрозы. Если ты хоть пальцем его тронешь, то совершишь действие преступное и незаконное. При попытке убить его пойдешь под суд за покушение на убийство. Впрочем, некоторые из наших, я знаю, надеются, что ты попытаешься. И закончишь на эшафоте. Поэтому я советую: оставь. Забудь о Дегерлунде. Пусть все идет своим чередом.

— Молчишь, — констатировал Пинети. — Воздерживаешься от комментариев.

— Потому что нечего тут комментировать. Мне только одно любопытно. Ты и Цара. Вы остаетесь в Риссберге?

Пинети рассмеялся. Сухо и неискренне.

— Нас обоих, меня и Харлана, попросили подать в отставку, по собственному желанию, по состоянию здоровья. Уезжаем из Риссберга, никогда туда больше не вернемся. Харлан собирается в Повисс, на службу к королю Рыду. Я, однако, склоняюсь к более дальнему путешествию. В Империи Нильфгаард, я слышал, относятся к магам утилитарно и без особого почтения. Но платят им хорошо. И если уж зашла речь о Нильфгаарде... Чуть не забыл. У меня есть для тебя прощальный подарок, ведьмак.

Он расстегнул ремень, обернул его вокруг ножен и передал меч Геральту.

— Это тебе, — сказал он прежде, чем ведьмак успел что-то произнести. — Я получил его в подарок на шестнадцатилетие. От отца, который не мог смириться с тем, что я решил пойти в школу магии. Он считал, что такой подарок повлияет на меня, что став обладателем такого оружия, я почувствую обязанность соблюдать традиции предков и выберу военную карьеру. Однако я разочаровал родителя. Во всем. Мне не нравилось охотиться, я предпочитал рыбалку. Не женился на единственной дочери его близкого друга. Не стал воином, а меч обрастал паутиной в шкафу. Не нужен он мне. Пусть лучше тебе послужит.

— Но... Пинети...

— Бери, без церемоний. Я знаю, что твои мечи пропали и тебе нужно оружие.

Геральт взялся за рукоять, покрытую кожей ящерицы, до половины вытянул клинок из

ножен. На дюйм выше гарды было клеймо в форме солнца с шестнадцатью лучами, поочередно прямыми и волнистыми, символизирующими в геральдике солнечный свет и солнечное тепло. На два дюйма выше солнца начиналась выгравированная красиво стилизованным шрифтом надпись, знаменитый девиз мастера.

— Клинок из Вироледы, — подтвердил ведьмак. — На этот раз подлинник.

— Что?

— Ничего. Любуюсь. Я даже не знаю, могу ли я принять...

— Ты можешь принять. Ты его уже принял. В конце концов, он у тебя в руках. Черт побери, я же сказал, не церемонься. Я отдам тебе меч в знак симпатии. Чтобы ты понял, что не все чародеи твои враги. А мне больше пригодятся удочки. В Нильфгаарде прекрасные чистые реки, в них полно форели и лосося.

— Спасибо. Пинети?

— Да?

— Ты отдаешь мне этот меч только из симпатии?

— Из симпатии, конечно, — маг понизил голос. — Но, может быть, не только поэтому.

Хотя какое мне дело, что здесь произойдет, для каких целей тебе этот меч послужит? Я покидаю эту страну, чтобы никогда сюда не вернуться. Видишь тот величественный галеон на рейде? Это «Эвриала», порт приписки Баккала. Отплываю послезавтра.

— Рановато ты прибыл.

— Да... — чародей слегка запнулся. — Прежде я хотел бы здесь... Кое с кем попрощаться...

— Удачи. Спасибо за меч. И еще раз за коня. Прощай, Пинети.

— Прощай, — чародей без колебаний пожал протянутую ему руку. — Прощай, ведьмак.

*

Он нашел Лютика, само собой, в портовой таверне, хлебающего из миски уху.

— Я уезжаю, — сказал он коротко. — Прямо сейчас.

— Сейчас? — Лютик застыл с ложкой в руке. — Уже? Я думал...

— Неважно, что ты думал. Я еду немедленно. Успокой кузена инстингатора. Вернусь к королевской свадьбе.

— А это что?

— А как ты думаешь?

— Меч, конечно. Где ты его взял? От чародея, да? А тот, который получил от меня? Где он?

— Потерялся. Возвращайся в верхний город, Лютик.

— А Коралл?

— Что Коралл?

— Что ей сказать, если спросит...

— Не спросит. Не найдет на это времени. Она будет кое с кем попрощаться.

* * *

Интерлюдия

СЕКРЕТНО

Illustrissimus et Reverendissimus

Великому Магистру Нарсесу де ла Рош,

Главе Капитула Таланта и Искусства

Новиград

*Datura ex Castello Rissberg,
die 15 mens. Jul. anno 1245 post Resurrectionem*

Re:
Магистр искусств mrg mag
Сорель Альберт Амадор Дегерлунд

Honoratissime Архимагистр!

Вне всякого сомнения до Капитула дошли слухи об инцидентах, имевших место летом *anno currente* на западных рубежах Темерии, последствием коих инцидентов, как предполагается, явилась гибель около сорока человек — более точных сведений не имеется — в основном неквалифицированных работников леса. Эти инциденты связывают, к сожалению, с личностью магистра Сореля Альберта Амадора Дегерлунда, члена научно-исследовательской группы Комплекса Риссберг.

Научно-исследовательская группа комплекса Риссберг выразила соболезнования семьям жертв инцидентов, хотя жертвы, стоявшие крайне низко в социальной иерархии, злоупотреблявшие алкоголем и ведшие безнравственный образ жизни, вероятно, не сохранили семейных связей.

Хотелось бы напомнить Капитулу, что магистр Дегерлунд, ученик и последователь архимагистра Ортолана, является выдающимся ученым, специалистом в области генетики, добившимся огромных, почти неоценимых достижений в сфере трансгуманизма, интрогрессии и видообразования. Исследования, которые ведет магистр Дегерлунд, могут иметь решающее значение для развития и эволюции человеческой расы. Как известно, человеческая раса уступает нелюдским в отношении ряда физических, психических и психомагических возможностей. Эксперименты магистра Дегерлунда, основанные на гибридизации и объединении генофондов, имеют целью на первоначальном этапе вывести человеческую расу на уровень рас нелюдских, а в долгосрочной перспективе — путем видообразования — обеспечить доминирование над ними и полное их подчинение. Вряд ли нужно пояснять, что этот вопрос имеет первостепенное значение. Было бы нецелесообразно из-за некоторых незначительных инцидентов затормозить или блокировать прогресс вышеназванных научных исследований.

Что касается магистра Дегерлунда, научно-исследовательская группа комплекса Риссберг берет на себя полную ответственность за обеспечение его медицинского обслуживания. У магистра Дегерлунда ранее уже были диагностированы нарциссические склонности, недостаток эмпатии и легкие эмоциональные нарушения. В период, предшествующий совершению вмененных ему действий, состояние его ухудшилось вплоть до появления симптомов биполярного аффективного расстройства. Можно утверждать, что на момент совершения приписываемых ему действий магистр Дегерлунд не контролировал свои эмоциональные реакции и имел ограниченную способность отличать добро от зла. Можно предположить, что магистр Дегерлунд был *non compos mentis, eo ipso* временно утратил вменяемость, вследствие чего к судебной ответственности за содеянное привлечен быть не может, поскольку *impune est admittendum quod per furorem alicuius accidit*.

Магистр Дегерлунд помещен *ad interim* в место секретного содержания, где проходит курс лечения и продолжает свои исследования.

Для обеспечения полного закрытия этого вопроса мы обращаем внимание Капитула на личность констебля Торквила, проводившего расследование инцидентов в Темерии. Констебль Торквил, подчиненный бейлифа Горс Велена, прежде известный как добросовестный офицер и убежденный страж закона, выказал при расследовании инцидентов в упомянутых выше селениях излишнюю тенденциозность и направил следствие по нежелательному с нашей точки зрения пути. Следовало бы повлиять на его начальство, чтобы слегка умерить его пыл. И если это не сработает, стоит собрать о констебле, его жене, родителях, бабушках и дедушках, детях и дальних родственниках сведения,

касающиеся их личной жизни, прошлого, судимостей, имущественных дел и сексуальных предпочтений. Мы рекомендуем обратиться в юридическую контору «Кодрингер и Фенн», услугами которой, смею напомнить, Капитул воспользовался три года назад для дискредитации и компрометации свидетелей по делу, известному как «зерновая афера».

Item, мы обращаем внимание Капитула, что в упомянутом деле, к сожалению, был замешан ведьмак, именуемый Геральтом из Ривии. Он был непосредственным свидетелем инцидентов в поселениях, у нас есть основания полагать, что он связывает эти события напрямую с личностью магистра Дегерлунда. Данного ведьмака также необходимо приструнить, если он вдруг начнет копать слишком глубоко. Обращаем внимание, что ввиду асоциального поведения, нигилизма, эмоциональной распушенности и сумбурной личности упомянутого ведьмака может оказаться, что одного лишь предупреждения будет *non sufficit* и придется применить крайние меры. Ведьмак находится под нашим постоянным наблюдением, и мы готовы пойти на такие меры, если, конечно, Капитул их утвердит и рекомендует.

В надежде, что вышеприведенные объяснения Капитул сочтет достаточными для закрытия дела, *bene valere optamus*, и остаемся с высочайшим уважением

от имени научно-исследовательского комплекса Риссберг
semper fidelis vestrarum bona amica

Бирута Анна Маркетт Икарти *manu propria*

* * *

Глава Семнадцатая

Удар за удар, ярость за ярость, смерть за смерть — и все это с извлечением обильной выгоды! Глаз за глаз, зуб за зуб четырехкратно и стократно!

Антон Шандор ЛаВей, Сатанинская Библия

— В самое время, — уныло проговорил Франс Торквил. — Подоспел аккурат к представлению, ведьмак. Сейчас начнется.

Он лежал на кровати, бледный, как побеленная стена, с волосами, влажными от пота и прилипшими ко лбу. На нем была только грубая льняная рубаша, которая сразу напомнила Геральту предсмертное одеяние. Левое бедро, от паха до самого колена, охватывала пропитанная кровью повязка.

Посреди избы стоял стол, накрытый простыней. Невысокий тип в черном кафтане без рукавов выкладывал на стол инструменты, по очереди, один за другим. Ножи. Клещи. Долота. Пилы.

— Об одном жалею, — скрипнул зубами Торквил. — Что не смог их поймать, сукиных сынов. Воля богов, не суждено мне было... И уже не будет.

— Что случилось?

— То же самое, мать его, что в Тисах, Роговизне, Соснице. Только не как обычно, а на самой опушке леса. И не на поляне, а на дороге. Налетели на путников. Трех убили, двоих детей украли. Так случилось, что я с отрядом был поблизости, мы сразу ринулись в погоню и вскоре их увидели. Двоих амбалов, огромных, как быки, и одного паршивого горбуна. И тот же горбун в меня из арбалета пальнул.

Констебль сжал зубы, коротким жестом показал на забинтованное бедро.

— Я приказал своим, чтобы меня оставили и за ними гнались. Не послушали, олухи. Ну и упустили их в итоге. А я? Что с того, что меня спасли? Если мне сегодня ногу отрежут? Лучше бы мне, курва, скопытиться там, но еще увидеть, пока глаза не закрылись, как они

ногами дрыгают в петлях. Не послушались приказа, балбесы. Теперь вон там сидят, стыдно им.

Подчиненные констебля, все как один с кислыми рожами, оккупировали скамью под стеной. Компанию им составляла никоим образом не вписывающаяся в эту компанию сморщенная старушка в совершенно не сочетающемся с ее сединами венком на голове.

— Можем начинать, — заявил тип в черном кафтане. — Пациента на стол, крепко привязать ремнями. Посторонних прошу покинуть избу.

— Минуточку, — Геральт выпрямился. — Кто решил, что ампутация необходима?

— Я так решил, — черный тип тоже выпрямился, но все равно вынужден был сильно задрать голову, чтобы посмотреть Геральту в лицо. — Я мессер Люппи, специально присланный лейб-медик бейлифа из Горс Велена. Осмотр показал, что рана инфицирована. Я вынужден отнять ногу, иного способа спасти его нет.

— Сколько берешь за операцию?

— Двадцать крон.

— Здесь тридцать, — Геральт вынул из мешка три десятикрупные монеты. — Собирай инструменты, пакуй манатки и возвращайся к бейлифу. Если спросят, скажешь, что пациенту стало лучше.

— Но... Я вынужден протестовать...

— Пакуйся и возвращайся. Какое из этих слов тебе непонятно? А ты, бабка, сюда. Размотай повязку.

— Он, — старушка указала на лейб-медика, — запретил мне раненого касаться. Потому как я будто бы знахарка и ведьма. Грозился, что донесет на меня.

— Плюнь на него. Он все равно уже уходит.

Бабка, в которой Геральт сразу распознал травницу, послушалась. Осторожно размотала повязку. Торквил в это время вертел головой, шипел и стонал.

— Геральт... — простонал Франс. — Что ты задумал? Медик говорил, что нет другого выхода... Лучше ногу потерять, чем жизнь...

— Брехня. Ни хрена не лучше. А теперь заткнись.

Рана выглядела паскудно. Но Геральт видывал и похуже. Вынул из торбы ящик с эликсирами. Мессер Люппи, уже собравший вещи, присматривался и крутил головой.

— Ни к чему тут декокты, — заявил Люппи. — Ни к чему лжемагия и знахарские штучки. Шарлатанство, и только. Как медик, вынужден выразить протест...

Геральт повернулся и посмотрел на медика. Тот вышел. Поспешно. Споткнувшись на пороге.

— Четверо, ко мне, — ведьмак вынул пробку из флакона. — Придержите его. Сожми зубы, Франс.

Вылитый на рану эликсир сильно запенился. Констебль мучительно застонал. Геральт подождал минуту, вылил второй эликсир. Этот второй тоже пенился, а кроме того шипел и выпускал дым. Торквил закричал, задергал головой, выгнулся, закатил глаза и потерял сознание.

Старушка выудила из узелка горшочек, набрала оттуда пригоршню зеленой жижи, толстым слоем наложила на кусок сложенного полотна, прикрыла рану.

— Живокость, — догадался Геральт. — Компресс из живокости, арники и календулы. Хорошо, бабуля, очень хорошо. Пригодился бы еще зверобой, кора дуба...

— Видали его, — перебила бабка, не поднимая головы от ноги констебля. — Травничеству меня учить будет. Я, сынок, травами лечила уже тогда, когда ты еще няньку молочной кашкой обрыгивал. А вы, дорогуши, отойдите, бо свет мне заступаете. И смердите невыносимо. Менять портянки надобно, менять. Время от времени. Пошли вон из избы, кому говорю?

— Ногу надо будет обездвижить. Взять в длинные лубки...

— Не учи меня, сказала. И сам тоже на улицу выносись. Чего тут стоишь? Чего ждешь? Благодарностей, что великодушно свои магические ведьмачьи лекарства пожертвовал?

Обещания, что он не забудет этого, пока живой?

— Хочу его кое о чем спросить.

— Поклянись, Геральт... — абсолютно неожиданно отозвался Франс Торквил — что найдешь их. Что не простишь им...

— Дам ему кой-чего для сна и от горячки, бредит же. А ты, ведьмак, выйди. Подожди перед халупой.

Долго ждать Геральту не пришлось. Бабка вышла, подтянула юбку, поправила покосившийся венок. Села рядом на завалинке. Потерла стопой о стопу. Стопы у нее были необычайно маленькие.

— Спит, — сообщила она. — Авось выживет, ежели ничего плохого не случится, тьфу, тьфу. Кость срастется. Ногу ты ему спас ведьмачьими чарами. Хромым навсегда останется и на коня, мнится мне, уже не сядет, но две ноги — не одна, хе-хе.

Полезла за пазуху, под вышитый сардак, от чего еще сильнее запахла травами. Вынула деревянную коробочку, открыла ее. После минутного колебания подсунула Геральту.

— Нюхнешь?

— Нет, спасибо. Не употребляю фисштех.

— Я же... — травница втянула наркотик в ноздри, сначала в одну, потом вторую — я же так только, время от времени. Хорош, курва. Для ясности мысли. Долголетия. И красоты. Ты только глянь на меня.

Глянул.

— За ведьмачье лекарство для Франса, — бабка потеряла слезящийся глаз, шмыгнула носом, — спасибо тебе, не забуду. Знаю, что ревниво бережете оны ваши декокты. А ты ему их просто так уделил, без раздумий. Хотя ведь тебе самому может не хватить, когда понадобится. Не страшно?

— Страшно.

Она повернула голову в профиль. И в самом деле должно быть когда-то была красивой женщиной.

Однако было это чертовски давно.

— А теперь, — повернулась, — говори. О чем Франса спрашивать хотел?

— Неважно. Он спит, а мне в дорогу пора.

— Говори.

— Гора Кремора.

— Так бы сразу. Что хочешь знать об этой горе?

*

Хата стояла довольно далеко за деревней, под самой стеной леса, который начинался уже за оградой сада, полного яблонь, ветви которых гнулись от плодов. Остальное не выходило за рамки сельской классики — овин, сарай, курятник, несколько ульев, огород, куча навоза. Из дымовой трубы тянулась полоска светлого и приятно пахнущего дыма.

Болтающиеся рядом с забором цесарки заметили его первыми, огласив округу адским верещанием. Дети, которые крутились во дворе — трое — ринулись в сторону дома. В дверях появилась женщина. Высокая, светловолосая, в фартуке на домотканой юбке. Ведьмак подъехал ближе, спрыгнул с коня.

— Будьте здоровы, — поздоровался он. — Хозяин дома?

Дети, все до одной девочки, вцепились в мамину юбку и фартук. Женщина смотрела на ведьмака, и в ее взгляде напрасно было искать симпатии. Неудивительно. Она хорошо видела рукоять меча над плечом ведьмака. Медальон на шее. Серебряные заклепки на перчатках, которые ведьмак не прятал. Даже демонстрировал.

— Хозяин, — повторил он. — Отто Дуссарт, значит. У меня к нему дело.

— Какое?

— Личное. Он дома?

Она глядела, молча, слегка склонив голову. Типичная красота крестьянки, оценил ведьмак, а значит, ей могло быть от двадцати пяти до сорока пяти лет. Более точная оценка, как и в случае с большинством сельских жительниц, была невозможна.

— Дома?

— Нету его.

— Тогда подожду, — забросил поводья кобылы на жердь, — пока вернется.

— Это может затянуться надолго.

— Как-нибудь дождусь. Хотя, по правде говоря, лучше бы в хате, чем под забором.

Женщина какое-то время мерила его взглядом. И его медальон.

— Милости прошу, — произнесла наконец. — гостя в дом.

— Приглашение принимаю, — ответил ведьмак общепринятым образом. — Правила гостеприимства не нарушу.

— Не нарушишь, — с сомнением повторила женщина. — Но меч носишь.

— Такова профессия.

— Мечи калечат. И убивают.

— Жизнь тоже. Ну, так что с приглашением?

— Добро пожаловать в дом.

Вход, как обычно в подобных селениях, лежал через сени, темные и захламленные. Сама изба оказалась довольно просторной, светлой и чистой, стены только вблизи кухни и дымохода носили следы копоти, в других же местах они радовали глаз белизной и цветными ковриками, всюду висела также различная домашняя утварь, пучки трав, косички чеснока, вязанки перца. Тканая завеса отделяла избу от кладовки. Пахло кухней. То есть капустой.

— Прошу садиться.

Хозяйка все стояла, комкая в руках фартук. Дети уселись на невысокой скамье рядом с печью.

Медальон на шее Геральта дрожал. Сильно и безостановочно. Бился под рубахой, как пойманная птица.

— Этот меч, — сказала женщина, подходя к печи, — надо было в сенях оставить. — Неприлично это, с оружием за стол садиться. Только разбойники так делают. Ты разбойник?

— Ты прекрасно знаешь, кто я, — отрезал ведьмак. — А меч останется там, где он есть. Как напоминание.

— О чем?

— О том, что опрометчивые поступки имеют опасные последствия.

— Тут нет никакого оружия, потому...

— Ладно, ладно, — неучтиво перебил Геральт. — Не прикидывайся, милсдарыня хозяйка. Дом и подворье кмета — это арсенал, не один уже пал от мотыги, не говоря уж о цепях и вилах. Слышал об одном, убитом пестом от маслобойни. Причинить вред можно чем угодно, если захочешь. Или вынужден. И раз уж мы об этом заговорили — оставь в покое этот горшок с кипятком. И отойди от печки.

— Ничего такого я не собиралась... — быстро ответила женщина, явно обманывая. — А там не кипяток, а борщ. Угостить хотела...

— Спасибо. Но я не голоден. Поэтому не прикасайся к горшку и отойди от печи. Сядь там, рядом с детьми. И спокойно подождем хозяина.

Сидели в тишине, прерываемой только жужжанием мух. Медальон дрожал.

— В печи котелок с капустой доходит, — прервала тяжелое молчание женщина. — Вынуть надо, перемешать, а то пригорит.

— Пусть она, — Геральт показал на самую маленькую из девочек, — это сделает.

Девочка медленно встала, зыркая на него из-под пегой челки. Взяла небольшой хват с длинным черенком, наклонилась к дверце печи. И вдруг прыгнула на Геральта, как кошка. Хотела хватом пригвоздить шею ведьмака к стене, но тот уклонился, рванул за черенок, повалил ее на глинобитный пол. Она начала изменяться, не успев упасть.

Женщина и две оставшиеся девочки уже изменились. На ведьмака прыгнули трое

волков — серая волчица и два волчонка, с налитыми кровью глазами и оскаленными зубами. В прыжке они разделились, истинно по-волчьи атакуя с разных сторон. Ведьмак отпрыгнул, толкнул скамью на волчицу, волчат отбросил ударами кулаков в перчатках с серебряными заклепками. Те заскулили, прижались к земле, скаля клыки. Волчица дико завывала, прыгнула снова.

— Нет! Эдвина! Нет!

Она свалилась на него, прижимая к стене. Но уже в человеческой облике. Перекинувшиеся девочки моментально отскочили, присели на корточки рядом с печью. Женщина осталась, стоя на коленях у его ног, глядя пристыженным взглядом. Геральт не знал, чего она стыдилась — нападения или того, что оно не удалось.

— Эдвина! Как же так? — загремел, упирая руки в бока, бородатый мужчина высокого роста. — Что ж ты..?

— Это ведьмак! — фыркнула женщина, все еще стоя на коленях. — Разбойник с мечом! За тобой пришел! Убийца! Кровью воняет!

— Молчи, женщина. Я знаю его. Простите, господин Геральт. Ничего вам не сделала? Простите. Не знала... Думала, что раз ведьмак, то...

Мужчина осекся, обеспокоенно взглянул. Женщина и девочки сбились в кучку рядом с печью. Геральт мог поклясться, что слышал тихое рычание.

— Ничего не случилось, — сказал ведьмак. — Зла не держу. Но ты появился как раз вовремя. Очень даже вовремя.

— Знаю, — бородач заметно вздрогнул. — Знаю, господин Геральт. Садитесь, садитесь за стол... Эдвина! Пива подай!

— Нет. Выйдем, Дуссарт. На пару слов.

Посредине двора сидел рыжий кот. При виде ведьмака он в мгновение ока сиганул и скрылся в зарослях крапивы.

— Не хочу нервировать твою жену и пугать детей, — начал Геральт. — Кроме того, у меня дело, о котором я хотел бы рассказать с глазу на глаз. Речь идет, видишь ли, об одной услуге.

— Все что пожелаете, — выпрямился бородач. — Токмо скажите. Выполню любое ваше желание, если только это в моих силах. Долг у меня перед вами, огромный долг. Благодаря вам живой хожу по свету. Потому что когда-то вы меня пощадили. Обязан я вам...

— Не мне. Себе. Тому что даже в волчьем обличье ты остался человеком и никогда никому не причинял зла.

— Не причинял, это правда. И что мне это дало? У соседей едва подозрения закрались, тотчас же ведьмака на мою голову сыскали. Хоть и нищие, а каждый грош собирали, чтобы вас супротив меня нанять.

— Я думал о том, — признался Геральт, — чтобы вернуть им деньги. Но это могло бы вызвать подозрения. Потому я им гарантировал словом ведьмака, что снял с тебя волколачьи чары, излечил от ликантропии и ты теперь самый нормальный человек в мире. Такой подвиг должен чего-то стоить. Если люди за что-то платят, то верят, что оплаченное становится истинным и легальным. Чем дороже, тем лучше.

— Аж дрожь меня берет, когда тот день вспоминаю, — Дуссарт побледнел, несмотря на загар. — Чуть не умер тогда со страху, когда вас с серебряным клинком увидел. Думал, что последний мой час пробил. Мало, что ли, рассказов было? О ведьмаках-убийцах, любящих кровь и страдания? А вы, оказалось, хороший человек. И добрый.

— Не преувеличивай. Однако ты послушался моего совета и уехал из Гуаамеза.

— Я был вынужден, — мрачно произнес Дуссарт. — В Гуаамезе будто бы поверили, что я расколдован, но вы были правы — бывшему волколаку тоже нелегко среди людей. Вышло по-вашему: то, кем ты был, для людей значит больше, чем то, кто ты есть. Нужно было убираться оттуда, уйти в другие края, где меня никто не знал. Мотался я, мотался... Пока не попал сюда. И тут познакомился с Эдвиной...

— Редко случается, — повертел головой Геральт, — чтобы двое териантропов

образовали пару. Еще реже бывает потомство от подобных связей. Счастливчик ты, Дуссарт.

— А чтобы вы знали, — оскалил зубы волколак. — Детишки как с картинки, премилыми барышнями вырастут. А с Эдвиной-то мы сошлись, как два сапога пара. С ней мне быть до конца дней.

— Она сразу узнала во мне ведьмака. И сразу была готова защищаться. Не поверишь, но намеревалась угостить меня кипящим борщом. Наверняка тоже наслушалась волколачьих сказок о кровожадных ведьмаках, охочих до чужих страданий.

— Простите ее, господин Геральт. А борщ тот мы еще попробуем. Эдвина такой борщ варит — пальчики оближешь.

— Пожалуй, — ведьмак повертел головой, — лучше их не беспокоить. Не хочу пугать детей, и уж тем более — нервировать твою супругу. Для нее я все еще разбойник с мечом, вряд ли стоит ожидать, что она сразу проникнется ко мне доверием. Сказала, что от меня кровью воняет. В переносном смысле, я так понимаю.

— Не совсем. Не хочу вас обидеть, господин ведьмак, но кровью от вас несет шибко.

— Я не касался крови уже...

— Около двух недель, я бы сказал, — закончил волколак. — Это кровь запекающаяся, мертвая, вы прикасались к кому-то окровавленному. Есть более ранняя кровь, ей где-то месяц. Холодная кровь. Кровь рептилии. Сами тоже исходили кровью. Живой кровью, из раны.

— Потрясающе.

— Мы, волколаки, — Дуссарт гордо выпрямился, — имеем нюх, чуток более чувствительный, чем человеческий.

— Знаю, — улыбнулся Геральт. — Знаю, что волколачий нюх — истинное чудо природы. Поэтому пришел просить об услуге именно тебя.

*

— Бурозубки, — повел носом Дуссарт. — Бурозубки, землеройки, значит. И полёвки. Много полёвок. Дерьмо. Много дерьма. Преимущественно куньего. И ласочьего. Ничего больше.

Ведьмак вздохнул, потом сплюнул. Не скрывая разочарования. Это была уже четвертая пещера в которой Дуссарт не унюхал ничего, кроме грызунов и хищников, на этих самых грызунов охотившихся. И изобилия помета тех, и других.

Они перешли к следующему, зияющему в стене скалы отверстию. Камни убежали из-под ног, сыпались по склону. Стена была крутая, идти удавалось с трудом и Геральт начинал уже уставать. Дуссарт в зависимости от места перекидывался в волка или оставался в человеческом облике.

— Медведица, — заглянул он в следующий грот, втянул ноздрями воздух. — С молодняком. Была, но ушла, нет ее там уже. Зато есть сурки. Землеройки. Нетопыри. Много нетопырей. Горностай. Куница. Росомаха. Куча дерьма.

Следующая пещера.

— Самка хорька. Течная. И росомаха... нет, две. Пара росомах.

— Подземный источник, вода чуть сернистая. Гремлины, целая группа, с десятков штук. Какие-то амфибии, вроде саламандры... Нетопыри...

С расположенного где-то высоко вверху выступа скалы слетел огромный орел, закружился над ними, покрикивая.

Волколак поднял голову, взглянул на горные вершины. И темные тучи, надвигающиеся из-за них.

— Гроза идет. Ну и лето, почитай, ни дня без грозы... Что делаем, господин Геральт? Следующая дыра?

— Следующая дыра.

Чтобы добраться к этой самой следующей, вынуждены были пройти спадающий с

обрыва водопад, небольшой, но достаточный для того, чтобы сильно под ним промокнуть. Поросшие мхом скалы здесь были скользкими как мыло. Дуссарт, чтобы хоть как-то идти, перекинулся в волка. Геральт, пару раз опасно поскользнувшись, смирился, выругался и преодолел трудный отрезок дороги на четвереньках. Хорошо, что здесь нет Лютика — подумал он — а то не преминул бы описать это в балладе. Впереди ликантроп в волчьей облике, а за ним ведьмак на карачках. Вот бы люди позабавились.

— Большая дыра, господин ведьмак, — понюхал Дуссарт. — Большая и глубокая. Там горные тролли, пять или шесть взрослых троллей. И нетопыри. Куча нетопыриного говна.

— Идем дальше. К следующей.

— Тролли... те же что и до этого. Пещеры соединяются.

— Медведь. Пестун. Был там, но ушел. Недавно.

— Сурки. Нетопыри. Листоносы.

От следующей пещеры волколак отскочил, как ошпаренный.

— Горгона, — шепнул. — В глубине ямы сидит большая горгона. Спит. Кроме нее там ничего нет.

— Неудивительно, — пробормотал ведьмак. — Отойдем. Тихо. А то сейчас проснется...

Отошли, беспокойно оглядываясь. К следующему гроту, удачно расположенному далеко от логова горгоны, приближались очень медленно, понимая, что осторожность не повредит. Не повредила, но оказалась не нужна. Несколько следующих пещер не скрывали в своих глубинах, кроме нетопырей, сурков, мышей, полевок и землероек. И залежей дерьма.

Геральт устал и был разочарован. Дуссарт тоже, и не скрывал этого. Но держался, надо признать, достойно, не проявляя уныния ни словом, ни жестом. Ведьмак, однако, не имел заблуждений на этот счет. Волколак сомневался в успехе операции. Если верить тому, что Геральт когда-то слышал, и что подтвердила бабка-травница, гора Кремора была с восточной, отвесной стороны дырявая, как сыр, изрытая бесчисленными пещерами. И правда, пещер они нашли бесчестно. Но Дуссарт явно не верил, что удастся вынюхать и отыскать ту, которая, собственно и являлась подземным ходом внутрь скального комплекса Цитадели.

Вдобавок ко всему еще и ударила молния. Грянул гром. И начался ливень. Геральт искренне вознамерился было плюнуть на все, грязно выругаться и объявить предприятие оконченным. Пересилил себя.

— Идем, Дуссарт. Следующая дыра.

— Как пожелаете, господин Геральт.

И вдруг, рядом со следующим отверстием, зияющим в скале, наступил, совсем как в плохом романе, перелом сюжета.

— Нетопыри, — объявил волколак, вынюхивая. — Нетопыри и... кот.

— Рысь? Лесной кот?

— Кот, — выпрямился Дуссарт. — Обычный домашний кот.

*

Отто Дуссарт с интересом присматривался к флакончикам с эликсирами, смотрел, как ведьмак из них пьет. Наблюдал изменения, наступавшие во внешнем виде Геральта, и глаза его расширялись от удивления и страха.

— Не просите меня, — сказал он, — идти с вами в эту яму. Без обид, но не пойду. От страха, что там может быть, аж шерсть дыбом встает...

— Мне и в голову не приходило тебя об этом просить. Возвращайся домой, Дуссарт, к жене и детям. Ты оказал мне услугу, выполнил просьбу, большего я требовать не могу.

— Подожду, — запротестовал волколак. — Подожду, пока выйдете.

— Не знаю, — Геральт поправил меч за спиной, — когда оттуда выйду. И выйду ли вообще.

— Не говорите так. Подожду... Подожду до сумерек.

*

Дно пещеры покрывал толстый слой нетопырьевого гуано. Сами нетопыри — пузатые ушаны — целыми гроздьями висели у свода пещеры, вертясь и сонно попискивая. Свод сначала был высоко над головой Геральта, по ровному дну он мог идти в меру быстро и удобно. Удобство, однако, скоро закончилось — сначала свод, похоже, начал снижаться все сильнее и сильнее, и, в конце концов, не осталось ничего, кроме как передвигаться на четвереньках. А потом — ползти.

Был момент, когда ведьмак задержался, решив повернуть назад — теснота была такая, что можно было серьезно застрять.

Однако он услышал шум воды, а на лице ощутил будто бы дуновение холодного воздуха. Понимая, что рискует, протиснулся в щель, вздохнул с облегчением, когда она начала расширяться. Коридор вдруг круто пошел вниз, ведьмак съехал по нему прямо в русло подземного потока, который выплывал из-под одной скалы и исчезал под противоположной. Откуда-то сверху сочился слабый свет и именно оттуда — с огромной высоты — долетали холодные дуновения.

Понор, в котором исчезал поток, казался полностью залитым водой, а ведьмак, хоть и подозревал, что он сквозной, не горел желанием нырять. Выбрал дорогу к верху ручья, против быстрого течения, по ведущему вверх склону. Пока добрался по склону к большому залу, весь вымок до нитки и вымазался илом известняковых отложений.

Зал был огромный, весь в величественных наплывах, обледенениях, драпировках, сталагмитах, сталактитах и сталагнатах. Поток бежал по дну, изрытому глубоким меандром. Здесь тоже сверху пробивался свет и ощущался слабый сквозняк. И еще что-то. Нюх ведьмака не мог конкурировать с обонянием волколака, но сейчас он чувствовал то же, что и волколак ранее — едва уловимый запах кошачьей мочи.

Постоял минуту, посмотрел по сторонам. Поток воздуха указал ему выход, отверстие, похожее на дворцовый портал с колоннами огромных сталагмитов по бокам. Тут же, рядом, заметил лоток, заполненный мелким песком. Котом пахло именно от него. На песке виднелись многочисленные следы кошачьих лапок.

Ведьмак снова повесил за спину меч, который был вынужден снять в тесноте щелей. И ступил меж сталагмитов.

Легко забирающийся вверх коридор был высокосводчатым и сухим. Пол покрывали валуны, но идти удавалось. Шел. Пока путь не преградила дверь — солидная и запертая.

До этого момента ведьмак был совсем не уверен, что идет по нужной тропе, не имел никакой уверенности в том, что вошел в нужную пещеру. Дверь, казалось, подтверждала, что это так.

В двери, у самого порога, находилось маленькое, совсем недавно выпиленное отверстие.

Проход для кота.

Он толкнул дверь — даже не вздрогнула. Зато вздрогнул — чуть-чуть — ведьмачий амулет. Дверь была магическая, защищенная чарами. Слабое подергивание медальона, однако, говорило о том, что заклинание не самое мощное. Он приблизил лицо к двери.

— Друг.

Дверь бесшумно открылась на смазанных петлях. Как удачно догадался, в слабую магическую защиту и стандартный фабричный пароль серийной продукции никому — на его счастье — не захотелось устанавливать что-то гораздо более изощренное. Они должны были оградить от системы пещер и от существ, неспособных использовать даже самую простую магию.

За дверью, которую он для верности заблокировал камнем, заканчивались естественные пещеры. Начинался коридор, вырубленный в скале кирками.

Но, несмотря на все предпосылки, полной уверенности у него не было. Пока он не увидел свет впереди. Мерцающий свет факела или каганца. И пока не услышал хорошо знакомый смех. Хохот.

— Буу-ххрр-ээх-буэх!

Свет и хохот, как выяснилось, доносились из большого помещения, освещенного воткнутым в железный держатель факелом. У стены громоздились ящики, коробки и бочки. За одним из ящиков, используя бочки в качестве стульев, сидели Буэ и Банг. Они играли в кости. Хохотал Банг, видимо, выбросивший больше очков.

На ящике рядом стояла бутылка водки. Возле нее лежала закуска.

Запеченная человеческая нога.

Ведьмак вынул меч из ножен.

— Привет, парни.

Буэ и Банг некоторое время тарасились на него с открытыми ртами. Потом заревели, вскочили, опрокинув бочки, схватились за оружие. Буэ за косу, а Банг — за широкий скимитар. И бросились на ведьмака.

Они его удивили, хотя он и не рассчитывал, что все будет проще простого. Но не ожидал, что неуклюжие великаны будут настолько быстрыми.

Буэ махнул косой понизу, если бы Геральт не подпрыгнул вверх, то потерял бы обе ноги. И едва избежал удара Банга — скимитар выбил искры из каменной стены.

Ведьмак знал, как справляться с быстрыми. И с большими тоже. Быстрый или медлительный, большой или маленький — у каждого есть места, чувствительные к боли.

И они понятия не имели, каким быстрым становился ведьмак, выпив эликсиры.

Буэ взвыл от удара в локоть, Банг взвыл еще громче, пораженный в колено. Ведьмак обманул его быстрым вольтом, перепрыгнул через лезвие косы, концом клинка рубанул Буэ в ухо. Буэ взревел, качая головой, замахнулся косой для удара. Геральт сложил пальцы и ударил его Знаком Аард. Отброшенный заклинанием Буэ плюхнулся задом на пол так, что залязгал зубами.

Банг широко замахнулся скимитаром. Геральт ловко нырнул под лезвием, мимолетно хлестнул великана по второму колену, развернулся, подскочил к пытающемуся встать Буэ, рубанул его по глазам. Буэ, однако, успел повернуть голову, удар пришелся по надбровным дугам, кровь сразу залила лицо огротролля. Буэ заревел, вскочил, вслепую бросился на Геральта, тот отпрыгнул, Буэ налетел на Банга, столкнулся с ним. Банг оттолкнул его и, бешено рыча, кинулся на ведьмака, наотмашь рубя скимитаром. Геральт ушел от удара быстрым финтом и полуоборотом, резанул огротролля дважды, по обоим локтям. Банг взвыл, но скимитар не выпустил, вновь замахнулся, ударил размашисто и наобум. Геральт увернулся от досягаемости острия. Вольтом очутившись за спиной Банга, он не преминул воспользоваться этой возможностью. Повернул меч и рубанул снизу, вертикально ровно между ягодицами. Банг схватился за зад, завыл, завизжал, задробил ногами, согнул колени и обмочился.

Ослепленный Буэ замахнулся косой. Ударил. Но не ведьмака, который ушел пируэтом. Он попал по своему все еще держащемуся за зад товарищу. И снес ему голову с плеч. Из рассеченной трахеи с громким шипением вышел воздух, кровь из артерии вырвалась, как лава из кратера вулкана, высоко, аж до потолка.

Банг стоял истекающий кровью, словно безголовая статуя в фонтане, удерживаясь вертикально на огромных плоских ступнях. Но, наконец, наклонился и рухнул, как бревно.

Буэ протер залитые кровью глаза. Заревел как буйвол, когда до него, наконец, дошло, что случилось. Затапал ногами, замахал косой. Завертелся на месте, ища ведьмака. Не нашел. Потому что ведьмак был у него за спиной. От удара под мышку выронил косу из рук, бросился на Геральта с голыми руками, ему снова залило кровью глаза, поэтому он столкнулся со стеной. Геральт подскочил, рубанул.

Буэ, видимо, не знал, что у него рассечена артерия. И что он должен был уже давно умереть. Он рычал, вертелся на месте, размахивал руками. Но все же колени под ним

подогнулись, и он опустился на них в лужу крови. Хотя и на коленях он продолжал рычать и отмахиваться, но все медленнее и слабее. Геральт, чтобы закончить, подошел и ткнул его острием под грудину. Это была ошибка.

Огротроль застонал и ухватился за клинок, гарду и руку ведьмака. Глаза его уже затуманились, но хватки он не ослаблял. Геральт поставил ему на грудь сапог, уперся, дернул. Хотя из руки Буэ текла кровь, он ее не отпустил.

— Ты, глупый сукин сын, — процедил входящий в каверну Паштор, целясь в ведьмака из своего двулучного арбалета. — За смертью сюда залез. Так получай, чертов ублюдок. Держи его, Буэ!

Геральт рванулся. Буэ застонал, но не отпустил. Горбун оскалил зубы и нажал на спуск. Геральт, съезжившись, уклонился в падении, тяжелый болт, задев его оперением сбоку, врезался в стену. Буэ отпустил меч, лежа на животе, ухватил ведьмака за ноги, обездвижил его. Паштор триумфально зарычал и поднял арбалет.

Но выстрелить не смог.

В каверну, как серая стрела, ворвался огромный волк. Он ударил Паштора по-волчьи, в ноги, сзади, порвав подколенные связки и артерии. Горбун вскрикнул и упал. Тетива упавшего арбалета щелкнула. Буэ захрипел. Болт попал ему прямо в ухо и вошел до оперения. А наконечник вышел через другое ухо.

Паштор завыл. Волк раскрыл страшную пасть и ухватил его за голову. Вой превратился в хрип.

Геральт отпихнул от ног умершего, наконец-то, огротроля.

Дуссарт, уже в человеческом облике, стоял над трупом Паштора, вытирая губы и подбородок.

— Сорок два года был оборотнем, — сказал он, встретившись глазами с ведьмаком, — и впервые довелось, наконец, кого-то загрызть.

*

— Я должен был прийти, — оправдывался Дуссарт. — Я понял, что обязан вас предупредить, господин Геральт.

— О них? — Геральт вытер клинок, указал на неподвижные тела.

— Не только.

Ведьмак вошел в помещение, на которое указывал оборотень. И невольно отступил.

Каменный пол был черным от запекшейся крови. Посреди комнаты зияла черная огражденная дыра. Рядом возвышалась куча трупов. Голых и покалеченных, изрезанных, четвертованных, некоторые с содранной кожей. Трудно было оценить, сколько их.

Из дыры, из глубины, отчетливо доносились звуки хруста, треска разгрызаемых костей.

— Раньше я не мог этого почувствовать, — пробормотал Дуссарт голосом, полным отвращения. — Только когда вы открыли ту дверь, я почувал, что там, внизу... Бежим отсюда. Подальше от этой трупарни.

— Я должен здесь еще кое-что закончить. Но ты иди. Спасибо тебе огромное за то, что пришел на помощь.

— Не благодарите. Я был у вас в долгу. И счастлив, что смог отплатить.

*

Наверх вела винтовая лестница, вьющаяся внутри вырубленного в скале цилиндрического ствола. Точно оценить было трудно, но Геральт прикинул, что если бы это была лестница стандартной башни, он поднялся бы на второй, может быть, третий этаж. Он насчитал шестьдесят две ступеньки, когда его, наконец, остановила дверь.

Подобно той, что была внизу, она тоже имела выпиленный проход для кота. Как и та, внизу, она была закрыта, однако без магии, и уступила легкому нажатию ручки.

В помещении, куда он вошел, не было окон, и оно было слабо освещено. Под потолком висело несколько магических шаров, но активен был только один. Ужасно воняло химией и всевозможными гадостями. С первого взгляда было ясно, что это за место. Банки, бутылки и флаконы на полках, реторты, стеклянные сосуды и трубки, стальных инструменты и приспособления, одним словом, лаборатория, никаких сомнений.

На полке прямо у входа стояли в ряд большие стеклянные банки. Ближайшая была заполнена человеческими глазами, плавающими в желтой жидкости, как сливы в компоте. Во второй банке был гомункул, крошечный, не больше двух сложенных вместе кулаков. В третьей...

В третьей банке плавала в жидкости человеческая голова. Черты лица, искаженные из-за порезов, отека и обесцвеченной кожи, распознать было трудно, к тому же они были плохо видны через мутноватые потеки и толстое стекло. Но голова была совершенно лысой. Только один чародей брил голову наголо.

Харлан Цара, оказывается, так и не добрался до Повисса.

В остальных банках тоже что-то плавало, какие-то синие и бледные мерзости. Но других голов в них не было.

Центр комнаты занимал стол. Стальной профилированный стол со сливным дренажем.

На столе лежал нагой труп. Трупик. Тело ребенка. Светловолосой девочки.

Тело было вскрыто разрезами Y-образной формы. Извлеченные внутренние органы были разложены по обеим сторонам тела, ровно, упорядоченно, аккуратно. Это выглядело так же, как рисунки в анатомическом атласе. Не хватало только обозначений: рис. 1, рис 2 и так далее.

Краем глаза он заметил движение. Большой черный кот проскользнул вдоль стены, посмотрел на него, зашипел и убежал сквозь приоткрытую дверь. Геральт последовал за ним.

— Господин...

Он остановился. И обернулся.

В углу стояла клетка, низкая, похожая на загон для кур. Он увидел тонкие пальцы, сжатые на железных прутьях. А потом глаза.

— Господин. Спасите...

Мальчик, не старше десяти лет. Сжавшийся и дрожащий.

— Спасите...

— Молчи. Тебе больше ничего не угрожает, только потерпи немного. Я вернусь за тобой.

— Господин! Не уходите!

— Тихо, я сказал.

Сначала была пахнущая пылью библиотека. Потом вроде бы гостиная. А потом спальня. Большая кровать с черным балдахином на опорах из эбенового дерева.

Ведьмак услышал шорох. Повернулся.

В дверях стоял Сорель Дегерлунд. Аккуратно причесанный, в мантии, расшитой золотыми звездами. Рядом с Дегерлундом стояло что-то невероятно большое, совершенно серое и вооруженное зерриканской саблей.

— У меня стоит наготове банка с формалином, — сказал чародей. — Для твоей головы, выродок. Убей его, Бета!

Дегерлунд еще не успел закончить фразу, упиваясь своим голосом, как серое существо уже напало. Невероятно быстрый серый призрак, ловкая и бесшумная серая крыса, со свистом и блеском сабли. Геральт избежал двух ударов, выполненных классически — крест-накрест. После первого он почувствовал возле уха движение рассеченного клинком воздуха, после второго — легкое касание на рукаве. Третий удар он парировал мечом, через мгновение они сошлись вплотную. Он увидел лицо серой твари, большие желтые глаза с вертикальными зрачками, узкие щели вместо носа, заостренные уши. Рта у существа не было вообще.

Разошлись. Тварь оказалась стремительной, атаковала сразу, летучим, танцующим

шагом, снова крест-накрест. Снова предсказуемо. Она была нечеловечески подвижной, невероятно ловкой, дьявольски быстрой. Но глупой.

Она понятия не имела, каким быстрым становился ведьмак, выпив эликсиры.

Геральт позволил ему еще только один удар, от которого ушел маневром. Потом атаковал сам. Искусным и стократно отработанным движением. Он обошел серую тварь быстрым полуоборотом, сделал ложный выпад и рубанул ее в ключицу. Кровь даже не успела брызнуть, когда он повернул меч и вспорол уродца под мышкой. И отскочил, готовый к большему. Но большего не потребовалось.

У твари, как оказалось, был рот. Раскрывшийся на сером лице, как рваная рана, широкий, от уха до уха, но не более чем на полдюйма. Но ни голоса, ни даже звука тварь не издала. Она упала на колени, потом на бок. С минуту дергалась, шевеля руками и ногами, как собака, которой что-то снится. Потом умерла. Тихо.

Дегерлунд совершил ошибку. Вместо того чтобы бежать, он поднял обе руки и начал выкрикивать заклинание, бешеным, лающим, наполненным злобой и ненавистью голосом. Вокруг его рук за клубилось пламя, образуя огненный шар. Это немного напоминало изготовление сахарной ваты. Даже воняло похоже.

Дегерлунд не успел сотворить полный шар. Он понятия не имел, каким быстрым становился ведьмак, выпив эликсиры.

Геральт прыгнул, рубанул мечом по шару и рукам чародея. Грохнуло, как будто разгорелась печь, посыпались искры. Дегерлунд, вереща, выпустил огненную сферу из кровоточащих рук. Шар погас, наполняя комнату запахом жженой карамели.

Геральт отбросил меч. Ударил Дегерлунда по лицу, широко размахнувшись, открытой ладонью. Чародей крикнул, сжался, отвернулся спиной. Ведьмак ухватил его, взял в захват шею, зажав ее предплечьем. Дегерлунд заорал, начал брыкаться.

— Ты не можешь! — завыл он. — Ты не можешь убить меня! Меня нельзя... Ведь я... Я — человек!

Геральт сжал предплечье у него на шее. Для начала не слишком крепко.

— Это не я! — выл чародей. — Это Ортолан! Ортолан приказал мне! Он заставил меня! Бирута Икарти знала обо всем! Она! Бирута! Это была ее идея, этот медальон! Именно она приказала мне сделать его.

Ведьмак усилил давление.

— Спаси-ите! Лю-юди-и! Спаси-ите-е!

Геральт усилил давление.

— Люд... Помогите... Нееее...

Дегерлунд захрипел, из его рта обильно текли слюни. Геральт отвернулся. Усилил давление.

Дегерлунд потерял сознание, обвис. Сильнее. Треснула подъязычная кость. Сильнее. Переломилась гортань. Сильнее. Еще сильнее.

Затрещали и сместились шейные позвонки.

Геральт подержал Дегерлунда еще немного. Затем резко крутанул его голову вбок, для пущей уверенности. Потом отпустил. Чародей рухнул на пол, мягко, как шелковая ткань.

Ведьмак вытер облюнявленный рукав занавеской.

Большой черный кот пришел из ниоткуда. Потеря о тело Дегерлунда. Лизнул неподвижную руку. Замяукал, жалобно заплакал. Лег рядом с трупом, прижался к его боку. Посмотрел на ведьмака широко открытыми золотыми глазами.

— Я должен был, — сказал ведьмак. — Так было надо. Уж кто-кто, но ты должен понять.

Кот зажмурил глаза. В знак того, что понимает.

* * *

Глава Восемнадцатая

*Давайте сядем наземь и припомним
Предания о смерти королей.
Тот был низложен, тот убит в бою,
Тот призраками жертв своих замучен,
Тот был отравлен собственной женой,
А тот во сне зарезан, — всех убили.*

Уильям Шекспир, Ричард II (перевод М. Донского)

День королевской свадьбы радовал погодой уже с раннего утра, синеву над Кераком не пятнало ни единое облачко. Уже с утра было очень тепло, зной смягчало дыхание морского бриза.

С раннего утра в Верхнем Городе царил волнение. Улицы и площади тщательно подметали, фасады домов украшали лентами и гирляндами, на шестах поднимали флажки. Дорогу, ведущую к королевскому дворцу, уже с утра заполнила вереница поставщиков — груженные возы и телеги чередовались с возвращающимися порожними, вверх по склону бежали носильщики, ремесленники, торговцы, гонцы и посыльные. Чуть позже дорогу заполнили портшезы, на которых во дворец добирались свадебные гости. Моя свадьба — это вам не хрен собачий, будто бы объявил король Белогун, моя свадьба должна остаться в памяти людей, а молва о ней должна разойтись по всему белому свету. Поэтому, по приказу короля торжества должны были начаться рано и продолжаться до поздней ночи. Все это время гостей должны были ждать совершенно небывалые развлечения.

Керак был крошечным королевством и, в общем, не слишком важным, так что Геральт сомневался, что мир будет особенно потрясен свадьбой Белогуна — даже если тот решит праздновать хоть целую неделю и черт знает какие придумает развлечения, до людей, живущих дальше ста миль, никакие известия о событиях не смогли бы прийти. Но для Белогуна, что было всем известно, центр мира находился в городе Кераке, а самим миром являлись его окрестности размером немногим больше самого Керака.

Они с Лютиком приделались как можно более элегантно в пределах возможностей, Геральт приобрел даже по этому случаю новенький жакет из телячьей кожи, похоже, сильно переплатив. Что касается Лютика, то он с самого начала объявил, что ему королевская свадьба до одного места, и он не примет в ней участия. Он, правда, числился в списке гостей, но как родственник королевского инстингатора, а не как всемирно известный поэт и бард. И ему не предложили выступить. Лютик воспринял это как неуважение и обиделся. Как обычно, обида его длилась недолго, всего неполных полдня.

Вдоль всей вьющейся по склону дороги во дворец были установлены шесты, на них, лениво развеваясь от бриза, висели желтые флажки с гербом Керака — синим дельфином *nageant* с красными плавниками и хвостом.

Перед въездом на территорию дворца их ждал родственник Лютика Феррант де Леттенхоф в сопровождении нескольких королевских гвардейцев, одетых в цвета гербового дельфина, то есть в синее и красное. Инстингатор поздоровался с Лютиком и подозвал пажа, который должен был помочь поэту и проводить его к месту празднества.

— А вы, милсдарь Геральт, следуйте за мной.

Они прошли боковой парковой аллейкой, очевидно имеющей частично хозяйственное назначение, потому что оттуда доносился стук горшков и кухонной утвари, а также гнусные оскорбления, которыми шеф-повара осыпали поварят. К тому же приятно и вкусно пахло едой. Геральт был знаком с меню, он знал, чем будут лакомиться свадебные гости во время пира. Несколько дней назад он посетил с Лютиком аустерию «Natura Rerum». Фебус Равенга, не скрывая своей гордости, хвастался, что он вместе с несколькими другими рестораторами организует праздник и составляет списки блюд, приготовлением которых будет заниматься элита местных поваров. На завтрак, рассказал он, будут поданы устрицы, морские ежи, креветки и крабовое соте. На второй завтрак мясные холодцы и разнообразные паштеты, лосось копченый и маринованный, заливная утка, овечьи и козьи сыры. На обед будет *ad*

libitum бульон мясной либо рыбный и к нему мясные же или рыбные шарики, суп с фрикадельками из печенки, морской черт, подрумяненный в меду на гриле и морской окунь с шафраном и гвоздикой.

Потом, декламировал Равенга, модулируя голос, как опытный оратор, будет подана мясная вырезка под белым соусом с каперсами, с яйцами и горчицей, ножки лебедей с медом, каплуны, обложенные беконом, куропатки с айвовым повидлом, печеные голуби, а также торт из бараньей печени и ячменной каши. Салаты и всевозможные овощи. Затем карамели, нуга, печенье с начинкой, жареные каштаны, конфитюры и мармелад. Вина из Туссента, разумеется, будут подаваться без перебоев и непрерывно.

Равенга описывал так ярко, что текли слюнки. Геральт сомневался, однако, что ему удастся попробовать что-нибудь из этого обширного меню. На этой свадьбе он отнюдь не был гостем. Он был в худшем положении, чем мечущиеся пажи, которым всегда удается ухватить что-то из проносимых мимо блюд или хотя бы сунуть палец в крем, соус или паштет.

Главным местом празднества был дворцовый парк, некогда храмовый сад, при королях Керака перестроенный и расширенный, в основном, колоннадами, беседками и ротондами. Сегодня среди деревьев и строений дополнительно расставляли многочисленные красочные павильоны, а защитой от палящего солнца и жары служили натянутые на шестах полотнища. Здесь уже собралась толпа гостей. Их не должно было быть слишком много, в общей сложности около двух сотен. Список, согласно слухам, составлял сам король, приглашения должны были получить исключительно особо избранные, самая элита. К элите, как выяснилось, Белогун причислял в основном родственников и свойственников. Помимо них был приглашен местный бомонд и сливки общества: ключевые чиновники, богатейшие местные и иностранные дельцы, а также дипломаты, то есть выдающие себя за торговых атташе шпионы соседних стран. Список дополняла довольно большая группа подхалимов, льстецов и мастеров по влезанию монарху в задницу без мыла.

Возле одного из боковых входов во дворец ожидал принц Эгмунд, одетый в черный кафтан с богатой серебряной и золотой вышивкой. Его сопровождали несколько молодых людей. У всех были длинные завитые волосы, все были одеты по последнему писку моды в подбитые ватой дублеты и обтягивающие штаны с сильно торчащими мешочками на гениталиях. Геральту они не понравились. Не только из-за насмешливых взглядов, которые они бросали на его одежду. Слишком напоминали они Сореля Дегерлунда.

При появлении инстингатора и ведьмака принц немедленно отпустил свиту. Остался только один субъект. У этого волосы были короткими, и штаны он носил нормальные.

Тем не менее, Геральту он не понравился. У него были странные глаза. И взгляд их был неприятным.

Геральт поклонился принцу. Принц, само собой разумеется, не поклонился в ответ.

— Отдай мне меч, — сказал он Геральту сразу же после приветствия. — Ты не можешь здесь щеголять с оружием. Не волнуйся, хоть ты и не будешь видеть меча, он все время будет у тебя под рукой. Я отдал приказ. Если что-то случится, тебе сразу же подадут меч. Этим займется присутствующий здесь капитан Ропп.

— И какова вероятность того, что что-то случится?

— Если бы ее не было или почти не было, стал бы я дурить тебе голову? Ого! — Эгмунд посмотрел на ножны и клинок. — Меч из Вироледы! Не меч, а произведение искусства. Знаю, у меня когда-то был похожий. Его украл мой сводный брат, Вираксас. Когда отец его выгнал, он перед отъездом присвоил много чужих вещей. На память, наверное.

Феррант де Леттенхоф кашлянул. Геральт вспомнил слова Лютика. Имя изгнанного первородного сына запрещалось произносить при дворе. Но Эгмунд, видимо, плевал на запреты.

— Произведение искусства, — повторил принц, все еще разглядывая меч. — Не спрашиваю, каким образом ты его приобрел, но поздравляю с приобретением. Потому что

мне не хочется верить, что те, украденные, были лучше этого.

— Дело вкуса, привычки и предпочтений. Я предпочел бы получить те, украденные. Принц и господин инстигатор дали слово, что обнаружат виновника. Позволю себе напомнить: у нас было условие, при котором я беру на себя задачу защиты короля. Очевидно, что условие не выполнено.

— Очевидно, что нет, — холодно признал Эгмунд, передавая меч капитана Роппу, субъекту с нехорошим взглядом. — Поэтому я чувствую себя обязанным тебе это компенсировать. Вместо трехсот крон, которыми я собирался оплатить твои услуги, получишь пятьсот. Я хотел бы добавить также, что следствие по делу о твоих мечах не прекращено, и ты еще можешь их вернуть. У Ферранта, кажется, есть уже подозреваемый. Правда, Феррант?

— Следствие, — сухо уведомил Феррант де Леттенхоф, — однозначно указывает на некоего Никефора Мууса, чиновника магистрата и суда. Он бежал, но его поимка является лишь вопросом времени.

— Недолгого, я полагаю, — хмыкнул принц. — Невеликое это искусство поймать вымазанного чернилами чиновника. Который вдобавок наверняка нажил себе геморрой, сидя за конторкой — с этим затруднительно убегать, как пешком, так и на лошади. Как вообще он смог удрать?

— Мы имеем дело, — проворчал инстигатор, — с человеком трудно предсказуемым. И, вероятно, умственно неполноценным. Прежде чем исчезнуть, он устроил какое-то отвратительное безобразие в заведении Равенги, с, извините, человеческими экскрементами... Заведение пришлось закрыть на некоторое время, потому что... Я опущу шокирующие подробности. При совершении обыска в квартире Мууса украденные мечи не были обнаружены, вместо этого нашли... Извините... Кожаный ранец, до краев заполненный...

— Не говори, не говори, догадываюсь, чем, — поморщился Эгмунд. — Да, это действительно многое говорит о психическом состоянии этого субъекта. Твои мечи, ведьмак, в таком случае, скорее всего пропали. Даже если Феррант поймает его, он ничего не узнает от сумасшедшего. Таких даже под пытки не стоит отправлять, мучения вызывают у них только бред без ладу и складу. Однако извините, долг зовет.

Феррант де Леттенхоф проводил Геральта к главному входу на территорию дворца. Вскоре они оказались на выложенном каменными плитами дворике, где сенешаль приветствовал прибывающих гостей, а гвардейцы и пажи сопровождали их дальше, вглубь парка.

— Чего мне следует ожидать?

— Что?

— Чего мне следует ожидать здесь сегодня? Какое из этих слов непонятно?

— Принц Ксандер, — инстигатор понизил голос, — хвастался при свидетелях, что уже завтра станет королем. Но он говорит это уже не первый раз, и всегда, будучи нетрезвым.

— Он способен устроить переворот?

— Вряд ли. Но у него есть камарильи, наперсники и фавориты. Более способные.

— Много ли правды в том, что Белогун сегодня объявит наследником трона своего сына, зачатого с новой женой?

— Много.

— А теряющий шансы на трон Эгмунд — смотрите и любуйтесь — нанимает ведьмака для охраны и защиты отца. Достойная восхищения сыновняя любовь!

— Не рассуждай. Взятся за дело — выполняй его.

— Я взялся и выполняю. Хотя оно очень неясное. Я не знаю, кто в случае чего будет против меня. Но я хотя бы должен знать, кто в случае чего меня поддержит.

— Если понадобится меч, то, как и обещал принц, его подаст тебе капитан Ропп. Он также будет поддерживать тебя. Я помогу, чем смогу. Потому что я желаю тебе успеха.

— С каких пор?

— Что?

— Мы никогда не разговаривали с глазу на глаз. Всегда с нами был Лютик, и при нем я не хотел затрагивать эту тему. Подробная информация в письменном виде о моих предполагаемых махинациях. Откуда она у Эгмунда? Кто ее сфабриковал? Ясно, что не он сам. Значит сфабриковал ее ты, Феррант.

— Не имею с этим ничего общего. Уверяю...

— Ты плохо лжешь для стража закона. Не представляю, каким чудом ты достиг этого положения.

Феррант де Леттенхоф замолчал.

— Я был вынужден, — сказал он. — Я выполнял приказы.

Ведьмак долго смотрел на него.

— Ты не поверишь, — сказал он, наконец, — сколько раз я слышал нечто подобное. Отрадно, что чаще всего из уст людей, которых через минуту должны были повесить.

*

Литта Нейд была среди гостей. Он нашел ее легко. Потому что она бросалась в глаза.

Сильно декольтированное платье из сочно-зеленого крепдешина было спереди украшено вышивкой в виде стилизованной бабочки, сверкающей от крошечных блесток. Платье было внизу с оборками. Оборки в одежде женщин старше десяти лет, как правило, вызывали у ведьмака ироническое сочувствие, в платье Литты, однако, они сочетались со всем остальным, и поэтому были более чем привлекательны.

Шею чародейки охватывало кольцо из шлифованных изумрудов. Каждый был не мельче, чем миндаль. Один из них был гораздо крупнее.

Ее рыжие волосы были как лесной пожар.

Рядом с Литтой стояла Мозаик. В черном и удивительно смелом платье из шелка и шифона, на плечах и рукавах полностью прозрачном. Шея и декольте девушки были прикрыты чем-то вроде причудливо драпированных шифоновых брыжей, в сочетании с длинными черными перчатками это придавало ее силуэту ауру экстравагантности и тайны.

Обе носили туфли на четырехдюймовых каблуках. Литта — из кожи игуаны, Мозаик — черные лакированные.

Геральт мгновение колебался, подойти ли. Но только мгновение.

— Здравствуй, — спокойно приветствовала его она. — Какая встреча, рада тебя видеть. Мозаик, ты выиграла, белые туфельки твои.

— Пари, — догадался он. — Что послужило предметом?

— Ты. Я полагала, что мы тебя больше не увидим, предложила пари, что ты больше не появишься. Мозаик пари приняла, потому что предполагала иначе.

Она одарила его глубоким нефритовым взглядом, видимо, ожидая комментария. Хоть слова. Любого. Геральт молчал.

— Здравствуйте, прекрасные дамы! — Лютик вырос как из-под земли, прямо *deus ex machina*. — Низко кланяюсь, отдавая дань красоте. Госпожа Нейд, госпожа Мозаик. Простите, что без цветов.

— Прощаем. Ну, что там нового в искусстве?

— Как обычно в искусстве, все и ничего, — Лютик снял с подноса проходящего мимо пажа пару бокалов вина и вручил их дамам. — Как-то тоскливо на этой вечеринке, вам не кажется? Но вино хорошее. Эст-Эст, сорок за пинту. Красное тоже ничего, я пробовал. Только не пейте гипокрас, не умеют они его готовить. А гости все прибывают, заметили? Как обычно в высших сферах, эдакие гонки наоборот, бег *a rebours*, побеждает и пожинает лавры тот, кто появится последним. И появится красиво. Я думаю, мы наблюдаем финиш. Финишную черту пересекает владелец сети лесопилок с супругой, и тут же проигрывает идущему вслед за ним начальнику порта с супругой. Тот, в свою очередь, проигрывают неизвестному мне элегантному...

— Это шеф ковирского торгового представительства, — пояснила Коралл. — С супругой. Интересно, чьей.

— К группе лидеров, посмотрите, присоединяется Пирал Пратт, старый бандит. С ничего себе такой партнершей... Вот зараза!

— Что случилось?

— Эта женщина рядом с Праттом... — захлебнулся Лютик. — Это... Это Этна Асидер... Вдовица, которая продала мне меч...

— Она так представилась? — усмехнулась Литта. — Этна Асидер? Банальная анаграмма. Эту особу зовут Антея Деррис. Старшая дочь Пратта. Никакая она не вдовица, поскольку никогда не была замужем. Ходят слухи, что она не любит мужчин.

— Дочь Пратта? Не может быть! Я был у него...

— И не встречал ее там, — не дала ему закончить чародейка. — Ничего удивительного. Антея не в лучших отношениях с семьей, даже фамилию не использует, пользуется псевдонимом, составленным из двух имен. С отцом общается только по деловым вопросам, которыми занимается очень активно. Я сама удивляюсь, видя их здесь вместе.

— Наверное, есть взаимные интересы, — резко заметил ведьмак.

— Страшно подумать, какие. Антея официально занимается торговым посредничеством, но ее любимый спорт — аферы, надувательство и мошенничество. Поэт, хочу тебя попросить. Ты человек опытный, а Мозаик нет. Поводи ее среди гостей, представь тем, с кем стоит познакомиться. И покажи ей тех, с кем не стоит.

Заверив Коралл, что ее желание для него равносильно приказу, Лютик подал Мозаик руку. Они остались одни.

— Пойдем, — прервала Литта длительное молчание. — Пройдемся. Туда, на холм.

С холма, с обители размышлений, с высоты открывался вид на город, на Пальмиру, порт и море. Литта заслонила глаза ладонью.

— Что это там влывает на рейд? И становится на якорь? Трехмачтовый фрегат интересной конструкции. Под черными парусами, ха, это довольно необычно...

— Оставим фрегаты. Лютик и Мозаик ушли, мы одни и в сторонке.

— А ты, — обернулась она, — размышляешь, зачем. Ждешь, о чем таком я буду с тобой говорить. Ждешь вопросов, которые я задам. А я, может, просто хочу рассказать тебе последние сплетни? Из среды чародеев? О, нет, не бойся, они не касаются Йеннифэр. Они касаются Риссберга, места, так или иначе, хорошо тебе известного. Там недавно произошли серьезные изменения... Я не вижу в твоих глазах искры любопытства. Продолжать?

— Да, пожалуйста.

— Все началось, когда умер Ортолан.

— Ортолан мертв?

— Он умер меньше недели назад. Согласно официальной версии смертельно отравился удобрениями, над которыми работал. Но ходят слухи, что это был инсульт, вызванный известием о внезапной смерти одного из его любимых учеников, погибшего в результате какого-то неудачного и очень подозрительного эксперимента. Речь идет о некоем Дегерлунде. Припоминаешь его? Вы встречались, когда ты был в замке?

— Не исключено. Я встречался со многими. Не каждого из них стоило запоминать.

— Ортолан вроде бы обвинил в смерти своего ученика весь штат Риссберга, пришёл в ярость и получил инсульт. Он был действительно старым, много лет страдал от гипертонии, не была секретом его зависимость от фисштеха, а фисштех и гипертония это гремучая смесь. Но там, наверное, было что-то существенное, потому что в Риссберге произошли значительные кадровые перемены. Еще до смерти Ортолана там дошло до конфликтов, вынужден был уйти в отставку, среди прочих, Алджернон Гвинкамп, более известный как Пинети. Его ты точно знал. Потому что, если кого-то там и стоило запомнить, то именно его.

— Это правда.

— Смерть Ортолана, — Коралл внимательно посмотрела на него, — вызвала быструю реакцию Капитула, до ушей которого уже раньше доходили некоторые тревожные новости о

выходках покойного и его питомца. Что интересно, и в наше время все более характерно, лавину вызвал крошечный камешек. Нечего не значащий человек из простых, какой-то настырный шериф или констебль. Он заставил действовать своего начальника, бейлифа из Горс Велена. Бейлиф передал обвинение наверх, и так, ступенька за ступенькой, дело дошло до королевского совета, а оттуда в Капитул. Короче говоря: обнаружили виновных в отсутствии контроля. Из администрации пришлось уйти Бируте Икарти, она вернулась в школу, в Аретузу. Ушли Аксель Рябой и Сандовал. Зангенис сохранил положение, получил от Капитула поощрение за то, что доносил на остальных и свалил на них всю вину. Как тебе это нравится? Может, что-нибудь скажешь по этому поводу?

— А что я могу сказать, это ваши дела. И ваши интриги.

— Интриги, разгоревшиеся в Риссберге вскоре после твоего визита туда.

— Ты переоцениваешь меня, Коралл. И мои истинные возможности.

— Я никогда ничего не переоцениваю. И редко недооцениваю.

— Мозаик и Лютик вот-вот вернутся, — он в упор смотрел ей в глаза. — Ты ведь неспроста велела им уйти. Скажи, наконец, в чем дело.

Она выдержала его взгляд.

— Ты хорошо знаешь, в чем дело, — сказала она. — Не оскорбляй мой интеллект, принижая напоказ свой собственный. Ты не был у меня больше месяца. Нет, не думай, что я ожидаю приторной мелодрамы или патетически-сентиментальных жестов. От отношений, которые уже позади, я не жду ничего, кроме приятных воспоминаний.

— Ты использовала, кажется, слово «отношения»? Действительно, поражает его семантическая емкость.

— Ничего, — она пропустила его слова мимо ушей, но глаз не опустила, — кроме приятных воспоминаний. Не знаю, как ты это воспринимаешь, но что касается меня, что же, я скажу честно, в этом нет ничего хорошего. Стоило бы, как мне кажется, сделать небольшое усилие в этом направлении. Думаю, многого не требуется. Так, что-то небольшое, но красивое, красивый финальный аккорд, то, что оставит приятное воспоминание. Ты решишься на что-то такое? Захочешь прийти ко мне?

Он не успел ответить. Раздались оглушительные удары колокола на кампаниле, пробившие десять ударов. Затем зазвучали трубы — громкий, медный и немного какофонический звук фанфар. Сине-красные гвардейцы разделили толпу гостей, образовав коридор. Под портиком у входа во дворец появился маршал двора, с золотой цепью на шее и большим, как столб, посохом в руке. За маршалом шагали глашатаи, за глашатаями сенешаль. И за сенешалем, в собольей шапке на голове и со скипетром в руке, двигалась костлявая и жилистая особа — Белогун, король Керака. Рядом с ним шла худенькая блондиночка в вуали, которая могла быть только королевской избранницей, в совсем недалеком будущем его супругой и королевой. Блондинка была одета в белоснежное платье и обвешана бриллиантами, пожалуй, чрезмерно, пожалуй по-нуворишески и слишком безвкусно. Так же, как у короля, на ее плечах была горностаевая мантия, поддерживаемая сзади пажами.

Позади королевской четы, где-то грубо говоря, шагах в пятнадцати за поддерживающими горностаев пажами, следовала королевская семья. Среди них, конечно же, Эгмунд, рядом с ним кто-то светлый, как альбинос, это мог быть только его брат Ксандер. За братьями шли остальные родственники, несколько мужчин, несколько женщин, с ними несколько подростков, мальчиков и девочек, очевидно, потомки законные и внебрачные.

Пройдя мимо кланяющихся гостей и глубоко приседающих дам, королевская процессия достигла цели — сооружения, чем-то напоминающего эшафот. На возвышении, накрытом сверху балдахином, а по сторонам огороженном гобеленами, было установлено два трона. На которые уселись король и невеста. Остальным родственникам велели стоять.

Трубы вновь разорвали уши медным ревом. Маршал двора, размахивая руками, как дирижер перед оркестром, призвал гостей провозглашать здравицы, поздравления и тосты.

После чего со всех сторон послушно посыпались пожелания несокрушимого здоровья, счастья, благополучия, всего самого лучшего, долгих лет жизни, еще более долгих, еще дольше, еще и еще, гости и придворные старались превзойти друг друга. Король Белогун не изменил своего надменного и напыщенного выражения лица, свое удовлетворение от пожеланий, комплиментов и од в его честь и в честь его избранницы он демонстрировал только легкими покачиваниями скипетра.

Маршал успокоил гостей и произнес речь, говорил долго, плавно переходя от высокопарности к напыщенности и обратно. Геральт все свое внимание уделял наблюдению за толпой, так что эту речь воспринимал с пятого на десятое. Король Белогун, огласил всем и каждому маршал двора, искреннее счастлив видеть здесь столь много выдающихся персон, рад их приветствовать, в этот торжественный день желает гостям того же, что они пожелали ему, свадебная церемония состоится во второй половине дня, а до той поры пусть гости едят, пьют и радуют себя многочисленными запланированными по этому случаю развлечениями.

Рев труб объявил об окончании официальной части. Королевская процессия начала покидать парк. Среди гостей Геральт успел рассмотреть несколько довольно подозрительно ведущих себя группок. Особенно ему не понравилась одна из них, потому что они кланялись процессии не так низко, как другие, и старались протолкнуться к воротам дворца. Он немного переместился к шеренге сине-красных солдат. Литта шла рядом.

Белогун шагал, глядя прямо перед собой. Невеста осматривалась, иногда кивая головой поздравляющим ее гостям. Порыв ветра на мгновение приподнял вуаль. Геральт увидел огромные голубые глаза. Увидел, как эти глаза обнаружили вдруг среди толпы Литту Нейд. И как в этих глазах загорелась ненависть. Чистая, незамутненная, прямо-таки дистиллированная ненависть.

Длилось это секунду, потом зазвучали трубы, процессия прошла, промаршировали гвардейцы. Подозрительно ведущая себя группка, как оказалось, имела своей единственной целью стол с вином и закусками, который они тут же оккупировали и опустошили, опережая прочих.

На импровизированных сценах тут и там начались выступления: заиграли ансамбли гуслей, лир, флейт и свирелей, запели хоры. Жонглеры сменяли фокусников, силачи уступали место акробатам, канатоходцев сменяли обнаженные танцовщицы с бубнами. Становилось все веселее. Щечки дам разрумянились, лица мужчин заблестели от пота, голоса тех и других становились все громче. И слегка невнятными.

Литта затащила его за павильон. Они спугнули парочку, которая пряталась там в явно сексуальных целях. Чародейка не смутилась, не обратила на них никакого внимания.

— Я не знаю, что готовится, — сказала она. — Не знаю, хотя догадываюсь, зачем и почему ты здесь. Но держи глаза открытыми, и все, что будешь делать, делай с учетом того, что королевская невеста есть не кто иная, как Илдико Брекл.

— Не спрашиваю, знакомы ли вы. Я видел этот взгляд.

— Илдико Брекл, — повторила Коралл. — Это ее имя. Ее выгнали из Аретузы на третий год. За мелкое воровство. Как вижу, она преуспела в жизни. Чародейкой не стала, но через несколько часов станет королевой. Вишенка на торте, черт бы ее побрал. Семнадцать лет? Старый дурак. Ей уже добрых двадцать пять.

— И она очень тебя не любит.

— Это взаимно. Она признанная интриганка, за ней всегда тянется ворох проблем. Но это еще не все. Тот фрегат, который вошел в порт под черными парусами. Я уже знаю, что это за корабль, слышала о нем. Это «Ахеронтия». Он имеет очень плохую репутацию. Там, где он появляется, как правило, что-то случается.

— Что, например?

— Это экипаж наемников, которых, по-видимому, можно нанять для чего угодно. А для чего, по-твоему, нанимают наемников? Для кладки кирпичей?

— Я должен идти. Извини, Коралл.

— Что бы ни случилось, — медленно произнесла она, глядя ему в глаза. — Что бы ни

произошло, я не могу быть в этом замешана.

— Не беспокойся. Я не намерен звать тебя на помощь.

— Ты меня неправильно понял.

— Конечно. Извини, Коралл.

*

Сразу за поросшей плющом колоннадой он столкнулся с возвращающейся Мозаик. Удивительно спокойной и холодной среди жары, шума и суеты.

— Где Лютик? Он оставил тебя?

— Оставил, — вздохнула она. — Но вежливо извинился, и вам тоже велел передать извинения. Его попросили о приватном выступлении. В дворцовых покоях, для королевы и ее фрейлин. Он не мог отказать.

— Кто его попросил?

— Мужчина, похожий на солдата. Со странным выражением глаз.

— Я должен идти. Прости, Мозаик.

За украшенным цветными ленточками павильоном собралась небольшая толпа, подавали еду: пироги, лососину и заливную утку. Геральт прокладывал себе дорогу, выискивая капитана Роппа или Ферранта де Леттенхофа. Вместо этого вышел прямо на Фебуса Равенгу.

Ресторатор выглядел как аристократ. Он был одет в парчовый дублет, на голове его была шляпа, украшенная пучком пышных страусиных перьев. Его сопровождала дочь Пирала Пратта, изящная и элегантная в черном мужском костюме.

— О, Геральт, — обрадовался Равенга. — Позволь, Антея, представить тебе: Геральт из Ривии, знаменитый ведьмак. Геральт, это госпожа Антея Деррис, торговый посредник. Выпей с нами вина...

— К сожалению, — извинился он, — я спешу. Госпожа Антея, я уже с вами знаком, хотя и не лично. Будучи на твоём месте, Фебус, я не покупал бы у нее ничего.

Портик над входом во дворец какой-то ученый лингвист украсил надписью: CRESCITE ET MULTIPLICAMINI. А Геральта остановили скрещенные древка алебард.

— Вход воспрещен.

— Мне нужно срочно увидеть королевского инстигатора.

— Вход воспрещен, — из-за алебардщиков вышел начальник караула. В левой руке он держал эспонтон. Грязный палец правой руки целился Геральту прямо в нос. — Запрещен, понимаешь, милсдарь?

— Если не уберешь палец от моего лица, я тебе сломаю его в нескольких местах. Ну вот, так лучше. А теперь проводи меня к инстигатору.

— Всякий раз, когда ты натыкаешься на стражу, сразу же скандал, — отозвался из-за спины ведьмака Феррант де Леттенхоф, он, видимо, шел следом за ним. — Это серьезный недостаток характера. Могут быть неприятные последствия.

— Я не люблю, когда кто-то не дает мне войти.

— А для этого как раз и существуют часовые и стражи. Они не были бы нужны, если бы вход всюду был свободен. Пропустите его.

— У нас приказ самого короля, — командир караула нахмурился. — Никого не впускать без досмотра.

— Тогда досмотрите его.

Досмотр был тщательным, стражники не ленились, обыскали детально, не ограничиваясь беглым ощупыванием. Не нашли ничего, стилета, который Геральт обычно носил в голенище, на свадьбу он не взял.

— Удовлетворен? — инстигатор посмотрел на начальника караула сверху вниз. — Тогда отодвиньтесь и пропустите нас.

— Прошу прощения у вашей милости, — процедил начальник. — Приказ короля был

ясным. Он касается всех.

— Что? Не забывайся, парень! Знаешь, перед кем стоишь?

— Никого без досмотра, — начальник кивнул стражникам. — Приказ был ясным. Пусть ваша милость не устраивает проблем. Нам... и себе.

— Что тут сегодня делается?

— По этому вопросу обращайтесь к начальству. Мне приказали досматривать.

Инстигатор тихо выругался и согласился на досмотр. У него не было при себе даже перочинного ножика.

— Что все это может значить, хотел бы я знать, — сказал он, когда они, наконец, пошли по коридору. — Я серьезно обеспокоен. Seriously обеспокоен, ведьмак.

— Лютика не видел? Вроде бы его вызвали во дворец, для выступления.

— Ничего об этом не знаю.

— А ты знаешь, что в порт прибыла «Ахеронтия»? Тебе говорит что-нибудь это имя?

— И очень много. И мое беспокойство возрастает. С каждой минутой. Поедем!

В вестибюле — бывшем дворике храма — вертелись вооруженные протазанами гвардейцы, сине-красные мундиры мелькали также на галереях. Из коридоров доносились топот сапог и громкие голоса.

— Эй! — инстигатор остановил проходящего мимо солдата. — Сержант! Что здесь происходит?

— Простите, ваша милость... Спешу по приказу...

— Стой, я говорю! Что здесь происходит? Я требую объяснений! Что-то не так? Где принц Эгмунд?

— Господин Феррант де Леттенхоф.

В дверях, под знаменами с синим дельфином, под охраной четырех рослых молодых в кожаных кабатах стоял король Белогун собственной персоной. Избавившись от королевских атрибутов, он уже не выглядел королем. Он был похож на крестьянина, у которого только что отелилась корова. Родив на свет распрекрасного теленка.

— Господин Феррант де Леттенхоф, — в голосе короля тоже звучала радость от приплота. — Королевский инстигатор. Значит, мой инстигатор. А может, не мой? Может быть, моего сына? Появляешься, хотя я тебя не звал. На самом деле, присутствовать здесь в настоящее время было твоей служебной обязанностью, но я тебя не вызывал. Пусть, думал я, Феррант развлекается, пусть поест, выпьет, приголубит какую-нибудь пташку и оттрахает в беседке. Я Ферранта не вызывал, не хотел его здесь видеть. Ты знаешь, почему не хотел? Потому что не был уверен, кому он служит. Кому ты служишь, Феррант?

— Я служу, — инстигатор низко поклонился, — Вашему Королевскому Величеству. Я полностью предан Вашему Королевскому Величеству.

— Все слышали? — Король театрально огляделся. — Феррант мне предан! Хорошо, Феррант, хорошо. Я ждал такого ответа, королевский инстигатор. Можешь остаться, пригодишься. Загружу тебя сейчас заданиями в самый раз для инстигатора... Эй! А это кто здесь? Кто это? Подожди, подожди! Не тот ли это ведьмак, который мошенничал? На которого указала нам чародейка?

— Оказалось, что он невиновен, чародейка были введена в заблуждение. На него донесли...

— На невинных не доносят.

— Было решение суда. Дело прекращено за отсутствием состава преступления.

— Но дело было, значит, было зловоние. Судебные решения и суждения исходят от фантазии и прихоти судебных чиновников, зловоние же исходит от самого судебного дела. Хватит об этом, не буду тратить время на лекции по юриспруденции. В день своей свадьбы я могу позволить себе снисходительность, я не прикажу бросить его в тюрьму, но пусть этот ведьмак немедленно уберется прочь с моих глаз. И никогда больше мне на глаза не попадается.

— Ваше Королевское Величество... Я обеспокоен... В порт якобы вошла «Ахеронтия».

В данной ситуации соображения безопасности диктуют необходимость обеспечить охрану... Ведьмак мог бы...

— Что он мог бы? Заслонить меня своей грудью? Поразить злодеев ведьмачьими чарами? Именно такое задание дал ему Эгмунд, мой любящий сын? Защитить отца и сохранить его безопасность? Иди за мной, Феррант. А, к черту, изволь и ты, ведьмак. Я вам кое-что покажу. Вы увидите, как я забочусь о собственной безопасности и как обеспечиваю свою защиту. Присмотритесь. Послушайте. Может, чему-нибудь научитесь. И что-то узнаете. О себе. Давайте, за мной!

Пошли, подгоняемые королем и окруженные бугаями в кожаных кабатах. Они вошли в большой зал, под расписанным морскими волнами и чудовищами потолком здесь, на возвышении стоял трон, на который уселся Белогун. Напротив, под фреской, изображающей стилизованную карту мира, на скамейке, под охраной других бугаев, сидели королевские сыновья. Принцы Керака. Черный, как ворон, Эгмунд и белый, как альбинос, Ксандер.

Белогун развалился на троне. Он смотрел на сыновей свысока, взглядом триумфатора, от которого падают на колени, моля о пощаде, побежденные в битве враги. На изображениях, которые Геральт видел, у победителей, как правило, были на лицах значительность, достоинство, благородство и уважение к побежденным. На лице Белогуна бессмысленно было искать эти чувства. На нем было нарисовано только ядовитая насмешка.

— Мой придворный шут, — сказал король, — вчера заболел. Подхватил понос. Я думал, не повезло, не будет шуток, не будет веселых сценок, не будет смешно. Я был неправ. Мне смешно. Так смешно, что животик надрываю. Потому что это вы, вы оба, сыновья мои, смешные. Жалкие, но смешные. Многие годы, я вам обещаю, с моей женошкой в постели, после шалостей и любовных игр, всякий раз, вспоминая о вас обоих, об этом дне, мы будем смеяться до слез. Потому что, в конце концов, нет ничего смешнее, чем дураки.

Ксандер, это было нетрудно заметить, боялся. Он бегал глазами по залу и сильно потел. Эгмунд наоборот, не проявлял страха. Он смотрел отцу прямо в глаза с ответной язвительностью.

— Народная мудрость гласит: надейся на лучшее — будь готов к худшему. И я был готов к худшему. Потому что может ли быть что-нибудь хуже измены родных сыновей? Среди ваших самых доверенных соратников я внедрил своих агентов. Ваши сообщники предали вас, как только на них нажали. Ваши пособники и фавориты просто сбежали из города.

— Да, сыны мои. Вы думали, что я слепой и глухой? Что я старый, дряхлый и немощный? Вы думали, что я не вижу, как вы оба стремитесь получить трон и корону? Что вы жаждете их, как свинья трюфелей? Свинья, когда почует запах трюфеля, глупеет. От желания, от жадности, от вожделения и дикого аппетита. Свинья бесится, визжит, роет землю, невзирая ни на что, лишь бы только дорваться до трюфеля. Чтобы ее отогнать, нужно крепко лупить ее дубиной. И вы, сыновья, оказались просто свиньями. Почуввав гриб, вы с ума посходили от жадности и аппетита. Только получите вы дерьма, а не трюфель. И дубины тоже попробуете. Вы пошли против меня, сынки, покусились на мою власть и мою особу. Здоровье людей, которые идут против меня, как правило, быстро ухудшается. Это факт, подтвержденный медицинской наукой.

— В порту бросил якорь фрегат «Ахеронтия». Он приплыл сюда по моему приказу, это я нанял капитана. Суд соберется завтра утром, решение будет принято до полудня. И в полдень вы оба будете на корабле. С палубы вам позволят сойти только когда фрегат пройдет мимо маяка на Пейш де Мар. Что практически означает, что вашим новым местом жительства будет Назаир. Эббинг. Мехт. Или Нильфгаард. Или самый край света и чистилище, если вы предпочтете отправиться туда. Потому что сюда, в эти окрестности, вы не вернетесь никогда. Никогда. Если хотите сохранить головы на плечах.

— Хочешь нас изгнать? — завыл Ксандер. — Как изгнал Вираксаса? Наши имена тоже запретишь произносить при дворе?

— Вираксаса я выгнал в гнев и без приговора. Это не значит, что я не прикажу его

казнить, если он осмелился вернуться. Вас обоих осудит на изгнание трибунал. Легально и законно.

— Ты в этом так уверен? Посмотрим! Посмотрим, что на такое беззаконие скажет суд!

— Суд знает, какого приговора я ожидаю, такой и вынесет. Единодушно и единогласно.

— Так уж единогласно! В этой стране суды независимы.

— Суды да. Но судьи — нет. Ты глуп, Ксандер. Твоя мать была глупа, как пробка. Ты пошел в нее. Даже этот заговор ты, конечно, придумал не сам, все спланировал кто-то из твоих фаворитов. Но в целом я рад, что ты затеял заговор, с удовольствием от тебя избавлюсь. Другое дело Эгмунд. Эгмунд умен. Ведьмак, нанятый для защиты отца заботливым сыном, ах, как же ловко ты скрывал это в тайне, так что все об этом узнали. А потом контактный яд. Хитрая штука этот яд, мою еду и питье пробуют, но кто бы мог подумать про ручку каминной кочерги в королевской спальне? Кочерги, которой пользуюсь только я, и никому не позволяю ее трогать? Хитро, хитро, сынок. Только твой отравитель предал тебя, так уж оно бывает: предатели предают предателей. Что же ты молчишь, Эгмунд? Разве тебе нечего сказать?

Глаза Эгмунда были холодными, по-прежнему в них не было и тени страха. Его не пугает перспектива ссылки, понял Геральт, он не думает ни об изгнании, ни о жизни на чужбине, не думает об «Ахеронтии», не думает о Пейш де Маре. Так о чем же он думает?

— Тебе, — повторил король, — нечего сказать, сынок?

— Только одно, — процедил Эгмунд. — Тоже из народной мудрости, которую ты так любишь. Нет хуже дурака, чем старый дурак. Вспомни мои слова, дорогой отец. Когда придет время.

— Взять их под замок и охранять, — приказал Белогун. — Это твое задание, Феррант, это дело инстингатора. А теперь вызвать ко мне сюда портного, маршала двора и нотариуса, все остальные вон. А ты, ведьмак... Научился чему-то сегодня, правда? Узнал кое-что о себе? А именно то, что ты наивный простофиля? Если ты это понял, значит есть хоть какая-то польза от твоего сегодняшнего визита сюда. Который только что закончился. Эй, там, двое ко мне! Проводите этого ведьмака к воротам и вышвырните его вон. Присмотрите, чтобы он не спер что-нибудь из столового серебра!

*

В коридоре позади вестибюля им преступил дорогу Ропп. В компании двух лиц с такими же глазами, движениями и осанкой. Геральт готов был держать пари, что все трое когда-то служили в одной и той же части. И вдруг он понял. Внезапно понял, что знает, что произойдет дальше, как развернутся события. Поэтому не удивился, когда Ропп заявил, что принимает на себя наблюдение за сопровождаемым, и приказал охранникам удалиться. Он знал, что капитан предложит ему следовать за ним. Как он и ожидал, двое других шли сзади, за его спиной.

Предчувствовал, кого он увидит в комнате, в которую они вошли.

Лютик был бледен, как мертвец, и явно в ужасе. Но вроде бы невредим. Он сидел на стуле с высокой спинкой. За стулом стоял тощий тип с заплетенными в косичку волосами. Тип держал в руке мизерикордию с длинным, тонким четырехгранным лезвием. Острие было направлено в шею поэта, под челюстью, наискось вверх.

— Только без глупостей, — предупредил Ропп. — Без глупостей, ведьмак. Одно необдуманное движение, даже одно шевеление, и господин Самса заколет музыканта как борова. Без колебаний.

Геральт знал, что господин Самса не станет колебаться. Потому что глаза господина Самсы были еще гаже, чем у Роппа. Это были глаза с очень необычным выражением. Людей с такими глазами иногда можно встретить в моргах и прозекториях. Они нанимались туда вовсе не для того, чтобы зарабатывать на жизнь, а чтобы иметь возможность реализовать

скрытые наклонности.

Геральт уже понял, почему принц Эгмунд был спокоен. Почему без страха смотрел в будущее...

И в глаза отца.

— Подразумевается, что ты будешь послушным, — сказал Ропп. — Если будешь послушным, оба останетесь в живых.

— Сделаешь то, что мы тебе скажем, — продолжал врать капитан, — и мы отпустим тебя и стихоплета. Будешь упрямым — убьем обоих.

— Ты совершаешь ошибку, Ропп.

— Господин Самса, — Ропп не обратил внимания на предупреждение, — побудет здесь с музыкантом. Мы, то есть ты и я, отправимся в королевские покои. Там будет стража. У меня, как видишь, твой меч. Я отдам его тебе, и ты займешься стражей. И отрежешь тех, кого стража успеет вызвать, убьешь их всех. Услыхав шум, камердинер выведет короля через тайный выход, а там будут ждать господа Рихтер и Твердорук. Которые немного изменят порядок наследования местного престола и историю местной монархии.

— Ты совершаешь ошибку, Ропп.

— Сейчас, — сказал капитан, подходя совсем близко. — Сейчас ты подтвердишь, что понял задание и что выполнишь его. Если ты этого не сделаешь, пока я мысленно досчитаю до трех, господин Самса пронзит музыканту барабанную перепонку в правом ухе, а я буду считать дальше. Если не будет ожидаемого эффекта, господин Самса ткнет в другое ухо. А потом выколет поэту глаз. И так далее, до завершения, которым будет укол в мозг. Я начинаю считать, ведьмак.

— Не слушай его, Геральт! — Лютик каким-то чудом издал голос из сжатого горла. — Они не посмеют прикоснуться ко мне! Я знаменитость!

— Он, — мрачно оценил Ропп, — видимо не воспринимает нас всерьез. Господин Самса, правое ухо.

— Стой! Нет!

— Уже лучше, — кивнул головой Ропп. — Уже лучше, ведьмак. Подтверди, что ты понял задание. И что выполнишь его.

— Убери стилет подальше от уха поэта.

— Ха, — усмехнулся господин Самса, поднимая мизерикордию высоко над головой. — Так хорошо?

— Так хорошо.

Геральт левой рукой схватил Роппа за запястье, правой — за рукоять своего меча. Сильным рывком притянул капитана к себе и изо всех сил ударил его лбом в лицо. Хрустнуло. Пока падал Ропп, ведьмак выхватил меч из ножен, одним плавным движением с короткого оборота отсек господину Самсе поднятую руку с мизерикордией. Самса закричал, рухнул на колени. Рихтер и Твердорук бросились на ведьмака с обнаженными кинжалами, он проскочил между ними полувольтом. Попутно полоснул по шее Рихтера, кровь брызнула даже на люстру, свисающую с потолка. Твердорук напал, маневрируя ножевыми финтами, но споткнулся о лежащего Роппа, на мгновение потерял равновесие. Геральт не дал ему его отыскать. Быстрым выпадом поразил его снизу в пах, и второй раз, сверху, в сонную артерию. Твердорук упал, свернувшись в клубок.

Господин Самса его удивил. Оставшись без правой руки, с истекающей кровью культей, он поднял левой рукой с пола мизерикордию. И бросился с ней на Лютика. Поэт закричал, но проявил присутствие духа. Упал со стула и оградился им от нападающего. А Геральт ничего больше господину Самсе сделать не позволил. Кровь вновь обрызгала потолок, люстру и торчащие из нее огарки свеч.

Лютик поднялся на колени, оперся лбом о стену, после чего его вырвало, весьма обильно и с брызгами.

В комнату ворвался Феррант де Леттенхоф, с ним несколько охранников.

— Что происходит? Что здесь произошло? Юлиан! Ты цел? Юлиан!

Лютик поднял руку, показывая жестом, что ответит через мгновение, потому что сейчас нет времени. Потом его снова вырвало.

Инстигатор приказал охранникам выйти, закрыл за ними дверь. Он осмотрел трупы, осторожно, чтобы не наступить на пролитую кровь, и следя, чтобы кровь, капающая с люстры, не запачкала ему дублет.

— Самса, Твердорук, Рихтер, — узнал он. — И капитан Ропп. Доверенные люди принца Эгмунда.

— Они выполняли приказы, — пожал плечами ведьмак, глядя на меч. — Так же, как и ты, покорно выполняли приказы. И ты не знал об этом. Подтверди, Феррант.

— Я ничего об этом не знал, — быстро заверил инстигатор и отступил, прислонившись спиной к стене. — Клянусь! Ты же не подозреваешь... Не думаешь...

— Если бы думал, ты был бы уже мертв. Я тебе верю. Они не покушались бы на жизнь Лютика.

— Я должен предупредить об этом короля. Боюсь, что для принца Эгмунда это может означать поправки и дополнения к обвинительному заключению. Ропп жив, мне кажется. Он даст показания...

— Сомневаюсь, что он будет в состоянии.

Инстигатор посмотрел на капитана, который лежал, выгнувшись, в луже мочи, у него обильно текли слюни, он все время дрожал.

— Что это с ним?

— Обломки носовой кости в мозгу. И, наверное, несколько осколков в глазных яблоках.

— Чрезмерно сильно ударил.

— Я именно так и хотел. — Геральт вытер лезвие меча стянутой со стола салфеткой, — Лютик, как ты там? В порядке? Можешь встать?

— В порядке, в порядке, — пробормотал Лютик. — Уже лучше. Намного лучше...

— Ты не похож на кого-то, кому лучше.

— Дьявол, я только что еле смерти избежал! — поэт встал, держась за комод. — Черт возьми, я в жизни так не боялся... У меня было впечатление, что в моей заднице дно порвется. И, что снизу из меня все вылетит, вплоть до зубов. Но когда я тебя увидел, я знал, что ты меня спасешь. То есть не знал, но сильно на это рассчитывал... Черт, сколько тут крови... Какая вонь! Боюсь, меня сейчас снова вывернет...

— Идем к королю, — сказал Феррант де Леттенхоф. — Дай мне свой меч, ведьмак... И приведи себя немного в порядок. Ты, Юлиан, останься...

— Ни за что. Даже на минуту не останусь здесь один. Я предпочитаю держаться Геральта.

*

Вход в королевскую приемную охраняли гвардейцы, но они узнали и пропустили инстигатора. У входа в личные покои дело пошло не так легко. Непреодолимым препятствием оказались герольд, два сенешаля и их свита из четырех громил.

— Король, — сказал герольд, — примеряет свадебный наряд. Он запретил его беспокоить.

— У нас важное дело, не терпящее отлагательств.

— Король категорически запретил ему мешать. А господину ведьмаку, кажется, приказано было покинуть дворец. Почему же тогда он все еще здесь?

— Я объясню это королю. Прошу нас пропустить!

Феррант оттолкнул герольда, пихнул сенешаля.

Геральт пошел вслед за ним. Но им удалось достичь только порога комнаты, встав за спинами нескольких столпившихся здесь придворных. Дальнейший путь им преградили громилы в кожаных кабатах, по приказу герольда прижав их к стене. Они были не очень

деликатными, однако, Геральт последовал примеру инстингатора и прекратил сопротивление.

Король стоял на низком табурете. Портной с булавками во рту подгонял на нем штаны. Рядом стоял маршал двора и кто-то одетый в черное, вроде бы нотариус.

— Сразу после свадебной церемонии, — говорил Белогун, — объявить, что наследником трона станет сын, которого родит мне моя новая женушка. Этот шаг должен обеспечить мне ее благосклонность и послушание, хе-хе. А также даст мне немного времени и покоя. Пройдет лет двадцать, пока этот говнюк достигнет возраста, в котором начинают что-то затевать.

— Но, — король поморщился и подмигнул маршалу, — если захочу, то отменю все и назначу преемником кого-то другого. В конце концов, это морганатический брак, дети от таких браков титулов не наследуют, не так ли? И кто может предсказать, сколько я с ней выдержу? Разве нет других девок на свете, красивее и моложе? Так что нужно будет написать соответствующие документы, брачный контракт или что-то в этом роде. Надеюсь на лучшее — быть готов к худшему, хе-хе-хе.

Камердинер подал королю поднос, на котором громоздились драгоценности.

— Убери, — поморщился Белогун. — Я не буду обвешиваться побрякушками, как фронт или выскочка. Только это надену. Это дар моей избранницы. Маленький, но со вкусом. Медальон с символом моей страны, мне надлежит носить такой символ. Это ее слова: символ страны на шее — благо страны в сердце.

Понадобилось какое-то время, чтобы припертый к стене Геральт смог сопоставить.

Кот, ударяющий лапой медальон. Золотой медальон на цепочке. Синяя эмаль, дельфин. *D'or, dauphin nageant d'azur, lorré, peautré, oreille, barbé et crété de gueules.*

Было слишком поздно, чтобы отреагировать. Он не успел даже крикнуть, предостеречь. Увидел, как золотая цепочка вдруг сжалась, затянулась на шее короля как удавка. Белогун покраснел, открыл рот, не смог ни вдохнуть, ни закричать. Обими руками он схватился за шею, пытаясь сорвать медальон или хотя бы просунуть под цепочку пальцы. Не удалось, цепочка глубоко врезалась в тело. Король свалился с табурета, заплясал, толкнул портного. Портной споткнулся, задохнулся, чуть не проглотил свои булавки. Повалился на нотариуса, упали оба. Белогун тем временем посинел, выкатил глаза, рухнул на пол, дернул несколько раз ногами, выпрямился. И замер.

— Помогите! Король упал в обморок.

— Врача! — заорал маршал. — Вызвать врача!

— Боги! Что случилось? Что случилось с королем?

— Врача! Живо!

Феррант де Леттенхоф приложил руку к виску. У него было странное выражение лица. Выражение лица человека, который медленно начинает понимать.

Короля положили на диван. Вызванный медик осматривал его долго. Геральта близко не подпускали, не позволяли взглянуть. Несмотря на это, он знал, что цепочка успела разжаться прежде, чем прибежал врач.

— Апоплексия, — заявил, выпрямившись, врач. — Вызванная удушьем. Тлетворные воздушные испарения проникли в тело и отравили гуморы. Причиной этого являются постоянные грозы, повышающие жар крови. Наука бессильна, ничего сделать нельзя. Наш добрый и милостивый король мертв. Расстался с этим миром.

Маршал закричал, закрыл лицо руками. Герольд обими руками схватился за берет. Кое-кто из придворных плакал. Некоторые преклонили колени.

Коридор и вестибюль вдруг заполнились эхом тяжелых шагов. В дверях появился гигант, человек семи футов роста, не меньше. В мундире гвардейца, но со знаками различия высшего ранга. Гиганта сопровождали люди с косынками на головах и с серьгами в ушах.

— Господа, — нарушил молчание гигант, — извольте пройти в тронный зал. Немедленно.

— В какой еще тронный зал? — возмутился маршал. — И зачем? Вы хоть представляете, господин де Сантис, что именно тут только что произошло? Какое несчастье

случилось? Вы не понимаете...

— В тронный зал. Это повеление короля.

— Король умер!

— Да здравствует король. В тронный зал, пожалуйста. Все. Немедленно.

В тронном зале, под морским орнаментом потолка с тритонами, русалками и гиппокампами собрались более десятка мужчин. У некоторых были на головах цветные косынки, на некоторых бескозырки с ленточками. Все были загорелыми, у всех были серьги в ушах.

Наемники. Догадаться было не трудно. Команда фрегата «Ахеронтия».

На троне, на возвышении сидел темноволосый и темноглазый мужчина с выдающимся носом. Он тоже был загорелым. Но серьги в ухе не носил.

Рядом с ним, на приставленном стуле, сидела Илдико Брекл, все еще в белоснежном платье и все еще обвешанная бриллиантами. Недавняя королевская невеста и возлюбленная смотрела на темноволосого мужчину глазами, полными обожания. Геральт уже давно пытался понять как ход событий, так и их причины, связать факты воедино и сложить одно с другим. Однако теперь, в этот момент, даже человек с очень ограниченной смекалкой мог видеть и понимать, что Илдико Брекл и темноволосый мужчина знакомы, и хорошо знакомы. И довольно давно.

— Принц Вираксас, князь Керака, минуту назад бывший наследником престола и короны, — объявил рокочущим баритоном гигант де Сантис. — В настоящий момент король Керака, законный правитель страны.

Первым поклонился, а затем опустил на одно колено маршал двора. За ним принес присягу герольд. Их примеру последовали сенешали, низко склонив голову. Последним, кто поклонился, был Феррант де Леттенхоф.

— Ваше Величество.

— Пока достаточно «Ваша Милость», — поправил Вираксас. — Полный титул будет принадлежать мне после коронации. С которой не следует медлить. Чем раньше, тем лучше. Правда, господин маршал?

Было очень тихо. Слышно было, как у кого-то из придворных бурчит в животе.

— Мой незабвенный отец скончался, — сказал Вираксас. — Он ушел к своим славным предкам. Оба моих младших брата, что меня не удивляет, обвинены в государственной измене. Процесс будет проходить согласно воле покойного короля, вина обоих братьев установлена, и по приговору суда они покинут Керак навсегда. На борту фрегата «Ахеронтия», нанятого мною... и моими влиятельными друзьями и покровителями. Покойный король, насколько мне известно, не оставил официального завещания или формальных распоряжений в отношении наследования. Я подчинился бы воле короля, если бы таковые распоряжения были. Но их нет. Право наследования короны теперь принадлежит мне. Есть ли кто-либо среди присутствующих, кто хотел бы это оспорить?

Таковых среди присутствующих не оказалось. Все присутствующие в достаточной мере были наделены разумом и инстинктом самосохранения.

— Тогда прошу начать приготовления к коронации, пусть этим займутся те, в чью компетенцию это входит. Коронация будет совмещена со свадьбой. Я решил возродить стародавний обычай королей Керака, закон, принятый много веков назад. Гласящий, что если жених умер до свадьбы, невеста должна выйти замуж за ближайшего неженатого родственника.

Илдико Брекл, как было видно по ее сияющему лицу, готова была возродить стародавний обычай хоть в ту же минуту. Другие собравшиеся молчали, тщетно пытаясь вспомнить, кто, когда и при каких обстоятельствах этот обычай установил. И каким образом этот обычай мог быть установлен много веков назад, если королевство Керак не просуществовало и ста лет. Наморщенные от умственных усилий лбы придворных, однако, быстро разгладились. Все как один пришли к правильному выводу. Потому что хоть коронация еще не состоялась, и Вираксас был пока только Его Милостью, он уже

практически являлся королем, а король всегда прав.

— Исчезни отсюда, ведьмак, — прошептал Феррант де Леттенхоф, вталкивая Геральту в руки его меч. — Забери с собой Юлиана. Исчезните оба. Вы ничего не видели, ничего не слышали. Чтобы никто вас со всем этим не связывал.

— Я понимаю, — Вираксас окинул собравшихся придворных взглядом, — и вполне осознаю, что у некоторых из присутствующих ситуация вызывает удивление. Что для некоторых изменения происходят слишком неожиданно и внезапно, а события разворачиваются слишком быстро. Я также не могу исключить возможность того, что у некоторых из присутствующих здесь происходящие события не укладываются в голове, и сложившееся положение дел им не по вкусу. Полковник де Сантис сразу принял правильное решение и присягнул мне на верность. Я ожидаю того же от остальных собравшихся.

— Начнем, — кивнул он, — с верного слуги моего незабвенного отца. Также выполнявшего и приказы моего брата, который покушался на жизнь отца. Начнем с королевского инстингатора господина Ферранта де Леттенхофа.

Инстингатор поклонился.

— Следствие тебя не обойдет, — объявил Вираксас. — Я выясню, какую роль ты играл в заговоре принцев. Заговор потерпел фиаско, и это говорит о бездарности заговорщиков. Ошибку можно простить, бездарность — нет. Тем более инстингатору, хранителю закона. Но это потом, начнем с основных вопросов. Приблизься, Феррант. Мы хотим, чтобы ты показал и доказал, кому ты служишь. Мы хотим, чтобы ты отдал нам надлежащую дань уважения. Преклонил колени у подножия трона. И поцеловал нашу королевскую руку.

Инстингатор послушно направился в направлении возвышения.

— Исчезни отсюда, — успел еще раз шепнуть он. — Исчезни как можно скорее, ведьмак.

*

Веселье в парке продолжалось своим чередом.

Литта Нейд сразу заметила кровь на манжете рубашки Геральта. Мозаик также заметила, но, в отличие от Литты, побледнела.

Лютик схватил с подноса у проходящего мимо пажа два бокала, выпил залпом один за другим. Схватил еще два, предложил дамам. Они отказались. Лютик выпил один, второй неохотно вручил Геральту. Коралл, прищурив глаза, уставилась на ведьмака, заметно напрягшись.

— Что случилось?

— Сейчас узнаешь.

С кампанилы раздались удары колокола. Он бил так зловеще, так мрачно и так печально, что пирующие гости замолкли.

На возвышение, похожее на эшафот, поднялись маршал двора и герольд.

— Исполненный горя и печали, — произнес в тишине маршал, — я должен сообщить вам, господа, печальную весть. Король Белогун Первый, наш любимый, добрый и милостивый владыка, по суровой воле судьбы внезапно скончался, покинул наш мир. Но короли Керака не умирают! Король умер, да здравствует король! Да здравствует Его Величество Король Вираксас! Первородный сын покойного короля, законный наследник престола и короны! Король Вираксас Первый! Трижды да здравствует! Да здравствует! Да здравствует!

Хор подхалимов, подлипал и жополизов подхватил крик. Маршал успокоил их жестом.

— Король Вираксас погружен в траур, как и весь двор. Праздник отменяется, гостей просят покинуть территорию дворца. Король планирует в ближайшее время свою собственную свадьбу, тогда праздник возобновится. Чтобы яства не пропали, король приказал отвезти их в город и выставить на рынке. Яствами также будут одарены жители Пальмиры. Для Керака наступает время счастья и благополучия.

— Что ж, — сказала Коралл, поправляя волосы. — Есть много правды в утверждении, что смерть жениха может серьезно нарушить свадебную церемонию. Белогун был не без изъянов, но и не самым худшим, пусть почит в мире, а земля будет ему пухом. Пошли отсюда. И без того уже стало скучно. А день такой хороший, погуляем по террасам, посмотрим на море. Поэт, будь любезен и подай руку моей ученице. Я пойду с Геральтом. Потому что у него есть, что мне сказать, я полагаю.

Было немного за полдень. Всего лишь. Не хотелось верить, что так много всего произошло за такое короткое время.

* * *

Глава Девятнадцатая

Воин умирает трудным способом. Его смерть должна бороться с ним. Воин не отдается смерти так просто.

Карлос Кастанеда, Колесо времени (Перевод К. Семенова и И. Старых)

— Эй! Смотрите! — вдруг воскликнул Лютик. — Крыса!

Геральт не отреагировал. Он хорошо знал поэта, знал, что тот имел обыкновение пугаться чего угодно, восхищаться чем угодно и искать сенсацию там, где абсолютно ничего не заслуживало называться сенсацией.

— Крыса! — не сдавался Лютик. — О, вторая! Третья! Четвертая! Вот дерьмо! Геральт, смотри!

Геральт вздохнул и посмотрел.

Подножие обрыва под террасой кишело крысами. Пространство между Пальмирой и взгорьем жило, двигалось, волновалось и попискивало. Сотни, а может, тысячи грызунов убегали из района порта и устья реки, устремляясь вверх вдоль частокола, на гору, в лес. Другие прохожие тоже заметили это явление, отовсюду раздавались крики удивления и страха.

— Крысы бегут из Пальмиры и порта, — решил Лютик, — потому что они боятся! Я знаю, что случилось! Наверное, к берегу причалил корабль крысоловов.

Никто не потрудился ответить. Геральт вытер пот с глаз, жара была страшная, горячий воздух затруднял дыхание. Он посмотрел на небо, прозрачное, без единого облачка.

— Идет шторм, — Литта высказала вслух то, что он думал. — Сильный шторм. Крысы это чувствуют. И я тоже чувствую. Чувствую это в воздухе.

И я тоже, подумал ведьмак.

— Буря, — повторила Коралл. — Буря идет с моря.

— Какая там буря? — обмахнулся Лютик шляпой. — Откуда? Погода как нарисованная, небо чистое, ни ветерка. Жаль, в такую жару хорошо бы ветерок. Морской бриз...

Не успел он окончить фразу, задул ветер. Легкий бриз нес запах моря, давал приятное облегчение, освежал. И быстро набирал силу. Флаги на мачтах, только что свисавшие печально и неподвижно, зашевелились, захлопали.

Небо на горизонте потемнело. Ветер усилился. Легкий шорох сменился на шум, шум перешел в свист.

Флаги на мачтах зашелестели и яростно захлопали. Заскрипели петушки на крышах и башнях, загрохотали и забренчали жестяные насадки на печных трубах. Захлопали ставни. Полетели облака пыли.

Лютик в последнюю минуту ухватил шляпу обеими руками, иначе она улетела бы с ветром.

Мозаик придержала платье, резкий порыв ветра задрал шифон высоко, почти до бедер.

Прежде чем она справилась с развеваемой ветром тканью, Геральт с удовольствием рассматривал ее ноги. Она заметила его взгляд. Глаз не опустила.

— Гроза... — Коралл, чтобы как-то говорить, вынуждена была отвернуться, ветер был уже такой, что заглушал слова. — Буря! Идет шторм.

— Боги! — закричал Лютик, который ни в каких богов не верил. — Боги! Что происходит? Это конец света?

Небо быстро темнело. А горизонт из темно-синего становился черным.

Ветер усиливался, ужасно свистя.

На рейде за мысом море вздымалось бурунами, волны ударялись о мол, разбрызгивая белую пену. Шум моря нарастал. Стало темно, как ночью.

Среди стоящих на рейде судов наблюдался переполох. Некоторые, в том числе почтовый клипер «Эхо» и новиградская шхуна «Пандора Парви» спешно ставили паруса, готовые бежать в открытое море. Остальные корабли паруса убрали, оставаясь на якорях. Геральт помнил некоторые из них, он наблюдал за ними с террасы виллы Коралл. «Алке», когда из Цидариса. «Фуксия», он не мог вспомнить, откуда. И галеоны: «Гордость Цинтры» под флагом с синим крестом. Трехмачтовый «Вертиго» из Лан Эксетера. Реданский «Альбатрос» длиной сто двадцать футов. Несколько других. В том числе фрегат «Ахеронтия» под черными парусами.

Ветер уже не свистел. Выл. Геральт увидел, как в районе Пальмиры поднимается в небо первая крыша и распадается в воздухе. Вторую долго ждать не пришлось. Третья. И четвертая. А ветер все усиливался. Хлопанье флагов перешло в беспрестанный треск, стучали ставни, градом падали черепица и водостоки, валились печные трубы, разбивались о мостовую цветочные горшки. Под напором вихря колокол на кампаниле начал бить отрывистым, испуганным, зловещим звоном.

А ветер дул, дул все сильнее. И гнал к берегу все большие волны. Шум моря нарастал, становился все громче. Вскоре это был уже не шум. Это была однообразный и глухой гул, будто грохот какой-то дьявольской машины. Волны росли, увенчанные белой пеной валы накатывались на берег. Земля под ногами дрожала. Ветер выл.

«Эху» и «Пандоре Парви» не удалось уйти. Они вернулись на рейд, бросили якоря.

Крики собравшихся на террасах людей зазвучали еще громче, наполнились удивлением и ужасом. Вытянутые руки указывали на море.

С моря шла большая волна. Колоссальная стена воды. Она вздымалась, казалось, так же высоко, как мачты галеонов.

Коралл схватила ведьмака за руку. Она что-то говорила, или, вернее, пыталась говорить, ветер начисто затыкал ей рот.

— ...бежать! Геральт! Мы должны бежать отсюда!

Волна обрушилась на порт. Люди кричали. Под напором массы воды мол разлетелся на обломки и щепки, взлетели балки и доски. Завалился док, поломались и упали стрелы и пилоны кранов. Стоящие у пристани лодки и баркасы взлетели вверх, как детские игрушки, как лодочки из коры, пускаемые уличными мальчишками в канавах. Стоящие ближе к пляжу домики и сараи просто смыло, от них не осталось и следа. Волна ворвалась в устье реки, сразу превратив его в адский котел. Из затопленной Пальмиры бежали толпы людей, большинство направлялись к Верхнему Городу, к сторожевой башне. Эти выжили. Некоторые выбрали в качестве пути к спасению берег реки. Геральт видел, как их поглотила вода.

— Вторая волна! — заорал Лютик. — Вторая волна!

Да, была вторая. А потом третья. Четвертая. Пятая. И шестая. Стены воды обрушились на рейд и порт.

Волны с ужасной силой ударяли по кораблям, стоящим на якорю, те дико дергались на якорных цепях, Геральт видел, как с палуб падают люди.

Повернутые носами против ветра корабли храбро сражались. Некоторое время. Теряли мачты, одну за другой. Потом волны стали их накрывать. Они исчезали в пене и появлялись,

исчезали и появлялись.

Первым перестал появляться почтовый клипер «Эхо». Он просто исчез. Через некоторое время та же участь постигла и «Фуксию», галера просто развалилась. Натянутая якорная цепь разорвала корпус «Алке». Когда в мгновение ока исчезла в бездне. Нос и форкастель «Альбатроса» оторвались под напором волн, разрушенный корабль пошел на дно, как камень. Якорь «Вертиго» сорвался, галеон затанцевал на гребне волны, повернулся и разбился о волнорез.

«Ахеронтия», «Гордость Цинтры», «Пандора Парви» и два неизвестных Геральту галеона подняли якоря, волны понесли их к берегу. Маневр только с виду был отчаянно самоубийственным. Капитаны могли выбрать или верную гибель на рейде или рискованную попытку входа в устье реки.

Неизвестным галеонам не повезло. Ни одному из них не удалось даже принять правильное направление. Оба разбились о пирс.

«Гордость Цинтры» и «Ахеронтия» тоже не слушались руля. Они столкнулись друг с другом, сцепились вместе, волны прижали их к набережной и разнесли в щепки. Остальное поглотила вода.

«Пандора Парви» танцевала и прыгала на волнах, как дельфин. Но держала курс, ее несло прямо в бурлящее, как котел, устье Адалатте. Геральт слышал крики людей, подбодряющих капитана.

Коралл закричала, указывая рукой.

Шла седьмая волна.

Преыдушие, высотой с мачту корабля, Геральт оценил примерно в пять — шесть саженей, то есть от тридцати до сорока футов. Та, что шла с моря теперь, закрывала все небо, она была вдвое выше.

Убегающие из Пальмиры люди, которые столпились у сторожевой башни, начали кричать. Ветер опрокинул их, швырнул на землю, прижал к частоколу.

Волна обрушилась на Пальмиру. И просто стерла ее, смыла с лица земли. Вода в мгновение ока достигли частокола, заливая прижатых к нему людей. Принесенная волной масса бревен ударила по частоколу, выламывая столбы. Завалилась и поплыла сторожевая башня.

Неудержимый водный таран ударил в скалу. Холм затрясло так, что Лютик и Мозаик упали, а Геральт с огромным трудом удержал равновесие.

— Надо бежать! — закричала Коралл, вцепившись в балюстраду. — Геральт! Бежим отсюда! Идет следующая волна!

Волна обрушилась на них, затопила. Люди с террасы, те, кто не убежали раньше, побежали сейчас. Они бежали среди криков, выше, как можно выше, на гору, к королевскому дворцу. Мало кто остался. Геральт распознал среди них Равенгу и Антею Деррис.

Люди кричали, причитали. Волны размыли обрыв справа от них, под участком вилл. Первая вилла сложилась, как карточный домик, и соскользнула по склону, прямо в прибой. За первой пошла вторая, третья и четвертая.

— Город разваливается! — взвыл Лютик. — Рассыпается!

Литта Нейд подняла руку. Проскандировала заклинание. И исчезла. Мозаик вцепилась в руку Геральта. Лютик закричал.

Вода была уже под ними, под террасой. А в воде были люди. Сверху им подавали палки, багры, бросали веревки, вытаскивали. Рядом с ними крепко сложенный мужчина прыгнул в водоворот, вплавь бросился спасти тонущую женщину.

Мозаик закричала.

Ведьмак увидел пляшущую на волнах часть крыши домика. И цепляющихся за крышу детей. Трех детей. Он стащил меч со спины.

— Держи, Лютик.

Сбросил свой жакет. И прыгнул в воду.

Это не было обычное плавание, и обычных навыков пловца было здесь мало. Волны

мотали его вверх, вниз и в стороны, бросали в него вертящиеся в водовороте балки, доски и мебель, напирющие массы дерева угрожали раздавить в лепешку. Когда он, наконец, доплыл и схватился за крышу, он был уже сильно побитым. Крыша прыгала и вертелась на волнах, как волчок.

Малыши ревели на разные голоса.

Трое, подумал он. Я никак не могу взять всех троих.

Рядом со своим плечом он почувствовал чье-то плечо.

— Двоих! — Антея Деррис выплюнула воду, схватила одного из детей. — Бери двоих!

Это было не так просто. Мальчика он стянул, зажал под мышкой. Девочка в панике вцепилась в стропила так сильно, что он долго не мог разжать ее ручку. Ему помогла волна, залившая и накрывшая их. Захлебнувшаяся девочка отпустила стропила, Геральт зажал ее под другой подмышкой. А потом они втроем начали тонуть. Дети булькали и дергались. Геральт боролся.

Сам не зная каким образом, но вынырнул. Волна прижимала его к стене террасы, сбивая дыхание. Детей он не выпустил. Люди сверху кричали, пытаясь помочь, подать что-то, за что можно ухватиться. Не получилось. Водоворот оторвал их и понес. Он столкнулся с кем-то, это была Антея Деррис с девочкой на руках. Она боролась, но видно было, что из последних сил, с трудом удерживая над водой голову ребенка и свою.

Рядом всплеск, тяжелое дыхание. Мозаик. Она выхватила у него одного из детей, поплыла. Он увидел, как ее ударила принесенная волной балка. Закричала, но ребенка не выпустила.

Волны снова бросили их на стену террасы. На этот раз люди наверху были готовы, принесли даже лестницу, висели на ней с протянутыми руками. Они взяли у них детей. Он видел, как Лютик хватает и втягивает на террасу Мозаик.

Антея Деррис смотрела на него. У нее были красивые глаза. Она улыбнулась.

Волна ударила их кучей бревен. Большими столбами, вырванными из частокола.

Один столб угодил в Антею Деррис и припер ее к террасе. Антея выплюнула кровь. Много крови. Затем свесила голову на грудь и исчезла под водой.

Геральта ударили два столба, один в плечо, другой в бедро. Удары парализовали его, все онемело сразу же и полностью. Он захлебнулся и пошел ко дну.

Кто-то схватил его железной болезненной хваткой, потянул вверх к сверкающей поверхности. Он протянул руку, почувствовал мощный, твердый как скала бицепс. Силач работал ногами, разгонял воду как тритон, свободной рукой он отталкивал плавающие вокруг бревна и вертящихся в хаосе утопленников. Они вынырнули недалеко от террасы. Наверху крики, аплодисменты. Протянутые руки.

Через минуту он лежал в луже воды, кашляя, плюясь и рыгая на каменные плиты террасы. Рядом стоял на коленях Лютик, бледный, как бумага. С другой стороны Мозаик.

Тоже без румянца. И с дрожащими руками. Геральт уселся с трудом.

— Антея?

Лютик покачал головой и отвернулся. Мозаик опустила голову на колени. Он видел, как трясется ее спина.

Рядом сидел спаситель. Силач. Точнее, силачка. Беспорядочная щетина на остриженной наголо голове. Живот как зашнурованный рулет. Плечи, как у борца. Икры, как у дискометателя.

— Я обязан тебе жизнью.

— А, чего там... — комендантша кордегардии беспечно махнула рукой. — Не о чем говорить. А вообще-то ты мудака, и у нас на тебя зуб, у меня и у девочек, за ту драку. Так что лучше нам на глаза не попадайся, а то мы тебе жопу надерем. Понял?

— Понял.

— Но надо признать, — комендантша энергично сплюнула, вытряхнула воду из уха, — что мудака из тебя смелый. Смелый ты засранец, Геральт из Ривии.

— А ты? Как тебя зовут?

— Виолетта, — сказала комендантша и вдруг потемнела. — А она? Которая...

— Антея Деррис.

— Антея Деррис, — повторила она, кривя губы. — Жаль.

— Жаль.

На террасе появилось много людей, стало тесно. Было уже не страшно, посветлело, ветер прекратился, флаги обвисли. Волны ослабели, вода отступила. Оставляя разруху и руины. И трупы, по которым уже лазили крабы.

Геральт с трудом поднялся. Каждое движение и каждый глубокий вдох отдавался тупой болью в боку.

Ужасно болело колено. Оба рукава были оторваны, он не помнил, когда именно их потерял. Кожа на левом локте, правом плече и, видимо, на лопатке была сорвана до живого мяса. Из множества мелких порезов текла кровь. В целом ничего серьезного, ничего такого, что должно волновать.

Солнце пробилось сквозь тучи, засияли блики на утихающем море. Сверкала крыша маяка на краю мыса, маяка из белого и красного кирпича, реликта времен эльфов. Реликта, который уже пережил не один такой шторм. И, похоже, не один еще переживет.

Преодолев сейчас уже спокойное, хотя и сильно захламленное плавающим мусором устье реки, на рейд выходила шхуна «Пандора Парви», под всеми парусами, как на параде. Толпа приветствовала ее.

Геральт помог встать Мозаик. На девушке тоже осталось совсем немного одежды. Лютик подал ей свой плащ, чтобы прикрыться. И многозначительно закашлял.

Перед ними стояла Литта Нейд. С медицинской сумкой через плечо.

— Я вернулась, — сказала она, глядя на ведьмака.

— Нет, — возразил он. — Ушла.

Она посмотрела на него. Холодными, чужими глазами. И тут же сосредоточила взгляд на чем-то очень далеком, расположенном очень далеко за правым плечом ведьмака.

— Значит, ты вот так хочешь это разыграть, — холодно сказала она. — Такие воспоминания оставить. Что ж, воля твоя, твой выбор. Хотя стиль мог бы выбрать чуть менее патетический. Тогда прощай. Я собираюсь оказывать помощь раненым и нуждающимся в ней. Тебе, очевидно, моя помощь не нужна. И я тоже. Мозаик!

Мозаик покачала головой. Взяла Геральта под руку. Коралл фыркнула.

— Даже так? Хочешь так? Таким образом? Что ж, воля твоя. Твой выбор. Прощайте.

Она повернулась и ушла.

*

В толпе, которая начала собираться на террасе, появился Фебус Равенга. Он, видимо, принимал участие в спасении, потому что мокрая одежда висела на нем клочьями. Какой-то услужливый человек подошел и подал ему шляпу. Вернее, то, что от нее осталось.

— Что теперь? — спросил кто-то из толпы. — Что теперь, господин советник?

— Что теперь? Что делать?

Равенга посмотрел на них. Долго смотрел. Потом выпрямился, выжал шляпу и надел на голову.

— Хоронить мертвых, — сказал он. — Заботиться о живых. И начинать отстраиваться.

*

Ударил колокол на кампаниле. Как будто хотел отметить, что он сохранился. Что хоть многое изменилось, кое-что остается неизменным.

— Пойдем отсюда. — Геральт достал из-за воротника мокрые водоросли. — Лютик? Где мой меч?

Лютик ахнул, указывая на пустое место под стеной.

— Минуту назад... Минуту назад они были тут! Твой меч и твой жакет! Украли! Курва их мать! Украли! Эй, люди! Тут был меч! Пожалуйста, верните! Люди! Ах вы, сукины дети! Чтоб вас разорвало!

Ведьмаку вдруг стало плохо. Мозаик поддержала его. Плохо дело, подумал он. Плохо дело, если девушка должна меня поддерживать.

— Меня тошнит от этого города, — сказал он. — От всего, что в нем есть. И того, что он из себя представляет. Идем отсюда. Как можно скорее. И как можно дальше.

* * *

Интерлюдия

Двенадцать дней спустя

Фонтан тихонько поплескивал, от чаши фонтана пахло мокрым камнем. Пахло цветами, пахло плющом, ползущим по стенам патио. Пахло яблоками из патеры, стоящей на мраморном столике. Два бокала запотели от охлажденного вина.

За столом сидели две женщины. Две чародейки. Если бы поблизости случайно оказалась какая-нибудь художественно одаренная личность, полная живописного воображения и способная к лирическим аллегориям, ей нетрудно было бы представить обеих. Пламенно-рыжая Литта Нейд в киноварно-зеленом платье была похожа на закат солнца в сентябре. Йеннифэр из Венгерберга, черноволосая, одетая в сочетание черного с белым, навела на мысль о декабрьском утре.

— Большинство соседних вилл, — нарушила молчание Йеннифэр, — лежит в развалинах у подножия скалы. А твоя невредима. Даже ни одной черепицы с нее не упало. Везучая ты, Коралл. Советую подумать о покупке лотерейных билетов.

— Священники, — улыбнулся Литта Нейд, — не стали бы называть это везением. Они сказали бы, что это защита богов и небесных сил. Боги простирают свою защиту над праведными и хранят добродетельных. Награждают честных и порядочных.

— Конечно. Награждают. Если захотят и окажутся поблизости. Твое здоровье, подруга.

— Твое здоровье, подруга. Мозаик! Налей госпоже Йеннифэр. Ее бокал пуст.

— Что касается виллы, — Литта взглядом выпроводила Мозаик, — ее можно купить. Продаю, потому что... Потому что мне нужно уезжать. Аура Керака перестала мне служить.

Йеннифэр подняла брови. Литта не заставила себя ждать.

— Король Вираксас, — сказала она с еле слышной насмешкой, — начал свое правление с новых королевских указов. — *Primo*, день его коронации объявляется в королевстве Керак государственным праздником и нерабочим днем. *Secondo*, он объявил амнистию... для уголовников, политические продолжают сидеть, притом без права на свидания, а также переписки. *Tertio*, поднимаются на сто процентов пошлины и портовые сборы. *Quarto*, в течение двух недель Керак должны покинуть все нелюди и полукровки, вредящие экономике страны и лишаящие работы людей чистой крови. *Quinto*, в Кераке запрещается заниматься любой магией без разрешения короля, и магам не позволено владеть землей или недвижимостью. Проживающие в Кераке чародеи должны избавиться от недвижимости и получить лицензию. Или покинуть королевство.

— Замечательный акт благодарности, — фыркнула Йеннифэр. — А говорят, что именно чародеи усадили Вираксаса на трон. Что они организовали и финансировали его возвращение. И помогли взять власть.

— Верно говорят. Вираксас щедро заплатит за это Капитулу, для этого, собственно, он и поднимает пошлину и также рассчитывает на конфискацию имущества нелюдей. Указ касается меня лично, ни один другой чародей не владеет в Кераке домом. Это месь Илдику Брекк. А также месь за оказанную местным женщинам медицинскую помощь, которую советники Вираксаса считают безнравственной. Капитул в моем случае мог бы оказать

давление, но он этого не сделает. Капитулу недостаточно полученных от Вираксаса торговых привилегий, доли в верфях и морских компаниях. Он продолжает переговоры и не намерен ослаблять свою позицию. Поэтому мне, объявленной *persona non grata*, придется эмигрировать в поисках новых пастбищ.

— Что, я полагаю, ты сделаешь без особого сожаления. Думаю, что при нынешних властях у Керака нет больших шансов победить в конкурсе на самое приятное место под солнцем. Эту виллу продашь, купишь другую. Хотя бы в Лирии, в горах. Лирийские горы сейчас в моде. Многие чародеи переехали туда, потому что там хорошо, и налоги разумные.

— Не люблю горы. Предпочитаю море. Не волнуйся, я найду себе какую-нибудь пристань без особых проблем, при моей-то специальности. Женщины есть везде, и все они во мне нуждаются. Пей, Йеннифэр. Твое здоровье.

— Мне все подливаешь, а сама едва губы мочишь. Ты что, нездорова? Выглядишь ты не очень.

Литта театрально вздохнула.

— Последние дни были трудные. Дворцовый переворот, эта страшная буря, ах... И еще утренняя тошнота... Я знаю, после первых трех месяцев она пройдет. Но это же еще целых два месяца...

В наступившей тишине, можно было услышать жужжание осы, которая кружила над яблоком.

— Ха-ха, — нарушила молчание Коралл. — Я пошутила. Жаль, что ты не можешь увидеть своего лица. Попалась! Ха-ха.

Йеннифэр смотрела на верхнюю часть стены, поросшую плющом. И долго туда смотрела.

— Попалась на розыгрыш, — ехидничала Литта. — Бьюсь об заклад, что у тебя сразу же заработало воображение. Признайся, ты сразу связала мое благословенное состояние с... Не строй мин, не надо. Новости должны были до тебя добраться, слухи распространяются, как круги на воде. Но будь спокойна, в слухах нет ни крупицы правды. Шансов забеременеть у меня не больше, чем у тебя, ничего в этом отношении не изменилось. А с твоим ведьмаком у меня исключительно деловые отношения. Профессиональные вопросы. Ничего более.

— Ах.

— Люди есть люди, они любят сплетни. Если видят женщину с мужчиной, тут же делают из этого любовный роман. Ведьмак, я признаю, бывал у меня довольно часто. И нас действительно видели вместе в городе. Но это было, повторяю, связано только с деловыми интересами.

Йеннифэр отставила бокал, поставила локти на стол, соединила кончики пальцев, сложив руки домиком. И посмотрела рыжеволосой чародейке в глаза.

— *Primo*, — Литта слегка кашлянула, но не опустила глаз, — я никогда не сделала бы ничего подобного подруге. *Secondo*, твой ведьмак мной совершенно не заинтересовался.

— Не заинтересовался? — Йеннифэр подняла брови. — В самом деле? Чем это объяснить?

— Может быть, — Коралл слегка улыбнулась, — его перестали интересовать женщины пожилого возраста? Независимо от их нынешней внешности? Может, он хочет по-настоящему молодую? Мозаик! Иди сюда. Ты только посмотри, Йеннифэр. Цветущая юность. И совсем недавно — невинность.

— Она? — надулась Йеннифэр. — Он с ней? С твоей ученицей?

— Ну, Мозаик. Пожалуйста. Расскажи нам о твоём любовном приключении. Нам очень интересно послушать. Мы обожаем романы. Истории несчастной любви. Чем несчастней — тем лучше.

— Госпожа Литта... — девушка вместо того, чтобы покраснеть, мертвенно побледнела. — Пожалуйста... Вы ведь меня уже за это наказали... Сколько раз можно наказывать за одну и ту же провинность? Не заставляйте меня...

— Рассказывай!

— Оставь, Коралл, — махнула рукой Йеннифэр. — Не мучай ее. К тому же не слишком это интересно.

— Вот в это я не верю, — Литта Нейд ухмыльнулась. — Ну ладно, прощу девушку, в самом деле, я ее уже наказала, вину ей простила и позволила продолжать учебу. И меня уже не забавляет, как она бормочет свои признания. Вкратце: она влюбилась в ведьмака и сбежала с ним. А он, когда она ему надоела, попросту ее бросил. Однажды утром она проснулась в одиночестве. Постель от любовника остыла и след его простыл. Он ушел, потому что должен был. Развеялся как дым. Унесло ветром.

Мозаик, хотя это казалось невозможным, побледнела еще сильнее. Ее руки дрожали.

— Оставил цветы, — тихо сказала Йеннифэр. — Букет цветов. Правда?

Мозаик подняла голову. Но не ответила.

— Цветы и письмо, — повторила Йеннифэр.

Мозаик молчала. Но румянец медленно возвращался на ее лицо.

— Письмо, — сказала Литта Нейд, испытующе глядя на девушку. — О письме ты мне не говорила. Не упоминала об этом.

Мозаика сжала губы.

— Так вот почему, — с внешним спокойствием закончила Литта. — Вот почему ты вернулась, хотя могла ожидать наказания более сурового, гораздо более сурового, чем то, которое получила в результате. Именно он велел тебе вернуться. Если бы не это, ты бы не вернулась.

Мозаик не ответила. Йеннифэр также молчала, накручивая на палец черный локон. Вдруг она подняла голову, посмотрела в глаза девушке. И улыбнулась.

— Он велел тебе вернуться ко мне, — сказала Литта Нейд. — Он велел тебе вернуться, хотя мог представить, что может тебя ожидать с моей стороны. Этого от него, должна признаться, я не ожидала.

Фонтан поплескивал, пахло мокрым камнем. Пахло цветами, пахло плющом.

— Тут он меня удивил, — повторил Литта. — Не ожидала такого от него.

— Потому что ты его не знала, Коралл, — спокойно ответила Йеннифэр. — Ты его совсем не знала.

* * *

Глава Двадцатая

*What you are I cannot say;
Only this I know full well –
When I touched your face today
Drifts of blossom flushed and fell.*

Siegfried Sassoon

Мальчишка конюх получил полкроны уже с вечера, лошади были оседланы и ждали. Лютик зевнул и почесал затылок.

— О боги, Геральт... Нам действительно нужно так рано? Ведь еще темно...

— Не темно. В самый раз. Солнце взойдет примерно через час.

— Целый час, — Лютик взобрался в седло мерина. — Я бы лучше этот час поспал...

Геральт прыгнул в седло, подумал, дал конюху еще полкроны.

— Сейчас август, — сказал он. — От восхода до заката около четырнадцати часов. Я хотел бы за это время уехать как можно дальше.

Лютик зевнул. И как будто только сейчас заметил неоседланную кобылу в яблоках, стоящую в стойле за перегородкой. Кобыла махнула головой, словно желая напомнить о себе.

— Погоди, — встрепенулся поэт. — А она? Мозаик?

— Она с нами дальше не поедет. Мы расстаемся.

— Как? Не понял... Можешь объяснить...

— Не могу. Не сейчас. В дорогу, Лютик.

— Ты уверен, что знаешь, что делаешь? И полностью осознаешь?

— Нет. Не полностью. Ни слова больше, не хочу об этом сейчас говорить. Едем.

Лютик вздохнул. Послал мерина вперед. Оглянулся и снова вздохнул. Он был поэтом.

Поэтому имел право вздыхать, когда захочет.

Постоялый двор «Тайна и шепот» вполне приятно выглядел на фоне зари, в туманном предрассветном сиянии. Казалось, что это утонувший в мальвах, опутанный вьюнком и плющом дворец фей, лесной храм тайной любви. Поэт задумался.

Еще раз вздохнул, зевнул, кашлянул, сплюнул, завернулся в плащ и погнал лошадь. Через несколько минут размышления остались позади. Геральт был уже едва виден в тумане.

Ведьмак ехал быстро. И не оглядывался назад.

*

— Пожалуйста, вот вино, — хозяин поставил на стол фаянсовый кувшин. — Сидр из Ривии, как вы хотели. А еще жена просила узнать, как вы находите свининку?

— Мы находим ее среди каши, — ответил Лютик. — Время от времени. Не так часто, как хотелось бы.

Трактир, до которого они добрались под конец дня, назывался, о чем гласила красочная вывеска, «Под кабаном и оленем». Однако это была единственная предлагаемая заведением дичь, в меню она не значилась. Местным фирменным блюдом была каша с кусками жирной свинины и густым луковым соусом. Лютик, видимо из принципа, немного покрутил носом на слишком плебейскую в его понимании пищу. Геральт не жаловался. Поскольку свинину обвинить было не в чем, соус был сносным, а каша доваренная — именно это последнее удавалось кухаркам далеко не в каждом придорожном трактире. Могло быть хуже, тем более что выбор был ограничен. Геральт настаивал на том, что за день надо проехать как можно больше, поэтому в ранее встреченных трактирах останавливаться не хотел.

Не только для них, как выяснилось, трактир «Под кабаном и оленем» оказался конечным пунктом дневного путешествия. Одну из лавок у стены занимали проезжие купцы. Купцы были современные, в отличие от закоснелых они не брезговали слугами, и не считали позорным есть вместе с ними за одним столом. Современность и толерантность имели, конечно, свои пределы — купцы занимали один край стола, слуги — другой, демаркационную линию было легко заметить. Это касалось и блюд. Слуги ели свинину с кашей, на чем специализировалась местная кухня, запивая выдохшимся пивом. Господа купцы получили по цыпленку и несколько бутылей вина.

За столом напротив, под чучелом кабаньей головы, ужинала пара: светловолосая девушка и пожилой мужчина. Девушка была одета богато, очень строго, вовсе не по-девичьи. Мужчина походил на чиновника, но далеко не самого высокого ранга. Пара вместе ужинала, вела довольно оживленный разговор, но это было недавнее и скорее случайное знакомство, о чем можно было сделать вывод из поведения чиновника, настойчиво заискивающего перед девушкой в явной надежде на что-то большее, что девушка принимала с вежливостью, однако сохраняя при этом довольно ироническое выражение.

Одну из коротких лавок занимали четыре жрицы. Странствующие целительницы, которых было легко узнать по серым одеждам и скрывающим волосы плотным капюшонам. Их трапеза была, как заметил Геральт, более чем скромной, что-то вроде ячменной каши без подливки. Жрицы никогда не требовали платы за лечение, исцеляли всех и задаром, обычай требовал предоставлять им в обмен за это, если они попросят, стол и ночлег. Хозяин «Кабана и оленя» обычай знал, но, видимо, собирался отделаться с наименьшими затратами.

На соседней лавке, под оленьими рогами, располагались трое местных жителей за бутылкой ржаной водки, явно не первой. Более или менее удовлетворив основную потребность, они начали искать развлечений. И, разумеется, быстро их нашли. Жрицам не

повезло. Хотя, наверное, они уже к подобному привыкли.

Стол в углу комнаты занимал только один гость. К тому же этот стол был скрыт в тени. Гость, как подметил Геральт, не ел и не пил. Он сидел неподвижно, прислонившись спиной к стене.

Трое местных не унимались, их направленные в адрес жриц насмешки и шутки становились все более грубыми и непристойными. Жрицы вели себя стоически, просто не обращая на это внимания. Местных, по-видимому, это начинало раздражать, особенно по мере убывания водки в бутылке. Геральт начал быстрее работать ложкой. Он решил набить пьяницам морды, но не хотел, чтобы остыла каша.

— Ведьмак Геральт из Ривии.

В углу, в тени, вдруг вспыхнул огонь.

Сидящий за столом в одиночестве мужчина, поднял руку над столешницей. С его пальцев выстрелили волнуемые язычки пламени. Мужчина поднес руку к стоящему на столе подсвечнику, зажег по очереди все три свечи. Дал им хорошо себя осветить.

У него были серые, как пепел, волосы, на висках перемешанные с белоснежными прядями. Мертвенно-бледное лицо. Крючковатый нос. И ярко-желтые глаза с вертикальными зрачками.

На шее, вытасненный из-под рубашки, блестел в свете свечей серебряный медальон.

Голова оскалившего зубы кота.

— Ведьмак Геральт из Ривии, — повторил мужчина в тишине, которая настала в комнате. — На пути в Вызиму, как я полагаю? За наградой, обещанной королем Фольтестом? За двумя тысячами оренгов? Я верно угадал?

Геральт не ответил. Даже не шелохнулся.

— Не спрашиваю, знаешь ли ты, кто я. Потому что наверняка знаешь.

— Немного вас осталось, — спокойно ответил Геральт. — Так что вычислить нетрудно. Ты Брэн. Также известный как Кот из Йелло.

— Очень приятно, — фыркнул мужчина с кошачьим медальоном. — Знаменитый Белый Волк соизволил знать мое имя. Большая честь. То, что ты собираешься украсть мою награду, я, вероятно, тоже должен почитать за честь? Я должен уступить первенство, поклониться и извиниться? Как в волчьей стае, отойти от добычи и ждать, виляя хвостом, пока вожак стаи не насытится? И любезно соизволит оставить объедки?

Геральт молчал.

— Я не уступлю тебе первенства, — продолжил Брэн по прозвищу Кот из Йелло. — И не поделюсь. Ты не поедешь в Вызиму, Белый Волк. Ты не украдешь мою награду. Говорят, Весемир вынес мне приговор. У тебя есть возможность его исполнить. Выйдем из трактира. На площадь.

— Я не буду с тобой драться.

Мужчина с кошачьим медальоном выскочил из-за стола так стремительно, что расплылся в глазах. Блеснул схваченный со стола меч. Мужчина ухватил одну из жриц за капюшон, стянул ее с лавки, бросил на колени и приставил клинок к ее горлу.

— Ты будешь драться со мной, — холодно сказал он, глядя на Геральта. — Выйдешь на площадь прежде, чем я досчитаю до трех. В противном случае, кровь жрицы забрызгает эти стены, потолок и мебель. А потом я зарежу остальных. По очереди. Никому не двигаться! Никому даже не шевелиться!

В трактире наступила тишина, тишина глухая и полная. Все замерли. И смотрели с открытыми ртами.

— Я не буду драться с тобой, — тихо сказал Геральт. — Но если обидишь эту женщину — умрешь.

— Один из нас умрет, это точно. Там, на площади. Но скорее всего это буду не я. Говорят, у тебя украли твои знаменитые мечи. А новых, как я вижу, ты не обеспокоился приобрести. Поистине огромную нужно иметь спесь, чтобы собраться украсть чью-то награду, перед этим не вооружившись. Или, может быть знаменитый Белый Волк настолько

хорош, что ему не нужна сталь?

Скрипнул отодвигаемый стул. Светловолосая девушка встала. Она взяла со стола продолговатый сверток. Положила его перед Геральтом и отступила на свое место, сев рядом с чиновником.

Он знал, что это. Еще до того, как развязал ремешки и развернул войлок.

Меч из сидеритовой стали, общая длина сорок с половиной дюймов, длина клинка — двадцать семь с четвертью. Вес тридцать семь унций. Рукоять и гарда выполнены просто, но элегантно.

Второй меч — такой же длины и веса — серебряный. Частично, конечно. Чистое серебро слишком мягкое, чтобы его можно было хорошо заточить. На гарде и по всей длине клинка рунические знаки и символы.

Языковеды Пирала Пратта не смогли их прочесть, тем самым показав низкий уровень своих знаний. Древние руны образовывали надпись: *Dubhenn haern am glandeal, morch am fhean aiesin*. Мой блеск разрежет тьму, мой свет развеет мрак.

Геральт встал. Выхватил из ножен стальной меч. Свободным и непрерывным движением. Он не смотрел на Брэна. Смотрел на клинок.

— Отпусти женщину, — тихо сказал он. — Сейчас же. Иначе ты умрешь.

Рука Брэна дернулась, по шее жрицы побежала струйка крови. Жрица даже не застонала.

— Мне нужны деньги, — прошипел Кот из Йелло. — Эта награда должна быть моей!

— Отпусти женщину, я сказал. Иначе я тебя убью. Не на площади, а здесь, на месте.

Брэн сгорбился. Он тяжело дышал. Его глаза злобно блестели, губы отвратительно кривились. Костяшки пальцев, сжатых на рукояти, побелели. Вдруг он отпустил жрицу, оттолкнул ее. Люди в трактире задрожали, будто пробудились от кошмарного сна. Поплыли вздохи и глубокие вдохи.

— Придет зима, — с надрывом сказал Брэн. — А мне, в отличие от некоторых, негде зимовать. Уютный и теплый Каэр Морхен не для меня!

— Нет, — ответил Геральт. — Не для тебя. И ты прекрасно знаешь, по какой причине.

— Каэр Морхен только для вас, добрых, праведных и справедливых, да? Сраные лицемеры. Вы точно такие же убийцы, как и мы, ничем от нас не отличаетесь!

— Уходи, — сказал Геральт. — Оставь это место и ступай своей дорогой.

Брэн спрятал меч. Выпрямился. Когда он шел через зал, его глаза изменились. Зрачки заполнили собой всю радужку.

— Это ложь, — сказал Геральт, когда Брэн проходил мимо, — что Весемир якобы вынес тебе приговор. Ведьмаки не воюют с ведьмаками, не скрещивают мечи друг с другом. Но если когда-нибудь повторится то, что произошло в Йелло, если я узнаю о чем-то подобном... Тогда я сделаю исключение. Я найду тебя и убью. Отнесись к предупреждению всерьез.

Глухая тишина в зале трактира длилась еще несколько минут после того, как за Брэном захлопнулась дверь. Полный облегчения вздох Лютика в этой тишине показался довольно громким. Вскоре после этого началось движение. Местные пьяницы потихоньку смылись, даже не допив свою водку до конца. Купцы сдержались, хотя притихли и побледнели, однако приказали слугам покинуть стол, очевидно, дав указание тщательно охранять телеги и лошадей, подвергающихся опасности, когда поблизости находятся такие темные личности.

Жрицы перевязали раненую шею своей коллеги, поблагодарили Геральта молчаливыми поклонами и удалились на отдых, вероятно, на сеновал — было сомнительно, чтобы хозяин предоставил им кровати в спальном комнате.

Геральт поклоном и жестом пригласил за стол блондинку, которая передала ему мечи. Она воспользовалась приглашением очень охотно, и без всякого сожаления покинула своего бывшего компаньона, того чиновника, оставив его с угрюмым выражением на лице.

— Меня зовут Тициана Фреви, — представилась она, подавая Геральту руку и по-

мужски пожимая его руку. — Приятно познакомиться.

— И мне очень приятно.

— Было немного нервно, да? Вечера в придорожных гостиницах, как правило, скучны, а сегодня было интересно. В какой-то момент я даже немного начала бояться. Но мне кажется, это были такие мужские игры? Дуэль на тестостеронах? Или взаимное сравнение, у кого длинней? Реальной угрозы не было?

— Не было, — соврал он. — В основном из-за мечей, которые нашлись благодаря тебе. Спасибо за них. Только я никак не пойму, каким образом они к тебе попали.

— Это должно было остаться секретом, — легко пояснила она. — Мне было поручено тихо и тайно подбросить эти мечи, а потом исчезнуть. Но условия внезапно изменились. Я вынуждена была, поскольку этого потребовала ситуация, отдать тебе оружие лично, с открытым забралом, если так можно выразиться. Отказаться от объяснений теперь было бы просто неприлично. Поэтому от объяснений не отказываюсь, беру на себя ответственность за раскрытие тайны. Мечи получены мной от Йеннифэр из Венгерберга. Это произошло в Новиграде, две недели назад. Я двимвеандра. С Йеннифэр я встретила случайно, у мэтрессы, у которой я только что закончила стажировку. Когда она узнала, что я направляюсь на юг, и когда моя мэтресса поручилась за меня, госпожа Йеннифэр доверила мне эту миссию. И дала рекомендательное письмо к знакомой магичке в Мариборе, у которой я намерена сейчас стажироваться.

— Как... — Геральт проглотил слюну. — Как она поживает? Йеннифэр? У нее все в порядке?

— В полном порядке, я думаю, — Тициана Фреви посмотрел на него из-под ресниц. — С ней все прекрасно, выглядит так, что позавидуешь. И я завидую, если честно.

Геральт поднялся. Подошел к хозяину трактира, который от страха чуть не потерял сознание.

— Ну, не стоило... — скромно сказала Тициана, когда через минуту хозяин поставил перед ними бутылку Эст-Эст, самого дорогого белого вина из Туссента. И несколько дополнительных свечей, воткнутых в горлышки пустых бутылок.

— Право, мне очень неудобно, — добавила она, когда через мгновение на столе появились блюда, одно с ломтиками вяленой ветчины, второе — с копченой форелью, третье — с разными сырами. — Ты излишне тратишься, ведьмак.

— Есть повод. И есть отличная компания.

Она поблагодарила кивком головы. И улыбкой. Милой улыбкой.

После окончания школы магии каждая чародейка ставилась перед выбором. Она могла остаться в школе в качестве ассистента мэтрессы. Могла попросить любую из независимых чародейек-магистров взять ее к себе в качестве постоянного стажера. Или выбрать дорогу двимвеандры.

Система была заимствована из цехов. Во многих из них получивший звание подмастерья ученик обязан совершить странствие, во время которого он устраивался на временную работу в различные мастерские и к разным мастерам, то тут, то там, и, наконец, через несколько лет возвращался, чтобы держать экзамен на звание мастера. Различия, однако, были. Вынужденные скитаться и не находящие работы подмастерья слишком часто заглядывали в глаза голоду, и странствие часто превращалось в бродяжничество. Двимвеандрами становились по собственной воле и желанию, и Капитул чародейек учредил для странствующих магичек специальный стипендиальный фонд — как слышал Геральт, довольно значительный.

— Этот страшный тип, — присоединился к разговору поэт, — он носил медальон, похожий на твой. Это был один из Котов, правда?

— Правда. Не хочу об этом говорить, Лютик.

— Пресловутые Коты, — поэт обратился к чародейке. — Ведьмаки, но не удавшиеся. Неудачная мутация. Безумцы, психопаты и садисты. Котами они прозвали себя сами, потому что они в самом деле как коты: агрессивные, жестокие, непредсказуемые и своенравные. А

Геральт, как обычно, преуменьшает, чтобы нас успокоить. Потому что угроза была, и большая. Это чудо, что обошлось без рубки, крови и трупов. Была бы резня, как в Йелло четыре года назад. В любой момент я ожидал...

— Геральт попросил не говорить об этом, — прервала его Тициана Фреви, вежливо, но твердо. — Уважим его желание.

Он посмотрел на нее с симпатией. Она казалась ему приятной. И привлекательной. Даже очень привлекательной.

Чародейкам, как он знал, красоту подправляют, престиж профессии требует, чтобы магичка вызывала восхищение. Но приукрашивание никогда не бывало идеальным, всегда что-то оставалось. Тициана Фреви не была исключением. На ее лбу, чуть ниже линии волос, было несколько едва заметных следов оспы, перенесенной, вероятно, в детстве, когда у нее еще не было иммунитета. Линию красивого рта немного портил маленький волнистый шрам над верхней губой. Геральт неизвестно который раз почувствовал злость, злость на свое зрение, на глаза, позволяющие замечать такие несущественные подробности, мелкие детали, которые, в конце концов, были ничем по сравнению с тем, что Тициана сидела с ним за одним столом, пила Эст-Эст, ела копченую форель и улыбалась ему. Ведьмак, на самом деле, видел и знал очень мало женщин, красоту которых можно было считать безупречной, шансы же, что какая-либо из них будет ему улыбаться, он имел основания считать нулевыми.

— Он говорил о награде... — Лютика, когда он усаживался на какую-то тему, было трудно отклонить в сторону. — Кто-нибудь из вас знает, о чем речь? Геральт?

— Понятия не имею,

— А я знаю, — похвалилась Тициана Фреви. — Удивляюсь, что вы до сих пор не слышали, потому как дело громкое. Фольтест, король Темерии, назначил эту самую награду. За снятие проклятия с его дочери, которая заколдована. Укололась веретеном и уснула вечным сном, бедняжка, по слухам, она лежит в гробу в замке, заросшем боярышником. По другим слухам, гроб ее стеклянный и помещен на вершине стеклянной горы. Еще говорят, что она превращена в лебедя. А иные говорят, что в ужасное чудовище, в упырицу. В результате проклятия, потому что принцесса является плодом кровосмесительной связи. Сплетни эти, предположительно, придумал и распространяет Визимир, король Редании, у которого территориальные конфликты с Фольтестом, он серьезно с ним поссорился и из кожи лезет вон, чтобы ему напакостить.

— Это и в самом деле похоже как вымысел, — сказал Геральт. — Основанный на сказке или легенде. Заколдованная и превращенная в чудовище принцесса, проклятие как наказание за инцест, награда тому, кто ее расколдует. Классика и банальность. Тот, кто это выдумал, не слишком напрягался.

— Дело, — добавила двимвендра, — имеет очевидный политический подтекст, поэтому Капитул запретил чародеям участвовать в нем.

— Сказка или нет, но тот самый Кот в нее поверил, — рассудил Лютик. — Очевидно, что он спешил в Вызиму именно к той заколдованной принцессе, чтобы снять проклятие и заполучить обещанную королем Фольтестом награду. Заподозрил, что Геральт тоже туда собирается и захотел его опередить.

— Он ошибался, — сухо ответил Геральт. — Я не собираюсь в Вызиму. Я не намерен совать нос в политической котел. Это работа в самый раз для такого, как Брэн, который, как он сам сказал, в ней нуждается. Я не нуждаюсь. Мечи нашлись, заказывать новые не нужно. Средства к существованию у меня есть. Благодаря чародеям Риссберга...

— Ведьмак Геральт из Ривии?

— Да, — Геральт смерил взглядом стоявшего рядом чиновника с угрюмым выражением лица. — А кто спрашивает?

— Это несущественно, — чиновник задрал голову и надул щеки, стараясь казаться важным. — Существенным является судебный иск. Каковой настоящим вам вручаю. При свидетелях. В соответствии с законом.

Чиновник вручил ведьмаку свиток бумаги. После чего вышел, не преминув одарить

Тициану Фреви взглядом, полным презрения.

Геральт сломал печать, развернул свиток.

— *Datum ex Castello Rissberg, die 20 mens. Jul. anno 1245 post Resurrectionem*, — прочел он. — В городской суд Горс Велена. Истец: независимая коллегия Комплекса Риссберг. Ответчик: Геральт из Ривии, ведьмак. Предмет иска: возврат суммы в размере 1000 (одной тысячи) новиградских крон. Мы просим, *primo* : обязать ответчика Геральта из Ривии вернуть сумму в тысячу новиградских крон вместе с надлежащими процентами. *Secundo* : возложить на ответчика оплату судебных издержек в пользу предьявителя иска в соответствии с установленными правилами. *Tertio* : вынести решение о немедленном исполнении. Основание: ответчик обманом получил от истца, независимой коллегии Комплекса Риссберг сумму в тысячу новиградских крон. Доказательство: копии банковских переводов. Платеж был выдан как аванс за работу, которую ответчик никогда не выполнял и по своему злому умыслу выполнять не намеревался... Свидетели: Бирута Анна Маркетт Икарти, Аксель Мигель Эспарза, Иго Тарвикс Сандовал... Ублюдки.

— Я вернула эти мечи, — Тициана опустила глаза. — И тут же накликала проблемы на твою голову. Этот служака меня выследил. Сегодня утром он подслушал, как я расспрашивала о тебе на паромной пристани. И сразу после этого прицепился ко мне, как репей к собачьему хвосту. Теперь я знаю, почему. Этот иск — моя вина.

— Тебе понадобится адвокат, — нахмурился Лютик. — Но я не советую тебе брать госпожу защитницу из Керака. Она годится только вне зала суда.

— Про адвоката можно забыть. Обратили внимание на дату иска? Бьюсь об заклад, что уже прошли слушания и приговор вынесен заочно. И что уже конфисковали мой счет.

— Я очень извиняюсь, — сказала Тициана. — Это моя вина. Прости меня.

— Не за что извиняться, ты не виновата. А Риссберг вместе с судами пусть подавятся. Уважаемый хозяин! Еще бутыль Эст-Эст, если можно!

*

Вскоре они остались единственными гостями в зале. Трактирщик, демонстративно зевая, давал им понять, что пора бы заканчивать. Первой пошла к себе Тициана, за ней вскоре последовал Лютик.

Геральт не пошел в комнатку, которую они занимали вместе с поэтом. Вместо этого он тихонько постучал в дверь Тицианы Фреви. Она открыла сразу же.

— Я ждала, — пробормотала она, потянув его внутрь. — Знала, что ты придешь. А если бы не пришел, я пошла бы тебя искать.

*

Она, должно быть, усыпила его магией, иначе он, конечно, проснулся бы, когда она выходила. А вышла, скорее всего, до рассвета, еще в темноте. От нее остался запах. Нежный аромат ириса и бергамота. И чего-то еще. Розы?

На столике, на его мече, лежал цветок. Роза. Одна из белых роз, росших в вазоне перед трактиром.

*

Никто не помнил, чем было это место, кто его построил, кому и для чего оно служило. За трактиром, в долине, остались руины древнего сооружения, когда-то большого и, вероятно, богатого архитектурного ансамбля. От зданий не осталось практически ничего, остатки фундаментов, заболоченные ямы, валяющиеся тут и там каменные блоки. Остальное разобрали и разграбили. Строительный материал был дорог, ничего не должно пропадать.

Они вошли под остатки разрушенного портала, некогда впечатляющей арки, ныне

выглядевшей как виселица; впечатление усиливал плющ, свисающий, как отрезанная петля. Они пошли по аллейке, проложенной под деревьями. Деревья были засохшими, искалеченными и уродливыми, как будто угнетенными тяжестью висящего над этим местом проклятия. Аллейка вела к саду. Или, скорее, к тому, что некогда было садом. Кусты барбариса, дрока и вьющихся роз, вероятно, когда-то декоративно подстриженные, нынче представляли собой дикую и беспорядочную путаницу ветвей, колючих лоз и сухих стеблей. Из-под этой путаницы выглядывали остатки статуй и скульптур, выполненных преимущественно в полный рост. Остатки были настолько ничтожны, что невозможно было даже приблизительно определить, кого или что статуи изображали. Не то, чтобы это имело какое-то значение. Статуи были прошлым. Они не сохранились а, значит, перестали существовать. Остались руины, и они, похоже, будут существовать долго, руины вечны.

Руины. Памятник разрушенному миру.

— Лютик.

— Что?

— В последнее время все, что могло пойти плохо, пошло плохо. И мне кажется, что это я все испортил. К чему бы я в последнее время ни прикоснулся, все шло не так.

— Тебе так кажется?

— Мне так кажется.

— Но это вовсе нет так. Объяснений не жди. Мне надоело объяснять. А теперь жалей себя молча, если можно. Я сейчас творю, твои стенания меня отвлекают.

Лютик присел на рухнувшую колонну, сдвинул шляпу на затылок, положил ногу на ногу, подкрутил колки лютни.

Мигнула свеча, и огонь наш погас

Внезапно коснулся нас ветер прохладный...

И в самом деле, подул ветер, внезапный и сильный. Лютик перестал играть. И громко вздохнул.

Ведьмак обернулся.

Она стояла в конце аллейки, между разбитым цоколем неузнаваемой статуи и спутанными кустами засохшего кизила. Высокая, в облегающем платье. С сероватыми пятнами на голове, характерными скорее для корсаков, чем для черно-бурых лисиц. С острыми ушами и удлиненной мордой.

Геральт не шелохнулся.

— Я обещала, что приду, — в лисьей пасти блеснули ряды клыков. Когда-нибудь. Этот день настал.

Геральт не шелохнулся. На спине он чувствовал знакомую тяжесть обоих своих мечей, тяжесть, которой ему не хватало целый месяц. Которая обычно давала спокойствие и уверенность. Сегодня, в эту минуту, тяжесть была только ношей.

— Пришла... — агуара сверкнула клыками. — Сама не знаю, зачем пришла. Может, чтобы попрощаться. Может, чтобы позволить ей проститься с тобой.

Из-за лисицы появилась худенькая девочка в облегающем платье. Ее бледное и неестественно неподвижное лицо все еще было наполовину человеческим. Но, пожалуй, уже больше лисьим, нежели человеческим. Изменения происходили быстро.

Ведьмак покачал головой.

— Ты вылечила... оживила ее? Нет, это невозможно. А значит, она была жива там, на корабле. Жива. Притворилась мертвой.

Агуара громко залаяла. Ему понадобилось время, чтобы понять, что это был смех. Что лисица смеется.

— Когда-то мы могли многое. Иллюзии волшебных островов, пляшущих в небе драконов, видимость огромного войска, приближающегося к стенам города... Когда-то, давно. Теперь мир изменился, наши способности уменьшились... а мы измельчали. Мы уже

больше лисицы, чем агуары. Но все же, даже самая маленькая, даже самая молодая лиса способна одурачить иллюзией ваши примитивные человеческие чувства.

— Впервые в жизни, — сказал он через минуту, — я рад, что меня обманули.

— Неправда, что ты все сделал плохо. А в награду ты можешь коснуться моего лица.

Он кашлянул, глядя на острые зубы.

— Хм...

— Иллюзия это то, о чем ты думаешь. Чего боишься. И о чем мечтаешь.

— Что?

Лисица тихонько гавкнула. И изменилась.

Темные, фиалковые глаза, пылающие на бледном, треугольном лице. Локоны цвета воронова крыла, волнующиеся как буря, каскадом ниспадающие на плечи, блестели, отражая свет, как павлиньи перья, извивались и волновались при каждом движении. Губы, чудесно узкие и бледные под помадой. На шее черная бархотка, на бархотке обсидиановая звезда, искрящаяся и рассыпающая вокруг тысячи отблесков.

Йеннифэр улыбнулась. Ведьмак коснулся ее щеки. И тогда сухой кизил расцвел.

А потом подул ветер, тряхнул куст. Мир исчез за занавесом кружащихся белых лепестков.

— Иллюзия, — услышал он голос агуары. — Все иллюзия.

*

Лютик закончил петь. Но не отложил лютию. Он сидел на обломке поваленной колонны. Смотрел в небо.

Геральт сидел рядом. Он размышлял о разных вещах. Укладывал в себе разные вещи. Вернее, пытался уложить. Строил планы. В большинстве совершенно нереальные. Он пообещал себе всякое. Сильно сомневаясь, что какие-либо из этих обещаний он сможет сдержать.

— А вот ты, — вдруг сказал Лютик, — никогда не хвалишь мои баллады. Сколько я сложил и спел их при тебе. А ты ни разу мне не сказал: «Это было здорово. Хочу, чтобы ты сыграл ее еще раз». Ни разу этого не сказал.

— Согласен. Я не говорил, что хотел бы. Хочешь знать, почему?

— Почему?

— Потому что не хотел.

— Это такая жертва? — не сдавался бард. — Неужто так трудно? Скажи: «Сыграй это еще раз, Лютик. Сыграй „Время рекою“».

— Сыграй это еще раз, Лютик. Сыграй «Время рекою».

— Ты сказал это совершенно неискренне.

— Ну и что? Ты ведь и так сыграешь.

— А чтобы ты знал.

*Мигнула свеча и огонь наш погас
Внезапно коснулся нас ветер прохладный
Так время рекою
Так дни чередую
Неслышно, незримо затронули нас*

*Раз мы еще вместе, то что-то же нас
с тобою связало, пусть даже случайно
Ведь время рекою
Ведь дни чередую
Неслышно незримо несут вместе нас*

*Нам память о прошлом дана не на час
Дороги храним мы в душе безвозвратно
Хоть время рекою
Хоть дни чередую
Их тихо незримо скрывают от нас*

*Поэтому милая мы еще раз
с тобой в унисон пропоем триумфально
Пусть время рекою
Пусть дни чередую
Неслышно, незримо влекут дальше нас¹*

Геральт поднялся.

— Пора в дорогу, Лютик.

— Да? А куда?

— А не все ли равно?

— В принципе, да. Поехали.

* * *

Эпилог

На пригорке белели остатки зданий, превратившиеся в руины так давно, что уже полностью заросли. Плющ опутал стены, молодые деревца пробились сквозь разбитый фундамент. Это была — Нимуэ знать этого не могла — древняя святыня, обитель жрецов какого-то забытого божества. Для Нимуэ это были просто руины. Куча камней. И дорожный указатель. Знак того, что она идет в правильном направлении.

Потому что сразу же за пригорком и руинами дорога разветвлялась. Один путь вел на запад, через вересковую пустошь. Второй, ведущий на север, скрывался в густом и темном лесу. Углублялся в черную чашу, тонул в тусклом сумраке, расплывался в нем.

И это была ее дорога. На север. Через печально известный Соичий лес.

Сказки, которыми пытались напугать ее в Ивало, Нимуэ уже совсем не волновали, во время своего путешествия она сталкивалась с чем-нибудь подобным многократно; каждая местность имела свой страшный фольклор, местные страхи и ужасы, предназначенные для запугивания приезжих. Нимуэ уже пугали русалками в озерах, берегинями в реках, вихтами на перекрестках и призраками на кладбищах. Каждый второй мостик должен быть жилищем троллей, каждая вторая группа кривых верб — хатка упыря. Нимуэ наконец привыкла, повседневные страхи перестали быть страшными. Но она не знала, как избавиться от странного беспокойства, охватывающего ее перед входом в темный лес, на узкую дорожку между курганами во мгле или на тропинку среди окутанных туманом трясин.

Сейчас, перед темной стеной леса, она вновь ощущала прежнее беспокойство, мурашки на шее и сухость во рту.

Дорога наезженная, все время мысленно повторяла она, вся в рытвинах от телег, разбита копытами лошадей и волов. Что с того, что этот лес выглядит страшно, это не какая-то дикая чаща, это используемый тракт, ведущий в Дорьян, проходящий через последний участок леса, который уцелел от топоров и пил. Многие здесь ездят, многие здесь ходят. Я тоже пройду. Я не боюсь.

Я — Нимуэ вэрх Вледир аэп Гвин.

Вырва, Гуадо, Сибелл, Бругге, Кастерфурт, Мортара, Ивало, Дорьян, Анхор, Горс

---

¹ Балладу Лютика перевел и сложил Алексей Зарудный из града Киева, за что ему огромное спасибо!

Велен.

Оглянулась — а вдруг кто-то подъезжает. Было бы, веселее в компании, подумала она. Но тракт, как назло, именно сегодня, именно сейчас не хочет быть используемым. Он был просто вымершим.

Выхода не было. Нимуэ откашлялась, поправила узелок на плече, крепко сжала дорожный посох. И вошла в лес.

В древостое преобладали дубы, вязы и старые, сросшиеся вместе грабы, были также сосны и лиственницы. Низом завладел густой подлесок, спутавшиеся вместе боярышники, орешники, черемухи и жимолость. Такой подлесок обычно кишит лесными птицами, однако в этом лесу стояла зловещая тишина. Нимуэ шла, уперев глаза в землю. Она вздохнула с облегчением, когда в какой-то момент где-то в глубине леса застучал дятел. Есть тут еще что-то живое, подумала она, я не совсем одна.

Она остановилась и резко повернулась. Не увидела никого и ничего, а мгновение назад она была уверена, что за ней кто-то следует. Чувствовала, что за ней наблюдают. Тайно следят. Страх сжал ей горло, дрожь прошла по спине.

Ускорила шаг. Лес, как ей показалось, начал редеть, сделалось светлее и зеленее, потому что в древостое стала преобладать береза. Еще один поворот, еще два, лихорадочно думала она, еще немного, и лес кончится. Я оставлю этот лес позади вместе с тем, кто за мной крадется. И пойду дальше.

Вырва, Гуадо, Сибелл, Бругге...

Она даже не услышала шороха, движение уловила краем глаза. Из гущи папоротников вырвалось серое, плоское, многоногое и невероятно быстрое существо. Нимуэ закричала, увидев щелкающие щипцы, большие как косы. Ноги с торчавшими шипами и щетинками. Множество глаз, окружающих голову, как корона.

Она ощутила сильный толчок, который снес ее с ног и резко отбросил. Рухнула спиной на упругие ветки орешника, уцепилась за них, готовая вскочить и бежать. Замерла, глядя на происходящую на дороге дикую пляску.

Многоногий монстр прыгал и вертелся, вертелся невероятно быстро, размахивая ногами и щелкая страшными жвалами. А вокруг него еще быстрее, так быстро, что даже расплывался в глазах, танцевал человек. Вооруженный двумя мечами.

На глазах окаменевшей от страха Нимуэ в воздух взлетела сперва одна, потом вторая, потом третья отрубленная нога. Удары мечей посыпались на плоское туловище, из которого брызнули потоки зеленой слизи.

Чудовище сопротивлялось и нападало, наконец, диким прыжком бросилось в лес, чтобы убежать. Далеко не убежало. Человек с мечами догнал его, наступил ногой, с размаху пригвоздил к земле ударами двух клинков сразу. Тварь долго молотила по земле щупальцами, и, наконец, замерла.

Нимуэ прижала руки к груди, пытаясь таким образом успокоить колотящееся сердце. Она увидела, как ее спаситель склонился над убитым монстром, как ножом отдирает что-то с его панциря. Как вытирает лезвия мечей и прячет их в ножны за спиной.

— Все хорошо?

С некоторым опозданием до Нимуэ дошло, что это у нее спрашивают. Но она так и не смогла ни подать голос, ни выбраться из орешника. Ее спаситель не спешил вытаскивать ее из куста, и ей пришлось в итоге выбираться самой. Ноги дрожали так, что едва стояла. Сухость во рту никак не проходила.

— Плохая идея — прогулка через лес в одиночку, — сказал спаситель, подходя ближе.

Он откинул капюшон, его белоснежные волосы аж засияли в лесном полумраке. Нимуэ чуть не закричала, непроизвольным движением приложив ко рту кулаки. Это невозможно, подумала она, это абсолютно невозможно. Наверное, это мне снится.

— Но теперь, — продолжил беловолосый, держа в руке и рассматривая почерневшую и покрытую пятнами металлическую пластину. — Теперь здесь можно будет ходить безопасно. Так что мы здесь имеем? IDR UL Ex IX 0008 BETA. Ха! Тебя-то как раз не

хватало для ровного счета, восьмерка. Но теперь счет закрыт. Как ты себя чувствуешь, девочка? Ох, извини. Во рту пустыня, да? Язык, как деревянный? Знаю, знаю. На-ка, хлебни.

Она взяла дрожащими руками поданную ей флягу.

— Куда направляешься?

— В Д... До... До...

— До?

— До... Дорьян. Что это было? Это... там?

— Идеальное произведение. Шедевр номер восемь. Впрочем, неважно, что это было. Важно, что это уже перестало существовать. А ты кто? Куда ты идешь?

Она кивнула головой, проглотила слюну. И решилась. Она сама подивилась своей отваге.

— Я... Я — Нимуэ вэрх Вледир эп Гвинн. Иду из Дорьяна в Анхор, а оттуда в Горс Велен. В Аретузу, школу чародеек на острове Танедд.

— Ого. А откуда идешь?

— Из деревни Вырва. Через Гуадо, Сибелл, Бругге, Кастерфурт...

— Знаю этот маршрут, — перебил он ее. — Ты чуть ли не полсвета обошла, Нимуэ дочь Вледира. В Аретузе тебе должны зачесть за это баллы на вступительном экзамене. Но скорее всего не зачтут. Высокую цель ты себе поставила, девочка из деревни Вырва. Очень высокую. Пойдем со мной.

— Добрый... — Нимуэ еще неуверенно ставила ноги.

— Добрый господин...

— Да?

— Спасибо за спасение.

— Ты тоже заслуживаешь благодарности. Уже довольно много дней я здесь высматриваю кого-то вроде тебя. Те, кто раньше здесь проходили, шли большими группами, шумно и с оружием, на таких наш шедевр номер восемь не отваживался нападать, не высовывал носа из укрытия. Ты его оттуда выманила. Даже на большом расстоянии он мог распознать легкую добычу. Того, кто идет в одиночку. И небольшого. Не обижайся.

До опушки леса было, как выяснилось, рукой подать. За ней, возле одинокой группы деревьев, ждала лошадь беловолосого. Гнедая кобыла.

— До Дорьяна, — сказал беловолосый, — отсюда около сорока миль. Для тебя три дня пути. Три с половиной, считая остаток сегодняшнего дня. Ты об этом знаешь?

Нимуэ вдруг почувствовал эйфорию, нивелирующую оцепенение и другие последствия перенесенного страха. Это сон, подумала она. Похоже, это мне снится. Потому, что этого не может быть наяву.

— Что с тобой? Ты хорошо себя чувствуешь?

Нимуэ набралась мужества.

— Эту кобылу... — от волнения она с трудом выговаривала слова. — Эту кобылу зовут Плотва. Потому что так зовут каждую твою лошадь. Потому что ты — Геральт из Ривии. Ведьмак Геральт из Ривии.

Он смотрел на нее долго. Молчал. Нимуэ также молчала, уставившись в землю.

— Какой сейчас год?

— Тысяча триста... — она подняла удивленные глаза. — Тысяча триста семьдесят третий от Возрождения.

— Если так, — беловолосый вытер лицо рукой в перчатке, — то Геральта из Ривии уже давно нет в живых. Он умер сто пять лет назад. Но я думаю, что он был бы рад, если... Он был бы рад, что спустя эти сто пять лет люди его помнят. Что помнят, кем он был. Ба, помнят даже имя его лошади. Да, думаю, он был бы рад... Если бы он мог знать об этом. Пойдем. Я провожу тебя.

Долго они шли молча. Нимуэ кусала губы. Пристыженная, она решила больше ничего не говорить.

— Впереди, — прервал напряженную тишину беловолосый, — перекресток и тракт.

Дорога на Дорьян. Доберешься спокойно...

— Ведьмак Геральт не умер! — выпалила Нимуэ. — Он просто ушел, ушел в Страну Яблонь. Но он вернется... Вернется, потому что так гласит легенда.

— Легенды. Сказки. Байки. Сказания и предания. Я мог бы догадаться, Нимуэ из деревушки Вырва, идущая в школу чародеек на острове Танедд. Ты не отважилась бы на такое безумное путешествие, если бы не легенды и сказки, на которых ты выросла. Но это всего лишь сказки, Нимуэ. Только сказки. Ты уже слишком далеко ушла от дома, чтобы этого не понимать.

— Ведьмак вернется с того света! — не сдавалась она. — Он вернется, чтобы защищать людей, когда снова разгуляется Зло. Пока будет существовать тьма, до тех пор будут необходимы ведьмаки. А тьма все еще существует!

Он долго молчал, глядя в сторону. Наконец повернулся к ней лицом. И улыбнулся.

— Тьма все еще существует, — подтвердил он. — Несмотря на достижения прогресса, который, как нас заставляют верить, должен рассеять тьму, устранить угрозы и прогнать страхи. До сих пор прогресс крупных успехов в этом деле не достиг. До сих пор прогресс только твердит нам, что тьма это всего лишь омрачающее свет суеверие, что ее нечего бояться. Но это неправда. Есть чего бояться. Потому что всегда, всегда будет существовать тьма. И всегда во тьме будет Зло, всегда во тьме будут клыки и когти, убийство и кровь. И всегда будут необходимы ведьмаки. И пусть они всегда являются именно туда, где они необходимы. Туда, откуда доносится крик о помощи. Туда, откуда их призывают. Пусть являются по зову с мечом в руке. С мечом, блеск которого разрежет тьму, свет которого развеет мрак. Славная сказка, правда? И хорошо кончается, как и должна кончаться каждая сказка.

— Но... — она запнулась. — Но ведь сто лет... Как это возможно, чтобы... Как это возможно?

— Такие вопросы, — перебил он ее, по-прежнему с улыбкой, — не позволительно задавать будущей адептке Аретузы. Школы, где учат, что нет ничего невозможного. Потому что все, что невозможно сегодня, станет возможным завтра. Такой девиз должен виднеться над входом в школу, которая скоро станет твоей школой. Счастливого пути, Нимуэ. Прощай. Здесь мы расстанемся.

— Но... — она почувствовала внезапное облегчение, и слова потекли рекой. — Но я хотела бы узнать... Узнать больше. О Йеннифэр. О Цири. О том, как на самом деле закончилась та история. Я читала... Я знаю легенду. Я знаю все. О ведьмаках. О Каэр Морхене. Я знаю даже названия всех ведьмачьих Знаков! Пожалуйста, расскажи мне...

— Здесь мы расстанемся, — мягко прервал он ее. — Перед тобой дорога к твоему предназначению. Передо мной совершенно иной путь. Рассказ продолжается, история никогда не заканчивается. Что же касается Знаков... Есть такой, которого ты не знаешь. Он называется Сомн. Взгляни на мою руку.

Она взглянула.

— Иллюзия, — услышала она откуда-то, очень издалека. — Все иллюзия.

— Эй, девочка! Не спи, а то обворуют!

Она подняла голову. Протерла глаза. И вскочила с земли.

— Я заснула? Спала?

— Еще как! — засмеялась с козлов воза полная женщина. — Как камень! Как убитая! Дважды я тебя окликала, а ты ничегошеньки. Я уже хотела слезать с воза... Ты одна? Чего ж ты так осматриваешься? Ищешь кого?

— Человека... с белыми волосами... Он был здесь... Или, может... Я сама уже не знаю...

— Никого я тут не видела, — ответила женщина.

Из-за ее спины, из-под брезента, высунули головки двое ребятишек.

— Я гляжу, ты в пути, — женщина указала глазами на узелок и дорожную палку Нимуэ. — Я в Дорьян еду. Хочешь, подвезу. Если тебе в ту сторону.

— Спасибо, — Нимуэ взобрался на козлы. — Огромное спасибо.

— Но! — женщина щелкнула вожжами. — Тогда едем! Лучше уж ехать, чем пешкодралом, так? Ох, видать крепко ты притомилась, раз тебя так в сон сморило, что прямо у самой дороги спать улеглась. Дрыхла ты, скажу я тебе...

— Как камень, — вздохнула Нимуэ. — Знаю. Я очень устала и заснула. А перед этим у меня был...

— Ну? Что было?

Она оглянулась. Позади был черный лес. Впереди дорога, меж рядами ив. Дорога к предназначению.

Рассказ продолжается, подумала она. История никогда не заканчивается.

— У меня был удивительный сон.